

NOVOGARDIA № 1 (13) 2022

январь-март

ISSN 2686-8474

Международный исторический рецензируемый журнал, посвященный истории и исторической географии средневековой Руси с IX по XVII вв.

Учредители журнала:

Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание»;
Несин Михаил Александрович

Издательство не несет ответственность за уникальность материалов

Редакционная коллегия:

Главный редактор Несин Михаил Александрович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Заместитель главного редактора Молочников Александр Михайлович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Ответственный секретарь Подвальнов Евгений Дмитриевич, ЮФУ (Ростов-на-Дону, Россия)

Редакционный совет:

Бобров Леонид Александрович, д. и. н., НГУ (Новосибирск, Россия);
Богданов Андрей Петрович, д. и. н., ИРИ РАН (Москва, Россия);
Гайденко Павел Иванович, д. и. н., Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия);
Дубровский Александр Михайлович, д. и. н., БГУ (Брянск, Россия);
Козлов Михаил Николаевич, д. и. н., СевГУ (Севастополь, Россия);
Павлов Андрей Павлович, д. и. н., СПбГУ, СПбИИ РАН (Санкт-Петербург, Россия);
Багрин Егор Андреевич, к. и. н., Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург, Россия);
Гордиенко Дмитрий Сергеевич, к. и. н., Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАНУ, Национальный заповедник «София Киевская» (Киев, Украина);
Илюшин Борис Анатольевич, к. и. н., НГУ (Нижний Новгород, Россия);
Кузьмин Андрей Валентинович, к. и. н., РГГУ (Москва, Россия);
Кулешов Вячеслав Сергеевич, к. и. н., Stockholms universitet (Стокгольм, Швеция);
Плавинский Николай Александрович, к. и. н., МГЭУ им. А. Д. Сахарова (Минск, Республика Беларусь)

Корректурa:

Дрозд А. В.

Верстка:

Дизайн обложки:

Белова А. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Губарев О. Л. Fresiti «Баварского географа»	4
Гордиенко Д. С. Этногенез восточных славян в концепциях А. А. Шахматова.	19
Зеленов А. В. Термин «этнос и русская история».	37
Комаров О. В. Хронология набегов казанцев 1521-1549 гг.	55
Жуков А. Е. Репрезентация политических институтов в памятниках русской исторической книжности XVI в.: правление Елены Глинской	97
Фролов Д. В. И твои, великого государя, ратные люди тех воровских казаков побили и живых поимали...» Саранск в крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина 1670-71 гг..	154
Подвальнов Е. Д. «Вооружень аки воинь...»: к вопросу о (не)каноничном оружии в русском иконописании (по материалам XVII – рубежа XVII и XVIII вв.).	167

РЕЦЕНЗИИ

Аряев Л. Н. Кто и как изобрел норманнский вопрос. (Рец. на: Верхотуров Д. Н. Три века споров о варягах. Летописи и варяги. М.: Вече, 2020. 320 с.)	176
Несин М. А., Молочников А. М. Еще раз к вопросу о хронологии болховского похода крымского хана Девлет-Гирея I осенью 1565 г. и об организации этой кампании (отзыв на статью: Белов Н. В., Белова А. Б. Поход Девлет-Гирея I на русские земли и оборона Болхова в октябре 1565 г. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 13. Нижневартовск, 2021. С. 779-804).	197

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

Богданов А. П. Беляевский летописец 1696 г. в своде Степенной книге с Новым летописцем на 130 глав.	229
Список сокращений.	264

• СТАТЬИ •

УДК. 94

ББК 63.3

DOI 10.25797/NG.2022.13.1.001

О. Л. Губарев

FRESITI «БАВАРСКОГО ГЕОГРАФА»

*Мы знаем, куда причалили варяжские ладьи...
но мы не знаем места их отчала:
они приплывают к нам из густого тумана,
покрывающего Балтийское море...*

Проф. Ф. А. Браун «Варяги на Руси»

Аннотация: В статье обсуждается вопрос о термине *Fresiti* Баварского географа. Историки ищут сложные объяснения данному термину, несмотря на то, что наиболее простым и напрашивающимся чтением было бы «фризы». И первые исследователи данного термина склонны были переводить его именно так. Но в связи с тем, что появление фризов Запада рядом с терминами, обозначающими Русь и хазар на Востоке едва ли возможно, обращаются к сложным лингвистическим построениям в поисках названия более или менее созвучного славянского племени на Дунае и Балканах. Однако гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского пришедшего «со всей русью», состоящей из данов и фризов из своих фризских владений позволяет вернуться к прямому прочтению данного

термина.

Ключевые слова: Баварский географ, *Fresiti*, фризы, русы, 839 год, Рюрик, Рёрик Фрисландский

Загадочный источник, получивший условное название «Баварский географ» (далее БГ) вызвал множество публикаций и споров. Источник датируется второй половиной IX в. и представляет собой перечень племен и народов Центральной и Восточной Европы. Историография данного источника столь обширна, что привести ее в короткой статье полностью нет возможности. Она приведена частично у Л. В. Войтовича¹.

Из всех терминов «Баварского географа» нас будет интересовать только (44) *Fresiti* и слова стоящие с ним рядом (40) *Caziri*. (41) *Ruzzi*. (42) *Forsderen*. (43) *Liudi*. Все термины в «Баварском географе» разделены точками. Однако ученые предполагают, что среди них могут быть и группы слов, например, *Forsderen Liudi Fresiti*².

На формирование гипотез о

¹Войтович Л. В. «Баварский географ»: проблемы локализации слов'янских племен // Проблемы слов'янознaвства : Збірник наукових праць. Вип. 57. 2008. С. 42-62.

²Херрман И. *Ruzzi. ForsderenLiudi. Fresiti*: К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С.163-169; *Koncha*

происхождении названий племен и народов БГ оказывают серьезное влияние наши знания о том, что это за документ, как он мог появиться, его датировка и назначение.

Некоторые историки считают, что он появился в результате прибытия русов-свеонов в составе византийского посольства ко двору Людовика Благочестивого в 839 г. Это самый ранний визит русов от которых франки могли получить сведения о племенах Восточной Европы. Это был первый подтвержденный документально визит русов в Византию и в империю франков. Византийцы даже позднее еще ничего не знали толком о русах, как показывают гомилии Фотия. Хотя, судя по всему, уже были с ними знакомы. БГ мог быть составлен монахом-франком на основе информации полученной от послов.

Франки, как сообщают нам Бертинские анналы под 839 г., ничего не знали о русах. Это важно, так как снимает гипотезу широтного пути «из хазар в немцы» на данном отрезке времени. Невозможно допустить, чтобы имперский двор не имел представления об активных торговых контактах с этим народом. И если предположить что такой торговый путь существовал то он должен был существовать позже первой половины IX в. Более того он предполагает южную локализацию руси, против чего есть серьезные возражения, потому что археология для этого времени подтверждает появление руси на Северо-Западе. На юге в Приднепровье археологические следы руси в этот период времени отсутствуют. Н. А. Макаров, локализирующий русов в Приднепровье, объясняет это эфемерностью раннего вожества русов³. И для хазар появление в Приднепровье руси с вождем, носящим титул

кагана (если принять эту гипотезу А. А. Куника) было бы прекрасным *casus belli*. А эфемерное (согласно Н. А. Макарову) вожество русов на юге едва ли могло противостоять пусть даже ослабленному к тому времени, но все еще мощному Хазарскому каганату⁴.

В БГ перечислены в основном славянские племена. Некоторые расшифровываются сразу и надежно, относительно других высказываются различные гипотезы, часто очень противоречивые, сложные и основывающиеся на ряде допущений.

Именно это имеет место при исследовании термина *Fresiti*. Большинство историков ищут этому термину аналоги среди славянских племен, считая термин *Fresiti* искаженным названием какого-то славянского племени.

«Племя № 43 — *Fresiti* (фрезиты). По мнению практически всех исследователей «Баварского географа», являются одним из самых загадочных племен. Однако и с ним можно связать топоним — название реки Березина. Это самая крупная на территории Беларуси река, впадающая в Днепр»⁵.

И. Херрман воспринимал слова *Ruzzi. Forsderen. Liudi. Fresiti* как цельное словосочетание и полностью не исключал распространённую интерпретацию *Forsderen. Liudi* как «лесные люди», «древляне», хотя более «обоснованной» считал «интерпретацию этого термина как... «первые руководящие люди»... *Fresiti* связывали с этнонимом «фризы». В Северо-Западной Европе, однако, это слово в то время обозначало «Freigesedsenen», «Freisassen», то

S. Bavarian Geographer on Slavic Tribes from Ukraine. Bulletin Taras Shevchenko National University of Kyiv. Ukrainian Studies. Vol. 16. 2012. P. 15-21; Александров А. А. О руссах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилевского клада // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997. С. 2.

³ Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М. – Вологда, 2012. С. 456.

⁴ Семенов И. Г. К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX первой половине X века // Славяноведение. № 2. 2010. С. 4.

⁵ Мячикова И. И. «Баварский географ» и идентификация летописных славянских племен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8. Ч. 2. 2012. С.124-129. Мячикова объединяет слова *Forsderen Liudi* под номером 42 поэтому в отличие от общепринятой нумерации терминов БГ *Fresiti* в ее перечне оказывается под номером 43.

есть людей, живущих на своей земле»⁶. Некоторые исследователи поддержали такую трактовку *Fresiti* и интерпретировали этот термин как обозначение полян, живших на открытой местности⁷.

А. В. Назаренко отметил лингвистическую несостоятельность популярного перевода *Forsderen. Liudi* как «лесные люди», древляне, а так же заметил, что рассматривать *Fresiti* в качестве аналога «Freisassen» «затруднительно, как фонетически, так и морфологически»⁸.

Правда, И. Херрман отмечал, что «информанты, употреблявшие слова *Forsderen Liudi, Fresiti* происходили из Северной или Северо-Западной Европы»⁹. Догадка Херрмана указывает в направлении Северо-Западной Европы – Дании и Фризии.

Появление этого документа Херрман объясняет визитом русов-свеонов в составе византийского посольства в 839 г. ко двору Людовика Благочестивого.

Этой же точки зрения на появление БГ придерживается польский историк К. Т. Витчак. Он также связывает появление «Баварского географа» с посольством русов 839 г.¹⁰

Но термин *Fresiti*, относительно которого он отмечает, что большинство историков считают его не славянским, у него превращается в праславянское *brzbiti*. Поскольку племя берзитов известно на Балканах, то Витчаку приходится делать допущение, что часть племени осталась в прежней зоне обитания, на Нижнем Дунае, иначе непонятно как могли к франкам дойти известия о них. Сама форма названия племени оказывается сильно искаженной. Кроме того,

ему приходится допускать существование широтного торгового пути «хазары- франки».

Но тогда непонятно как, при наличии такого торгового пути и прямых контактов с русами, франки при дворе Людовика Благочестивого могли ничего не знать о русах, входивших в состав посольства 839 г.

В одной из последних работ по данной тематике¹¹ отмечается что «Народы под названиями *Fresiti*... не могут быть скольконибудь надежно идентифицированы»¹². В этой же статье приводится довольно подробная историография по «древлянской» гипотезе и другим попыткам интерпретации этой группы этнонимов¹³.

Видимо чувствуя неудовлетворенность от натяжек при попытках связать термин *Fresiti* с одним из славянских племен, исследователь предпочитает отказаться от подобных попыток. Другое дело, что автор данной работы, как и некоторые другие историки¹⁴, и вовсе отказывается от любой интерпретации данного этнонима, хотя, казалось бы, напрашивается прямое прочтение без всяких осложнений.

В источниках поздней античности и времен Великого переселения народов фризы на латыни называются *Frisii* (лат. *Frisii*, греч. Φρίσιοι). Так их называют Тацит, Дион Кассий, Птолемей, Юлий Гонорий, то есть в основном историки и географы поздней античности¹⁵. Как указано в справочнике: «**FRISIANS** (Lat. *Frisii*; in Med. Lat. *Frisonas, Frisiones, Fresones*; in their own tongue *Frêsa, Frêsen*)»¹⁶.

Данная статья первоначально предназначалась для журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», но была отклонена из-за отрицательных анонимных рецензий.

⁶Херрман И. Ruzzi. *Forsderen Liudi. Fresiti*... С. 167.

⁷ См. напр: Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 45; Войтович Л. В. «Баварский географ»: проблемы локалізації слов'янських племен. С. 61.

⁸Назаренко А. В. Описание городов и областей к северу от Дуная, или Баварский географ // Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. М., 1993. С. 43-44.

⁹Херрман И. Ruzzi. *ForsderenLiudi. Fresiti*... С. 167.

¹⁰Witczak K. T. *Poselstwo ruskiew państwie niemieckim w roku 839. Kulisy śledztwa w świetle danych Geografa Bawarskiego. Slavia orientalis*, t. LXII, №1, 2013. С. 25-43.

¹¹Коматина П. Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ // *Studia*

Slavica et Balcanica Petropolitana. 27. 1. 2020.

¹²Там же. С. 126.

¹³Там же. С. 125-126.

¹⁴См. напр: Латиноязычные источники по истории Древней Руси / составление, перевод и комментарий доктора исторических наук М. Б. Свердлова. Ответственные редакторы: доктор исторических наук А. Д. Люблинская, кандидат исторических наук А. К. Гаврилов. М.-Л., 1989. С. 21-22; Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. М. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 29.

¹⁵Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 194.

¹⁶*Encyclopædia Britannica*, Volume 11, 1911.

После внесения поправок и разъяснений статья в ее настоящем виде была повторно отклонена поскольку автор якобы не учел замечания рецензентов и не ответил на них. Предоставляю читателю судить внес ли я в статью необходимые поправки и разъяснения. Я так подробно останавливаюсь на этом пункте, потому что основным возражением рецензентов было то, что фризы на латыни назывались *Frisii*, а не *Frêsa*, *Fresi*.

При этом самоназвание германского племени фризов было *Fresa*, *Fresi* и использовалось средневековыми латинскими авторами.

«The stem vowel could be either -e- (long) or -i- (long). Plural either in -i or in -ones. The germanic forms also differed between -e- (long) or -i- (long), but the conjugation was always weak. So the Frisians called themselves either «Fresa» or «Frisa» (the form is both singular and plural)»¹⁷.

Например, Алкуин, писавший свои поэмы при дворе Карла Великого (конец VIII в.), использует форму *Fresones*. Адам Бременский для обозначения Фризии использовал форму *Fresia*¹⁸. На Певтингеровой карте, а также в анонимной «Космографии» мы встречаем обозначение фризов как *Fresii*. У Саксона Грамматика Фризия названа *Fresia*, он также использует этнонимы *Fresi*, *Fresones*¹⁹.

Едва ли стоит удивляться тому, что в источнике, происходящем с территории империи франков и датированном А. В. Назаренко второй половиной IX в., фризы названы этнонимом, соответствующим их самоназванию. К которому добавлено, как считает С. В. Конча, латинское популярное

окончание - *iti*.

А. В. Назаренко, как и другие историки, (например, Херрман), вынужден в первую очередь отметить близость терминов *Fresiti* и «фризы», которая бросается в глаза.

«Поиски этимологии осложнены тем обстоятельством, что, как можно предполагать, на графике имени сказалось сближение с широко известным германским этнонимом *Fresi* «фризы», хотя фактическая связь *Fresiti* с фризами... маловероятна»²⁰.

А. В. Назаренко считал, что суффикс - *iti* греческий и отмечает единичные (Sic!) случаи использования данного суффикса, правда, в форме -*ιτ(α)*/*ιτ(α)* в каролингских документах.

Почему связь этнонима *Fresitic* фризами маловероятна Назаренко здесь не объяснил, но ясно, что, скорее всего, потому, что фризы локализируются на Западе, а русы находятся на Востоке и согласно как БГ, так и ПВЛ, делят сферы влияния с хазарами. Об этом он говорит ниже: «как изложенные филологические соображения, так и контекст БГ (Caziri, Ungare, Lucolane...) заставляют искать *Fresiti* в Северном Причерноморье, возможно, ближе к Нижнему Дунаю». И далее вместо прямого прочтения термина, подсказываемого самой его формой и сопоставлением с (по словам самого Назаренко) «широко известным германским этнонимом *Fresi*»²¹, А. В. Назаренко вслед за другими исследователями искал его в форме названия славянского племени *βερζίτοι*.

А. А. Горский, ссылаясь на Назаренко, считает «вероятным» «сопоставление» *Fresiti* «Баварского географа» со славянским племенем *βερζίται*²². При этом, исходя из сомнительного предположения о южной

¹⁷ «Гласный может быть или -e- (долгое) или -i- (долгое). Во множественном числе или - i или - ones. Германские формы также различают между - e- (долгое) или -i- (долгое), но сопряжение было всегда слабым. Таким образом фризы называли себя или «Fresa» или «Frisa» (формы используются обе, как в единственном, так и во множественном числе)» - из личного сообщения доктора наук, профессора, лингвиста Лейденского университета Рольфа Бреммера автору. Перевод О.Л. Губарева.

¹⁸ Medieval Latin: Second Edition (edited by K. P. Harrington, revised by Joseph Pucci). Chicago, 1997. С. 223, 393

¹⁹ Neumann G. Friesen. Reallexikon des Germanischen Altertums, vol. 10. Berlin, 1996, s.3; Саксон Грамматик. Деяния данов. В 2-х т. / Пер. с лат. А. С. Досаева, под ред. И. А. Настенко. Т. 2: Книги XI–XVI. М., 2017. С. 600.

²⁰ Назаренко А. В. Описание городов и областей к северу от Дуная, или Баварский географ. С. 44.

²¹ Там же. С. 44.

²² Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995. М., 1997. С. 278.

локализации руси в Среднем Поднепровье, А. А. Горский считает «наиболее вероятным» «отождествление» «Forsderenliudi» «с древлянами», «хотя» признает, что «с точки зрения лингвистики оно сталкивается с серьезными трудностями», а во *Fresiti*, *Seravici* и *Lucolanec* считает возможным «видеть» некие «составные части славянских общностей Днепровского правобережья, известных по более поздним данным – древлян... и дреговичей»²³.

Разбор смыслового значения терминов *Forsderen. Liudi* на мой взгляд достаточно убедительно произведен С. В. Кончей и А. А. Александровым и приведен ниже. Поэтому, соглашаясь с упомянутыми исследователями, я не останавливаюсь на этих терминах. Из их перевода следует, что в составе руси упомянутой в БГ были фризы.

Чешские исследователи Хорак и Травничек, с моей точки зрения вполне обоснованно, считали племя *Fresiti* фризами, вот только размещали их в Крыму как ветвь готов²⁴. Они не могли представить, что могло связывать русь с фризами Западной Европы, но в целом их прочтение, по моему мнению, было близким к истине.

Л. С. Клейн, рассматривая критерии истинности гипотез, вводит среди условий повышения вероятности гипотезы критерий простоты. Чем сложнее гипотеза, тем менее она вероятна. Особенно когда она покоится на ряде допущений или других гипотез.

«Физик Джордж Шлесинджер разработал на этой основе «принцип динамической простоты»...- условие того, чтобы для своей реализации гипотеза не требовала вводить вспомогательные гипотезы. Такое обрастание вспомогательными гипотезами называется *геролизмом*»²⁵.

Именно этот *геролизм* мы наблюдаем, когда речь у историков идет о термине *Fresiti* БГ. Чтобы связать этот явно неславянский термин, с каким-нибудь славянским племенем приходится, как, например, К. Т. Витчаку, допускать, что название сильно искажено.

Путем сложных лингвистических построений связывать его с названием славянского племени «берзиты». Или, как некоторые другие исследователи, допуская не меньшие натяжки, отождествлять *Fresiti* и «Freisassen», и затем трактовать как обозначение жившего на свободных степных пространствах восточнославянского племени полян. В то время как прочтение названия *Fresiti* как производного от самоназвания фризов *Fresa*, *Fresi* сразу бросается в глаза.

Но невозможность объяснить появление фризов Западной Европы на Востоке приводит к отбрасыванию данной напрашивающейся гипотезы и к усложненному поиску искаженных наименований славянских племен.

Тем не менее, С. В. Конча, справедливо, на мой взгляд, подверг критике «древлянскую» этимологию *Forsderen. Liudi*, а так же интерпретацию И. Херрмана слов *Forsderen. Liudi. Fresi* в качестве «comment for Rus» (комментария к Руси)²⁶ и предложил прямое прочтение термина *Fresiti*.

«At the origin of the word glosses indicates 'Fresiti', which formally corresponds Early Medieval self designation of Vries: Frēsa, ... probably artificially popular Latin flexion *-iti*. 'Liudi' clearly meets ancient Friesian 'Liude' "people"... If Vries those times was quite close to the old Low German, so record 'Ruzzi' could probably beat just Friesian form of the name "Rus". Fragment in general can be translated roughly as: "Rus foremost (best?, chief?) people Vries (Friesians?)" or as "Rus path (paths?) those people Vries" (? Ruzzi forth dera Liude Fres-). Do we have here is a whole sentence, depending on the location of punctuation (in the document are dots between all these words). One way or another, but it is known that the friezes were active in the north-European trade in the VIII – IX c.... there is documentary evidence of their presence among the inhabitants of Birka in Sweden... so they could be among the Scandinavian (especially Swedish) merchants and mercenaries in Eastern Europe were usually

²³ Там же. С. 278-279.

²⁴ Horák B., Trávníček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský geograf). Rozpravy Československé akademievéd. Radaspolečenskýchvéd. Praha. T. 66, Z. 2, 1956. S. 7-9.

²⁵ Клейн Л. С. Гипотеза в археологии // Российский археологический ежегодник. № 1. 2011 / Ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб., 2011. С. 60.

²⁶ Koncha S. Bavarian Geographer on Slavic Tribes. P. 19.

known as "Rus'»²⁷.

При этом С. В. Конча, идя по следам Хорака и Травничека, ищет место фризам в Крыму с готами²⁸.

Появление фризов в Восточной Европе С. В. Конча объясняет их торговой активностью. Но так могли появиться в землях славян и финнов только отдельные небольшие группы торговцев и едва ли они могли заслужить упоминания в перечне племен каким является БГ.

Верное объяснение, как мне кажется, предлагает А. А. Александров, когда исходит из признанной многими историками гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. Его перевод данного места БГ звучит так: «Руссы, сила (войска) которых суть свободные мужи фризские»²⁹. Историография и критика данной гипотезы о происхождении Рюрика разобраны в моей статье³⁰.

В чем же заключается данная гипотеза?

«Повесть временных лет» (ПВЛ) сообщает нам, что Рюрик пришел из-за моря в земли славян и финнов «со всей русью». Поиски народа «русь» в Скандинавии результатов не дали. Поэтому возникло мнение, что нельзя данное указание летописи понимать в прямом смысле³¹. Рюрик в летописи представляет собой легендарную фигуру, о которой сообщается минимум сведений самого общего характера, лишенных индивидуальных черт.

Поэтому историки обратились в своих поисках к личности вождя норманнов Рёрика

Фрисландского и выдвинули гипотезу о тождественности этих двух исторических фигур³².

Дело в том, что императоры франков, начиная, как кажется, с Карла Великого и кончая потомками Людовика Благочестивого, для борьбы с викингами стали выделять земли в завоеванной франками Фризии в бенефиций с условием обороны побережья и уплаты налогов в имперскую казну.

Вождь данов Хальфдан, а затем его родичи, ютландский король-изгнанник Харальд Клак и его брат (или племянник) Рёрик, получили в качестве бенефиция сначала область Рустрингию, затем Дорестада и остров Валхерен³³. Харальд Клак, рассчитывая в борьбе за трон Ютландии опереться на мощь империи франков. Поэтому он со всей знатью и родичами крестился в Майнце в 826 г. Его приемником от купели был сам Людовик Благочестивый.

Скандинавы-язычники восприняли это как акт подчинения империи и Харальд Клак и его сторонники были изгнаны из Дании. Харальд сначала укрылся в области Рустрингия, выделенной ему в бенефиций императором при крещении. А затем он и Рёрик получили в качестве бенефиция Дорестада «с окружающими землями» и остров Валхерен, полученный в бенефиций в 807 г. еще их родичем Хальфданом от Карла

²⁷«На происхождение словарной глоссы указывает *fresiti*, которое формально соответствует раннесредневековому самоназванию фризов *fresa*... возможно с искусственным популярным латинским окончанием *-iti*. «*Liudi*» очевидно соответствует древнему фризскому «*Liude*» – «люди»... Фризы тех времен были весьма близки к древним нижним немцам, так что написание «*guzzi*» могло, возможно, соответствовать фризской форме имени «Русь». Фрагмент в целом мог быть переведен примерно как: «руссы первые (лучшие? главные?) люди *Vries* (фризы?)» или как «путь русов (пути?) тех людей *Vries*» (? *Ruzzi foth dera Liude Fres-*). Имеем ли мы здесь целое предложение, зависит от расположения пунктуации (в документе между словами стоят точки). Так или иначе, но известно, что фризы были активны в северо-европейской торговле в VIII – IX вв.... Имеется документальное подтверждение их присутствия среди

населения Бирки в Швеции... так что они могли быть среди скандинавских (особенно шведских) торговцев и наемников в Восточной Европе, обычно известных как «Русь» – перевод О. Л. Губарева. Там же. Р. 20.

²⁸Там же.

²⁹Александров А. А. О руссах на Западе и на Востоке. С. 21.

³⁰Губарев О. Л. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // *Valla*. Т. 2. № 4-5. 2016. С. 9-25.

³¹Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 3.

³²Губарев О. Л. 1) К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского.... 9-25; 2) Рюрик Скъельдунг. СПб., 2019.

³³ *Coupland S. From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings. Early Medieval Europe. Vol. 7, (1). 1998. P. 89-101.*

Великого³⁴.

Свои фризские владения они использовали как базу в борьбе за трон Ютландии. На некоторое время, уже после смерти Харальда, Рёрику удалось вернуть владения в Ютландии между морем и рекой Айдер. Но затем при невыясненных обстоятельствах он снова эти владения потерял и вернулся во Фризию. Историки спорят, какое море имелось ввиду – Северное или Балтийское³⁵.

В случае, если море было Балтийским, Рёрику открывались прямые пути на Восток. Тем более, что, как указывают источники, тесные связи между Дорестадом и шведской Биркой существовали и не обязательно только торговые. В свеонской Бирке побывал Ансгарий отправившийся из Дорестада с миссией распространения христианства, правда, неудачно. Бирка была базой всех скандинавов идущих по восточному пути (*Austrveg*).

Тесные отношения, еще раньше установившиеся на пограничье Ютландии, способствовали союзу язычников-фризов, не желающих подчиниться франкам и данов Рёрика.

Упадок Дорестада вел к необходимости для Рёрика искать новые торговые пути на Востоке. На такие связи с Востоком указывают находки куфических монет и кладов во Фризии³⁶.

Тогда появление на Востоке рядом с хазарами (*Caziri*) русов (*Ruzzi*) и фризов (*Fresiti*) не должно нас удивлять. Было ли «призвание» Рёрика славянами и финнами или

был захват славянских и финских городищ силой, но из нашей древнейшей летописи мы знаем о появлении Рюрика «со всей русью» на Востоке. После смерти Рёрика оставшиеся норманны во Фризии были перебиты франками, а их вождь Готфрид, родич Рёрика, которому были переданы в 882 г. владения Рёрика, предательски убит в 885 г.

После чего все известия о норманнах во Фризии в анналах франков прекратились. Таким образом, все «фризские даны», то есть «вся русь» ушли с Рёриком на Восток. Как и сообщила нам ПВЛ о появлении Рюрика «со всей русью».

Язычники-фризы, не желавшие подчиниться франкам, так называемые «фризы Редбада»³⁷, последнего короля фризов погибшего в борьбе с франками, похоже, примкнули к данам Рёрика. На это есть указания в древнефризских статутах³⁸. Причем там король фризов Редбад упорно называется по происхождению даном.

Кроме того на участие фризов в походах викингов указывает клаузула в древнефризских законах, требующая вернуть фризу, уходившему в составе дружины норманнов и вернувшемуся на родину, его землю, занятую другими людьми³⁹. А также на это может указывать имя вождя викингов Уббе Фризского⁴⁰. То же имя носит согласно Саксону Грамматику один из участников Бравальской битвы.

Идут споры о термине *ruzzi*, можно ли под ним понимать русь и какую русь следует под ним понимать?⁴¹ Но большинство историков, кажется, принимают соответствие

³⁴Там же. Р. 90-91.

³⁵Касиковы Х. и А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // Скандинавский сборник. XXXIII. Таллин, 1990; Яманов В. Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. № 4. 2002. С. 127-137.

³⁶Горский А. А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (53). 2013. С. 38-39.

³⁷Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) / Відп. ред. О. Мишанич. Т. I. К., 1997. С.510, 513.

³⁸Там же. С.513.

³⁹Jjsennagger N. L. Friends, Vassals or Foes. Relations and Their Representations between Frisians and Scandinavians in the Viking Age, Late 8th to 11th Centuries. An analysis of textual and archaeological sources. Research master thesis. University of Groningen.,

2019. Р. 44 <http://arts.studenttheses.ub.rug.nl/10018/1/ReMa-1555014-N.L.IJssennagger.pdf>

⁴⁰Lewis S. Rodulf and Ubba. In search of a Frisian-danish Viking. Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. Vol. 40, 2016. P. 5-42.

⁴¹Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 129-132; Милов Л. В. Ruzzi «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. № 1. 2000. С. 94-100; Витчак К. Т. Из проблематики древних славянских племен. 1. Этноним Fresiti у Баварского географа и его локализация // Этимология 1988-1990. М., 1992. С. 28-36; Назаренко А. В. Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской

термина *ruzzi* обозначению руси.

Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского объясняет как фризы (*Fresiti*) вместе с данами-русами (*Ruzzi*) могли попасть в земли славян и финнов, на юге граничившие с Хазарским каганатом (*Caziri*).

А. А. Александров считает, что речь идет о фризах, прибывших с данами из Фризии, в связи с отождествлением Рюрика с Рёриком Фрисландским⁴².

А. А. Горский в своих статьях и автор данной статьи независимо друг от друга разрабатывают эту гипотезу тождества двух скандинавских вождей⁴³.

Правда Горский вслед за К. Т. Витчаком и А. В. Назаренко, склонялся к «сопоставлению» *Fresiti* «Баварского географа» со славянским племенем βερζιται⁴⁴.

Археология также подтверждает

появление на Северо-Западе в Приладожье фризов. Сюда относятся находки в Старой Ладогге фризских кувшинов типа Татинг, фризских гребней с заготовками (то есть изготовлявшихся ремесленниками-фризами на месте), появление обряда камерных погребений, согласно дендродатам, определенным Н.Б. Черных, появившихся на Руси раньше, чем в Скандинавии⁴⁵, т. е., возможно, занесенного непосредственно из империи франков.

Рюрик и русы-«фризские даны» должны были хранить память о пребывании в землях империи франков, о ленной системе, чеканке монеты, дипломатии, военной организации, роли дальней торговли, а также хранить и свои скандинавские обычаи, что образовывало в смешении с обычаями

языковой традиции (IX – XII века) // Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М., 2001. С. 11-50.

⁴²Александров А. А. Остров русов // *Stratum Plus*. Петербургский вестник. Сб. статей к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб. – Кишинев, 1997. С. 223.

⁴³Горский А. А. 1) Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (32). 2008. С. 55–59; 2) Формирование русской государственности и «призвание» Рюрика // 1150 лет Российской государственности и культуры. М. 2012. С. 11–23; 3) «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси. С. 38–39; 4) Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М., 2014. С. 25–33; 5) Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018. С. 103–108; Губарев О. Л. 1) «Пояша по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза // *Valla*. Том 2. № 3. 2016. С. 21–39; 2) К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского. С. 9–25; 3) Дондеже солнце съяет и весь мир стоит» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. Т. 3. № 3. 2017. С. 16–22; 4) Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // *Valla*. Т. 3. № 6. 2017. С. 19–38; 5) Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // *Stratum plus*. № 5. 2018. С. 155–167; 6) О «быстрых данах» и русах-дромитах // *Valla* Т. 4. № 1–2. 2018. С. 78–83; 7) Рюрик и легитимность династии Рюриковичей // *Valla*. Т. 4. № 4. 2018. С. 1–11; 8) «Фризские даны» Рюрика Рёрика Фрисландского //

Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. 2016. СПб., 2018. С. 27–44; 9) Рюрик Скъёльдунг; 10) Николай Тимофеевич Беляев, историк, участник семинара Н. П. Кондакова // *Novogardia*. № 3. 2019. С. 4–24; 11) Неистовые» норманны, «безбожная русь» и Христианство // *Novogardia*. № 4. 2019. С. 9–19; 12) По «Закону Русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и *Lex Frizonium*) // *Novogardia*. № 1 (5). 2020. С. 318–335; 13) К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // *Novogardia*. № 2 (6). 2020. С. 4–36; 14) Начальная Русь на пути «из варяг в греки». СПб., 2020; 15) Каган без каганата (как родился очередной исторический фантом) // *Novogardia*. № 3 (7). 2020. С. 17–38; 16) Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // *Novogardia*. № 4 (8). 2020. С. 1–15; 17) Даны Рюрика как скандинавская диаспора. Доклад на историко-краеведческой конференции "Южное Приладожье и история России". 2020. (в печати); 18) Между язычеством и христианством: камерные погребения в империи Франков, Хедебю и Старой Ладогге // *Novogardia*. № 1 (9). 2021. С. 6–29; 19) Русь и варяги. Взаимовлияние культур. СПб., 2021; 20) Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского (к вопросу о методологии) // *Novogardia*. № 3 (9). 2021.

⁴⁴ Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства. С. 278.

⁴⁵Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 53. 2008. С. 233.

местных племен «скандинавскую вуаль».

И вместе с толерантным отношением к христианам создавало благоприятные предпосылки для перехода от вожества типа свеонской руси 839 г. к протогосударству или раннему государству.

Таким образом, если принять гипотезу

о приходе Рюрика и «фризских данов» с примкнувшими к ним фризами с территории империи франков, то термин БГ *Fresiti* можно трактовать в его прямом смысле, как «фризы», без излишних ухищрений и дополнительных гипотез и допущений.

Библиография

Источники:

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. М. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси / составление, перевод и комментарий доктора исторических наук М. Б. Свердлова. Ответственные редакторы: доктор исторических наук А. Д. Люблинская, кандидат исторических наук А. К. Гаврилов. М.-Л., 1989.

Саксон Грамматик. Деяния данов. В 2-х т. / Пер. с лат. А. С. Досаева, под ред. И. А. Настенко. Т. 2: Книги XI–XVI. М., 2017.

Литература:

Александров А. А. О руссах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилевского клада // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997.

Александров А. А. Остров русов // *Stratum Plus*. Петербургский вестник. СПб., – Кишинев, 1997.

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

Витчак К. Т. Из проблематики древних славянских племен. 1. Этноним *Fresiti* у Баварского географа и его локализация // *Этимология* 1988-1990. М., 1992.

Войтович Л. В. «Баварський географ»: проблеми локалізації слов'янських племен // *Проблеми слов'янознавства : Збірник наукових праць*. Вип. 57. 2008.

Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования*. 1995. М., 1997.

Горский А. А. Русь «от рода франков» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 2 (32). 2008.

Горский А. А. Формирование русской государственности и «призвание» Рюрика // 1150 лет Российской государственности и культуры. М., 2012.

Горский А. А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 3 (53).

Горский А. А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // *Русь в IX-XII вв.: общество, государство, культура*. М., 2014.

Горский А. А. Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья // *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях*. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018.

Губарев О. Л. «Пояша по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // *Valla*. Т. 2. № 3. 2016.

Губарев О. Л. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // *Valla*. Том 2. № 4-5. 2016.

Губарев О. Л. Дондеже солнце сияет и весь мир стоит» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. Т. 3. № 3. 2017.

Губарев О. Л. Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // *Valla*. Т. 3. № 6. 2017.

Губарев О. Л. Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // *Stratum plus*. № 5. 2018.

Губарев О. Л. О «быстрых данах» и русах-дромитах // *Valla* Т. 4. № 1-2. 2018.

Губарев О. Л. Рюрик и легитимность династии Рюриковичей // *Valla*. Т. 4. № 4. 2018.

Губарев О. Л. «Фризские даны» Рюрика / Рёрика Фрисландского // *Скандинавские чтения*.

- Этнографические и культурно-исторические аспекты. 2016. СПб., 2018.
- Губарев О. Л. Рюрик Скьельдунг. СПб., 2019.
- Губарев О. Л. Николай Тимофеевич Беляев, историк, участник семинара Н. П. Кондакова // Novogardia. № 3. 2019.
- Губарев О. Л. «Неистовые» норманны, «безбожная русь» и Христианство // Novogardia. № 4. 2019.
- Губарев О. Л. По «Закону Русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и Lex Frizionium) // Novogardia. № 1 (5). 2020.
- Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // Novogardia. № 2 (6). 2020.
- Губарев О. Л. Начальная Русь на пути «из варяг в греки». СПб., 2020.
- Губарев О. Л. Каган без каганата (как родился очередной исторический фантом) // Novogardia. № 3 (7). 2020.
- Губарев О. Л. Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // Novogardia. № 4 (8). 2020.
- Губарев О. Л. Даны Рюрика как скандинавская диаспора. Доклад на историко-краеведческой конференции "Южное Приладожье и история России". 2020. (в печати).
- Губарев О. Л. Между язычеством и христианством: камерные погребения в империи Франков, Хедобю и Старой Ладогге // Novogardia. № 1 (9). 2021.
- Губарев О. Л. Русь и варяги. Взаимовлияние культур. СПб., 2021.
- Губарев О. Л. Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского (к вопросу о методологии) // Novogardia. № 3 (9). 2021.
- Касиковы Х. и А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине. // Скандинавский сборник. XXXIII. Таллин, 1990.
- Клейн Л. С. Гипотеза в археологии // Российский археологический ежегодник. / Ред. Л. Б. Вишняцкий. № 1. СПб., 2011.
- Коматина П. Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 27. 1. 2020.
- Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М. – Вологда, 2012.
- Милов Л. В. Ruzzi «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. № 1. 2000.
- Мячикова И. И. «Баварский географ» и идентификация летописных славянских племен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8. Ч. 2. Тамбов, 2012.
- Назаренко А. В. Описание городов и областей к северу от Дуная, или Баварский географ // Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. М., 1993.
- Назаренко А. В. Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX – XII века). // Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX- XII вв. М., 2001.
- Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001.
- Прицак О. Походження Русі. Стародавніскандинавські джерела (крім ісландських саг) / Відп. ред. О. Мишанич. Т. І. К., 1997.
- Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.
- Семенов И. Г. К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX первой половине X века // Славяноведение. № 2. 2010.
- Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли: Вып.

53. 2008.

Херрман И. Ruzzi. ForsderenLiudi. Fresiti: К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988.

Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904.

Яманов В. Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. № 4. 2002.

Coupland S. From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings. Early Medieval Europe. 1998. Vol. 7, (1).

Horák B., Trávniček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský geograf) Rozpravy Československé akademie věd. Rada společenských věd. Praha. T. 66, Z. 2, 1956.

Ijssennagger N. L. Friends, Vassals or Foes. Relations and Their Representations between Frisians and Scandinavians in the Viking Age, Late 8th to 11th Centuries. An analysis of textual and archaeological sources. Research master thesis. University of Groningen, 2010. (<http://arts.studenttheses.uibn.ru.nl/10018/1/ReMa-1555014-N.L.Ijssennagger.pdf>)

Koncha S. Bavarian Geographer on Slavic Tribes from Ukraine. Bulletin Taras Shevchenko National University of Kyiv. Ukrainian Studies. Vol. 16. 2012.

Lewis S. Rodulf and Ubba. In search of a Frisian –danish Viking. Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. Vol. 40, 2016.

Medieval Latin: Second Edition (edited by K. P. Harrington, revised by Joseph Pucci). Chicago, 1997.

Neumann G. Friesen. Reallexikon des Germanischen Altertums, vol. 10. Berlin, 1996.

Witczak K. T. Poselstwo ruskie w państwie niemieckim w roku 839. Kulisy śledztwa w świetle danych Geografa Bawarskiego. Slavia orientalis, t. LXII, №1, 2013.

Сведения об авторе

Губарев Олег Львович, колумнист газеты ученых «Троицкий вариант — Наука», автор книг «Рюрик Скьельдунг» и «Начальная Русь на пути «из варяг в греки», Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: Древняя Русь IX–X вв.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

O. L. Gubarev

FRESITY OF BAVARIAN GEOGRAPHER

Annotation: In this article is studied the issue of the term Fresiti of the Bavarian Geographer. Some historians believe that it appeared as a result of the arrival of the Sveon Rus in the Byzantine embassy to the court of Louis the Pious in 839. This is the earliest visit of the Rus during which the Franks could receive information about the tribes of Eastern Europe. This was the first documented visit of the Rus to Byzantium and the Frankish empire.

Historians seek sophisticated explanations for the term, despite the fact that the most simple and obvious reading would be "frisians". And the first researchers of the term translated it that way. But due to the fact that the appearance of the frisians of the West along with the terms denoting Rus and the Khazars in the East is hardly possible, historians turn to complex linguistic constructions in search of the name of a more or less consonant Slavic tribe's name on the Danube and the Balkans.

L.S. Klejn, considering criteria for the validity of hypotheses, introduces a criterion of simplicity among conditions increasing the probability of a hypothesis. The more complex the hypothesis, the less likely it is true. Especially when it rests on a number of assumptions or other hypotheses.

The Tale of Bygone Years (PVL) tells us that Rurik came from across the sea to the lands of the Slavs and Finns "with all Rus." The search for the "Rus" people in Scandinavia did not yield results.

Therefore, some historians made an assumption that that this paragraph of the annals must not be understood in the literal sense. Rurik in the annals is a legendary figure, about which a minimum of information of the most general nature, devoid of individual features, is reported. Therefore, historians turned in their search to the personality of the Northmen leader Rörik of Friesland and put forward a

hypothesis about the identity of these two historical figures.

However, the hypothesis of the identity of Rurik and Rorik of Friesland who came "with all Rus", consisting of Danes and Frisians from his Frisian lands, allows us to return to a direct reading of the term *Fresiti* as Frisians.

Key words: Bavarian Geograph, *Fresiti*, frises, rus, 839 yr., Rurik, Rørik of Friesland

References

Sources:

Drevnyaya Rus v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya [Ancient Rus in foreign sources: Chrestomathy] / Pod red. T. N. Dzhakson, I. G. Konovalovoj i A. m. Podosinova. Vol. IV: Zapadnoevropejskie istochniki. Sost., per. i komment. A. V. Nazarenko. Moscow, 2010. (In Russian).

Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi [Latin-language sources on the history of Ancient Rus] / sostavlenie, perevod i kommentarij doktopv istoricheskikh nauk M. B. Sverdlova. Otvetstvennye redaktory: doktor istoricheskikh nauk A. D. Lyublinskaya, kandidat istoricheskikh nauk A. K. Gavrilo. Moscow-Leningrad, 1989. (In Russian).

Sakson Grammatik. Deyaniya danov. V 2-h t. / Per. s lat. A. S. Dosaeva, pod red. I. A. Nastenka. Vol. 2: Knigi XI–XVI. Moscow, 2017. (In Russian).

Researchers:

Aleksandrov A. A. O russah na Zapade i na Vostoke: ot Ingel' hajma do Mogilevskogo klada [About the Russes on the West and the East: from Intelhaim to Mogilev treasure] // Gistarychna arhealagichny zbornik. 12. Minsk, 1997. (In Russian).

Aleksandrov A. A. Ostrov rusov [The Russes' Island]. Stratum. Peterburgskij vestnik. Saint-Petersburg- Kishinev, 1997. (In Russian).

Budanova V. P. Goty v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Goths in the era of the Great Migration]. Moscow, 1990. (In Russian).

Witczak K. T. Iz problematiki drevnih slavyanskih plemen. 1. Etnonim Fresiti u Bavarskogo geografa i ego lokalizaciya [From the problems of ancient Slavic tribes. 1. The ethnonym Fresiti by the Bavarian geographer and its localization]. Etimologiya 1988-1990. Moscow, 1992. (In russian).

Vojtovich L. V. «Bavarskij geograf»: Problemi lokalizaciji slov'yanskih plemen [«Bavarian geographer»: problems of localization of Slavic tribes] Problemi slov'yanovnavstva : Zbirnik naukovih prac. Vip. 57, 2008. (In Ukrainian).

Gorskij A. A. Bavarskij geograf i etnopoliticheskaya struktura vostochnogo slavyanstva [The Bavarian Geographer and the ethnopolitical structure of the Eastern Slavs] // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. (In Russian).

Gorskij A. A. Rus' «ot roda frankov» [Rus' from "the ancestry of Franks"]. Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. No 2 (32). 2008. (In Russian).

Gorskij A. A. Formirovanie russkoj gosudarstvennosti i «prizvanie» Ryurika [Formation of Russian statehood and the «invitation» of Rurik]. 1150 let Rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. Moscow, 2012. (In Russian).

Gorskij A. A. "Klady vikingov" na frankskoj zemle i nachal'naja istorija Rusi ["Hoards of Vikings" in Frank's land and the initial history of Rus]. Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. No 3 (53). 2013. (In Russian).

Gorskij A. A. Voznikovenie Rusi v kontekste evropejskogo politogeneza konca I tysjacheletija n. je. [Emergence of Rus in the context of European politogenesis in the end of 1st Millennium B. C.]. Rus' v IX-XII vv.: obschestvo, gosudarstvo, kul'tura. Moscow, 2014. (In Russian).

Gorskij A. A. Tri zametki k voprosu o rusko-germanskikh svyazyakh rannego Srednevekov'ya // U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileyny sbornik v chest' Aleksandra Vasil'yevicha Nazarenko. Moscow, 2018. (In Russian).

Gubarev O. L. «Pojasha po sobe vsju rus'»: chto podrazumevala jeta fraza? // Valla. Vol 2. No 3. 2016. (In Russian).

Gubarev O. L. K voprosu ob identichnosti Rjurika i Rjorika Frislandskogo [Problem of

identification Rurik to Rorik of Frisland]// Valla. Vol. 2. No 4/5. 2016. (In Russian).

Gubarev O. L. "Dondezhe solntse s'yayet' i ves' mir stoit" (magicheskaya formula v dogovore Rusi s grekami 945 g.) ["Until the sun shines and the whole world stands" (magic formula in the agreement between Rus' and Greeks in 945)]. Valla. Vol. 3. No. 3. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Dve Rusi IX veka: sveony 839 g. i dany Ryurika [Two Rus'es of the IX century: sveons of 839 and Danes of Rurik] Valla. Vol. 3. No 6. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Struktura vlasti na Rusi v IX v. i «frizskiye dany» [The structure of power in Rus in the IX century. and "Frisian Danes"]. Stratum plus. No 5. 2018. (In Russian).

Gubarev O. L. O «bystrykh danakh» i rusakh-dromitakh [The structure of power in Russia in the 9th century. and "Frisian Danes"]. Valla. Vol. 4. No 1-2. 2018.(In Russian).

Gubarev O. L. Ryurik i legitimnost' dinastii Ryurikovichej [Rurik and the legitimacy of the Rurik dynasty]. Valla. Vol. 4. No. 4. 2018. (In Russian).

Gubarev O. L. «Frizskie dany» Ryurika/ Ryurika Frislandskogo // Skandinavskie chteniya. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty. 2016. Saint Petersburg, 2018. (In Russian).

Gubarev O. L. Ryurik Sk'yol'dung [Rurik Skjoldung]. Saint Petersburg, 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Nikolaj Timofeyevich Belyaev, istorik, uchastnik seminara N. P. Kondakova [Nikolai Timofeevich Belyaev, historian, participant of N. P. Kondakov's seminar]. Novogardia. No. 3. 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Neistovyye» normanny, «bezbozhnaya rus'» i Khristianstvo ["Furious" normans, "Godless rus" and christianity]. Novogardia. № 4. 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Po "Zakonu Russkomu" (k voprosu o sravnitel'nom izuchenii drevnerusskogo i drevneskandinavskogo prava i Lex Frizionium) [To the "Russian law" (to the question of a comparative study of ancient Russian and ancient Scandinavian law and Lex Frisionum)]. Novogardia. No. 1 (5). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. K diskussii o plemennykh soyuzakh i politogeneze vostochnykh slavyan do Ryurika [To the discussion about the tribal unions and politogenesis of the eastern slavs before ryurik]. Novogardia. No 2 (6). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. Nachal'naya Rus' na puti «iz varyag v greki» [Initial Russia on the way "from the Varangians to the Greeks"]. Saint Petersburg., 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. Kagan bez kaganata (kak rodilsya ocherednoy istoricheskiy fantom) [Kagan without kaganat (how regularly historical phantom was born)] // Novogardia. No 3 (7). 2020.(In Russian).

Gubarev O. L. Genrik Lovmyanskij i ego kritika gmptezy tozhdestva Ryurika i Ryurika Frislandskogo [Henrik Lovmyanskiy and his criticism of the gmpteza of the identity of Rurik and Rorik Friesland]. Novogardia. No 4 (8). 2021. (In Russian).

Gubarev O. L. Dany Ryurika kak skandinavskaya diaspora [Rurik's Danes as the Scandinavian Diaspora]. Doklad na istoriko-krayevedcheskoy konferentsii "Yuzhnoye Priladozh'ye i istoriya Rossii". 2020. (In press). (In Russian).

Gubarev O. L. Mezhdru yazychestvom i khristianstvom: kamernyye pogrebeniya v imperii Frankov, Khedebyu i Staroy Ladoge [Between paganism and Christianity: chamber burials in the empire of Franks, Hedeby and Staraya Ladoga] //Novogardia. No 1 (9). 2021. (In Russian).

Gubarev O. L. Rus' i varyagi. Vzaimovliyaniye kul'tur [Rus and the Varangians. The mutual influence of cultures]. Sankt Peterburg., 2021. (In press). (In Russian).

Gubarev O. L. Gipoteza tozhdestva Ryurika i Ryurika Frislandskogo (k voprosu o metodologii) [The hypothesis of the identity of Rurik and Rerik of Friesland (on the question of methodology)] // Novogardia. № 3 (9). 2021. (In Russian).

Kasikovy H. i A. Eshche raz o Ryurike Novgorodskom i Rorike Datchanine [Once again about Rurik of Novgorod and Rorik the Dane]. Skandinavskij sbornik. XXXIII. Tallin, 1990. (In Russian).

Klejn L.S. Gipoteza v arheologii [Hypothesis in archaeology]. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik. № 1. 2011 /Edet by L. B. Vishnyackij. Saint Petersburg. (In Russian).

Komatina P. Slavyanskije etnonimy «Bavarskogo geografa»: istoriko-lingvisticheskij analiz [Slavic ethnonyms of the "Bavarian Geographer": historical and linguistic analysis]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 27. 1. 2020. (In Russian).

Makarov N. A. Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii: v poiskah sootvetstvij [Historical evidence and archaeological realities: in search of correspondences] // Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama / Institut arkhologii RAN; otv. red. N. A. Makarov. Moscow - Vologda, 2012. (In Russian).

Milov L. V. Ruzzi «Bavarskogo geografa» i tak nazyvaemye «rusichi» [The Ruzzy of the «Bavarian geographer» and the so-called «Rusichi»]. Otechestvennaya istoriya. No 1.2000. (In Russian).

Myachikova I. I. «Bavarskij geograf» i identifikaciya letopisnyh slavyanskikh plemen. [The «Bavarian Geographer» and the identification of chronicle Slavic tribes] Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. N0 8. Ch. 2. Tambov, 2012. (In Russian).

Nazarenko A. V. Opisanie gorodov i oblastej k severu ot Dunaya, ili Bavarskij geograf [Description of cities and regions north of the Danube, or the Bavarian geographer]. Nemeckie latinoyazychnye istochniki IX-XI vekov. Moscow, 1993. (In Russian).

Nazarenko A. V. Imya «Rus» v drevnejšej zapadnoevropejskoj yazykovoj tradicii (IX – XII veka) [The name «Rus» in the oldest Western European language tradition (IX – XII centuries)]. Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus na mezhdunarodnyh putyah: Mezhdisciplinarnye ocherki kulturnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX- XII vv. Moscow, 2001. (In Russian).

Petrukhin V. Ya. Slavyane i Rus' v «Josippe» i «Povesti vremennykh let»: K voprosu ob istochnikakh nachal'nogo russkogo letopisaniya [Slavs and Rus in "Josippon" and in the "The Tale of Bygone Years": On the Question of the Sources of the Initial Russian Chronicle] // Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 5. Moscow, 1994. (In Russian).

Pritsak O. Pokhodzhennya Rusi. Starodavni skandynavs'ki dzherela (krim islands'kykh sag) [The origin of Russia. Ancient Scandinavian sources (except Icelandic sagas)] / Vidp. red. O. Myshanych; Red. kol.: O. Pritsak (holova), O. Myshanych (zastupnyk), YA. Isayevych, I. Shevchenko. Instytut skhodoznavstva im. A. Kryms'koho NAN Ukrainy. Vol. 1. Kiev, 1997. (In Ukrainian).

Sedov V. V. U istokov vostochnoslavjanskoj gosudarstvennosti [At the origins of the East Slavic statehood]. Moscow, 1999. (In Russian).

Semenov I. G. K voprosu ob otnosheniyah Rusi i Khazarskogo kaganata v IX - pervoj polovine X veka [On the issue of relations between Russia and the Khazar Kaganate in the 9th first half of the Xth century]. Slavyanovedenie. No 2. 2010. (In Russian).

Frenkel' Ya. V. Skandinavskij mogil'nik Plakun: vremya pervyh pogrebenij i problema sopostavimosti hronologicheskikh shkal [Scandinavian burial ground Plakun: the time of the first burials and the problem of comparability of chronological scales]. Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Vyp. 53. 2008. (In Russian).

Herrman I. Ruzzi. Forsderen Liudi. Fresiti: K voprosu ob istoricheskikh i etnograficheskikh osnovah «Bavarskogo geografa» (pervaya polovina IX v.). Drevnosti slavyan i Rusi / AN SSSR. In-t arheologii. – M.: Nauka, 1988. S.163-169. (In Russian)

Shahmatov A. A. Skazanie o prizvanii varyagov [The legend of the vocation of the Vikings]. Saint Peterburg, 1904. (In Russian).

Yamanov V. Ye. Rorik Yutlandskiy i letopisnyy Rurik [Rorik of Jutland and the chronicle Rurik] // Voprosy istorii. No 4. 2002. (In Russian).

Coupland S. From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings. Early Medieval Europe. Vol. 7, (1). 1998. (In English).

Horak B., Travnicek D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský geograf) [A description of the united states to the northern side of the Danube (so-called Bavorský geograf)]. Rozpravy Ceskoslovenske akademie ved. Rada spolecenskych ved. Praha. T. 66, Z. 2, 1956. (In Czechish).

Ijssennagger N.L. Friends, Vassals or Foes. Relations and Their Representations between Frisians and Scandinavians in the Viking Age, Late 8th to 11th Centuries. An analysis of textual and archaeological sources. Research master thesis. University of Groningen, 2010. URL: <http://arts.studenttheses.ub.rug.nl/10018/1/ReMa-1555014-N.L.Ijssennagger.pdf> (accessed: 02. 02. 2022).

(In English).

Koncha S. Bavarian Geographer on Slavic Tribes from Ukraine. Bulletin Taras Shevchenko National University of Kyiv. Ukrainian Studies. Vol. 16. 2012. (In English)

Lewis S. Rodulf and Ubba. In search of a Frisian –danish Viking. Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. Vol. 40, 2016. (In English).

Medieval Latin: Second Edition (edited by K. P. Harrington, revised by Joseph Pucci). Chicago, 1997. (In English).

Neumann G. Friesen [Friezes]. Reallexikon des Germanischen Altertums, vol. 10. Berlin, 1996. (In German).

Witczak K. T. Poselstwo ruskie w panstwie niemieckim w roku 839. Kulisy sledztwa w swietle danych Geografa Bawarskiego. Slavia orientalis, t. LXII, No.1, 2013. (In Polish).

About the author

Gubarev Oleg L., columnist of the newspaper of scientists “Troitskiy variant – nauka”, author of the books “Rurik Skjoldung” and “Initial Russia on the way “from the Varangians to the Greeks”, St. Petersburg (Russia). Research interests: Antion Rus in IX-X centuries.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

ЭТНОГЕНЕЗ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В КОНЦЕПЦИЯХ А. А. ШАХМАТОВА

Аннотация: Автор рассматривает проблему восточнославянского этногенеза в работах А. А. Шахматова и приходит к выводу, что исследователь разработал оригинальную схему, однако, имевшую слабую доказательную базу и основанную на умозрительных положениях. Ученый сам это осознавал и не утверждал, а предполагал. Шахматов находился в постоянном поиске, нередко противоречивом, но всегда оригинальном, и именно в этом плане его труды сохраняют свою эвристическую ценность и заслуживают самого внимательного изучения и осмысления.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, восточные славяне, Киевская Русь, древнерусская народность.

Проблема славянского вообще и восточнославянского в частности этногенеза – одна из сложнейших и остродискуссионных в исторической науке. Довольно позднее появление славян на исторической арене, на достаточно высоком уровне социального развития, разделенного на племенные группы, лишает исследователей надежной основы для создания истории ранних славян, следовательно, и для создания их этногенеза. Достижения европейской славистики XIX в. опровергли взгляд на славянство как единую этнолингвистическую группу. Но отголоски предыдущих взглядов продолжали культивироваться и дальше, в том числе на рубеже XIX–XX вв. Но, как известно, исторические концепции, будучи

порожденными в определенную эпоху, отвечая на конкретные задания своей эпохи, часто становятся основоположными тезисами для последующих научных построений. Взгляд на отдельные славянские языки как наречия единого славянского языка, присущий особенно славистике первой половины XIX в., в том числе ведущей школы – французской¹, оставался еще актуальным относительно лингвистических групп, в частности восточнославянской, отсюда – употребление для обозначения славянских языков морально устаревшего «наречия». Таким образом, достижения славистики XIX в. к концу столетия актуализировали вопросы этногенеза славян, их разделения на отдельные группы и народы. С другой стороны, особенно со второй половины XX в., прослеживаются изменения в концептуальных подходах к процессу образования современных наций. К примеру, в украинской историографии в последнее время прослеживается отход от моноэтнического подхода в исследовании генезиса современной украинской политической нации, тем самым растет интерес и к исследованию места и роли средневековых этносов и народностей, в частности тех, которые творили политико-культурное образование, известное в историографии как «Киевская Русь»².

¹ См.: *Борщак І.* Слов'янські студії у Франції (1840–1950) // *Славістична збірка*. Вип. І. К., 2015. С. 119.

² Попытки более адекватно обозначить явление содействовали появлению целой палитры

Определение «единого государства» образовало и такие концепты, как «феодалная раздробленность», «общерусское летописание», а среди них и «древнерусская народность», одним из создателей которого считается академик Алексей Александрович Шахматов. Эта тема была предметом исследования Н. Н. Юсовой, которая посвятила отдельную статью³ персоне Шахматова и его роли в образовании концепта «древнерусская народность», а также выделила отдельный параграф в своей монографии «Давньоруська народність» (К., 2006)⁴. Но, последовательно обосновывая концепцию «древнерусской народности» как исторической реальности, Шахматов был вынужден предложить и собственное видение этногенеза всех «русских народностей» – великорусской, белорусской и малорусской, существование которых в историческое время как факта он признавал. Эта этногенетическая концепция ученого, несмотря на то, что ее критический анализ был проведен еще в 1915 г. в рецензии П. Я. Стебницкого⁵, всё еще остается недостаточно исследованной⁶, хотя последующие

изыскания в этой области, особенно российских ученых, основывались именно на трудах Шахматова. Недостаточно раскрыто и место Шахматова в истории славяноведения вообще⁷. Таким образом, данное исследование, с одной стороны, является своего рода продолжением исследований Н. Н. Юсовой, с другой стороны, является попыткой выяснить подходы одного из безусловно самых выдающихся исследователей восточноевропейского средневековья – академика Алексея Александровича Шахматова, труды которого оказывали и до сих пор оказывают влияние на исследователей и, думаю, еще длительное время в значительной степени будут определять направление исследований истории и культуры Киевской Руси.

Как известно, в медиевистику Шахматов вошел как величайший исследователь русского летописания⁸, но, как показала Н. Н. Юсова, его концепции «древнерусской народности» и восточнославянского этногенеза тоже оказали заметное влияние на построение концепций и соответствующей теории уже в советской историографии: «и у А. Преснякова, и В. Мавродина отчетливо ощутимо не только косвенное влияние, но и творческое заимствование основных идей, теоретических тезисных констант, почерпнутых из трудов языковеда»⁹. Вопрос этногенеза восточного славянства поднимался ученым уже в ранних трудах. По данным Н. Н. Юсовой, первые обобщения целостного видения проблемы

определений, как то: «Киевская Русь», «Древняя Русь», «Киевское государство», «Княжеская эпоха» и т. д. Далее в исследовании я буду преимущественно использовать «Киевская Русь».

³ Юсова Н. Н. Олексій Шахматов як фундатор концепції давньоруської народності // Історіографічні дослідження в Україні: Зб. наук. праць. Вип. 18. К., 2008. С. 164-180.

⁴ Юсова Н. Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-хрр.): Монографія. 2-е вид., перероб. і доп. К., 2006. С. 76–85.

⁵ С[тебницкий] П. У истоков славянства. [Рец.:] Энциклопедия славянской филологии. Издание отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук под редакцией проф. И. В. Ягича. Выпуск 11. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915. Стр. L+368. // Украинская жизнь. Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал. Год IV. № 8–9. М., 1915. С. 116-125.

⁶ Имеем даже неточные ссылки на Шахматова в этом вопросе. Например, С. Плохий отмечает, что,

согласно лингвистической теории Шахматова, на «Киевщине разговаривали “общерусским языком”, хотя ученый говорил о Киеве как столице, а не обо всем регионе: Плохий С. Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусі. К., 2015. С. 34-35.

⁷ См.: Лантева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012 (именной указатель).

⁸ Из последних работ: Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция. К., 2018.

⁹ Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 165.

образования русских наречий и русских народностей ученым выложены были в лекционном курсе, прочитанном Шахматовым в Московском университете в 1890–1891 учебном году¹⁰, однако целостно впервые были обнародованы в статье «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей», опубликованной в Журнале Министерства народного просвещения (№ 4 за 1899), но наиболее завершённый вид приобрели в курсе лекций «Введение в курс истории русского языка, часть I. Исторический процесс образования русских племен и наречий» (Петроград, 1916). Именно в это время учёный основательно занимался означенной проблематикой¹¹, но преждевременная смерть не дала возможности окончить начатые исследования.

«Восточное славянство», как и его синоним «древнерусская народность», являются чисто политическими конструктами. Следовательно, и исследования, посвященные восточнославянскому этногенезу, не лишены той или иной политической ангажированности¹². Очевидно, понимал это и Шахматов, в котором тем самым противостояли две силы – учёный и политик. Так, признавая украинский язык, украинское национальное движение, он в то же время не допускал никакой его политизации. Как вспоминал один из лидеров петербургской украинской громады Александр Гнатович Лотоцкий, Шахматов был «великорус до глубины своей души, но человек в высочайшей степени аристократичный и

гуманный, он подходил к украинскому вопросу и с гуманного взгляда высокообразованного человека, и с утилитарного взгляда великорусского патриота. Он твердо был убежден, что та политика угнетения и уничтожения всего украинского, которую традиционно проводило российское правительство, не только без протеста, но и с большим или меньшим содействием со стороны российской общественности, может иметь только один – катастрофический исход – конец для российского государственного дела. Та политика, которая вызывала глубокое возмущение в объектах угнетения, могла понудить их только к тому, чтобы решительно и окончательно порвать с тем государством, которое не обеспечивает, а, наоборот, лишает народ его естественного национального права. Поэтому акад. Шахматов всеми силами своего убеждения и своей энергии пытался, как он говорил, расчистить путь сожительства двух народов от тех препятствий, которые на том пути разбросаны, и за самый лучший способ к этому считал он активные усилия российской прогрессивной интеллигенции в борьбе против реакций относительно украинства. И это не только были слова со стороны этого святого человека (мы, петербургские украинцы, так и называли его – “святой Алексей, человек Божий”), но и непосредственно дела»¹³. Как пример, Лотоцкий приводит энергичные меры Шахматова относительно снятия ограничений с украинского печатного слова в Российской империи, а также издание Евангелия на украинском языке, но «тот самый “святой” А. А. Шахматов, который так искренне и преданно служил нам в делах культурно-национальных, совсем по-другому заговорил, когда речь зашла о минимуме политических требований для Украины. По вопросу,

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ См.: Пархоменко В. Из древнейшей истории Восточного Славянства. По поводу изысканий А. А. Шахматова в области территории и этнографии древнейшей Руси // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XXV. Пг., 1922. С. 485.

¹² Ср.: Этногенез ранних славян // Вестник РАН. Т. 73. № 7. 2003. С. 605.

¹³ Лотоцкий О. Перед бурей: Сторінка спогадів // Тризуб. Ч. 19 (77) – 8 травня 1927. 1927.

например, автономии Украины он высказался следующим образом: «К этому времени я был с вами. Когда же речь идет о автономии Украины, то я застегиваюсь на все пуговицы. Потому что дело здесь идет о жизненных интересах великорусского народа, который вы отделяете от теплого моря»¹⁴. Таким образом, в украинском вопросе Шахматов-ученый уступает Шахматову-политику. Признание реальности украинского движения, которое в начале XX ст. набирало силу, принуждало ученого направить усилия на защиту и развитие его культурной составляющей, чтобы таким образом предотвратить преобразование его в политическое движение. Тем самым гуманитарии осознанно или не осознанно были втянуты в проект образования концепции «великой русской нации»¹⁵ и ее этногенеза.

Естественно, что, будучи филологом, этногенез Шахматов рассматривал в контексте истории языка. Определяя понятие «русский язык», ученый обозначает его как «совокупность наречий великорусского, белорусского и малорусского, на которых разговаривает русский народ»¹⁶. При этом для Шахматова «русский» и «восточнославянский» являются синонимами, так же, как «восточнославянский» и «общерусский праязык»¹⁷.

Это противоречие прослеживается и в этнолингвистических исследованиях Шахматова. С одной стороны, «общерусское единство» определяется тем, что три главные русские наречия – великорусское,

белорусское и малорусское «объединены названием “русский”», что «указывает, следовательно, на общее их происхождение из некогда единого, нераздельного русского языка». С другой стороны, ученый осознает, что «“Русь”, “русский” – это не старое племенное название, объединявшее восточных славян, это термин прежде всего политический: Русью называли себя и свою страну жители Киевского Поднепровья; с распространением киевского политического могущества термин “русский” охватывал все племена, объединившиеся в Киевской державе Владимира и Ярослава, но не скоро стала называться Русью напр. северовосточная область Владимира Залесского или северные области Новгородцев; в Новгороде в XII и XIII в., как видно из местной летописи, Русью назывался именно Киевский юг»¹⁸. При этом «объединение так называемых *украинцев* с великорусами термином “русский” не может свидетельствовать об общем их происхождении в доисторическую эпоху, а свидетельствует только о позднейшем политическом и культурном единении в сфере Киевского государства»¹⁹.

Следовательно, Шахматов не считал «русское единство» исконным. Оно существовало на некотором этапе развития восточных славян, а в последующие эпохи сохраняло только своеобразное метафизическое единство. Для Шахматова «деление это основано не только на данных, представляемых особенностями этих говоров, но также и на резких отличиях, замечаемых в нравах, обычаях, творчестве, формах быта тех трех народностей русских, по которым получили свое название и наречия, ими

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Миллер О. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31-41.

¹⁶ Шахматов А. Русский язык и русская литература // Энциклопедический словарь. Т. XVIII. СПб., 1899. С. 564.

¹⁷ Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916. С. 674.

¹⁸ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916. С. 10.

¹⁹ Там же.

употребляемые»²⁰. Признавая в историческое время существование отдельных «русских народностей», хотя и объединенных политически и культурно, ученый вынужден был предложить и собственную схему этногенеза, тем самым он стал первым ученым, который предложил и обосновал этногенез восточных славян и их языков²¹.

С другой стороны, эволюционировал в своей концепции и сам Шахматов. Так, исходной концепцией осмысления темы была погодинская гипотеза²², от которой он постепенно отходил в дальнейших своих трудах и постепенно пришел к совершенно антипогодинскому выводу: «С точки зрения истории украинского народа мы должны отвергнуть самым решительным образом мысль о том, что Киевщина была в древности населена не предками современных малорусов, а предками современных представителей других русских народностей. Искать в X–XI веке у Днепра великорусов представляется совершенно бесполезным, ибо великорусская народность происхождения нового; она сложилась в историческое время в бассейне Оки из сожительства двух древних русских племен – севернорусского и восточнорусского; но искать в южном Приднепровье времен Владимира и Ярослава новгородских славян или смоленских кривичей или восточных вятичей не придет никому в голову. Следовательно, Киевщина и Переяславщина могли быть в начале нашей истории заселены только южнорусским, иначе малорусским

²⁰ Шахматов А. А. 1) К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. № 4. 1899. С. 324; 2) Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 9.

²¹ Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 166; Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...» Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб., 2000. С. 311.

²² См.: Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий // Русский филологический вестник. Т. XXXII. 1894. С. 1-12.

племенем, которое сидело вообще по всему Поднепровью, по обоим берегам Днепра»²³. Но и в позднейшие эпохи сохранялось «единство южнорусской семьи», и оно «не было нарушено и в XII и даже в XIV веке»²⁴.

Как было отмечено, в основе этногенеза Шахматова лежал лингвогенез. Так, определяя русский язык как совокупность великорусского, белорусского и малорусского наречий, Шахматов определяет древний период русского языка «как **период общерусского праязыка**, ибо некогда русский язык, в противоположность современному, представлял бóльшее единство, препятствовавшее распадению его на обособленные наречия», восстановление которого возможно на основании изучения данных позднейших эпох современного ученому языка и на основании сравнительного анализа данных других славянских наречий. Соответственно, «*все славянские наречия, а в том числе и общерусский праязык, выделились из одного общего основания, определяемого как общеславянский праязык*. Познание ближайшего предка общерусского праязыка – праязыка общеславянского – ведет неминуемо к лучшему пониманию состава языка в древнейший русский период; таким образом для восстановления отправных точек в изучении истории русского языка, а такими точками являются данные общерусского праязыка, необходимо сравнительное изучение всех славянских языков»²⁵.

В лингвистическом же плане общий прарусский язык определяются как предшественник велико- и малорусского языков²⁶. При этом ученый осознает, что от той отдаленной эпохи до нас не дошло

²³ Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 688.

²⁴ Там же. С. 690.

²⁵ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 4.

²⁶ Там же. С. 11.

никаких памятников. Следовательно, в основание реконструкции этно- и лингвогенеза восточных славян Шахматов кладет теоретическое построение, которое заключается «в тождестве отличий севернорусского и отличий южнорусского языков от языка общеславянского, и при том – севернорусского и южнорусского языков древнейшего периода, определяемого XI–XII веком. Отсюда заключаем, что необходимо допустить существование общего промежуточного периода между общеславянским праязыком и начальной жизнью языков севернорусского, с одной стороны, и южнорусского, с другой. Этот период мы называем *периодом общерусского единства*, а язык этого периода – *общерусским праязыком*»²⁷. Но если отличия севернорусского и южнорусского языков определяются на основании единичных особенностей письменных памятников (ученый выделяет 11 характерных фонетических различий, хотя и отмечает, что «значительная часть указанных явлений не чужда другим славянским языкам»²⁸), то «общеславянский язык» является чисто умозрительным, мы не имеем ни единого памятника этого языка. Таким образом, исходная точного этногенеза также оказывается чисто умозрительной. Фактически в этом тезисе прослеживается влияние на ученого панславистских концепций, хотя далее Шахматов говорит об общеевропейском культурном единстве, которое обозначает как средиземноморское и индоевропейское²⁹. Однако «средиземноморское», с одной стороны, является только составной частью европейского, а с другой – выходит за пределы европейского, ибо включает

северноафриканскую и малоазийскую составные, «ендоевропейское» же является более обширным, нежели чисто европейское. В историческое же время на пространстве Европы имеем несколько этнолингвистических групп (германцы, славяне, кельты, романские народы и т. д.), следовательно, не можем признать аргумент «обще европейского единства» для определения «общеславянского единства».

Но эта древняя общность, хотя и чисто умозрительная, нужна Шахматову как политик³⁰ для удержания единства «русского племени» в его время: «Мы в праве рассматривать все современные русские языки во всем их разнообразии как одно, в научном отношении, целое. За индивидуальными чертами, определяющими великорусский, малорусский и белорусский языки, мы видим те общие признаки их, по которым эти языки должны рассматриваться как части одного языка – русского»³¹, за единством языка, в понимании ученого, идет и единство народа. Но «в отношении к индивидуальным русским языкам мы, поэтому, будем пользоваться *этнографическими терминами – великорусский, малорусский и белорусский*. Напротив, культурные языки стремятся перейти за этнографические пределы. Культурный язык великорусского племени, получивший значение языка государственного, носит название *русский язык*. Культурный язык малорусского племени называется теперь его носителями *украинским*»³².

Таким образом, исходной точной для восточнославянского этногенеза является индоевропейское единство,

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 673.

²⁹ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 21.

³⁰ А. А. Шахматов был членом ЦК кадетской партии: Робинсон М. А. Общественно-научные взгляды и деятельность академика А. А. Шахматова. Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 5-6.

³¹ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 17.

³² Там же.

восточнославянская же семья выделяется из «восточноиндоевропейской», прародиной которой был Балтийский регион, доказательством чему является тот факт, «что балтийцы сидят до сих пор на этой территории, при чем каких-нибудь данных в пользу того, что они здесь не автохтоны, что они пришли сюда с юга, из южной России, мы не имеем», и «что *большинство лингвистов принимает существование славяно-балтской эпохи*, допускает, следовательно, в прошлом единство балтийских и славянских языков»³³. Но определяя Балтийский регион как прародину славян, Шахматов здесь же определяет и другой регион как праславянский – Повислинье³⁴.

Таким образом, определив «первую прародину славян» бассейном нижних течений Западной Двины и Немана, их ближайшими соседями на юге Шахматов называет финнов, а на юго-западе – германцев³⁵.

Благодаря уходу из Повислинья скиров, а затем готов, опустелые территории заняли славяне, образовав тем самым вторую свою прародину³⁶. Дальнейшее продвижение славян на юг стало невозможным из-за утверждения в Северном Причерноморье гуннов. Это обстоятельство, по мнению Шахматова, привело к отделению от общеславянской западной группы славян и переселению их на разреженные территории германского племени³⁷. Хотя такой вывод может быть приемлемым разве что для полабской группы славян. На пространствах, занятых, например, чехами или поляками, следов германских племен не обнаружено.

С другой стороны, отделение западной ветви приводит Шахматова к выводу о

культурном и политическом единстве восточного и южного славянства. При этом «с уверенностью можно думать о политическом объединении: его требовала борьба – подготавливавшая активное движение на юг»³⁸. К сожалению, ученый не приводит никаких источников для такого своего построения, но их, как известно, и нет. Развитие теории идет путем нанизывания гипотез одна на другую, что, несомненно, ослабляет доказательную базу концепции, хотя и не лишает ее оригинальности. Таким же теоретическим является и предположение о движении на юг якобы бывших в единстве южных и восточных славян двумя разными путями: более западным и более восточным. Следовательно, Шахматов приходит к следующему предположению: «В случае, если действительно движение направлялось по двум путям, то именно это движение из Повислинья на юг было, можно думать, причиной распада славянства, тогда еще единого в большей своей части, на ветви южную и восточную»³⁹. Эти процессы ученым датируются V–VI вв.⁴⁰

Основанием для такого вывода служат известия источников о словенах и антах. Как известно, вопрос об этнической принадлежности антов и на сегодняшний день остается остродискуссионным⁴¹. В этом вопросе, как и вообще в реконструкции движения славян на юг, Шахматов, видимо, опирается на исследования М. С.

³⁸ Там же. С. 43.

³⁹ Там же. С. 45.

⁴⁰ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. XVII.

⁴¹ См., например, дискуссию между М. В. Грацианским и С. А. Ивановым: Грацианский М. В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский временник. Т. 71 (96) 2012. С. 27-39; Аникин А. Е., Иванов С. А. Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражение М. В. Грацианскому) // Византийский временник. Т. 73 (98). 2014. С. 251-263; Грацианский М. В. Анты, венеты, вятичи, славяне: родство имен и родство племен (Ответ С. А. Иванову и А. Е. Аникину) // Византийский временник. Т. 73 (98). 2014. С. 264-277.

³³ Там же. С. 26, 27.

³⁴ Там же. С. 27.

³⁵ Там же. С. 33, 40.

³⁶ Там же. С. 41.

³⁷ Там же. С. 42.

Грушевского⁴², хотя и вступает с ним в некоторое противоречие. Грушевский ареал расселения антов относил к юго-восточному региону расселения восточного славянства, к территории Украины⁴³. Следовательно, согласно выводам украинского ученого, анты представляли собой «первую украинскую колонизацию»⁴⁴. По Грушевскому, а следом и Шахматову, разделение славян на словен и антов – явление не географическое, а этническое. При этом, если под словенями оба ученых понимают так называемых южных славян, то относительно антов их мнения в некоторой степени расходятся. Грушевский отмечает, что «“анты” могут отвечать только восточной группе, но и то с некоторым ограничением: мы не знаем, как далеко простиралось имя антов на север; чисто теоретически оно могло охватывать все восточнославянские племена, но в наших известиях встречаем это имя только в событиях и комбинациях, которые затрагивают одну только южную, черноморскую колонизацию восточнославянской ветви. Анты в нашем материале – это южная часть восточной ветви, то есть представители тех племен, которые образовали этнографическое единство, которое теперь называем украинским»⁴⁵. Из этого вывода Шахматов заимствует первую часть, но далее отождествляет антов с целой восточнославянской ветвью, то есть с общерусскими славянами⁴⁶.

Шахматов четко не определяет географию расселения антов, вероятно, принимает «черноморский регион» Грушевского, что следует из последующего

переселения антов/русов далее на север под давлением кочевников. «Чувство самосохранения привело их к движению в более северные области, лежащие вверх по Днепру и Днестру, следовательно – в современную Волынскую и северную часть Киевской губернии», следовательно, именно этот регион ученый считал «второй прародиной русских», «колыбелью русского племени, русскою прародиной»⁴⁷.

Принимая за исходящую точку расселения «русского племени» Волынь, всё же Шахматов отмечает, что «постепенный ход восточнославянской колонизации, ее пути и главные направления могут быть изображены только гадательно»⁴⁸. Первое разделение восточнославянского племени, по предположению Шахматова, было результатом переселения славян на левый берег Днепра, до того заселенный восточными финнами. В свою очередь, левобережная часть русского племени выделила из себя восточнорусскую, которая колонизовала Донецкий бассейн, осаживаясь по Северному Донцу и Осколу. Другим направлением восточнорусской (левобережной) колонизации был северный по течению Днепра, по «линии наименьшего сопротивления». «Это движение привело русских в северное Поднепровье, откуда они завладели истоками Западной Двины, Ловати и Волги, что открывало для них возможность широкого распространения по северо-западу, северу и северо-востоку России. Так выделилась из общерусской семьи ее северная ветвь», – подытоживает Шахматов. Следовательно, та часть восточнославянского племени, которая не принимала участия в восточнорусской колонизации, определяется как южнорусская, и «ее колонизационные движения направились к югу, юго-востоку и

⁴² Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. (Пам'ятки історичної думки України). Т. 1. К., 1994. С. 164-182.

⁴³ Там же. С. 166.

⁴⁴ Там же. С. 172.

⁴⁵ Там же. С. 176.

⁴⁶ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 46.

⁴⁷ Там же. С. 47, 48.

⁴⁸ Там же. С. 49.

юго-западу, как только открылись для этого благоприятные условия»⁴⁹.

Таким образом, Шахматов подводит к этнографической ситуации в Восточной Европе в историческое время, когда уже появляется нарративный и лингвистический материал. Но к этому времени, к IX в., уже нет единства, а есть три большие этнолингвистические группы. «Единство между древлянами и словенами, угличами и вятичами существовало только в прошлом»⁵⁰.

В итоге в границах Киевской Руси образовались разные этнонациональные группы, которые можно обозначить как «средневековые нации» (конечно, в понимании этнокультурном и политическом).

Прежде всего Шахматов выделяет *восточную ветвь русского племени* – предков современных ему великороссов⁵¹. Как было указано выше, единство составлял не только язык, но и бытовые и культурные условия существования славянской группы. Так и теперь, оказавшись в совершенно иной культурной и этнографической ситуации, нежели южнорусы, восточнорусы в своем движении на юго- и северо-восток всё более отдалялись от других русских племен.

Само исследование группы проводится на основании лингвистического материала трех преемников восточнорусских славян: южновеликорусское племя (Рязанская, Тульская и смежные губернии), непосредственными предками которых были вятичи, а особенности наречия фиксируются только с XIV в.; севернорусское, причем влияние польского языка объясняется влиянием соседних радимичей, которые были *от рода ляхов*, следовательно, и особенности белорусских говоров возникли под влиянием польского языка. Таким образом, Шахматов

приходит к следующим выводам: «1) *Северное Поднепровье было некогда занято ляхскими племенами; 2) возможно, что напор севернорусов отбросил некоторые из этих племен к востоку*». «И вот это обстоятельство, – продолжает исследователь, – необходимость пробиться через ляхскую среду для дальнейшего движения к северу – наложило, как мне кажется, отпечаток на всё севернорусское наречие»⁵². Третьей группой является группа *смешанных* говоров, где особенно выделяется говор города Москвы, когда «произносят гласные по южному, а согласные по северному» говорам⁵³. При этом, если разделение великорусского наречия на южную и северную группы восходит к периоду до XIV в. – времени образования Московского централизованного государства, то «сравнительное изучение великорусского и белорусского наречия показывает, что это деление исконное»⁵⁴. В то же время формирование самих народностей великорусской и белорусской исследователь ставит в зависимость от политических процессов уже в *позднее средневековье*, когда разрозненные русские княжества были объединены в составах Московского и Литовско-русского государств, при этом последнее обозначается как белорусское⁵⁵. Но уже в одном из последних своих трудов – исследовании «Древнейшие судьбы русского племени» (Петроград, 1919) Шахматов относит формирование трех русских народностей – россиян, белорусов и украинцев к «древнерусскому» периоду, и это

⁴⁹ Там же. С. 50-51.

⁵⁰ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. IV, VIII.

⁵¹ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 121-122.

⁵² Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 59.

⁵³ Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. С. 325.

⁵⁴ Там же. С. 325.

⁵⁵ Там же. С. 326.

формирование происходило на основании летописных племен⁵⁶.

Второй большой группой русских племен была южная (украинская) группа, которая осталась на старых местах жительства в Среднем Поднепровье, а также в бассейнах верхних течений Южного Буга и Днестра, «следовательно – в современной Волини и северной части Киевщины»⁵⁷. Именно эта группа развилась в *малорусскую, отличающуюся от южнорусской только своим объемом* (ибо северная часть ее перешла в группу белорусскую)⁵⁸. Но в другом своем труде, специально посвященном истории украинского языка для так называемой «Украинской энциклопедии», Шахматов дает несколько иную историю распада «единого русского языка». Ученый утверждает, что «малорусский язык выделился в весьма отдаленную эпоху из общерусского праязыка»⁵⁹.

Собственно, белорусские говоры для древнего периода Шахматов четко не определяет. Из его построений вытекает, что белорусский язык формировался из смешения разных языков и племен: «*южнорусы обнаруживали сильное тяготение к северу, сталкиваясь здесь на северо-западе с ляхскими племенами, населявшими нынешнюю Белоруссию, а на севере, в пределах позднейшей Смоленской области, – с севернорусскими кривичами. Эти столкновения вели к общению южнорусов с районом Балтийской культуры*»⁶⁰. Таким образом, белорусский язык, следовательно, и

белорусский этнос образовался «*из северных говоров южнорусской области, из поглощенных ими ляхских элементов и из западных говоров восточнорусской группы*»⁶¹.

Но здесь ученый впадает в противоречие. Если западные славяне были первыми, которые отделились от общеславянской массы еще на Висле и двинулись на запад, то как они могли заселять всё Поднепровье, территории, позже занятые североруссами, и земли Белоруси? Шахматов это объясняет «реконкистой» германцев, которые оттеснили славян от Эльбы назад на восток, что и принудило их распространиться по Припяти, заселить северное Поднепровье, дойдя до бассейна Оки⁶². Позднейшая ассимиляция с восточнославянскими племенами и обусловила фонетические элементы польского языка в говорах означенного региона.

Именное выделение белорусского наречия и народа из восточнославянской группы только в начале XII в. является самым слабым звеном концепции Шахматова. Объяснения образования этноса «механическим» способом из смешения разных этноязыковых групп представляются малоубедительными. Скорее, более приемлемыми являются подходы, по которым формирование белорусского этноса было результатом ассимиляции славянами балтов, проживавших там прежде славянской колонизации⁶³.

Перспективной представляется и концепция С. И. Смаль-Стоцкого о выделении севернославянской языковой группы, в состав которой входят языки польский, белорусский и севернорусский⁶⁴.

⁵⁶ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 63–64.

⁵⁷ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 63.

⁵⁸ Шахматов А. А. 1) Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 121; 2) Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 690 и сл.

⁵⁹ Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 664.

⁶⁰ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 64.

⁶¹ Там же. С. 121.

⁶² Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 676.

⁶³ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М., 1998. С. 38.

⁶⁴ См.: Смаль-Стоцкий С. Розвиток поглядів про сем'ю слов'янських мов і їх взаїмне споріднення.

Разделение восточнославянских племен на эти две большие группы – южнорусских (украинских) и восточнорусских (российских) племен Шахматов относит к VII–VIII вв., ко времени, предшествующему образованию Киевского государства. Последнее ученый датирует X в. Но, отождествляя русских и восточных славян, «настоящим основателем Русского государства» Шахматов провозглашает именно Владимира: *«Он объединил под свою власть все восточнославянские племена. Приобщением государства к Византийской цивилизации он дал ему определенный облик и создал могущественные средства для внутреннего единения»*⁶⁵. Правда, это единство распалось уже при Владимире с выделением в отдельный удел Изяслава Полоцкой земли. Но это не мешает Шахматову усматривать в дальнейшем периоде не только политические объединительные процессы, но и подобные тенденции в области культуры и языка. Внутренние миграционные процессы создавали благоприятные условия для живого общения между носителями разных этноязыковых групп. *«Под влиянием его стирались этнографическая и диалектическая обособленность, которая не преминула бы развиться при географическом разъединении разошедшихся по обширному пространству России восточнославянских племен. Обособленность эта должна была выступить особенно резко, как только эти племена, удалившись из первоначальной своей территории, из общей родины, втягивались в сферу различных культурных районов. Мы видели, что южные племена оставались в сфере возможного на них воздействия со стороны культуры византийской и черноморской, восточные –*

Друге доповнене видання. Прага, 1927. Ср.: Данилевский И. Н. Древняя Русь... С. 37–38.

⁶⁵ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 76.

втягивались в сферу хазарской культуры, а северные – заняли районы Балтийской культуры»⁶⁶. Хотя Шахматов и не приводит доказательств таких интеграционных процессов, они являются чисто умозрительными, эти тезисы нужны ему для обоснования своей же концепции о единстве русского языка в его время как совокупности русского, украинского и белорусского.

Следовательно, можно вполне согласиться с Н. Н. Юсовой⁶⁷ в том, что изменение своего подхода к истории украинского языка было вызвано именно политическими мотивами. Во время войны, когда кадеты готовы были идти на компромисс украинцам в вопросах культурных⁶⁸, в 1916 г., Шахматов уже утверждает, что «с точки зрения своего исторически засвидетельствованного прошлого, а также своего настоящего положения малорусский язык должен быть рассматриваем как нечто отдельное от других русских языков, ибо мы не располагаем никакими указаниями на то, чтобы язык малорусов переживал теперь какие-нибудь общие с другими русскими языками явления в области звуков, форм, словообразования»⁶⁹.

⁶⁶ Там же. С. 78.

⁶⁷ Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 173.

⁶⁸ Еще в 1912 г. М. С. Грушевский жаловался А. А. Шахматову относительно национального украинского вопроса в контексте неприглашения Киевского научного общества на Международный исторический съезд: «Когда нужно, тогда украинцы “ближайшие”, и обязательно им не отделяться, а вот при такой okazji поляков, литовцев вспомнили, а “со своими” – зачем церемониться. Это политика скверная. И без того порождает раздражение глубокое против великорусской интеллигенции и ее холодно-враждебного отношения к украинству, готового осуждать всякий контакт, всякое сотрудничество, хотя бы с прогрессивными, либеральными великорусскими сферами». (Макаров В. I. Листування М. С. Грушевського й О. О. Шахматова // Український історичний журнал. № 6. 1996. С. 26). После вмешательства Шахматова вопрос был решен положительно.

⁶⁹ Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 665.

Ученый даже утверждает, что уже до XI в. поляне, северяне, бужане и уличи разговаривали на одном языке⁷⁰. Хотя в частном письме М. С. Грушевскому от 13 февраля 1914 г. Шахматов между прочим замечает, что «на месте украинцев я бы не расстался ни с русским именем, ни с тем общерусским периодом, где они сыграли такую важную и блестящую роль»⁷¹. Этимологически же «русский» Шахматов выводит от названия варяжских дружин, подчинивших своей власти Среднее Поднепровье, которое первое усвоило себе это название и на момент образования «Русского государства» успело передать свое имя Южному Поднепровью, распространив его даже на Черное море⁷².

Таким образом, ученый формулирует концепцию о киевском *κοινῆ*, что также преследует чисто политические цели. Шахматов признает, что в своей основе язык древнего Киева является языком племени полян. Но как стольный град, Киев притягивал жителей всего государства, следовательно, поддавался языковым влияниям всех русских наречий. Ученый приходит к выводам, что «несомненно, по соображениям априорным, что в Киеве вырабатывалась своеобразная *κοινῆ*, отличная от говора сельских жителей Польской земли (земли полян)»⁷³.

Не менее априорной является и концепция Шахматова о языке образованных классов Киева. Как известно, ученый поддерживал концепцию о распространении христианства в Киеве с Болгарии. Также Болгарию он считал источником древнерусской письменности, начало которой относит к X в., к договорам Олега с

Византией. Тогда же, в X в., этот язык был освоен «образованными слоями» Киева.

«Итак, возможно, что в Киеве, рядом с говором господствующих классов (κοινῆ), отражавшим особенности нескольких русских живых говоров, складывался язык образованных классов, язык местного духовенства и других книжных людей: в основании своем – это был язык древнеболгарский, но древнеболгарский язык, прошедший через живую русскую среду, усвоивший себе русское произношение иноязычных звуков и ассимилировавшийся живому русскому языку также в морфологическом и лексическом отношении. На этом языке и писали и говорили: говорило духовенство, совершая богослужение и обращаясь к народу с проповедью, говорили послы в торжественных речах, говорили, так или иначе, все вообще лица, прошедшие школы, основывавшиеся на Руси в XI веке.»

Язык Киева в обоих его видах – язык городских классов и язык духовенства – переходил отсюда в другие центры Руси, а из этих центров он различными путями просачивался в деревенскую среду, в самую толщу народных масс⁷⁴. Таким образом, Шахматов постулирует общенациональную, в границах целой Руси, культуру, которая и обеспечивала «национальное единство»⁷⁵. Исходя из этого, Н. Н. Юсова пришла к справедливому выводу, что, «согласно теории А. Шахматова, общие культурные явления, единое культурное пространство являются определяющими для формирования новой общности; такой общности, построенной не на родоплеменных связях, а на культурной основе. Следовательно, по логике ученого, культурные процессы не только коррелируют с этногенетическими, но фактически детерминируют их и происходят в

⁷⁰ Там же. С. 683.

⁷¹ Макаров В. И. Листування М. С. Грушевського й О. О. Шахматова. С. 28.

⁷² Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 679.

⁷³ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. С. 80.

⁷⁴ Там же. С. 82-83.

⁷⁵ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. С. XL.

конкретных политических формах»⁷⁶. Но говоря о культурном единстве, в том числе восточноевропейском, можно подразумевать православное или даже общехристианское культурное пространство⁷⁷. Примечательно, что в другом своем труде Шахматов немного отходит от своих тезисов: «Общерусский праязык распался на отдельные наречия еще в эпоху доисторическую, в конце VIII или начале IX века; образование русского государства, объединение им под одной державой всех русских племен не могло привести к образованию одного общего народного языка; оно не успело создать и общего русского книжного языка, ибо книжным языком той эпохи, языком общим и для Киева, и для Ростова, и для Новгорода, и для Галича был вывезенный вместе с книгами из Болгарии церковно-славянский язык; но политическое объединение русских племен и образование ими русского государства могли иметь следствием то усиленное между ними общение, которое привело к тому, что наречия этих племен стали переживать общие явления в области звуков и форм»⁷⁸. Тем самым ученый отрицает существование общерусского языка в историческое время, в XI–XII вв.

Другим изъяном этногенетических концепций Шахматова Н. Н. Юсова сочла нечеткость употребляемых ученым этнотерминов. «Из-за этого общеметодического, объективного по своей сути, недочета научное построение российского лингвиста производит впечатление разрозненности отдельных модульных компонентов, непрописанности

логических связей между ними»⁷⁹. Но именно из этой неопределенной общности уже советскими историками будет выведена формула «древнерусской народности», окончательно сформулированной в трудах В. В. Мавродина⁸⁰ и с празднования 300-летнего так называемого воссоединения Украины с Россией 1954 года ставшей догмой советской историографии⁸¹.

Подытоживая, нужно отметить, что вопросы лингво- и этногенеза восточных (русских) славян занимали ученого на протяжении практически всей его научной деятельности, особенно начиная с 1890-х годов. Шахматов действительно разработал оригинальную схему, но слабым местом ее была доказательная база. Большинство тезисов, как он сам отмечал, были априорными, умозрительными. Поэтому никак нельзя согласиться с С. П. Обнорским, что схема этногенеза восточных славян Шахматова «наиболее стройная и научно обоснованная»⁸². Стройности ее лишает постоянный поиск, изменения в ключевых вопросах, которые часто были политически ангажированы. Научного обоснования не получается достичь за неимением источников как для общеславянского периода, так и для общерусского. Да и для периода Киевской Руси Шахматов оперирует ограниченным кругом источников, исключительно нарративными, в которые только единично вторгались элементы живого разговорного языка. Скорее, прав был В. А. Пархоменко, который отмечал, что в трудах Шахматова мы не находим чего-то оконченного и нерушимого, по большей части российский

⁷⁶ Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 170.

⁷⁷ См.: Пелешенко Ю. В. Українська література пізнього Середньовіччя (друга половина XIII–XVст.): Джерела. Система жанрів. Духовні інтенції. Постаті. 2-е вид., перероб. і доповн. К., 2012. С. 15.

⁷⁸ Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. С. 681.

⁷⁹ Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 171.

⁸⁰ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 392; Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 171.

⁸¹ Юсова Н. Н. 1) Олексій Шахматов... С. 165; 2) Давньоруська народність» ... С. 19.

⁸² Обнорский С. П. Предисловие // Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 4.

ученый дал последующим поколениям оригинальные гипотезы, а не научные доказательства⁸³.

Но именно труды Шахматова на долгие годы определили магистральное направление этногенетических исследований в российской, белорусской и украинской медиевистике⁸⁴. Хотя А. А. Шахматов в советскую эпоху и признавался буржуазным ученым⁸⁵, его труды не были запрещены, а курс «Очерк современного русского литературного языка», который отображал основные положения концепции этногенеза, неоднократно переиздавался на протяжении 1920–1940-х годов⁸⁶. Тем самым идеи ученого усваивались и развивались многочисленными последователями, а его труды порой подменяли необходимые для подобных построений источники.

Однако усвоение советскими лингвистами концепций Шахматова было предвзятым. Ученый не утверждал, а предполагал. Даже внося элементы политической конъюнктуры, он оставался ученым. Шахматов пребывал в постоянном поиске, часто противоречивом, но всегда оригинальном, и именно в этом плане его труды сохраняют свою эвристическую ценность и заслуживают самого пристального изучения и осмысления.

⁸³ Пархоменко В. Из древнейшей истории Восточного Славянства... С. 476.

⁸⁴ Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...». С. 311; Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 175.

⁸⁵ См.: Пашуто В. Т. А. А. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории. № 2. 1952.

⁸⁶ Юсова Н. Н. Олексій Шахматов... С. 175.

Бібліографія

- Аникин А. Е., Иванов С. А.* Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражение М. В. Грацианскому) // Византийский временник. Т. 73 (98). 2014.
- Аристов В. Ю.* Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция. К., 2018.
- Борщак І.* Слов'янські студії у Франції (1840–1950) // Славістична збірка. Вип. І. К., 2015.
- Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М., 1998.
- Грацианский М. В.* О происхождении этнонима «анты» // Византийский временник. Т. 71 (96). 2012.
- Грацианский М. В.* Анты, венеты, вятичи, славяне: родство имен и родство племен (Ответ С. А. Иванову и А. Е. Аникину) // Византийский временник. Т. 73 (98). 2014.
- Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. (Пам'ятки історичної думки України). Т. 1. К., 1994.
- Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.
- Лотоцький О.* Перед бурею: Сторінка спогадів // Тризуб. Ч. 19 (77) – 8 травня 1927. 1927.
- Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945.
- Макаров В. І.* Листування М. С. Грушевського й О. О. Шахматова // Український історичний журнал. № 6. 1996.
- Макаров В. И.* «Такого не бысть на Руси прежде...» Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб., 2000.
- Миллер О. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
- Обнорский С. П.* Предисловие // Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Пархоменко В.* Из древнейшей истории Восточного Славянства. По поводу изысканий А. А. Шахматова в области территории и этнографии древнейшей Руси // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XXV. Пг., 1922.
- Пауто В. Т.* А. А. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории. № 2. 1952.
- Плохій С.* Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусі. К., 2015.
- Пелешенко Ю. В.* Українська література пізнього Середньовіччя (друга половина XIII–XV ст.): Джерела. Система жанрів. Духовні інтенції. Постаті. 2-е вид., перероб. і доповн. К., 2012.
- Робинсон М. А.* Общественно-научные взгляды и деятельность академика А. А. Шахматова. Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1975.
- Смаль-Стоцький С.* Розвиток поглядів про сем'ю слов'янських мов і їх взаємне споріднення. Друге доповнене видання. Прага, 1927.
- С[тебницький] П.* У истоков славянства. [Рец.:] Энциклопедия славянской филологии. Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук под редакцией проф. И. В. Ягича. Выпуск 11. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915. Стр. L+368. // Украинская жизнь. Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал. Год IV. № 8–9. М., 1915.
- Шахматов А. А.* К вопросу об образовании русских наречий // Русский филологический вестник. Т. XXXII. 1894.

Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. № 4. 1899.

Шахматов А. А. Русский язык и русская литература // Энциклопедический словарь. Т. XVIII. СПб., 1899.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Часть I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Этногенез ранних славян // Вестник РАН. Т. 73. № 7. 2003.

Юсова Н. Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-х рр.): Монографія. 2-е вид., перероб. і доп. К., 2006.

Юсова Н. Н. Олексій Шахматов як фундатор концепції давньоруської народності // Історіографічні дослідження в Україні: Зб. наук. праць. Вип. 18. К., 2008.

Сведения об авторе

Гордиенко Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины; ведущий научный сотрудник Национального заповедника «София Киевская», г. Киев (Украина). Область научных интересов: история Украины, история Киевской Руси, русско-византийские отношения.

E-mail: dmytro.gordiyenko@gmail.com

D. S. Gordienko

ETHNOGENESIS OF THE EASTERN SLAVS IN THE CONCEPTS OF A. A. SHAKHMATOV

Annotation: The author examines the problem of East Slavic ethnogenesis in the works of A. A. Shakhmatov and comes to the conclusion that the researcher developed an original scheme which, however, had a weak evidence base and was based on speculative propositions. The scientist himself was aware of this and did not assert, but assumed. Shakhmatov was in constant search, often contradictory, but always original, and it is in this respect that his works retain their heuristic value and deserve the most careful study and reflection.

Keywords: A. A. Shakhmatov, Eastern Slavs, Kievan Rus, Old Russian nationality.

References

Anikin A. E., Ivanov S. A. Antskaya problema kak predmet etimologii i etnoistorii (vozrazhenie M. V. Gratsianskomu) [The problem of Antae as a subject of etymology and ethnohistory (objection to M. V. Gratsiansky)]. *Vizantiiskii vremennik*. Vol. 73 (98). 2014. (In Russian).

Aristov V. Yu. Aleksei Shakhmatov i rannee letopisanie. Metod, skhema, traditsiya [Alexey Shakhmatov and the early chronicle. Method, scheme, tradition]. Kyiv, 2018. (In Russian).

Borshchak I. Slov'yans'ki studii u Frantsii (1840–1950) [Slavic studios in France (1840–1950)]. *Slavistichna zbirka*. Iss. I. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Danilevskii I. N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.): Kurs lektsii: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Ancient Rus through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries): A course of lectures: A textbook for university students]. Moscow, 1998. (In Russian).

Gratsianskii M. V. O proiskhozhdenii etnonima “anty” [On the origin of the ethnonym “anty”]. Vizantiiskii vremennik. Vol. 71 (96). 2012. (In Russian).

Gratsianskii M. V. Anty, venety, vyatichi, slavyane: rodstvo imen i rodstvo plemen (Otvét S. A. Ivanovu i A. E. Anikinu) [Anty, Veneti, Vyatichi, Slavs: kinship of names and kinship of tribes (Answer to S. A. Ivanov and A. E. Anikin)]. Vizantiiskii vremennik. Vol. 73 (98). 2014. (In Russian).

Grushevs'kii M. S. Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11 t., 12 kn. [History of Ukraine-Rus: In 11 vol., 12 books]. Ed. by: P. S. Sohan' et al. (Pam'yatki istorichnoi dumki Ukraïni). Vol. 1. Kyiv, 1994. (In Ukrainian).

Lapteva L. P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v. [The History of Slavic studies in Russia at the end of the XIX – first third of the XX century]. Moscow, 2012. (In Russian).

Lotots'kii O. Pered bureyu: Storinka spogadiv [Before the storm: a page of memories]. Trizub. Part 19 (77) – May 8, 1927. 1927. (In Ukrainian).

Mavrodin V. V. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Rus state]. Leningrad, 1945. (In Russian).

Makarov V. I. Listuvannya M. S. Grushevs'kogo i O. O. Shakhmatova [Correspondence of M. S. Grushevsky and O. O. Shakhmatov]. Ukraïns'kii istorichnii zhurnal. No. 6. 1996. (In Ukrainian).

Makarov V. I. “Takogo ne byst' na Rusi prezhe...” Povest' ob akademike A. A. Shakhmatove [“This has not happened before in Russia...” The story of Academician A. A. Shakhmatov]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).

Miller O. I. “Ukraïnskii vopros” v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [“The Ukrainian question” in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the nineteenth century)]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).

Obnorskii S. P. Predislovie [Preface]. Shakhmatov A. A. Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka. Moscow, 1957. (In Russian).

Parkhomenko V. Iz drevneishei istorii Vostochnogo Slavyanstva. Po povodu izyskaniya A. A. Shakhmatova v oblasti territorii i etnografii drevneishei Rusi [From the ancient history of the Eastern Slavs. About the research of A. A. Shakhmatov in the field of territory and ethnography of ancient Rus]. Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk. Vol. XXV. Petrograd, 1922. (In Russian).

Pashuto V. T. A. A. Shakhmatov – burzhuznyi istochnikoved [Shakhmatov as a bourgeois source expert]. Voprosy istorii. No. 2. 1952. (In Russian).

Plohii S. Pokhodzhennya slov'yans'kikh natsii. Domoderni identichnosti v Ukraïni, Rosii ta Bilorusi [The Origin of Slavic nations. Pre-modern identities in Ukraine, Russia, and Belarus]. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Peleshenko Yu. V. Ukraïns'ka literatura pizn'ogo Seredn'ovichchya (druga polovina XIII–XV st.): Dzherela. Sistema zhanriv. Duhovni intentsii. Postati [Ukrainian literature of the late Middle Ages (the second half of the XIII–XV centuries): Sources. Genre system. Spiritual intentions. Figures]. 2nd ed., revised and exp. Kyiv, 2012. (In Ukrainian).

Robinson M. A. Obshchestvenno-nauchnye vzglyady i deyatelnost' akademika A. A. Shakhmatova [Socio-scientific views and activities of academician A. A. Shakhmatov]. Avtoref. diss ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1975. (In Russian).

Smal'-Stots'kii S. Rozvitok poglyadiv pro sem'yu slov'yans'kih mov i ïh vzaimne sporidnennya [Development of thoughts about the family of Slavic languages and their mutual kinship]. Druge dopovnene vidannya. Prague, 1927. (In Ukrainian).

S[tebnitskii] P. U istokov slavyanstva. [Retsenziya:] Entsiklopediya slavyanskoi filologii. Izdanie otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii Nauk pod redaktsiei prof. I. V. Yagicha.

Iss. 11. A. A. Shakhmatov. Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka. Petrograd, 1915. Str. L+368. [At the origins of the Slavs. [Review:] Encyclopedia of Slavic Philology. Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences edited by Prof. I. V. Yagich. Issue 11. A. A. Shakhmatov. An essay of the oldest period of the history of the Russian language. Petrograd, 1915. Page L+368]. *Ukrainskaya zhizn'. Ezhemesyachnyi nauchno-literaturnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal*. Year IV. № 8–9. Moscow, 1915. (In Russian).

Shakhmatov A. A. K voprosu ob obrazovanii russkikh narechii [On the question of the formation of Russian adverbs]. *Russkii filologicheskii vestnik*. Vol. XXXII. 1894. (In Russian)..

Shakhmatov A. A. K voprosu ob obrazovanii russkikh narechii i russkikh narodnostei [On the question of the formation of Russian dialects and Russian nationalities]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. No. 4. 1899. (In Russian).

Shakhmatov A. Russkii yazyk i russkaya literatura [Russian language and Russian literature]. *Entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. XVIII. St. Petersburg, 1899. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka [An essay on the most ancient period of the history of the Russian language]. Petrograd, 1915. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Vvedenie v kurs istorii russkogo yazyka. Chast' I. Istoricheskii protsess obrazovaniya russkikh plemen i narechii [Introduction to the course of the history of the Russian language. Part I. The historical process of formation of Russian tribes and dialects]. Petrograd, 1916. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Kratkii ocherk istorii malorusskogo (ukrainskogo) yazyka [A brief outline of the history of the Little Russian (Ukrainian) language]. *Ukrainskii narod v ego proshlom i nastoyashchem*. Vol. 2. Petrograd, 1916. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Drevneishie sud'by russkogo plemeni [The ancient destinies of the Russian tribe]. Petrograd, 1919. (In Russian).

Etnogenez rannikh slavyan [Ethnogenesis of the early Slavs]. *Vestnik RAN*. Vol. 73. No 7. 2003. (In Russian).

Yusova N. N. "Davn'orus'ka narodnist'": zarodzhennya i stanovlennya kontseptsii v radyans'kii istorichnii nautsi (1930-ti – persha polovina 1940-h rr.) ["Old Rus nationality": the origin and formation of the concept in Soviet historical science (1930s – the first half of the 1940s)]: *Monografiya*. 2nd ed., revised and exp. Kyiv, 2006. (In Ukrainian).

Yusova N. N. Oleksii Shahmatov iak fundator kontseptsii davn'orus'koï narodnosti [Alexey Shakhmatov as the founder of the concept of the Old Rus nation]. *Istoriografichni doslidzhennya v Ukraïni: Zb. nauk. prats'*. Iss. 18. Kyiv, 2008. (In Ukrainian)..

About the author

Gordienko Dmitry S., PhD in History, senior researcher at M. S. Grushevsky Institute of Ukrainian Archaeography and Source Studies of NAS of Ukraine; leading researcher at National Conservation Area “St. Sophia in Kiev”, Kyiv (Ukraine). Research interests: history of Ukraine, history of Kievan Rus, Russian-Byzantine relations.

E-mail: dmytro.gordiyenko@gmail.com

ТЕРМИН «ЭТНОС» И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Аннотация: В статье предпринимается попытка соотнести определение этноса, сформулированное Л. С. Клейном, с имеющимися упоминаниями в отечественных и зарубежных источниках слова «русь» и его производных в XII–XVI вв. В качестве признаков, по которым можно определить русский этнос, выбран широкий список: устойчивая группировка людей, самоназвание, язык, религия, раса, общность происхождения. В результате проведенного анализа выяснилось, что за исключением признака наличия обозначения русского языка, все остальные признаки имеются в источниках и могут служить в качестве этноопределяющих. На этом основании ставится вопрос о возможности формирования русского этноса уже к XVI в.

Ключевые слова: этнос, русь, русские, Клейн, идентичность.

Памяти Льва Самуиловича Клейна

Лев Самуилович Клейн долгое время занимался научным определением термина «этнос» и одноименным концептом. Свои итоговые размышления (точнее, собрание статей) он опубликовал в двухтомнике «Этногенез и археология»¹. В частности, коротко и неоднократно он высказывался об этносе на сайте Генофонд.рф, а также написал на этом сайте отдельно статью «Этнос» в рубрике «словарик»², ее текст как квинтэссенция понимания этноса Л. С.

¹ Клейн Л. С. Этногенез и археология. В 2-х т. СПб., 2013. Т. 1. Теоретические исследования. Общим вопросам этногенеза посвящена первая часть первого тома. Дополнительно: Клейн Л. С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 13-23.

² Клейн Л. С. Этнос // Генофонд.рф. URL: http://xn--c1accbaafalcl.xn--p1ai/?page_id=3175 (дата обращения: 10.04.2021). В самой статье авторство не указано.

Клейном и взят за основу дальнейшего терминологического понимания этноса.

Согласно определению, сформулированному Клейном, этнос – это «устойчивая группировка людей, которая обладает общностью некоторых реальных признаков, отражаемой в общественном сознании (не только самих этих людей, но и их соседей) как общность исторических судеб в рамках единого *социального организма* или в связи с ним.

Объединителями и опознавательными признаками могут выступать язык, религия, *раса* и др., но в демографической практике определяющим служит *этническое самосознание*, формально выраженное в самоназвании и реально объективируемое в социальных отношениях, политических акциях, культурных предпочтениях, идеологических декларациях и т. п. В этническом сознании (и самосознании) отражается корреляция культурных признаков индивида с его социальным положением, связями и возможностями. Общественное сознание выдвигает на роль *этнических признаков* то одни из объективных объединителей, то другие и осмысливает эту общность обычно в форме убежденности в общем происхождении. Вот почему различные объективные факторы способны выступать – то одни, то другие, порознь и в разных сочетаниях – диагностическими признаками этноса».

Там же сказано: «В основе категории этноса лежит идея *«общности исторической судьбы, преимущественно – общности происхождения, неважно истинная или ложная, но подкрепляемая вполне реальными признаками, всякий раз разными (Клейн 1995)»*.

Усвоив приведенное определение и наиважнейший тезис в нем, что появление этноса зиждется на идее общности

происхождения, резонно попробовать проверить прочность дефиниции термина «этнос» и проверить на реконструкции, могут ли этносы существовать в средневековье.

Дополнительно оговорю, что приведенная здесь дефиниция мною взята как для «проверки» данного определения этноса на исторических примерах, так и по той причине, что оно близко к определению этноса у С. М. Широкогорова (у Клейна больше определенности в признаках этноса) и несколько отличается от хрестоматийного определения советской этнографии, но тоже весьма близко к нему. Так, у Широкогорова: «этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп»³. Советский учебник по этнографии под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Марковой выделяет этническую общность, этнос в узком смысле данного термина (иначе «этникос») и в широком. В узком смысле этносы представляют «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированном в этнониме»⁴. В широком смысле этносы имеют единую территорию и обладают не только этнической, но и социально-экономической общностью⁵. В советской этнографии было принято выделять три типа социально-экономических организмов: племя, характерное для первобытной эпохи, народность – для рабовладельческих и феодальных эпох, и нация – для эпох капитализма и социализма.

В последние десятилетия сыгравший «Реквием по этносу» В. А. Тишков в позитивном ключе рассматривает «изгнание

этноса» из ряда наук, отмечая обращение историков к этому термину, когда этнологи в конце 1980-х гг. от него стали отказываться⁶. Поначалу испытывая симпатии к работам этого исследователя и к конструктивистам в целом (сборник под редакцией Ф. Барта в свое время на меня произвел большое впечатление⁷), я ничего не мог поделать с «этническими» упоминаниями в исторических источниках. Можно эти упоминания игнорировать, но объяснить их постоянство в истории одним лишь отрицанием *конструктивистов* – невозможно⁸. К счастью или нет, но, идентифицируя себя русским, я не в силах считать этот индикатор «воображаемой реальностью» или выдуманной *конструкцией*, как о том могут заявлять некоторые историки⁹. Во-первых, я говорю на русском языке, конечно, я могу понимать разную речь и разные языки, в том числе язык древнерусских летописей, но современный русский для меня является родным и в нем мне максимально комфортно существовать, потому что я улавливаю в нем малейшие смысловые и эмоциональные нюансы, однако подавляющее большинство

⁶ Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5-22.

⁷ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969. В русском переводе: Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006. Работа впечатлила меня, тем не менее, она привела и в недоумение – больше внимания уделялось африканскому континенту, где складывалась своя специфика этногенеза, Европа по большому счету и ее история оставались за пределами внимания исследователей данного сборника. Сама работа впечатлила меня, тем не менее, она привела и в недоумение – больше внимания уделялось африканскому континенту, где складывалась своя специфика этногенеза, Европа по большому счету и ее история оставались за пределами внимания исследователей данного сборника.

⁸ Критический взгляд на примордиализм и конструктивизм вместе с историографическим обзором конструктивизма изложен в статье: Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиавистике: взгляд из «древнерусской перспективы». Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М., 2018. С. 467-487. Надо отметить превратное понимание «воображенного сообщества» частью историков, особенно украинских.

⁹ Толочко А. П. Воображенная народность // Ruthenica. Т. I. К., 2002. С. 116-117.

³ Широкогородов С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток, 2002. Кн. 2. С. 42.

⁴ Этнография. Учебник / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. М., 1982. С. 16.

⁵ Там же.

языков и людей я не понимаю. И это объективная реальность (и даже в каком-то смысле материальная действительность). Во-вторых, относительная изоляция языка создает свою специфику и в культуре, и в привычных на бытовом уровне вещах. Максимально наглядно это проявляется при встрече с представителями другого (сильно отличающегося от русского) языка и иных культурных привычек и традиций. Даже публикуя работы на английском языке (английский индеец, араба, немца, россиянина и т. д.), историки разных стран вкладывают совершенно разные понимания тех или иных терминов и концептов, потому что исходят из соображений своего языка и своих привычных историографических пониманий и представлений (если английский язык не является для них родным). Технически – язык один, но, опуская вариации английского, становится очевидным, что за ним стоят своеобразные контексты, присущие той или иной культурной и историографической традиции. В этом плане интернет-ресурс Academia.edu, где публикуют свои работы и общаются ученые из разных стран, – это обширное поле для этноязыкового анализа (так, я обнаружил, что у датских и немецких исследователей имеется свой отдельный английский язык, который мне трудно понимать из-за новых лексических конструкций).

Сам Л. С. Клейн считал этнос объектом социальной психологии и, судя по всему, стоял на позициях примордиализма, при этом избегая биологизаторства. Лично у меня сложилось представление о необходимости синтеза примордиализма и конструктивизма (в эпоху Средневековья вряд ли можно говорить об инструментализме)¹⁰.

¹⁰ Предварительно можно сказать, что первые элементы в осмысление и формирование русского этноса внесли религиозные деятели, именно они в первую очередь размышляли над историей и современной им историко-политической ситуацией в религиозном контексте, в системе координат «свой-чужой» и «русский-не русский», только религиозный компонент у них сливался с «этническим». И этот этноконфессионализм они пытались соотнести с этниконом и с политической формой зарождавшегося государства, начиная еще с домонгольского времени: есть Русь, дробящаяся в политическом отношении страна, и есть князь или совокупность князей, и только

Хронологические рамки выбраны XI–XV вв. – время написания и время первых дошедших до нас летописей, – отчасти, для дополнения, взяты источники XVI–XVII вв. Стоит сделать важную оговорку: ПВЛ, созданная, вероятно, в начале XII вв., дошла в самом древнем списке XIV в., на что следует делать поправку, ведь переписчик мог вносить в ее текст понятийную лексику своего времени. С XVI в. круг источников начинает значительно расширяться, как за счет зарубежного, так и отечественного происхождения, с этого времени становится понятно, что Москва – главный или один из главных политических центров по объединению русских земель.

Для соотношения источниковых данных с маркерами, определяющими, по вышеизложенной формулировке, этнос, мною выбран широкий перечень признаков, по которым можно попытаться определить русский этнос: 1) устойчивая группировка людей (идентичность); 2) самоназвание (и самоидентификация); 3) язык; 4) религия; 5) раса; 6) общность происхождения.

По источникам приводятся цитаты с корнем «рус/русь» (и их производными), которые могут подразумевать этнический контекст. В данном случае представляет интерес и конфессиональное обозначение руси. Пресловутая «древнерусская народность» не рассматривается в тексте¹¹,

княжеская власть может служить гарантом защиты христианской веры и православных людей от «агрессии» иноплеменников и людей иной религии. На некоторые такие аспекты в свое время обратила внимание И. В. Ведюшкина (*Ведюшкина И. В.* Русь и «русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 111–113*). Возможно, в силу принятия татарами ислама, принятия скандинавскими странами католицизма, его усиления в странах Европы, причем сшедшим параллельно с тем процессом ослабления Византии как флагамена православной культуры, религия на Руси начинала выступать главным этноопределяющим маркером, при этом никогда не сливаясь с конфессионимом полностью.

¹¹ Древнерусской народности, с включением историографического обзора, специально посвящены следующие работы: *Седов В. В.* Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999; *Толочко П. П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб, 2005. Вопросу «этнического» в Восточной Европе в трудах историков

поскольку в летописях по домонгольскому периоду трудно судить о процессе этногенеза на Руси. Тем не менее, возникает мысль: не смешиваем ли мы отдельные элементы, присущие этносу, с народностью, т. е. с «древнерусской народностью», а именно – самоназвание и принадлежность к одной одноименной конфессии? Проанализировав источники, забегаю вперед, отмечу, у меня сложилось представление о поступательном движении складывания русского этноса: проявлялись отдельные, еще во многом размытые его признаки. Появляется некое широкое и абстрактное понимание русского этноса, связанное с политическим (и географическим) и религиозным обозначением людей. Если люди на бытовом примере видели, что они причисляют себя к «русской вере», русским людям, а их земли относятся тоже к «русским», соответственно, они близки и всем прочим «русским» и вместе с ними составляют некую группу людей, некую общность (идентичность). Например, на другом конце Европы, начиная со Столетней войны, во французском королевстве (к слову, средневековый писатель Боккаччо в «Декамероне» понимал под Францией земли, на которых действуют законы французского короля, при этом он не знает французов) возникают первые ростки французской нации именно в противопоставлении себя англичанам. Как пишет Дэвид Поттер, сложение французской идентичности во многом зависело от французской власти и от пропаганды лояльности феодалов французскому королю, при этом отчасти проникая и в крестьянскую среду¹².

Думается, в эпоху средневековья возможно говорить не столько об этносах, сколько о появлении некой матрицы этнического порядка, в границах политического организма и социально-культурных особенностей, при этом она может не всегда полностью совпадать с

какими-то государственными образованиями. Люди средневековья могут причислять себя к определенному «этносу», но на повседневном бытовом плане ценностной окажется связь с социальной группой (по профессии, роду деятельности), земельностью и культурному пространству – село/город, а не более абстрактное культурно-языковое единство, общность происхождения и т. д. При этом нельзя исключать существование этносов в средневековой европейской истории. Если для французского королевства существовала проблема этнической разнородности и проблема нелояльности вассалов (королевская власть постулировала идею королевских подданных), то на Руси во многом население считалось славянским и в достаточной степени однородным (язык, религия), выработывался концепт объединения русских земель. Основная проблема консолидации Руси заключалась не столько в этнокультурной разнородности, сколько в политической раздробленности страны. Важно отметить, что власть монарха или центральная власть (для Италии и Германии в достаточно поздний период) пыталась подчинить всё население или объединить в рамках одного государства разные этнические общности, соответственно, формировалась идея надэтнической общности – нации. В российской истории так получилось, что сформировалась идея объединить один разрозненный народ (народ бывшей Древней Руси) в рамках одного государства, под властью одного монарха. Поэтому часть русской шляхты Речи Посполитой и часть казачества пыталась проводить обособленный политический курс от Москвы, боясь утратить свои привилегии.

Л. С. Клейн считал, что «Этносом может быть и государство, и родоплеменная общность, и народность, и любая полития»¹³. На мой взгляд, в данном случае возникает подмена понятий. При отождествлении этноса с государством возможно спутать этнос с нацией (для сравнения – русский и

специально посвящена работа Ю. С. Кучина: *Кучин Ю. С. Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII в отечественной историографии (середины XX – начало XXI в.). М., 2017.*

¹² *Potter D. A history of France, 1460–1560. The emergence of a nation state. New York: St. Martin's Press. 1995. P. 17-19.*

¹³ *Маркина Н. Этногенез и синтез наук. Полит.ру. [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2015/03/07/klejn_balanovskaya_1/ (Дата обращения: 14. 10. 2020).*

россиянин). При этом сам Л. С. Клейн подчеркивал, что нельзя для всех этносов найти одинаковые признаки¹⁴. В отдельных случаях этноопределяющим признаком окажется принадлежность к религии, как, например, у части южных славян: сербы – православные, хорваты – католики, боснийцы – мусульмане. В других случаях – иные признаки.

Моя позиция в оппонировании Л. С. Клейну заключалась в том, что в родовых группах (общностях) нет важного признака – этнической солидарности, солидарность в таких обществах проявляется через родственную связь, в то время как в этносах, на мой взгляд, она зиждется не на родственных, а в большей степени на культурных и социальных, соседских связях: люди как в одном поселении, так и в других поселениях не считают себя близкими родственниками, но проявляют солидарность на основе культурно-языковой, религиозной и т. п. общности, и я склонен заключать, что этнос – продукт письменной культуры. Этнос – более сложный социальный организм, нежели социальный организм, основанный на принципах кровного родства (род, клан, фратрия). Члены этноса не видят смысла в междоусобной войне, если набор неких признаков с очевидностью демонстрирует их идентичность между собой (появляется этническая солидарность). Однако данное обстоятельство не отменяет вероятных внутренних конфликтов и междоусобных войн (на Руси таковыми зачастую оказывались межкняжеские споры и войны). В то время как в родоплеменных обществах на первый план будет выходить важность интересов определенного рода и его выживание, в этносе таковым аналогом окажется социальный организм как культурно-историческая общность. Между этносами и общностями, что формируются на кровнородственной (биологической) основе (патрилинейное или матрилинейное родство) пролегает существенная грань, которая заключается в разной системе ценностных координат. Родовые группы легко распадаются, поэтому и легко ассимилируются: не надо вступать в

конфронтацию с другими кровнородственными системами, таким социальным единицам останется только адаптироваться под новые социальные, экономические, культурные и политические условия, потому что они входят в более многочисленную социальную группу на уровень ниже. Родственные связи никуда полностью не исчезают, зачастую смещаются ценностные ориентиры. Рано или поздно социальным организмам, основанным на кровнородственных связях, придется «включать» себя в идентичность более масштабного социального организма. Идентичность более «низового» порядка рано или поздно начнет размываться, если определенная группа не ведет обособленного и автономного существования (те же оленеводы на севере России).

Я думаю, остается практически неразработанной тема этнических иерархий: какие следует выделять группы «соплеменников» и по каким признакам их определять. При рассмотрении разных обществ у конструктивистов присутствует недооценка учитывать стадию развития разных социумов – в письменной или бесписьменной культуре, учитывать исторические особенности – те же европейские нации и народы, в противовес народам Африки, зачастую жившим в бесписьменный период, в отсутствии сильной центральной власти и в отсутствии универсальной монотеистической религии, где примат абстрактного единства и четкой социально-политической иерархии осознавался бы на идейном уровне.

Например, славяне, как можно судить по письменным источникам, по названию считали себя одноименным племенем, этносом. Различные группы и общности славян (среди восточных, западных и южных), видимо, тоже делились на местные, региональные «этносы», возможно, существовали и какие-то более мелкие этнические группы, о которых можно только догадываться¹⁵. Так, В. А. Шнирельман

¹⁴ Клейн Л. С. Этногенез и археология... С. 41-52.

¹⁵ Вальтер Поль считает правильным делом говорить не о какой-то врожденной характеристике, а об «этнической практике», воспроизводящей связи, удерживающие группу вместе. При этом он полагает, что проявлялась общеславянская идентичность и

предполагает, что в эпоху первобытной родовой общины как таковых этносов не существовало (внутри крупных этнокультурных объединений члены таких сообществ если и обладали единым самосознанием, то весьма слабым), но для крупных этносоциальных образований дает название *протометаэтнические общности*. Он приводит пример трехуровневого группового самосознания у аборигенов-питьяндара – те называли территорию проживания «своей страной», сознавали и свою принадлежность к отдельным общинам, но в большинстве случаев, отвечая на вопрос о своей принадлежности, люди указывали на географический район обитания нескольких общин¹⁶.

В обществе, где имеется письменность и начинает появляться образование, особенно в условиях наличия центральной власти, активизируются центристремительные тенденции, возникает тенденция к унификации и универсализации в культуре, социуме, языке и т. д., дабы на огромном пространстве лучше понимать друг друга (в частности, так возникает и «древнерусский язык», зато в отношении языка повседневности древней Руси дело обстоит гораздо сложнее¹⁷). В условиях децентрализации средневековой Руси фактором «объединения» выступала

идентичность отдельных славянских групп (об этом далее в основном тексте). Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies // Archaeologia polona. 1991. Vol. 29. P. 39-49. Данное замечание о практике, устоявшейся традиции переключается с аспектом определения этноса у Л. С. Клейна.

¹⁶ Шнирельман В. А. Аграрная эволюция: от раннеземледельческой общины до стратифицированных обществ. М., 2021. С. 270-271.

¹⁷ Впрочем, следует заметить, множество князей домонгольской Руси перемещались по разным землям, занимая тот или иной город вместе со своим двором; книжники вырабатывали литературный язык, который понимали в разных уголках Руси. И, как сообщает летописец под 1037 г., из Киева шло распространение религиозной книжности, в городе шла подготовка религиозных деятелей, видимо отсюда и почитание Киева неким средоточием русской (синоним православной) культуры, когда он даже в политическом плане перестал представлять собой первоначальную ценность. Возникает вопрос, так не следует ли предполагать, что некий язык общения наддиалектного уровня (древнерусское койне) к моменту вторжения монгол всё-таки существовал?

религия/конфессия, близость говоров и диалектов, а также историческая традиция жизни под эгидой правящего дома Рюриковичей. В дальнейшем, с усилением центральной власти на территориях бывшей Древней Руси, вопрос «русскости» в той же Москве пытаются перевести в политическую плоскость и координировать на каком-то своем уровне и в силу своего понимания. Этот процесс «русификации» выражался в приеме новых «земельных титулов», в претензиях к «русским территориям» Речи Посполитой вплоть до правления Екатерины II, в превращении аристократии в подданных¹⁸.

Думается, важно отметить существенную роль системы ценностных координат. В бесписьменный период люди осознавали свою этнокультурную и социально-культурную близость с теми, с кем часто контактировали на повседневном уровне (зачастую общность обосновывалась кровнородственными связями), радиус таких контактов мог достигать, наверное, десятки километров. Всё, что выходило за рамки частых контактов, превращалось в некоторую расплывчатую абстракцию – в той или иной местности живут другие группы, о них, кроме названия, мало что известно. Поэтому, представляется, славяне, аналогично идентичности эллинов, – абстракция, которая не представляла собой той ценности, которые имели таксономии более низового уровня – причисление себя к одной этнической общности на основе земельности (фессалийцы, этолийцы, беотийцы и т. д.) или к конкретной гражданской общине в архаико-эллинистический периоды. Поэтому славян, наверное, следует охарактеризовать как метаэтническую общность, которую сложно назвать этносом, возможно, изначально одноименный этнос существовал, однако в дальнейшем он разросся до таких широких размеров, превращаясь в некую абстракцию

¹⁸ Впрочем, в отличие от европейских коллег, московскому князю это делать было гораздо легче, в силу разрастания Москвы из заурядного городка мелкого княжения в огромную по своим масштабам политику, когда знать появлялась из служилых и кормленцев, людей, лично обязанных княжеской милости.

самоназвания и названия языка, что славяне стали обладать диффузным самосознанием.

Что касается истории Руси, то первые местные книжники-летописцы оказывались пионерами в деле осмысления новой складывающейся общности – им требовалось осмыслить себя и с позиции принадлежности к новой религии, и с позиции жителя нового политического объединения (о чем крайне схематично замечается в космогоническом прологе ПВЛ), и с позиций тех региональных общностей, которые к тому времени уже успели сложиться, о чем практически ничего или мало что известно. В трудах первых летописцев предпринимается попытка масштабного осмысления Руси как политического, географического и даже этнического явления. Для древних интеллектуалов Русь – это не игра ума и воображения, а уже очевидная реальность, отсюда и возникшие попытки объяснения новых явлений и свершившихся событий. Таким образом, если появился некий ответ, объясняющий появление Руси как страны, появление русских людей и князей, значит, возникали вопросы. И в данном случае работы древнерусских книжников (дошли они до нас полностью или нет) – результат рефлексии образованных людей на некие исторические явления, на некие масштабные изменения, которые происходили в мире и отображались в окружающем их пространстве и на них в частности.

Далее, наберусь смелости выдвинуть тезис, вопреки некогда устоявшемуся мнению о распаде «древнерусской народности»¹⁹, что в период монгольского владычества источники свидетельствуют о культурно-языковой консолидации «русских». Примечательна в данном плане галицко-волынская летопись, где русские признаются культурно-языковой общностью и одноименной идентичностью, они противопоставляются всем прочим иноплеменникам – ляхам, пруссам, ятвягам, уграм и т. д. В летописи даже проявляются этнические особенности русских: под 1249г.: «Русские стремительны в нападении:

выдержим их натиск – они не могут выдержать долгого боя», «Ляхи ругались, говоря: “Гони долгобородых!”» (перевод фрагментов О. П. Лихачевой). И, несмотря на региональные различия, судя по источникам, в русской истории наличествовала проблема политических разногласий. Как такового в них нет намека на проблему культурно-религиозного и языкового порядка. Отсюда проистекает та сложность выделения отдельных этносов-наций из русского народа, которая захлестнула Россию во второй половине XIX века²⁰ – слишком прочной оказалась «русская» общность, а русский этнос достаточно крепким. Этнота как биологического организма или какой-то отдельно взятой сущности не существует, однако в повседневной практике на повседневно-бытовом уровне он воплощается как в традиции самоименования, в воспитании и образовании, начиная с того возраста, когда человек начинает задаваться вопросами, кто мы и откуда приходим. В результате можно обозначить этнос через социально-культурное и социально-политическое единство. Русское единство складывалось через первое, большие современные европейские нации – через второе в уже позднее время. По своей сути современные нации совпадают с понятием политонима. В первом случае под политическим единством страны в процессе укрепления власти русских великих князей и царей происходит унификация этнических региональных вариаций, видимо, отсюда и проистекает недопонимание в определении этнического между разными языковыми культурами, между российскими исследователями – с одной стороны и зарубежными исследователями – с другой. Мною не раз отмечалось, что даже видные отечественные историки, говоря о складывании русского этноса, в отношении русской истории подразумевают этнос, а в отношении складывания европейских общностей подразумевают под ними

²⁰ Современные русские – единственные, кто сохранил свое самоназвание и название своей страны. Видимо, «русское» так вошло в самосознание людей, чтобы оно изначально ни значило, что от этого наименования, подкрепленного многовековой традицией, трудно отказаться.

¹⁹ В данном случае более всего подходит обозначение *протоэтнос* или наличие отдельных черт протоэтноса.

политические нации. *Происходит бессознательная подмена понятий.* В период XI–XIII вв. в источниках понятие руси, начиная с Повести временных лет, сближается с современным понятием политонима и – определенно – говорит о формировании русской политической нации, с превращением ее в русский этнос.

Данная полемическая заметка – всего лишь повод к размышлению над терминологическим аппаратом исторической науки (а этнос – категория названной дисциплины) и над научными представлениями о прошлом. Надеюсь, она не окажется совсем уж бесполезной затеей.

Проявление «этнического» в домонгольской Руси (короткие заметки)

Известная Повесть временных лет, как и Новгородская летопись, впрочем, как и позднейшие летописи, призваны информировать читателя о том, откуда пошло название Руси, кто такие «русь» и что было до появления руси в Восточной Европе. Уже в XI–XII в., когда записывалась и редактировалась ПВЛ, элита и просвещенная часть русского общества имели какое-никакое, но представление о происхождении страны Русь и народа русь, что произошли эти названия от пришедших откуда-то из-за моря варягов. Согласно легенде, основателем княжеской династии и первым, кто получил право владеть (властвовать) в землях восточных славян (и не только славян), был Рюрик. Другой вопрос, в какой степени это варяжское объяснение воспринималось в разных частях Руси и в разных слоях древнерусского общества. К тому же, благодаря принятию христианства в его православной форме, появилось вполне зримое подспорье для средневекового обывателя – принадлежность к одной конфессии (*русская*, или *греко-русская* вера). Например, летописцы то и дело упрекают князей в том, что те приводят на русь *поганных*, от чего страдают христиане, а значит и христианская вера. Князья политические раздоры ставят выше религиозного единства, личные интересы выше интересов общности веры. В данном случае одна общая религия и мысль о едином боге служили, либо могли послужить тем

краеугольным камнем, на котором могло возникнуть нечто единое в пределах новой огромной страны. Древнерусские книжники проводили грань по религиозной линии между группами людей. В то же время в русских летописях проводится грань и по «этническому» признаку: свои поганые (т. е. кочевники-христиане) и дикие (кочевники-язычники), в то же время летописцы видят *иных*, других, не смешивая конфессию с этноязыковой градацией. Вдобавок русь в письменных источниках отделяется от греков: греки и русь – одной веры, но они никогда не смешиваются между собой. Уже в первых летописях начинает пока еще в зачаточном состоянии, но проявляться этническая градация, она не играет особой роли и не представляет ценности, она только-только формируется, едва осознается. В письменных источниках явным образом проходит разграничение по линии происхождения руси как особого сообщества людей, которые названы по имени неких варягов. Таким образом, есть *мы*, русь (русские?), и есть *они*, остальные.

Самые первые «этнические» разграничения можно усмотреть в употреблении «языци» в космогоническом прологе ПВЛ и в «Слове о законе и благодати митрополита Илариона»²¹. П. С. Стефанович предлагает свой взгляд на период первых веков русской истории и начального периода летописания. По его мнению, разным этапам/«слоям» летописания соответствуют разные этно-исторические модели или «проекты идентичности», а именно: «Древнейший пласт “Начальной летописи” отражает “родовой”, “локально-этнический” или “гентильный” взгляд. Печерские книжники, создавая своды в конце XI – начале XII в., отталкивались от византийских религиозных моделей, но и у них можно различить нюансы в подходах. Автор НС

²¹ На счет «языци» и «мы – они» И. Данилевский по домонгольскому периоду замечает следующее: возможно, летописец находится на той стадии этнической самоидентификации, когда «уже появилось представление о “них”, но еще не вполне ясно оформилось представление о том, кто же такие “мы”». *Данилевский И.* Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // *Ab imperio.* 2001. № 3. С. 163-165.

[Начальный свод – прим. А. З.] прямо связывал богоизбранность Руси с имперским “расширением” идентичности. В ПВЛ акцент переместился на “последние времена”, но скорее не в связи с особой ролью руси, а с осмыслением половецкой угрозы²².

Т. Вилкул и С. Николаев проанализировали упоминание «руси» в Повести временных лет и пришли к выводу, что русь фигурирует в качестве этнонима, когда упоминается в перечне «скандинавских» народов, а также в переводной литературе, обусловленной византийской тематикой: «большинство сообщений, в которых русь представлена вне списков племен, является цитатами из переводных текстов... После 971 г. византийские источники, по крайней мере такие, которые возможно идентифицировать, прекращаются. Слово русь продолжает употребляться, однако его частотность резко снижается, изменяется и семантика термина. В летописных статьях XI– XII вв. русь обозначает преимущественно княжеское войско, с противопоставлением грекам или кочевникам, а также является хоронимом (названием страны)»²³. В заключении они резюмируют: «Летописец неоднократно подчеркивает, что после прихода руси вместе со своими князьями на славянские территории русь вместе с местным населением создала новую общность, и что нынешняя русь — как раз результат этого синтеза. Термин «политоним», разумеется, не мог быть известен составителю ПВЛ, но фактически, на доступных конкретных примерах нам сообщается именно о политониме русь»²⁴.

Любопытные наблюдения о формировании «национального сознания» через религиозную литературу представлены у Мишеля Бушара в статье «Средневековый “народ Русь”: религиозные основания русской нации». Так, он считает, что истоки русской нации следует искать в период

Киевской и средневековой Руси, задолго до Петра Великого. И им подмечен любопытный аспект: благодаря религиозной литературе, идеи этнической обособленности, видимо, проникали в крестьянскую среду еще в средневековье²⁵.

В зарубежных средневековых источниках Русь воспринимается как одна целая страна, внутри которой, как и в остальных странах, могут возникать и длиться долгое время политические конфликты²⁶. В основе этих конфликтов лежат либо аристократические (политические, экономические) споры, либо споры, возникшие на «земляческих» интересах. Постоянные войны и стычки на протяжении столетий между новгородской и владимирской русью наводят на мысль о неприязни друг к другу по политическому и географическому принципу, хоть в них зачастую лежат политические причины, тем не менее я их называю «земельческими» войнами. Внутри самой большой земли могут возникать внутренние различия, где объединяющей основой служит принадлежность к городу, микрорегиону. В таких землячествах интересы, как и у древних греков, принадлежность к тому или иному полису (или исторической области) играли более весомую роль, нежели принадлежность к общему названию.

Обозначение в источниках Руси как географического пространства

Начать, наверное, следует со сложного понятия Руси, Русской земли в широком и узком значениях, до конца не решенного в исторической науке. Первые попытки осмысления Руси в широком и узком значениях предпринимались еще в XVIII–XIX вв. (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, А. Ф. Федотов и др.). Важной вехой в исследовании данного вопроса стало историко-географическое исследование А. Н. Насонова, посвященное территориальным вопросам «древнерусского государства» и

²² Стефанович П. С. К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании // *Slověne*. 2018. № 2. С. 377.

²³ Вилкул Т. Л., Николаев С. Л. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1. С. 146.

²⁴ Там же. С. 155.

²⁵ Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation // *Ab imperio*. 2001. № 3. С. 97-122.

²⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. 4.

проблемам его образования²⁷, в дальнейшем дополнить и исправить его работу взялся Б. А. Рыбаков²⁸. Сравнительно недавно на качественно новый уровень проблему толкования значений Руси вывели работы В. А. Кучкина²⁹ и И. В. Ведюшкиной³⁰. Последняя из упомянутых исследователей считает, что настала пора переходить с описательного уровня на уровень картотек и статистики: только путем количественного накопления упоминаний «руси» в нарративных источниках, с их конкретным смысловым наполнением возможно в позитивном ключе решить проблему употребления этого слова.

Как бы то ни было, однако, с XIII в. значение лексем «Русь» и «Русская земля» в летописях расширяется в географическом значении. Перед походом на Калку в 1223 г. старейшие князья земли Русской – Мстислав Галицкий, Мстислав Черниговский и Мстислав Киевский держат совет, решая, вступать им в войну с татарами или нет. Князь из галицкой волости упомянут в качестве одного из старейших князей Русской земли. Далее Русь и Русская земля начинает расширяться до новгородских пределов: от галицко-волынских земель до Муромо-Рязано-Ростовских.

В Суздальской летописи о нападении Дюденевой рати на Северо-восточную Русь, о разгроме Владимира, Москвы и других городов сказано: «... и много зла створиша в Русской земли»³¹. В 1257 г. татары проводят перепись населения, о чем поведано в летописи так: «...изочтоша всю землю Русскую»³². В 1327 г. Иван Данилович приводит «из Орды рать на Русь»³³, чтобы покарать мятежную Тверь. Далее в тексте

летописи Русь и «вся Русская земля» предстают синонимами.

В данном «русском отношении» особняком стоит новгородское летописание и Новгородская земля («вся волость Новгородская»). Так, в новгородской первой летописи под 6677 (1169) г., когда под Новгород пришли силы Андрея Боголюбского (и силы его союзников), упоминается «и вся земля просто Русьская»³⁴. Новгород в понятие Руси и Русской земли не входит, далее в ней сообщается: «пришла весть из Руси злая»³⁵. Однако и в ней Новгород иногда отождествлялся с Русью: Александр Невский «потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю»³⁶.

В первой Софийской летописи, в месте о смерти Александра Невского, говорится: «...много тружшеса за землю Русьскую, и за Новъгородъ и за Псковъ, и за все великое княжение живот свой отдавая»³⁷. Новгородчина (в том числе и псковщина) не является Русью в географическом смысле, новгородцы отделяют себя от Руси и выделяют себя из Руси.

Обозначение в источниках людей, населяющих Русь

Для обозначения людей в летописях употребляется форма «русь». Так, в Ипатьевской летописи сказано: «роусь же потопташа»³⁸, «и тако поможеть Бог Роуси»³⁹, «Роусь же доспѣвше полкъ»⁴⁰, «возворотитшася Роусь»⁴¹, «...избити...всю Роусь»⁴², «побѣдиша Лаховѣ Роусь и оубиша от нихъ многих от боарь и от простыхъ люди»⁴³. В Новгородской первой летописи: «избиша Корела городчан, кто был Руси в Корельском городке, и выведоша к себе Немец»⁴⁴; в четвертой новгородской летописи: «русских сынов и поганых (...)

²⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

²⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 56–66.

²⁹ Кучкин В. А. «Русская земля по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 74–100.

³⁰ Ведюшкина И. В. Русь и «русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. С. 101–116.

³¹ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 368.

³² Там же. С. 366.

³³ Там же. С. 371.

³⁴ ПСРЛ. М., Л., 1950. Т. 3. С. 33.

³⁵ Там же. С. 82.

³⁶ Там же. С. 84.

³⁷ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 191.

³⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 427.

³⁹ Там же. С. 428.

⁴⁰ Там же. С. 429.

⁴¹ Там же. С. 433.

⁴² Там же. С. 446.

⁴³ Там же. С. 592.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 94.

Русин за татаринoм гoняшeся»⁴⁵. Или: «мнoгoе мнoжeствo избиeнo бысть рускиx вoй»⁴⁶.

В oднoй из свoих рaбoт, aнaлизирuя истoчники, Б. Флoря прихoдит к вывoду, чтo нa прoтяжeнии втoрoй пoлoвинy XIII – в нaчaлe XIV в. сaмoидентификация нaселeния с «Русью» и «русскими» прoчнo утвeрдилaсь вo вceх чaстях Дрeвнeй Руси⁴⁷. Oднaкo, нaдo скaзaть, здeсь присутствyет мнoгo прoтивoрeчий: eщe в XV в. псковичи и нoвгoрoдцы прoтивoпoстaвляли сeбя Руси (мoсквичaм). Eсли и прoисхoдит вышeупoмянутaя сaмoидентификация, тo в oтнoшeнии житeлeй Нoвгoрoдскoй зeмли oнa утвeрдяeтся сaмым нeпрoчным oбрaзoм.

В сyдeбникe Ивaнa III 1497г. yжe нeт тaких этнo-сoциaльных пoнятий, кaк *варяг*, *кoлбяг*, *русин* и *слoвeнин*, кoтoрыe присутствyют в «Рускoй прaвдe». В «Хoждeнии зa трe мoрy» Aфaнaсия Никитинa гoвoрится o тoм, кaк вo врeмя пyтeшeствия пo Вoлгe нa них нaпaли тaтaры, сyднo рaзгрaбили и «чeтырe гoлoвы взяли рускыe (...) дa русaкoв нaс дeсeть гoлoвaми»⁴⁸. Дaлee oн сoбщaет в тeкстe: «яз нe бeсeрмeнянин – русинь»⁴⁹. Здeсь, видимo, слeдyет прoтивoпoстaвлeниe пo рeлигиoзнoмy признaкy.

Итaльянский пyтeшeствeнник XV в. И. Бaрбaрo в oтнoшeнии рускиx yпoтрeбляeт слoвo *Rossiani*⁵⁰. Дрyгoй итaльянский пyтeшeствeнник и сoврeмeнник И. Бaрбaрo Кoнтaрини испoльзyет пoнятия Нижняя и Верхняя Россия (*Rossia Bassa*, *Rossia Alta*), пoд пeрвым пoнятиeм yкaзывaется Лyцк и Житoмир, нo исклyчaeтся Киев, пoд втoрым – oблaсть сeвeрo-вoстoчнoй Руси⁵¹. Рязань,

eщe нe присoединeнную к Мoсквe, oн oтнoсит к Рoссии, a житeлeй рязанскoгo княжeствa нaзывaeт русскими⁵². Мoсквa и Рязань – двe рaзные пoлитии сo свoими прaвитeлeями. Пo вceй видимoсти, в XV в. пoнятиe *русские* yжe нaчинaeт пeрeхoдить в пoнятиe этничeскoгo, пoтoмy чтo пaрaллeльнo сyщeствyют тaкиe пoлитoнимы, кaк *мoсквичи*, *твeричи*, *нoвгoрoдцы*⁵³.

Обозначение в источниках языка, на котором говорят и пишут жители Руси

В oтнoшeнии нaзвaния языкa – здeсь имeeтся нeдoстaтoк свидeтeльств в истoричeских истoчникaх. В ПВЛ пoд 6406 (898) г. гoвoрится, чтo «Слoвeньскый язык и Рускый oднo eсть»⁵⁴, вoзмoжнo, имeeтся ввиду язык бoгoслyжeния. Пoд 6751 (1243) гoдoм, скaзaнo, чтo Ярoслaв Всeвoлoдoвич «стaрeи всeм князeм в Русскoм языкe»⁵⁵. Дaнный фрaгмeнт трyднo интeрпрeтирoвaть oднoзнaчным oбрaзoм, нo впoлнe мoжнo пeдпoлaгaть, чтo пoлитичeскoe (oнo жe и гeoгрaфичeскoe) прoстрaнствo Руси сближaeтся с нaзвaниeм oснoвнoгo языкa и стaнoвится вzаимoзaмeняeмым пoнятиeм.

В пoвeсти o Тимoфeе Влaдимирскoм XV в. гoвoрится: «...плeнникъ eсмь, русинь, бeжa ис Кaзaни нa Русь, и слышaх тeбя, пo-руски пoющa вeликый стих Бoгoмaтeрe...»⁵⁶, – здeсь снoвa, oчeвиднo, рeчь идeт o языкe бoгoслyжeния. В тeкстe o житии Стeфaнa Пeрмскoгo («Из вeликих минeй чeтырх Митрoпoлитa Мaкaрия») пишeтся: «Сий прeпoдoбный oтeцъ нaшъ Стeфaн бe yбo рoдoм русинь, oт языкa слoвeньскa, oт стрaны пoлуoщнyя, глaгoлeмyя Двиньскa, oт грaдa, нaрицaeмaгo Устьюгa...»⁵⁷. Нaдo пoлaгaть, oбoрoт «рoдoм русин» yжe пoдрaзyмeвaeт нe тoлькo кoнфeссиoнaльнoe

⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 80.

⁴⁶ Независимый летописный свод 80-х годов XV века. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. С. 402.

⁴⁷ Флoря Б. Н. Истoричeские сyдьбы Руси и этничeскoe сaмoсoзнaниe вoстoчных слaвян в XII–XV вeкax (к вoпрoсу o зaрoждeнии вoстoчнoслaвянских нaрoднoстей) // Этничeскoe сaмoсoзнaниe слaвян в XV стoлeтии. М., 1995. С. 20.

⁴⁸ «Хoждeниe зa трe мoрy» Aфaнaсия Никитинa. Библиoтeкa. Т. 7. С. 350.

⁴⁹ Там же. С. 354.

⁵⁰ Бaрбaрo и Кoнтaрини o Рoссии. К истoрии итaлo-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 133, пaрaгрaф 57.

⁵¹ Там же. С. 210-211.

⁵² Там же. С. 201-202, пaрaгрaф 27.

⁵³ Нaпримeр, Aфaнaсий Никитин гoвoрит, чтo в oднoй лoдкe был тaтaрский пoсoл и 10 русaкoв, в дрyгoй лoдкe 6 твeричeй и 6 мoсквичeй, и тaк пoнятнo, чтo вo втoрoй лoдкe тoлькo русские, oбoзнaчaeтся пoлитичeскaя и гoрoдскaя принaдлeжнoсть (см. снoскy 28).

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 20.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 326.

⁵⁶ Пoвeсть o Тимoфeе Влaдимирскoм. Библиoтeкa. СПб., 2006. Т. 9. С. 108.

⁵⁷ Библиoтeкa. СПб., 2003. Т. 12. С. 148.

обозначение (т. е. «православный»), но и этническое.

В более поздних источниках, как, например, русско-немецком разговорнике Тонни Фенне 1607 г. имеются следующие сообщения: «...писал рускую книгу» и «...как надобно немчину с русином по руски говорить...». Вероятно, можно сказать, что к началу XVII в. русские говорят и пишут на рус(с)ком языке. Так, в «Трактате о двух Сарматиях» (1517) Матвей Меховский сообщает, что «в Московии одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах»⁵⁸, по его словам, «вогулы и жители Вятки – русские и говорят по руски. Они придерживаются одной веры и религии по образцу греческой»⁵⁹. Русские в церквях используют для службы славянский язык («In ecclesiis rutenorum lingua seruigum, qua est slauonica...») ⁶⁰.

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, издавший в 1547 г. на латинском языке «Записки о московских делах», утверждает, будто жители самой России считают, что название их страны означает «разбросанность», «рассеяние»⁶¹. Там же он сообщает, что жители на родном языке именуют себя Russi, а на латыни именуются Rhuteni. О своем происхождении они знают из своих летописей⁶². Австрийский дипломат, пересказывая содержание этих летописей (вероятно, самих летописей посол не читал, а пересказывает их содержание со слов местных жителей), отождествляет современных ему русских, жителей России, с теми русскими, которые упоминаются в наших нарративных источниках. Из сочинения Герберштейна становится очевидно, что иностранцы видели Россию, разделенную между правителями Московского княжества, Литвы и Польши, а литовцы и москвиты для них – политонимы.

⁵⁸ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., Л.: Наука, 1936. С. 116.

⁵⁹ Там же. В латинском тексте используется термин «рутены»: «Rutheni sunt et Ruthenicum loquuntur», т. е. рутены говорят на рутенском языке.

⁶⁰ Там же. С. 175.

⁶¹ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2-х т. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1. С. 34.

⁶² Там же. С. 40.

Московские правители владеют большей частью России (Russiae), а остальными частями России владеет польский король Сигизмунд⁶³. Жители верховьев Волги и Белоозера (видимо, племя весь) имеют свой язык, но перешли на русский (рутенский)⁶⁴.

В статуте Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1566 г. сказано: «А писарь земский маеть по Руску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы, и такъ маеть писарь присегати»⁶⁵. Письменный язык и язык делопроизводства в ВКЛ обозначается «русским». Вероятно, здесь присутствует прямая связь с языком богослужения и с происхождением самой русской письменности от древнеболгарской.

Теперь попробую подытожить сказанное. Начиная с XIII в. Русь фигурирует в качестве названия страны и особого региона (наравне с Русской землей), где проживает русь, за исключением Новгорода. Русь (в демографическом смысле) не может быть просто политонимом в силу того, что это название применяется для жителей разных княжеств (волостей), но не применяется к жителям всей новгородской волости (впрочем, в шведской хронике Эрика XIV в. жители новгородчины именуются русью). Таким же образом русь не может являться конфессионимом, ведь новгородцы тоже были православными⁶⁶, но в источниках

⁶³ Там же. С. 122.

⁶⁴ Там же. С. 352.

⁶⁵ Статут Великого княжества Литовского 1566 года. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских М., 1855. Т. 25. С. 63. Раздел 4, артикул 1.

⁶⁶ В. А. Ткачук для последующего времени приходит по сути к тому же выводу: «как показали источники XVI–XVII вв., репрезентирующие идеологию разных социальных слоев руси Речи Посполитой, даже вне «русской веры» русь могла оставаться русью. Религиозное не сливалось с этнокультурным, одно не являлось синонимом другого. Если до Берестейской унии (1596) русь почти всегда ассоциировалась с Православием, то после нее – не обязательно. Под русью Речи Посполитой мы должны понимать в XVII в. в большей степени этнокультурную идентичность, а религию – как один из маркеров рускости, но не единственный. Речь посполитская русь разных социальных слоев объединялась под сенью Киевской митрополии (хотя в рассматриваемый нами период это единство было ослаблено ввиду параллельного существования и

неоднократно можно встретить противопоставление руси и новгородцев, руси и псковичан.

Далее возможно сгруппировать ряд признаков, по которым следует соотнести историческое знание с признаками этноса в дефинициях, изложенных ранее в тексте.

Русь – устойчивая группировка людей, которая обладает общими признаками: язык (возможно, здесь стоит подразумевать язык богослужения), конфессия, общее название и общее название страны (Новгород и его жители в русском нарративе до XV в. включительно периодически выпадают из понятия Руси как название страны и как название людей), общность происхождения (название руси – от варягов, пришедших в Восточную Европу, язык – от славян).

– Устойчивая группировка – есть: русь, русские.

– Самоназвание – имеется: русь, русские.

Общие признаки:

– язык (здесь трудно определенно говорить до XVI в.), вероятно, уже к XVI в. осознавался русский (и некое койне);

– религия (точнее, конфессия) – есть: православие, «русская вера»;

– раса – европеоиды⁶⁷, но вряд ли уместно анализировать данный признак⁶⁸.

– Общность происхождения – имеется: от варягов по имени русь (название) и от славян.

Устойчивая группировка в данном случае проявляется и через самоназвание, и через идею общего происхождения самоназвания (от варягов), и через общую конфессию, язык богослужения, а с XVI –

нач. XVII в. возможно говорить о разговорном языке как о русском («русском»).

На основе вышеприведенных крайне схематичных замечаний можно ли предполагать, что в XI–XV вв. происходит начальный этап формирования русского этноса, который трансформируется из квазиэтноса русь/соционима (собирательное обозначение скандинавов, осевших в Восточной Европе, сами летописцы считали это названием одного народа) в политоним, а затем в этноним? Или этногенез русских протекает вместе с понятийными проявлениями соционима, политонима и конфессионима, отчасти сливаясь с ними, отчасти расходясь в значении, и, чем ближе к современности, тем более проявляется компонент этничности?

Если не этнос, то что?

другой Киевской митрополии – униатской)». *Ткачук В. А.* «Русская вера» кон. XVI – первой пол. XVII в. // *Религия и русь XV–XVIII вв.* М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 311.

⁶⁷ Изучение русского населения в современности и в средние века посвящены обобщающие работы по физической антропологии и геногеографии: *Бунак В. В.* (отв. ред.) *Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным.* М., 1965; *Алексеева Т. И.* (ред.) *Восточные славяне. Антропология и этническая история.* М., 2002; *Балановская Е. В., Балановский О. П.* *Русский генофонд на русской равнине.* М., 2007.

⁶⁸ *Клейн Л. С.* *Этногенез и археология...* С. 47.

Библиография

Источники:

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2-х т. М., 2008. Т. 1.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936.

Независимый летописный свод 80-х годов XV века // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7.

О Житии Стефана Пермского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12.

Повесть о Тимофее Владимирском // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 9.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись.

Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи.

Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковская и Софийская летописи.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7.

Статут Великого княжества Литовского 1566 года. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских М., 1855. Т. 25.

Литература:

Алексеева Т. И. (ред.). Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002.

Балановская Е. В., Балановский О. П. Русский генофонд на русской равнине. М., 2007.

Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006.

Бунак В. В. (отв. ред.) Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965.

Ведюшкина И. В. Русь и «русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.

Вилкул Т. Л., Николаев С. Л. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1.

Данилевский И. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания. In *Ab imperio*. 2001. № 3.

Клейн Л. С. Этногенез и археология. В 2-х т. СПб., 2013. Т. 1.

Клейн Л. С. Этнос // Генофонд.рф [Электронный ресурс]. URL: http://xn--c1accbaafal1c.xn--p1ai/?page_id=3175 (дата обращения: 10.04.2021).

Клейн Л. С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // Советская этнография. 1988. № 4.

Кучин Ю. С. Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII в отечественной историографии (середина XX – начало XXI в.). М., 2017.

Кучкин В. А. 1995. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.

Маркина Н. Этногенез и синтез наук. Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2015/03/07/klejn_balánovskaya_1/ (дата обращения: 14. 10. 2020).

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М, 1951.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Седов В. В. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999.

Стефанович П. С. К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании // *Slověne*. 2018. № 2.

Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиевистике взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М., 2018.

Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5.

Квачук В. А. «Русская вера» кон. XVI – первой пол. XVII в. // Религия и русь XV–XVIII вв. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Толочко А. П. Воображенная народность // Ruthenica. Т. I. Киев, 2002.

Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.

Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.

Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Кн. 2. Владивосток, 2002.

Шнирельман В. А. Аграрная эволюция: от раннеземледельческой общины до стратифицированных обществ. М., 2021.

Этнография. Учебник / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. М., 1982.

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969.

Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation. In *Ab imperio*. 2001. № 3.

Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies // *Archaeologia polona*. 1991. Vol. 29.

Potter D. A history of France, 1460–1560. The emergence of a nation state. New York, 1995.

Об авторе

Зеленов Алексей Васильевич, колумнист газеты ученых «Троицкий вариант – Наука», Барнаул (Россия). Область научных интересов: Древняя Русь IX–XIII вв.
E-mail: levagni@yandex.ru

A. V. Zelenov

THE TERM “ETHNOS” AND RUSSIAN MEDIEVAL HISTORY

Abstract: The article bears an attempt to correlate the definition of an ethnic community formulated by L. S. Klejn, with references to the word *Rus'* that can be found in domestic and foreign sources and its derivatives dating back to the 12th–16th centuries. A wide list of distinctive features by which the Russian ethnic community can be defined, has been chosen. It includes such features as: a well-established group of people, a native name, language, religion, race, and a common origin.

The analysis conducted revealed that with the exception of such a distinction as formation of the Russian language, all other features are presented in the sources and can serve as the ethno-determining ones. On these grounds, the issue is raised regarding the assumption that the Russian ethnic community could have been possibly formed as early as by the 16th century.

Keywords: ethnos, rus, Russian, L. Klejn, identity.

References

Sources:

Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. [Barbaro and Contarini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the 15th century]. Leningrad, 1971. (In Russian).

Gerbershtein S. Zapiski o Moskovii: V 2-kh t. [Notes about Muscovy in 2 volumes] Moscow, 2008. Vol. 1. (In Russian).

Mekhovskii M. Traktat o dvukh Sarmatiyakh [Treatise on the two Sarmatians]. Moscow–Leningrad, 1936. (In Russian).

Nezavisimyi letopisnyi svod 80-kh godov XV veka [Independent chronicle of the 80s of the XV century]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. St. Petersburg, 1999. Vol. 7.

O Zhitii Stefana Permskogo [About the hagiography of Stefan of Perm]. Biblioteka Drevnei Rusi. St. Petersburg, 2003. Vol. 12. (In Russian).

Povest' o Timofee Vladimirsom. Biblioteka. Biblioteka Drevnei Rusi. St. Petersburg, 2006. Vol. 9. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 3. Novgorodskaya pervaya letopis'. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 4. Novgorodskaya i Pskovskaya letopisi. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 5. Pskovskaya i Sofiiskaya letopisi. (In Russian).

“Khozhdenie za tri morya” Afanasiya Nikitina [“Journey beyond three seas” by Afanasy Nikitin]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. St. Petersburg, 1999. Vol. 7. (In Russian).

Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1566 goda [Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1566]. Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh. M., 1855. Vol. 25. (In Russian)..

Researches:

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969. (In English)

Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation. *Ab imperio*. 2001. Vol. 3. (In English)

Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies. *Archaeologia polona*. 1991. Vol. 29. (In English)

Potter D. A history of France, 1460–1560. The emergence of a nation state. New York, 1995. (In English)

Alekseeva T. I. (ed.). Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya [East Slavs. Anthropology and ethnic history]. Moscow, 2002. (In Russian).

Balanovskaya E. V., Balanovskii O. P. Russkii genofond na russkoi ravnine [gene pool on the Russian plain]. Moscow, 2007. (In Russian).

Bart F. Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy [Ethnic groups and social boundaries]. Moscow, 2006. (In Russian).

Bunak V. V. (chief ed.). Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya russkogo naroda po antropologicheskim dannym [Origin and ethnic history of the Russian people according to anthropological data]. Moscow, 1965. (In Russian).

Vedyushkina I. V. Rus' i “russkaya zemlya” v Povesti vremennykh let i letopisnykh stat'yakh vtoroi treti XII – pervoi treti XIII v. [Russia and the “Russian Land” in the Tale of Bygone Years and Chronicle Articles of the Second Third of the 12th – first third of the 13th Centuries]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniya. 1992–1993 gody*. Moscow, 1995. (In Russian).

Vilkul T. L., Nikolaev S. L. Rus' v perechnyakh narodov “Povesti vremennykh let” i vne ikh [Russia in the lists of peoples of the “Tale of Bygone Years” and beyond them]. In *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 2020. Vol. 1. (In Russian).

Danilevskii I. Drevnerusskaya gosudarstvennost' i “narod Rus'”: vozmozhnosti i puti korrektnogo opisaniya [Old Russian statehood and the “people of Russia”: the possibilities and ways of a correct description]. *Ab imperio*. 2001. Vol. 3. (In Russian).

Klejn L. S. Etnogenez i arkhologiya [Ethnogenesis and archeology]. In 2 vol. St. Petersburg, 2013. Vol. 1. (In Russian).

Klejn L. S. Etnos [Ethnos]. Genofond.rf. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=3175 (accessed: 10.04.2021). (In Russian).

Klejn L. S. Strategiya sinteza v issledovaniyakh po etnogenezu (integratsiya nauk i sintez istochnikov v reshenii problem etnogeneza). [Synthesis strategy in research on ethnogenesis (integration of sciences and synthesis of sources in solving the problems of ethnogenesis)]. In *Sovetskaya etnografiya*. 1988. Vol. 4. (In Russian).

Kuchin Yu. S. Etnicheskie obrazovaniya slavyan Vostochnoi Evropy IX–XII v otechestvennoi istoriografii (seredina XX – nachalo XXI v.) [Ethnic formations of the Slavs of Eastern Europe IX – XII in Russian historiography (mid-XX – early XXI century)]. Moscow, 2017. (In Russian).

Kuchkin V. A. “Russkaya zemlya po letopisnym dannym XI – pervoi treti XIII v. [“Russian land” according to chronicle data of the 11th – the first third of the 13th century]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniya. 1992–1993 gody*. Moscow, 1995. (In Russian).

Markina N. Etnogenez i sintez nauk [Ethnogenesis and synthesis of sciences]. Polit.ru. URL: https://polit.ru/article/2015/03/07/klejn_balakovskaya_1/ (accessed: 14. 10. 2020). (In Russian).

Nasonov A. N. “Russkaya zemlya” i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [“Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state]. Moscow, 1951. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the 12th–13th centuries]. Moscow, 1982. (In Russian).

Sedov V. V. Drevnerusskaya narodnost': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Old Russian nationality: historical and archaeological research]. Moscow, 1999. (In Russian).

Stefanovich P. S. K voprosu o ponyatii rus' v drevneishem letopisanii [To the question of the concept of Russia in ancient chronicles]. In *Slověne*. 2018. Vol. 2. (In Russian).

Stefanovich P. S. Novye podkhody k etnichnosti v medievistike: vzglyad iz “drevnerusskoi perspektivy [New Approaches to Ethnicity in Medieval Studies a View from the “Old Russian Perspective”]. In *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'*. Edit. by V. A. Tishkov, E. A. Pivneva. M., 2018. (In Russian).

Tishkov V. A. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and after]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. Vol. 5. (In Russian).

Tkachuk V. A. “Ruskaya vera” kon. XVI – pervoi pol. XVII v. [“Russian faith” of the late 16th – first half of the 17th century]. In *Religiya i rus' XV–XVIII vv*. Moscow, 2020. (In Russian).

Tolochko A. P. Voobrazhyonnaya narodnost' [Imaginary nation]. In *Ruthenica*. Vol. I. Kyiv, 2002. (In Russian).

Tolochko P. P. Drevnerusskaya narodnost': voobrazhaemaya ili real'naya [Old Russian nationality: imaginary or real]. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Florya B. N. Istoricheskie sud'by Rusi i etnicheskoe samosoznanie vostochnykh slavyan v XII–XV vekakh (k voprosu o zarozhdenii vostochnoslavianskikh narodnostei) [The historical fate of Russia and the ethnic identity of the Eastern Slavs in the 12th –15th centuries (on the issue of the origin of the East Slavic peoples)]. In *Etnicheskoe samosoznanie slavyan v XV stoletii*. Moscow, 1995. (In Russian).

Shirokogorov S. M. Etnos: Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii [Ethnos: A Study of the Basic Principles of Change in Ethnic and Ethnographic Phenomena]. Book 2. Vladivostok, 2002. (In Russian).

Shnirel'man V. A. Agrarnaya evolyutsiya: ot rannezemledel'cheskoi obshchiny do stratifitsirovannykh obshhestv [Agrarian evolution: from the early agricultural community to stratified societies]. Moscow, 2021. (In Russian).

Etnografiya. Uchebnik [Ethnography. Coursebook]. Edit. by Yu. V. Bromlei, G. E. Markov. Moscow, 1982. (In Russian).

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969. (In English).

Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation. *Ab imperio*. 2001. Vol. 3. (In English).

Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies. *Archaeologia polona*. 1991. Vol. 29. (In English).

About the author

Zelenov Alexey V., columnist of the newspaper of scientists “Troitskiy variant nauka”, Barnaul (Russia).

E-mail: levagni@yandex.ru

ХРОНОЛОГИЯ НАБЕГОВ КАЗАНЦЕВ 1521–1549 ГГ.

Аннотация: В статье рассматриваются сведения о набегах со стороны Казанского ханства в 1521–1549 гг. Произведено обобщение разнородных источников по этим событиям. Предложена хронологическая реконструкция.

Ключевые слова: Русское государство, Казанское ханство, разрядные книги, местное летописание, посольские книги.

По русско-казанским войнам XV–XVI вв. написано много работ. Однако исследованы в первую очередь русские походы на Казань. Менее разработанными являются казанские походы на русские земли в 1520–40-е гг. Причиной этого является то, что источники по ним представлены в разрозненном виде. Изначально казанские набеги описывали в общих работах на основании официальных летописей. Однако есть много других источников: местные летописцы, разрядные книги, посольские книги и др. Некую общую картину на основе различных летописей пытался создать Г. З. Кунцевич в своем исследовании по Казанской летописи¹. Различные источники о казанских набегах 1530–40-х гг. обобщил С. О. Шмидт². Затем цельную хронологическую картину на основе летописей, разрядных книг и других документов создал В. В. Каргалов³. Максимально большое количество сведений из источников обобщил А. Г. Бахтин⁴. Однако просто группировка сведений из источников не может создать точной картины. Дело в характере самих источников.

Они могут содержать искажения в датах. Из последних работ, в которых производится разбор источников, уточнение хронологии, топографии и политических моментов во время казанских набегов 1530–40-х гг., следует назвать статьи М. А. Несина⁵.

В данной работе с целью составления хронологии будет осуществлена попытка сделать внутренний анализ и сопоставление всех источников. Будет использован методологический принцип, что сообщения о набегах на одном направлении можно уверенно признавать разными событиями, если соответствующее количество упоминаний есть в одном источнике (без следов дуближа, проверяемого текстологическим сравнением). Иначе есть большая вероятность, что речь идет об одном событии, по-разному отображенном и хронологически смещенном в разных источниках.

Сразу следует сказать о данных по численности войск, которые будут встречаться в рассматриваемых источниках (в русских летописях и татарской посольской грамоте). Они не имеют документальной базы, и можно утверждать, что обычно преувеличены на порядок. Единственно, эти числа осторожно можно использовать, примерно представляя соотношение численности войск, указанных в одном источнике. Критический разбор этих данных произвел М. А. Несин⁶.

¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 308–313.

² Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 228–234.

³ Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 57, 66, 71, 113–125.

⁴ Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 69–103.

⁵ Несин М. А. 1) Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 7. 2015. С. 116–120; 2) К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. // История военного дела: исследования и источники. Т. X. 2019. С. 432–491.

⁶ Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. С. 462–463, 468–470.

Следует так же осторожно принимать и оценку источниками результатов боестолкновений. «Стратегия набегов» объективно предполагала не концентрироваться на осадах и сражениях. Неоднократно упомянутые 3-дневные осады не имели первостепенной цели взять город, это была скорее блокада на период опустошения окрестностей (крепости, если получалось, брались изгоном). Следует отметить, что термин «приступали» не означал собственно штурмы – так могли обозначать и «огневые» атаки. Полевые столкновения у сторон имели разные цели – «набеговое войско» имело цель захватить полон и добычу, с противником сходиться только при благоприятных обстоятельствах, уклоняясь от боя или выходя из него; «обороняющийся стороне» уже нужно было как можно скорей вытеснить или разбить противника, отбить полон и добычу, т. е. объективно стремиться к столкновениям, но нужно было опасаться ловушек (при этом могли быть ситуации, когда имело смысл вступить в бой даже при невыгодных условиях, дабы сбить направление и темп движения противника). Упоминание гибели и пленения командиров не говорит о масштабе потерь – только об интенсивности схватки. При такой маневренной войне, по кратким сведениям, сложно оценить характер и результат упомянутых в источниках битв. Поэтому в настоящей работе будут сведены данные по перемещениям и сосредоточениям сторон, фактам «соприкосновений» (осады, нападения на населенные пункты, полевые столкновения).

Многие произведения о казанских набегах, созданные монастырскими или светскими книжниками, имеют яркий художественный стиль, эмоционально описывая события. Подобного в таком объеме нет по отношению к набегам со стороны Поля. Это во многом объясняется тем, что зона набегов включала обширные территории монастырской колонизации. Однако это уже является областью исследования «образа врага» и в целом восприятия людьми той эпохи военных действий.

Официальное летописание

Базовыми источниками для хронологии Казанских войн являются официальные московские летописи, составленные вскоре после событий и дошедшие в оригинальных списках. Даты и тем более года сообщений в них зафиксированы точно, и все наиболее значимые события так или иначе отмечены. Поэтому все иные источники хронологически следует проверять по официальному летописанию. Хотя и там возможны некоторые неточности.

О походах казанцев в 1520-е – начале 1530-х гг. в московских летописях ничего нет. Но там (например, в Никоновской летописи) можно узнать ключевые даты казанских войн. К весне 1521 г. относится «измена казанских князей»⁷, которая стала началом войны. Ее окончание четко не определено, но весной 1523 г. в Казани был убит русский посол и другие государевы подданные⁸. Это было началом новой войны или новой фазы войны. Начались русские походы (рейд судовой и конной рати на «казанские места» и строительство Васильгорода на Суре в августе-сентябре 1523 гг.; поход на Казань весной-летом 1524 г.). Осенью 1524 г. начались мирные переговоры⁹. В 1530 г. состоялся новый большой поход на Казань, после чего опять начались мирные переговоры¹⁰.

После приезда представителей оппозиции из Казани осенью 1531 г. «посоветовав князь велики о том с бояры, что ему пригоже отпустити Шигалея царя и послов в Нижней Новгород, и тое же осени декабря 10 отпустил князь великий Шигалея царя и послов в Нижний Новгород». 17 мая 1532 г. в Москву пришло известие о свержении Сафа-Гирея¹¹. Был поставлен на престол русский ставленник Джан-Али.

Основным источником по событиям раннего периода правления Ивана Грозного является «Летопись начала царствования» (составлена в начале 1550-х гг.). Под 1535 г.

⁷ ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 37.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Там же. С. 43-44.

¹⁰ Там же. С. 47, 54.

¹¹ Там же. С. 56.

Глава об убиении казанского царя. «Тоя же осени месяца октомврия в 4 день приехал ис Казани к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси на Москву Фетко Тимофеев сын Девочкина новгородец, а послан бысть в Казань с Федором з Беззубцовым. А сказал великому князю и его матери великой княгине, что Ковгоръшад царева и Булат князь в головах и все уланы и князи и вся земля Казанская великому князю изменили, Яналея царя, которого им князь великий Василей Иванович всеа Руси дал им на Казань царем, и князи казанские, выпустив его из Казани на Иски-Казани велели его убити, месяца сентября в 25 в субботу перед Покровом святей богородицы, а на Казань взяли из Крыма Сыфа-Кирея царевича на царство. Того же месяца 17 послал князь великий в Казань ко царевне и князем з грамотою своего сына боярского молодшаго Данилка Смагина сына Деглина да татарина казанского Бичелея, взяв у Довлетчара у казанского гонца.

О Шигалее царе. Того же месяца 25 приехали к великому князю на Москву казаки его городецкие татарове Евгастей Итаков с товарищи, а были на Волге, сто человек их, а сказали великому князю, что казанские князи Шабас Епанчин да брат его Шабалат да Карамыш з братом с своим с Евлушем, Хурсуловы братья, а с ними князеи, мурз и казаков шестьдесят человек из Казани вышло, и к ним на остров из судов выходили и стояли и говорили и приказали к великому государю: «Ковгоръшад царева и Булат князь в головах и все уланы и князи великому князю изменили и Яналея царя убили, а на Казань взяли царем из Крыма Сафа-Кирея царевича. А нас в заговоре казанцов кнезеи и мурз с пятьсот человек, и мы, памятучи к собе отца его жалование великого князя Василя Ивановича и его жалование великого государя Ивана Васильевича да и свою правду, на чем есмя ему шерть дали, и мы государю хотим служити великому князю прямо. И государь бы нас пожаловал, Шигалеи у великого государя на Москве и мы ся совокупим с своими советники, ко в

Казани, тому царю крымскому в Казани не быти»¹².

«Тоя же осени ноября в 28 день приехали ис Казани к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и его матери к великой княгине Елене Данилко Смагин, а привез от царя и от князеи казанских грамоты, а сказал великому князю и его матери, что царицы Сафы-Киреева царева, а Момаева дочь, из нагаи в Казань приехала, а ездил по нее Табаи князь, а с нею Табаои князь не приехал в Казань, а того ведома нет, где ся дел.

О Мещерском граде. Тоя же осени декаврия в 17 князь великий Иван Васильевич и мати его великая княгини Елена повеле град зделати древян в Мещере на реке на Мокъше, на месте зовомом Рунза, того ради, что в тех местах несть градов в близу. И доделаи тоя же зима в марта в 27 день. [это был город Кадом; Рунза соотносится с речкой Ромзой – прим. авт.].

О Казанских татарех. Того же месяца декабрия послал князь великий и его мати казанских мест воевати воевод своих князя Семена Гундорова да Василя Замыцкого <...> И воеводы, пошед от Мещеры, пришли к Суре и на шли на смыгу татар казанских, а татарове идут на нижегородские места. И князь Семен и Василю Замыцкому на татар не поворотили, ни казанских улусов не пошли воевати, ни великому князю с вестью вскоре не послали, но возвратилися в Мещеру. А татарвое пришед безвестно на нижегородские места, ноци, на сонные люди декаврия 24 дня повоевав да и прочь пошли. И Низжьнего Новагорода воеводы за ними пошли, а чаяли воеводы, что татарове придут к мещерским воеводам, а они ззади, а князь Семен Гундоров и Василю Замыцкому, дождавсья татар, пришли в Мещеру. И князь великий и мати его нижегородским воеводам велели воротитися, а по князя Семена и по Василя послали в Мещеру и велели им быти на Москву. И как приехали из Мещеры на Москву, и князь великий и мати его великая княгини положили гнев свои и опалу на князя Семена да на Василя, велели их

¹² ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965. С. 20.

посадити в темницу, да в страх и в наказание иным будет.

О Балахне. Тоя же зимы генваря в б день приходили казанские татарове многие люди на Балахну безвестно пришед дворы зажгли, и черные люди балахонцы собравсья на них выли, и грехом вскоре, а не умеючи воинского дела, и татарове множество крестьян побили. И воеводам великого князя в Нижнеи Новьгород весть пришла, что татарове на Балахне, и воеводы на них пришли; и татарове слышав великого князя воевод, часа того прочь пошли и с полоном со многим.

О казанских татаровех. Того же месяца генваря приходили казанские же татарове, многие люди, на нижегородцкие места, воеводам учинилася весть великого князя муромским и новгородцким, и князь Федор Мстиславской и нижегородцкие воевода против татар вышли и загонициков татар пятьдесят человек убили, и татар дошли на становищех в четверг под Лысковым. Того ради с татары дела не делали, что ночь пришла; ночи тое казанские люди побежали, а воеводы себе дрогнули, воротились в Новгород, а муромские в Муром вскоре, люди все, дал бог, здорово пришли.

О казанских татаровех. Того же месяца приходили татарове казанские и черемиса, многие люди в Коряково; и великого князя воеводы Семен Дмитриев сын Сабуров да Иван Семенов сын Карпов с детьми боярскими божьею помощью татар и черемису многих побили, а иных живых переимали и к великому князю на Москву прислали, и князь великий велел тех татар на Москве казнити. [Корякова слобода располагалась на левом берегу Волги, у впадения р. Ней в Унжу, напротив Юрьевца]. Того же месяца генваря 26 дня поставлен град на Литовской земле у Ржевского рубежа Заволочье.

О Буигороде. Того же месяца били челом великому князю и его матери из Костромского уезда волость Корега, Ликурга, Залесие, Борок Железной, чтобы государь пожаловал, велел поставити город того ради, что тамо волости многие, а от городов далече. И князь великий и матери его

великая княгини велели поставити на Кореге Буигород».¹³

«О городке Мещерском. Тоя же весны марта 29 дня повелением благоверного великого самодержца Ивана Васильевича всеа Русии и благочестивые и велемудрые великие государыни Елены, в третее лето государства его, преставлен город Темников на иное место, и на реке на Мокше же того ради, что был старои город мал и некрепок; и великая княгиня велела его прибавити и срубити новои город, а доделан того же лета, августа 2»¹⁴.

Июнь 1536 г. *«Того же месяца 23 дня прислал к великому государю татарин его мурза Галдеи Городецкой, что посылал их князь великий на Волгу 500 человек беречи в Казань и из Казани посылки и во иные орды из иных орд присылок: пошел из Казани в ыные орды Тебенек-улан и ним многие татарове казанцы, и великого князя казаки и многих казанцов татар побили, а Тебенька-улана поимали, и с ним 14 человек казанцов поимали, и на Москву привели к великому государю. И князь великий своих татар городецких казаков пожаловал. <...>*

О Балахне. Того же месяца июля в 20 повелением великого государя Ивана Васильевича всеа Русии и его матери великие государыни Елены божьею милостью и царя государя почат град делати у Соли на Балахне того ради, что посад велик, а людей много. И князь великий и его матери берегучи велели град зделати Балахну землян, и доделан 45-го лета месяца октемврия. <...>

О казанских татарвех. Того же лета приходили казанские татарове на костромские места и на галичские, многие люди, и князь великий послал воевод своих Михаила Сабурова да князя Петра Пестрого княж Васильева сына Засекина. И воеводы не собравсья с теми людьми, что с ними были, да поскорили наехати на татар, а казанские люди многие люди великого князя разгонили, и по грехом князя Петра да Меньшика Полева убили, и многих детей боярских побили»¹⁵. Вариант данной летописи: «Того

¹³ Там же. С. 23-24.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 27.

же лета приходили Казаньские татарове на костромьские места и на галичские, многие люди, и князь великий послал воевод своих Михаила Сабурова да князя Петра Пестрого княже Васильева сына Засекина. И воеводы схилися с казаньцы на Куси на речке, а казаньские люди многие, грех ради наших и за многое неисpravление пред Богом людей великого князя побили, и по грехом князя Петра да Менишка Полева убили, и многих детей боярьских побили»¹⁶. В Воскресенской летописи, сразу вслед за сообщением о постройке Балахны, помещен другой вариант данного сообщения: «того же лета приходили казанские татарове многие на костромские места, и великого князя вьеводы князь Петр княжь Васильев сын Засекин Пестрый стол в заставе пришед на казанские люди не съеждався с людьми; и татарове их разоняли, и самого князя Петра да Менишка Полева убили, и слышав великого князя болиших вьевод и проч пошли».¹⁷

Январь 1537 г. «О приходе казанского царя под Муром. Того же месяца учали вести приходити к великому князю Ивану Васильевичу и его матери великой княгине Елене, что збирается казанкою царь Сафа-Кирей со с многими людьми с казанцы и со многими ордами, с крымцы и с нагаи, а поышалает идти на костромские месте и на галечские. И князь великий и мати его великая княгини, слышав то, послали воевод своих в Володимер и в Мещеру. Царь же казанской уведав, что на Костроме и в Галиче великого князя воеводы стоят со многими людьми, он злым лукавым, якоже змии вынырнув из хварастия, тако и сеи из леса прииде безвестно генваря 15, в понедельник, под Муром и пришел, посад пожег и к городу приступати начать. И великого князя воеводы не даша ему приступати, из пушек и из пицалеи из града биша их много, и воеводы великого князя из града такоже многих побили. А князь великий послал к воеводам в Володимер и Мещеру, а велел им идти в Муром, и воеводы по великого князя велению поидоша в Муром

против царя Казанского. Царь же казанский слышав, что воеводы великого князя из Володимеря и из Мещеры идут к Мурому противу ему, и царь пошел вскоре от Мурома в Казань»¹⁸.

В 1538 г., после требования со стороны укрепившегося на престоле крымского хана, «послал князь великий в Казань своего человека молодшего сына боярского Гордея Бреицина, февраля 22»¹⁹. Март. «Того же месяца 10 пришел посланник великого государя Ивана Васильевича всеа Руси ис Казани Грдей Берецын; а с ним вместе Сафа-Кирей царь прислал великому государю своего человека Усеина князя з грамотою, а писал царь в грамоте, чтобы пожаловал князь великий, похотел с ним быти в миру»²⁰. Затем началась череда обмена посольств, длившаяся вплоть до возобновления войны.

12 ноября 1539 г. из Казани вернулся в Москву посол Н. Девочкин вместе с ханским гонцом. «А писал царь в грамоте, что у них в Казани пришел слух и Усеин князь сказывал, что хочет князь великий послати людей своих под Казань, и от того ради не послал болиших своих послов. И князь великий отпустил царева человека Хозяша к его государю в Казань; да с ним вместе послал князь великий, по крымского царя прошению Саип Гирейя, своего посланика Урака Булатова сына, да крымского татарина Пашу с грамотою»²¹. Примечательно, что далее говорилось о послании крымскому хану, в котором высказывалась претензия за недавний набег, совершенный ханским сыном. В этом контексте в это время о начале новой войны с Казанью говорить не приходится. Далее, до 1542 г., не сообщается о дипломатических контактах с Казанью (при том, что дипломатические контакты в те годы освещены в летописи подробно). Это может говорить об активных военных действиях.

Декабрь 1540 г. «Того же месяца 18, в субботу, приходили под Муром казанский царь Сафа-Кирей со многими людьми казанскими и крымскими и нагаискими, пришел безвесто под город, стоял два дни, а люди многих

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 114.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 8. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 31.

²⁰ Там же. С. 32.

²¹ Там же. С. 36.

пороспустил около города сел воевати. И воевода градский и дети боярские муромские, которые были в городе, и люди градские против татар из города выходили и с татарами ся были, и божиим милосердием под городом ис пушек из пищали татар побивали. И как великого князя воеводам весть учинилася в Володимере, и воеводы пошли в Муром. А князь великий послал ко царю Шигалею в Касимов городок, а велел царю пойти к Мурому. И царь Шигалею пошел с своими татарами, и как пришел к Мецере, и наехал нагайских людей в загонех, и касимовские татарове многих загонщиков побили и полон русской отлучили, и нагайских татар к великому князю на Москву прислал. А иные загонщики много поплениша народа крестьянского, и сел пожгоша и святых божиих церквей около города Мурома. И как прила весть царю казанскому, что него идет царь Шигалею и воеводы великого князя, и царь пошел от Мурома, а царь Шигалею и воеводы за ним не успели»²².

Июнь 1542 г. «Того же месяца 26 приехали великого государя посланник из Казани от Сафа-Кирея царя Истома Мартынов. А с ним вместе царь прислал к великому князю своего человека Исенкидея з грамотою, а писал царь в грамоте о миру»²³. Начались переговоры о мире.

Весной 1545 г. произошел первый при Грозном русский поход на Казань²⁴. В Казани начались внутренние брожения. И 17 января 1546 г. к государю во Владимир прибыло казанское посольство с известием о свержении Сафа-Гирея²⁵.

Летом 1546 г. Сафа-Гирей вернул себе власть в Казани. Зимой русские войска совершили набег до устья р. Свияги²⁶ – война возобновилась и шла до 1551 г. В октябре 1548 г. «приходили Казанские люди на галицкие места воевати, многие люди, а в больших у них был Арак-богатырь. И ходил за ними наместник костромской Захария Петрович Яковлев с товарищи и шел их на Езовке речке, на поле на Гусеве, и казанских людей побили воеводы великого князя всех на

голову, и Арак-богатыря убили, и иных казанских воевод побили; и многих живых ко государю прислал и с тою вестью Захария ко государю прислал Беляницу Зюзина»²⁷.

В списке «Летописца начала царствования» под августом 1539 г. (в конце записей за 7047 г.), после сообщения о переговорах с казанским ханом, есть вставка. «Увидев за грехи наше нестроение на Москве, и воевали казанцы в те годы по украинам государя нашего, никым взъбраняями, и много христианства погубиша и грады пусты сътвориша. А воевали казанцы грады и пусты сътвориша: Новъгород-Нижней, Муром, Мецеру, Гороховец, Балахну, половину Володимеря, Шую, Юрьев Вольской, Къстрому, Заволжие, Галич с всем, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета»²⁸. Эта вставка, видимо, описывает все направления казанских походов за 1530–40-е гг.

В Воскресенской летописи (составлена в начале 1540-х гг.) сообщается, что в мае 1541 г. из Казани в Москву прибыли посланцы от оппозиции, недовольные засильем крымцев. «А казанского дела для отпустил боярина и вьведоу своего князя Ивана Васильевича Шуйского и иных вьведоу, и многих людей дворовых и городовых 17 городов, а велел воеводам стояти в Володимери, а в Казань обьсылатися»²⁹. После известия о приходе крымского хана. «А в Володимер послал к боярину своему и вьведоу к князю Ивану Васильевичу Шуйскому с товарищи, велеел им стояти в Володимери, а в Мецеру послал к царю к Шигалею, чтобы с князми и с мурзами и всеми людьми пошел в Володимер же, а с Костромы вьведоу своему князю Федору Ивановичю Шуйскому с товарищи велел идти к Володимерю с всеми людьми с царем сниматися»³⁰.

Посольские книги

Важным источником по событиям XVI в. являются посольские книги. В частности, там есть наказы государевым послам о том,

²² Там же. С. 38-39.

²³ Там же. С. 43.

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ Там же. С. 47.

²⁶ Там же. С. 49.

²⁷ Там же. С. 56.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13.. С. 129.

²⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

³⁰ Там же. С. 296.

что говорить по поводу внешнеполитической обстановки. Хотя они объективно искажают реальность сообразно интересам русской внешнеполитической пропаганды, но для воссоздания хронологии событий могут иметь большое значение.

В феврале 1536 г. в наказе послам в Литву про казанские дела было велено говорить: *«государя нашего земля сошлася с Казанской землею, мордва и черемиса; и черемиса с мордовою с рубежа промеж себя бранят и грабятя: великого князя мордва у них возмут, а черемиса у мордвы емлют, а больших войн не бывало, государь наш на казанские места воевод своих не посылавал, а казанцы на великого князя землю не прихаживали»*³¹. Та же формулировка употреблялась и позднее – в наказе июня 1536³², сентября 1536³³, в апреле 1537 г.³⁴, декабре 1537³⁵, в июне 1542 г.³⁶ В сентябре 1543 г. было наказано говорить: *«казанцы ныне к государю нашему присылают бити челом, и государь их хочет жаловати»*³⁷. То же было в сентябре 1544 г.³⁸ Факт набегов со стороны Казанского ханства от литовской стороны нельзя было скрыть, т. к. она интересовалась внешнеполитической ситуацией в России, используя разные источники. Задачей русских дипломатов было выставить ситуацию в наиболее выгодном для себя свете. Поэтому можно уверенно говорить, что в 1543–1544 г. (до осени 1544 г.) существенных казанских набегов не было.

10 мая 1544 г. государь, находясь в монастыре Николы на Угреше, писал правительству по разным вопросам. *«Прислали есте к нам грамоты, что к нам прислали воеводы из Нижнего Новагорода князь Дмитрий Шкурлятев грамоту да дву черемисинов»*³⁹. А. Г. Бахтин сделал предположение, что это были пленные, взятые во время нападения на Нижний

Новгород.⁴⁰ Но прямо это не указано. Далее в грамоте, после рассказа о грамотах из Мценска и Тулы в т. ч. в связи с вестями о татарах указывалось, чтобы воеводам в украинные города написать о необходимости осторожности, боярам указывалось дать жалованье нижегородцам, которые прибыли за жалованьем в Москву. Если бы была весть о черемисском нападении, то скорее бы было указание, аналогичное данным в связи с вестью из Мценска и Тулы. Поэтому скорее всего нижегородский воевода отправил грамоту только по вопросу жалованья. Черемисы могли быть гонцами, могли быть представителями агентуры. Даже если это были пленные, то обстоятельства их захвата могли быть самыми разнообразными. Относительно нападений весной 1544 г. это мало о чем говорит (скорее наоборот – ожидали нападения со стороны Поля, но не ожидали со стороны Казани).

Разрядные книги

Официальным источником являются Разрядные книги⁴¹, в которых расписано назначение воевод, описываются походы и боестолкновения. Разрядные книги по данному периоду известны в двух публикациях: Разрядные книги 1475–1598 гг.⁴² (далее – РК-98) и Разрядные книги 1475–1605 гг.⁴³ (далее – РК-05). Изначально записи велись разрозненно. Только в 1556 г. задним числом была составлена сводная разрядная книга – «Государев разряд» из отдельных книг по походам и назначениям воевод. Официальные разрядные книги были сожжены в 1682 г., и до нас они дошли в списках XVII в. в виде выписок, делавшихся частными лицами для местнических дел. Эти списки различались уже между собой, в них часто прослеживаются повторения или путаница по годам, и в целом видно, что списки в итоге получались составленными из

³¹ Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 26.

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 54.

³⁴ Там же. С. 117.

³⁵ Там же. С. 136.

³⁶ Там же. С. 179–180.

³⁷ Там же. С. 227.

³⁸ Там же. С. 263.

³⁹ Там же. С. 239.

⁴⁰ Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории марийского края. С. 86.

⁴¹ Подробнее о разрядных книгах см.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.

⁴² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 66–133.

⁴³ Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 203–395.

разнородных записей, запутанных между собой. РК-05 изначально (при составлении в 1-й половине XVII в.) представляла собой частную разрядную книгу. Она по объему более информативна, но при этом содержит массу явных неточностей и отклонений от изначальных записей, имеет много дубляжей одной росписи на два и более года. Следует заметить, что искажения подверглись данные по воеводским назначениям (они и составляли большую часть записей) – основные предметы местнических споров (когда поднималось и собиралось максимально большое количество записей). Однако встречаются также наказы и повести о боевых действиях, которые относительно мало подвержены разного рода изменениям.

Таким образом, хотя изначально РК – официальные источники, но дошли они в искаженном виде, требующем реконструкции, сопоставления с другими источниками. Будут приводиться записи из РК-98 (как наиболее близкой к Государеву разряду), а из РК-05, где много дубляжей, дополняться.

Кроме РК, сохранились отдельные разрядные грамоты (в списках XVII–XVIII вв.). Некоторые выписки из разрядных документов сохранились в летописях.

В РК, как и в московском летописании, есть записи о русских походах на Казанское ханство. В данной статье эти мероприятия рассматриваться не будут. В августе-сентября 1523 г. совершили крупный набег и осуществили строительство Васильгорода. Весной-летом 1551 г. был осуществлен поход и строительство Свяжска. Крупные набег были весной 1545 г., в феврале 1547 г., июне 1549 г. Походы на Казань были осуществлены в мае-августе 1524 г., в мае-августе 1530 г., ноябре 1547 – марте 1548 гг., ноябре 1549 г. – марте 1550 г., в 1552 г.

Разрядные документы за 1521–1527 гг. РК-98, июнь 1521 г. «*В Мещере были воеводы князь Петр Дмитриевич Ростовской, Михайла Семенович Воронцов, князь Ондрей князь Петров сын Великого, Григорей Большой Ондреев сын Колычов, князь Василей Чулок Ушатой, Дмитрей Семенов сын Воронцов, да волостель мещерской князь Иван Середней Кашин. Да в Мещере же был царевич Еналей, а с ним сеит*

и князи, и мурзы. А на Мокше в Нароватове стояли князь Иван князь Михайлов сын Троекуров да князь Василей Ковер Кривоборской, да Якуб Ивашиинцов, да Семен Жеребьячин. А в Муроме был царевич Акдовлет Ахтуртов сын. Да в Муроме же были воеводы князь Юрьи Дмитриевич Пронской, князь Иван Щетина Иванович Оболенской, околничей Ондрей Васильевич Сабуров. А в Нижнем Новгороде были воеводы князь Ондрей Дмитриевич Курбской, Федор Юрьевич Щука Кутузов, Михайла Ондреев сын Плещеев, князь Иван Менишик Голенин, князь Иван Збаражской, князь Юрьи Ушатой Большой. Да в Нове же городе Костя Замытцкой». Следует заметить, что только Нижний Новгород защищал одну границу с Казанским ханством – остальные группировки одновременно защищали направления нападений крымских и ногайских войск. Согласно РК, нападения на Нижний Новгород и Муром ожидали еще в 1505 г., и туда были направлены воеводы (нападение состоялось на Нижний Новгород). Нападение казанцев на муромские, галичские и костромские места последний раз отмечено под 1467–1468 гг.⁴⁴

Сохранился подлинный судный список 7032 (1523/24) г., по делу об оговоре Федором Ивановым сыном Крыжина муромских детей боярских в намерении бежать в Литву⁴⁵. Там отражена пограничная служба муромцев. Отмечается служба в прошлые годы в Мещере (на Толстике, у Елатымы). Описан эпизод: «*по того ж Федора [Крыжина], государь, посылал меня Василей Яковлич [Захарьин] в Муроме, а велел всей литве быти у собя, а выбирал, государь, послати в погоню за черемисою с Васильем з Замытцким*». Крыжин убежал к Москве, где и оговорил своих сослуживцев. В данном документе воеводой в Муроме назван Борис Горбатый. В РК отмечено, что в 1516 г. Борис Иванович Горбатый и В. Захарьин были воеводами в Дорогобуже. Возможно, в 1523/24 г. они также были первым и вторым воеводами в Муроме. Можно предположить,

⁴⁴ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 61.

⁴⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4. М., 2008. С. 386–389.

что это был набег в ответ на строительство Васильгорода. Видно, что сил в сборе не было, и для погони пришлось срочно собирать детей боярских.

РК-98 под 1527 г. *«Августа в 27 день велел князь великий с Коломны воеводам князю Ивану Барбашину итти на Унжю, а князь Ивану Лугвице Прозоровскому, князю Юрью да князю Василью Чюлку Ушатым, князю Семену Ситцкому велел итти в Нижней Новгород»*. Это было время похода к Оке крымского царевича Ислам-Гирея (перед эти расписывались воеводы на Коломне). Видимо, опасались одновременного нападения крымских и казанских сил, как это было в 1521 г.

РК-98 под 7036 (осень 1527 / лето 1528 гг.) г., сразу вслед за описанием прихода Ислам-Гирея к Оке в сентябре. *«Того же лета августа в Муроме был боярин и воевода князь Василей Васильевич Шуйской да с ним Михайла Ильин сын Бокеев. А в Нижнем Новгороде были воеводы князь Семен Федорович Курбской да братанич ево князь Федор князь Михайловсын Курбской, да князь Иван Лугвица Прозоровской, князь Юрьи да князь Василей Чюлок Ушатые, да князь Семен Сицкой. А наместники были в Нижнем Новгороде тогда князь Семен Федорович Алабышев да Федор Юрьев. На Костроме были воеводы князь Михайла Данилович Щенятев да боярин Иван Григорьевич Морозов. На Чухломе были воеводы князь Данило Несвицкой да Никита Васильев сын Борисова, да Федор Супунев. А того же лета августа написано в другом наряде: были на Унже Микита Борисов, князь Данила Несвицкой. На Унже были князь Иван Иванович Барбашин да с ним князь Микита княж Федоров сын Палецкого, да Василей Замыцкой»*. Видно, что в Нижнем Новгороде были все те воеводы, что были отправлены в августе 1527 г. из Коломны. Поэтому можно утверждать, что весь этот разряд «от казанской украины» относится к периоду похода Ислам-Гирея, т. е. к августу-сентябрю 1527 г. Примечательно, что далее отдельно указан 7036 (1527/28) г. с августовской росписью Береговой рати и июльской росписью воевод от Литовской Украины (если бы августовский разряд «от казанской

украины» изначально относился к лету 1528 г., то скорее его можно было ожидать рядом с этими записями).

В РК-05 назначение воевод в Муром отнесено к 16 августа (затем дана роспись нижегородских воевод), в Чухлому – к 19 августу (затем названы воеводы на Унже), отдельно названы воеводы в Костроме и на Плесе. Последний («воевода Ондрей Васильевич Сабуров») не назван в РК-98. Также *«того же году в Мещере в городе были воеводы Юрьи Ушаков да Иван Клепиков; да Девлет Сабака; а за городом были в Мещере же князь Юрьи Гундоров да Михайло Ильин сын Бокеев, да князь Иван Мезецкой Сухой»*. В частичном виде этот разряд был продублирован в РК-05 под 1529 г.

Однако 1527 г. нельзя уверенно считать началом назначения воевод «от казанской украины» на Унжу, Чухлому, Кострому, Плес, т. е. в заволжские города. Так, после 1522 г. и до похода Ислам-Гирея нет росписи воевод на Берегу. Т. е. записи могли просто не сохраниться, т. к. не были связаны с важными событиями. Неясно, воевод в Галиче не было или запись о них не сохранилась?

В РК-05 есть роспись воевод за 7038 (1529/30) г. в Костроме и на Плесе, но это дуближ записи за июнь 1543 г. Запись про воевод в Васильгороде в 7044 (1535/36) г. в РК-05 продублирована под 7040 (1531/32) г.

Разряды за 1531 г. В РК-98 под 1531 г. *«октября в Нижнем Новгороде были воеводы по полком: В болюм полку были бояре и воеводы князь Василей да князь Иван Васильевичи Шуйские, Василей Григорьевич Морозов. В передовом полку были воеводы князь Микита Васильевич Оболенской да князь Петр Иванович Репнин. В правой руке были воеводы князь Ондрей Михайлович Шуйской да князь Федор Иванович Хованской. В левой руке были воеводы околничей Яков Григорьевич Морозов да Михайло Ильин сын Бокеев. В сторожевом полку были воеводы князь Иван Иванович Пронской да князь Петр княж Федоров сын Охлябинин. Да в Нове же городе был царь Шигалей, а с ним были в приставех князь Юрья княж Иванов сын Темкин да Юрьи*

Дмитреев сын Шеин, да князь Дмитрий Шкурлетев. А с Москвы был с царем в приставех да и в Новгороде Ондрей Семенов сын Упин. На Костроме был боярин и воевода Ондрей Васильевич Сабуров. Да на Костроме же был наместник князь Иван княж Андреев сын Катырь Ростовской. В Галичи были наместники Иван Семенов сын Колычов да Асан Дмитриев сын Годунов. Да в Галичи же были князь Ондрей да князь Иван княж Федоровы дети Ситцкого. На Унже были воеводы князь Дмитрий княж Иванов сын Шкурлятев да Василей княж Федоров сын Палецкаго. На Чухломе были воеводы князь Юрьи княж Иванов сын Темкин, Данило да Василей княж Васильевы дети Несвицкого». Поскольку часть воевод в этих городах названы в приставах при Шейх-Али, то явно назначение их было уже после прибытия в Нижний Новгород (Юрий Темкин в Чухлому, Дмитрий Шкурлятев на Унжу).

В РК-05 есть продолжение этой записи. «Ово же году были воеводы на Чухломе. И воеводы пошли с Чухломы за татары козанскими. В большом полку князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да князь Дмитрий Иванович Курлетев. В правой руке князь Ондрей Сицкой. А в ыных розрядах пишет: в правой руке князь Юрьи Большой да князь Юрьи Меньшой Стародубские Сарокины. В передовом полку князь Василей Палецкой да брат ево князь Давыд. В сторожевом полку Василей Федорович Меньшик Полев. В левой руке князь Данило Бурмак да князь Василей Ляпун Несвицкие. А приезжал от государя к воеводам с речью Федор Сукин и отпустил воевод за козанскими людьми». Это сообщение в измененном виде дублируется под 7039 (1530/31) и 7042 (1533/34) гг. Последняя запись выглядит: «тово же лета в Галиче стояли воеводы князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да князь Дмитрий Иванович Курлятев. И тогда у них было дело на Унже с козанскими людьми, а воеводы были по полком. В большом полку князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да князь Дмитрий Иванович Курлятев. И как пошли воеводы к бою, и наперед шел у воевод князь Василей Иванович Елецкой; да с Костромы шол з дворяны Семен Дмитриевич Пешков Сабуров, а к бою шол наперед же. А по

правою сторону шли два князи Юрьи Одреевичи Сорокины Льяловския Стародубския. А по левою сторону шли князь Данило Марамук да князь Василей Ляпун Несвицкие». Первая запись была практически такой же (только имена воевод были записаны более кратко). Т. е. против появившихся на Унже казанцев выступили все воеводы с Чухломы, Унжи, Галича, а также воевода с Костромы.

Разряды за 1536 г. В РК-98 под 1536 г. «Февраля 20 в Муроме были воеводы в городе боярин князь Дмитрий Федорович Белской, князь Олександр Одреевич Ростовской, за городом князь Федор Михайлович Мстисловской, князь Михайло Михайлович Курбской, князь Иван княж Михайлов сын Троекуров, Иван Петров сын Федоровича, Григорей Юрьев сын Захарына. В Новгороде в Нижнем в городе окольничей Иван Семенович Брюхов-Морозов, а за городом князь Юрьи Иванович Темкин, Иван Семенович Воронцов, Иван Иванович Хабаров, князь Семен княж Федоров сын Алабышев, князь Иван княж Федоров сын Мезецкова. И марта 6 писал из Нижнева из Новгорода околничей Иван Семенович Брюхов, что казанские люди начевали от города за 10 верст на Ельне. И князь великий велел из Мурома воеводам итти в Нижней Новгород и росписи им послал, а велел им быти по полком: В большом полку князю Федору Михайловичю Мстиславскому да князю Михаилу Михайловичю Курбскому. В передовом князю Юрью Ивановичю Темкину да князю Ивану княж Михайлову сыну Троекурову. В правой руке Ивану Петрову сыну Федоровича да князю Семену княж Федорову сыну Алабышева. В левой Ивану Семеновичю Воронцову да Ивану Ивановичю Хабарову. В сторожевом Григорью Юрьеву сыну Захарыча да князю Ивану княж Федорову сыну Мезецкого». Видно, что эта рать состояла из всех муромских и нижегородских воевод, которые только и были отмечены под 20 февраля. Причем под последним числом прямо говорилось, что на этот момент там были такие-то воеводы – это была не дата назначения (воеводы как в эти города, так и прочие должны были быть расписаны гораздо ранее). Т. е. 20 февраля

была какая-то тревога на этих направлениях, из-за чего запись и сохранилась.

В РК-05 эта запись продолжена. *«Ходили воеводы за козанскими людьми до Лыскова острова Волгою. Того же году в Восилегороде на Суре реке воеводы князь Олександра Васильевич Кашин да князь Иван Федорович Стригин Ряполовской.*

Того же лета приходил царь козанской на Болохну и посады пожог, а на Болохне был тогда боярин и воевода Иван Васильевич Хобар Симской с товарищи. И бой им с козанским царем был и Ивана Хобора тогда побили, а Иван утек на Болохну в мале силе».

Нападение на Балахну относится, согласно официальной летописи, к 6 января 1536 г. (упоминание о личном присутствии казанского хана следует отнести к поздним искажениям – всеми другими источниками по данному событию она не подтверждается). Как отметил М. А. Несин, дефектной следует считать и последнюю фразу, т. к. укрепления в Балахне еще не были построены, воевода не мог за ними укрыться, и, должно быть, подразумевалось бегство воевод в Нижний Новгород⁴⁶. Иван Васильевич Хабар в разрядных книгах упоминается с 1495 г., когда он назван среди детей боярских в свите великого князя в Новгороде. Он был известен успешными оборонами от татар Нижнего Новгорода в 1505 г. и Рязани в 1521 г., не раз отмечен полковым воеводой, в 1524 г. возглавлял конную рать в походе на Казань. Последний раз упоминался под 1531 г. воеводой на Берегу. В 1536 г. он должен был быть уже престарелым, но опытным воеводой. Его скорее следовало ожидать на воеводстве в Нижнем Новгороде, а не в Балахне. В официальном летописании не названы по имени нижегородские воеводы, действия которых описаны в связи с нападением казанцев на казанские места 24 декабря 1535 г. и на Балахну 6 января. Если там эти действия описаны словами «с татарами не встретились», то в данной разрядной записи видим описание неудачного боя Хабара. Возможно, в официальном летописании неудачные действия знатного боярина были

завуалированы. Больше он не упоминался – судя по февральской росписи, в Нижнем Новгороде его уже не было. Либо в поздней разрядной записи вместо Ивана Васильевича Хабара следует видеть Ивана Ивановича Хабара, его сына, который в феврале значился третьим полевым воеводой в Нижнем Новгороде.

К январю в официальной летописи относится и запись о походе Ф. М. Мстиславского до Лыскова. М. А. Несин пришел к выводу, что верной о действии Мстиславского является запись в РК⁴⁷. Хотя официальная летопись в целом точна в хронологии, но в РК стоят сразу две последовательные даты по разным месяцам, что делает описку маловероятной. Видимо, это был редкий пример неточности вставки при составлении официальной летописи. Причем он может объясняться тем, что одновременно было много глав «о казанских татарах». Примечательно, что в Воскресенской летописи выдвигание М. Ф. Мстиславского совмещено с известием о нападении на Балахну⁴⁸ – показатель, что разрозненные известия о действиях на «казанском направлении» в эту зиму даже в официальных летописях перемешивались.

Разряды за 1537 г. РК-98 под 7045 (1536/37) г. (судя по всему, при известии о походе Сафа-Гирея к Мурому в январе). *«Того же лета 7045 в Володимере были воеводы по полком. В большом полку князь Василей Одреевич Микулинской да князь Петр Иванович Репнин. В передовом полку князь Роман Иванович Одоевской да Иван Петров сын Федоровича. В правой руке князь Иван Иванович Барбашин да князь Иван Федорович Стригин. В левой Василей Одреевич Шереметев да князь Василей княж Федоров сын Охлябинин. В сторожевом князь Юрьи Михайлович Булгаков да князь Иван Шемяка Васильевич Пронской. В РК-05 уточняется, что «из Володимеря те воеводы были в Муроме, а полки были и воеводы по росписи по прежней».* Это были те воеводы, которых в РК-98 и далее здесь именовали «муромскими воеводами».

⁴⁶ Несин М. А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. С. 117.

⁴⁷ Там же. С. 118.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

Далее в РК-98. «В Муроме наместник князь Федор Иванович Одоевской да князь Михайло Михайлович Курбской. В Мещере князь Михайло Иванович Кубенской, князь Иван Михайлович Троекуров, князь Федор Андреевич Прозоровской, князь Федор княж Семенов сын Мезецкого». В РК-05 была расписана рать в Мещере, возглавляемая этими наместниками. «В большом полку князь Федор Иванович Одоевской да князь Иван Михайлович Троекуров. В передовом полку князь Михайло Михайлович Курпской Корамышев. В правой руке князь Михайло Иванович Кубенской. В левой руке князь Федор Семенович Мезецкой. В сторожевом полку князь Федор Андреевич Прозоровской».

Далее в РК-98. «Да приговорил князь великий: нечто сойдутца воеводы муромские [имеются в виду воеводы из Владимира] и мещерские, ино быти: В большом полку князю Федору Ивановичю Одоевскому да князю Ивану Троекурову со князем Васильем Микулинским вместе. А в передовом полку князю Михаилу Курбскому со князем Романом Одоевским вместе. А в правой руке князю Михаилу Кубенскому со князем Иваном Барбашиным вместе. В левой князю Федору Мезецкому с Васильем Шереметевым вместе. В сторожевом полку князю Федору Прозоровскому со князем Юрьем Булгаковым вместе.

А в Новгороде в Нижнем за городом воеводы князь Юрьи Иванович Темкин да Иван Семенович Воронцов, да князь Семен княж Федоров сын Алабышев. На Костроме князь Иван Катырь Андреевич Ростовской да боярин Иван Григорьевич Морозов. На Плесе князь Ондрей Иванович Холмской да князь Ондрей княж Дмитриев сын Дрютцкого, да Василей Ложка Семенов сын Карпова, да князь Микита княж Федоров сын Палецкого». Эта первая сохранившаяся роспись «воевод от казанской крайны» в войне 1535–1538 гг. Видим воевод в Мещере, Муроме, Нижнем Новгороде, Костромском уезде (Костроме и Плесе). Нет данных о воеводах в Галичском уезде. Зато видим сбор стратегического резерва в виде 5-полковой рати у Владимира.

РК-98 под 1537 г. «Июля роспись воеводам от казанские украинны. В Володимере был царь Шигалей, а с ним Юрьи

Дмитреев сын Шеин. А воеводы были в Володимере боярин и наместник князь Дмитрий Федорович Бельской да боярин Иван Григорьевич Морозов. В Муроме в городе наместник князь Федор Иванович Одоевской, а за городом воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Иван Иванович Барбашин, да князь Иван Иванович Турунтай Пронской. Да в Муроме же были воеводы из Володимера князь Михайло Иванович Кубенской да князь Василей княж Федоров сын Охлябинин. Да в Муром же послан был из Серпухова князь Иван Семенович Нохтев. В Нижнем Новгороде в городе были князь Иван Андреевич Катырь Ростовской да с ним Семен Костянтинов сын Заболоцкого. А за городом были воеводы Дмитрий Семенович Воронцов да князь Михайло Михайлович Троекуров, да Иван Семенов сын Карпов, да князь Федор княж Борисов сын Ромодановского. А как князь великий из Нижнево Новгорода велел ехати к себе по домом Дмитрею Семеновичю Воронцову, Ивану Карпову, Семену Заболоцкого, князю Федору Ромодановскому, и тогда были воеводы в Нижнем Новгороде в городе князь Иван же Ондреевич Ростовской да Роман Юрьевич Захарина. А за городом были воеводы князь Иван княж Федоров сын Стригин да князь Михайла княж Михайлов сын Троекуров.

На Костроме были в городе наместники князь Семен Иванович Трубецкой да князь Семен княж Федоров сын Алабышев. А за городом на Костроме были воеводы князь Ондрей Иванович Холмской да князь Микита княж Федоров сын Палецаго, да князь Ондрей княж Дмитриев сын Дрютцкой, да князь Василей Ляпун Несвицкой. В Галиче воеводы за городом князь Иван Андреевич Прозоровской, князь Данило Марамук княж Васильев сын Несвицкой да Федор Васильев сын Супонев». То, что некоторые воеводы (Д. Ф. Бельский, Ф. М. Мстиславский) значатся в береговом разряде летом 1536 г., подтверждает, что это был именно разряд лета 1537 г. Здесь отмечены воеводы в Галиче, но теперь (и в последующих росписях) нет воевод в других пунктах Галичского уезда – на Унже и в Чухломе. Это можно объяснить тем, что организация обороны Галичского уезда для

увеличения оперативности была полностью возложена на галичского воеводу.

В РК-05 имеется продолжение записи. «Тово же лета были воеводы в Мещере на Толстике князь Василей Васильевич Чюлок Ушатай да князь Ондрей княж Петров сын Великой, и грамоты от великого князя писались ко князю Василью Чюлку Ушатому да ко князю Ондрею Великому.

Тово же лета приходили козанские тотаровя на костромские места и на галицкие многие люди, и князь великий послал воевод своих Михаила Борисова да князь Петра Пестраго княж Васильева сына Засекина. И воеводы сошлись с козанскими людьми на Куси на речке, а козанские люди были многие. И грех ради наших и за премногое неисpravление пред богом людей великого князя побили, князь Петра Пестраго да Меньшика и многих детей боярских побили». Однако эта запись, согласно официальной летописи, относится к лету 1536 г. Из летописи ее, должно быть, и выписали при составлении разрядных книг. Михаил Андреевич Сабуров (в РК отчество неправильно передано) до этого известен только как государев рында в 1522 г. Петр Васильевич Засекин-Нагавица-Пестрый до этого был вторым воеводой в Стародубе (1521 г.), в 1531–1533 гг. значился одним из полевых воевод на Берегу.

Постниковский летописец сохранился в подлиннике, составленном в 1560-е гг. Сведения о набегах казанцев там почти не сообщаются. Под 1537 г. «Царь казанской зиме, генваря, на всеедной неделе под Муром приходил, посады под Муромом и сел и деревень пожег, от Мурома и до Новагорода воевал. И ходил за царем из Елатьмы князь Михайло Кубенской, а из Володимеря князь Роман Одоевской да Василей Шереметев, а из Мурома князь Михайло Курбъской – тот передовой полк»⁴⁹. По виду – это разрядная запись, попавшая в летопись.

РК-98, 1536 г. «Того ж лета октября, как князь великий из Мурома воеводам велел ехати к себе по домом князю Федору Михайловичю Мстисловскому, князю Ивану Барбашину, князю Михаилу Кубенскому, и

тогда велел остатися в Муроме воеводам наместнику князю Федору Ивановичю Одоевскому, князю Ивану Турунтаю Пронскому, князю Ивану Нохтеву; да в Муром же послан Иван Фока Семенович Воронцов». В РК-05 запись отнесена к 29 октября. Судя по месту расположения (после разряда «от казанской украины» летом 1537 г.) и совпадению имен, речь шла об осени 1537 г.

РК-98 под 1537 г. «Сентября князь великий Иван Васильевич всеа Руси и мати его великая княгини Елена приговорили воевод на весну в судех послати х Казани да и в конной рати воевод. И тот поход х Казани не был, потому что царь Сафа-Кирей прислал к великому князю своево человека Усеина о миру.

В судовую рать помечены воеводы по полком. В большом полку быти воеводам боярину князю Дмитрею Федоровичю Бельскому да боярину Михаилу Юрьевичю. В передовом полку быти воеводам князю Ивану Ивановичю Барбашину да князю Михаилу Михайловичю Курбскому. В правой руке быти воеводам князю Федору Михайловичю Мстисловскому да князю Дмитрею Ивановичю Курлетову. В левой руке быти воеводам князю Олександру Ивановичю Стригину-Оболенскому да князю Василью Чюлку княж Васильеву сыну Ушатаго. В сторожевом полку быти воеводам князю Юрью Михайловичю Булгакову да Василью Петрову сыну Борисова.

А в конную рать помечены были воеводы по полком. В большом полку быти воеводам боярину князю Ивану Даниловичю Пенкову да боярину и конюшему князю Ивану Федоровичю Телепневу. В передовом полку быти воеводам князю Василью Ивановичю Репнину да Василью Ондреевичю Шереметеву. В правой руке быти воеводам князю Петру Ивановичю Репнину да князю Дмитрею Федоровичю Палецкому. В левой руке быти воеводам князю Костянтину Ивановичю Шкурлетеву да князю Ивану княж Семенову сыну Мезецкого. В сторожевом полку быти воеводам Ивану Ивановичю Хабарову да князю Ивану Чюлку княж Михайлову сыну Засекину.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 25.

У наряду было быти князь Михаилу Ивановичю Кубенскому да Дмитрею Семеновичю Воронцову, да Тимофею Васильеву сыну Борисова. А с тотары было итти князю Федору Ондреевичю Прозоровскому да князю Юрью княж Иванову сыну, да князь Юрью княж Григорьеву сыну Мещерскова».

Видно, что в судовую рать и наряд направили воевод из-под Владимира, Муром, Нижнего Новгорода. А в конной рати были воеводы из-под Коломны и с Угры. Учитывая упоминание Елены Глинской, умершей в апреле 1538 г., можно быть уверенным, что это именно 1537 г.

Разрядные документы 1538 г. Под 1538–1539 гг. в РК нет записей о воеводах на Казанской Украине. Но сохранился документ от 21 ноября 1538 г. (список XVII в.). «*От великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси на Коломну Леве Иванову сыну Семенову Писареву. Писал еси к тебе наперед сего, чтобы еси пошел на нашу службу в Муром. И ты бы ныне в Муром не ходил, а пошел бы еси на нашу службу в Володимир к боярину и наместнику нашему к воеводе нашему ко князю Дмитрию Федоровичу Бельскому и к иным нашим воеводам. А был бы еси на нашей службе в Володимире однолично часа того. А не будешь часа того в Володимире, и тебе быть от меня в великой опале*⁵⁰. Т. е. во Владимире, Муроме и прочих городах продолжали направлять воевод со значительными силами.

Сохранился государев указ от 6 августа 1538 г. о строительстве города Любима⁵¹. Он был обращен к населению станов Костромского и Вологодского уездов. «*Присылали есть к нам наперед сего бити челом Михаила Ильина сына Иевълева да Лучьку Семенова сына Горугина да Ваську Михайлова сына Лехчанова и сказываете, что те волости и станы Осецкой и Кулига, и Елнать, и Лемские станы, Черной, и Служень, и Котогорской, и Соцкой, и Чашнич путь, Обнорской, и Кинтуново, и Волочек, и Обнора от городов отошли далече*

верст по сту, по девяносту, и мест де осадных у вас в городех от казанских людей вам убежещей нет, и коли де прииде от казанских людей всполошное время, и вам де и в город на Кострому бежати далече, и без города де вам впредь немочно быть». Город было указано строить в Котогорском стане Костромского уезда, на реке Обноре, в устье речки Учи. «*И как почаете казанских людей на костромския места, и людей бы в город из сел и из деревень и из дальних утечи мочно, и вы б на Обноре на усти на Учи во Стрелице город поставили своими сохами и рвы копали, и городской бой, камень, и колье на город приготовили, и как город зделаете. А будет на речке на Обноре на устье Учи то место не пригож, и крепости у того места мало, или место будет песковато, и впредь городу на том месте быти не мочно, или будет в казанской приход людей из сел и из деревень из дальних уйти не мочно, и вам бы на том месте города не ставить, и выбрать бы место иное, где будет пригоже, чтоб к которому месту крепости пришли великия, и сторожи бы у вас везде были крепкия. И каковы будут весъти от казанских людей, и вы б были вси в городе, а иныя бы по крепостям жили. А буде вам в том месте на реке на Обноре на усти Учи в Стрелице мочно собою город поставить, а нечаштно приидут казанския люди, и вам будет в том городке от казанских людей отседетися немочно, и вам бы, все меж себе поговоря, да горотка в том месте не ставить, а людем изрону не чинить. А нешто приговорите все, что вам в том месте пригоже город поставить и от казанских людей отседетися мочно, и вам бы на Обноре на усти Учи городок собою поставить».*

Видно, что окончательное решение о месте, где должна была быть поставлена крепость, принималось земскими общинами. Крепость должна была быть рассчитана на то, чтобы окрестное население могло успешно укрыться и отсидеться. Отмечается необходимость системы сторожей. Упоминалось, что население могло частично отсиживаться в «крепостях», т. е. малодоступной лесной местности. Строилась крепость местными силами. Сведения этого документа можно распространить на прочие

⁵⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М., 1997. С. 181.

⁵¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. М., 2002. С. 427-428.

крепости, которые в то время строились и обновлялись на Казанской Украине.

Разряды за 1540–1541 гг. РК-05 под 7048 (1539/40) г. «Тово же году приходили козанские люди Чюра Нарыков, а с ним 8000 человек козанских черемиских людей на костромские места, а воевали у Пятницы на Солочи. И за ним ходили воеводы из Володимеря князь Ондрей Иванович Холмской да князь Олександра Борисович Горбатой и иные воеводы». Также в РК-05 есть роспись воевод на ноябрь 1539 г., но он дублирует запись за декабрь 1540 г.

Сохранилась государева жалованная грамота от 15 мая 1540 г. (список 1775 г.). Она была дана Авдотье, вдове суздальского помещика Бориса Алалыкина. Там было указано, что Авдотья подавала челобитную, «что де мужа ее Бориса убили на нашей службе у Пятницы на Солдоге казанские татарове»⁵². Этот документ показывает, что в сражении участвовали суздальцы. Он может использоваться для уточнения времени данного события, если оценить время, которое могло понадобиться для рассмотрения и составления ответа на челобитную (времени от сражения до подачи челобитной могло быть всего несколько дней).

РК-98 под 1540 г. «апреля (в РК-05 дано 16 число) велел князь великий быти в Володимере по полком воеводам: В болюм полку быти воеводам князю Василью Одреевичю Микулинскому да князю Ивану Федоровичю Стригину-Ряполовскому. В правой руке быти воеводам боярину князю Юрью Михайловичю Булгакову да Тимофею Васильеву сыну Борисова. В передовом полку быти воеводам князю Федору Одреевичю Булгакову да князю Юрью княж Иванову сыну Гундорову. В левой руке быти воеводам князю Ивану Меншому Ивановичю Лыкову да князю Василью княж Васильеву сыну Щербатого. В сторожевом полку быти воеводам Ивану Дмитреевичю Шеину да князю Дмитрею княж Михайлову сыну Жижемскому. Июля 9 день писал к великому князю из Володимеря воевода князь Василей Одреевич Микулинской, что боярин князь

Юрью Михайлович Булгаков великого князя для дел к нему не ездил. А князь Юрью Булгаков писал к великому князю, что ему ко князю Василью Микулинскому ездити непригоже. И князь великий отписал ко князю Юрью Михайловичю, чтоб он ко князю Василью Одреевичю ездил и дела великого князя берег с ним заодин, а та ему служба не в места; а как служба минетца, а будет ему до князя Василья дела о местех, ино им тогда дати суд. И августа писал к великому князю из Володимеря князь Василей Одреевич Микулинской, что он болен, и государь бы князь великий велел ему ехати из Володимеря помолитися чудотворцем. И князь великий князя Василья Микулинскаго из Володимера отпустил, а в Володимере велел быти воеводам по полком: В болюм полку воеводы боярин князь Юрью Михайлович Булгаков да князь Иван Федорович Стригин. В передовом полку воеводы князь Дмитрий Иванович Микулинской да князь Юрью княж Иванов сын Гундоров. В правой руке воеводы князь Федор Одреевич Булгаков да князь Василей княж Васильев сын Щербатой. В левой руке воеводы князь Иван Иванович Лыков Меншой да князь Юрью княж Григорьев сын Мецержскаго. В сторожевом полку воеводы Иван Дмитреевич Шеин да князь Дмитрий Михайлович Жижемской.

В Муроме воеводы были за городом князь Дмитрий Одреевич Булгаков да князь Иван княж Александров сын Кашин-Оболенской. В Елатье воеводы были князь Михайло Михайлович Троекуров да князь Василей княж Иванов сын Осиповского. В Нижнем Новгороде за городом наместник Семен Константинов сын Заболотцкой, а в городе князь Юрью княж Иванов сын Щетинин. На Костроме были воеводы за городом князь Иван Одреевич Катырь Ростовской, князь Борис Иванович Палецкой, князь Никита да князь Давыд княж Федоровы дети Палецкого. На Плесе воеводы были наместник князь Иван Одреевич Булгаков да Василей Семенов сын Карпов.

Того же лета декабря (в РК-05 дано 6 число) роспись от казанские украины, как царь казанский Сафа-Кирей приходил к Мурому. В Володимере были воеводы по полком: В болюм полку были воеводы боярин

⁵² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. С. 10-11.

и наместник князь Дмитрий Федорович Бельской да боярин князь Никита Васильевич Оболенской. В передовом полку воеводы князь Александра Борисович Горбатого да князь Василей Федорович Охлябинин. В правой руке воеводы боярин князь Юрьи Михайлович Булгаков да дворецкой углецкой Федор Семенович Воронцов. В левой руке воеводы околничей Иван Семенович Воронцов да князь Давыд Федорович Палецкой. В сторожевом полку воеводы Иван Петрович Федоров да князь Юрьи Иванович Гундоров.

А в городе в Володимере велено быти князю Петру Ивановичю Катыреву-Ростовскому да Олександру Семенову сыну Упина, да Ивану Ондрееву сыну Лапенкову-Кутузову, да Григорью Васильеву сыну Сабакину. В Муроме в царев приход были воеводы князь Иван Федорович Стригин-Ряполовской, Иван Васильев сын Шереметев Большой, князь Петр княж Иванов сын Деев. А в городе в Муроме Иван Петров сын Заболотцаго да князь Иван княж Федоров сын Сухово Мезецкого. В Мещере были воеводы князь Дмитрий Иванович Горбатой да князь Дмитрий Михайлович Жижемского. В Нижнем Новгороде были воеводы за городом резанской дворецкой Иван Михайлович Юрьев Большой да Иван Иванов сын Клушин. А в городе князь Иван Рыжко княж Тимофеев сын Долгоруково да Рычко Варыпаев сын Плещев. На Костроме были воеводы князь Юрьи Васильевич Глинской да князь Микита княж Федоров сын Палецкаго. На Плесе воеводы были князь Иван Андреевич Прозоровской да Иван Семенов сын Бутурлин. В Галиче были воеводы Яков Иванов сын Сабуров да Федор Васильев сын Супонев.

А как князь великий из Володимеря боярину и воеводе князю Дмитрею Федоровичю Бельскому и иным воеводам велел ехати к Москве, а иным велел ехати к себе по домом, и тогда велел воеводам постояти на Плесе да в Шуе казанских для людей прихода, февраля: На Плесе были воеводы князь Федор Иванович Шуйской, князь Александра Борисович Горбатого, князь Иван Ондреевич Прозоровской, князь Данила Марамук княж Васильев сын Несвицков. В Шуе воеводы Федор Семенович Воронцов, князь Василей

Федорович Охлябинин, князь Юрьи княж Иванов сын Гундоров. А как сойдутца шуйские воеводы с плескими воеводами, и тогда быти воеводам по полком. В болюм полку быти воеводам князю Федору Ивановичю Шуйскому, князю Олександру Борисовичю Горбатого, князю Ивану Ондреевичю Прозоровскому. В правой руке быти воеводе Федору Семеновичю Воронцову. В передовом полку быти воеводе князю Василью Федоровичю Охлябинину. В левой руке быти князю Данилу Марамуку Несвицкому. В сторожевом полку быти князю Юрью княж Иванову сыну Гундорову. И марта писал к великому князю князь Александра Борисович, что он убился с коня, и на государеве службе быти ему немочно. И князь великий князю Олександру велел ехати в вотчину. Да из Шуи к великому князю писал князь Василей Охлябинин, что ему с Федором с Воронцовым в менших быти немочно. И князь великий ко князю Василью Охлябинину велел отписать, чтоб он с Федором с Воронцовым дела великого князя берег без мест».

В РК-05 эта запись продолжена. «В городе в Володимери велено быть князю Петру Ивановичю Катыреву Ростовскому да Олександру Семеновичю Упину, да Ивану Ондрееву сыну Кутузову, Григорью Васильеву сыну Сабакину».

РК-98 под 1541 г. «июля месяца в Володимере были воеводы по полком на три полки, а итти было им по казанским вестем в Нижний Новгород в судех. В болюм полку воеводы боярин князь Иван Васильевич Шуйской да князь Михайло Михайлович Курбской. В левой руке воеводы князь Семен Федорович Алабышев да князь Михайло Михайлович Троекуров. В сторожевом полку воеводы князь Иван Федорович Стригин да князь Василей княж Васильев сын Щербатого. А конным воеводам итти было в Нижней Новгород князю Ивану Андреевичю Куракину, Ивану Васильеву сыну Шереметеву, князю Петру княж Иванову сыну Дееву. В Муроме воеводы князь Юрьи Васильевич Глинской, Тимофей Васильевич Борисов, князь Василей Иванович Осиповской. В Мещере были воеводы князь Дмитрий Иванович Пунков да князь Юрьи княж Григорьев сын Мещерского. На Костроме

были воеводы князь Федор Иванович Шуйской, князь Иван Андреевич Прозоровской да князь Василей Ляпун Несвицкой. В Галиче были воеводы Яков Иванов сын Константинов Сабуров, Федор Васильев сын Супонев.

Того же лета июня месяца (в РК-05 дано 5 число) в Володимере были воеводы по полком. В болюм полку боярин князь Иван Васильевич Шуйской да князь Михайло Михайлович Курбской. А в правой руке велел князь великий быти князю Ивану Юрьевичу Хохолкову да князю Михаилу Троекурову; и князь Иван Хохолков не был. В передовом князь Иван Андреевич Булгаков да князь Петр княж Иванов сын Деев. В левой князь Семен Федорович Алабышев да князь Василей Щербатой. В сторожевом князь Иван Федорович Стригин да Иван Васильев сын Шереметев Большой». Это та же самая роспись судовой рати на июль. В РК-05 дополнительно записано: «те все воеводы судовые и конные в Нижней Новгород не ходили, потому что к берегу прииол крымской царь, и они все пошли к берегу». Далее уточняется: «из Володимеря велел государь воеводам своим итти на берег жа к Оке реке июля в 28 день».

Разрядные записи за 1541-1545 гг. РК-98 на зиму 1541-1542 гг. «Декабря месяца в Володимере были воеводы по полком. В болюм полку воеводы боярин князь Иван Васильевич Шуйской да князь Михайло Михайлович Курбской. В правой князь Иван Шемяка Васильевич Пронской да князь Юрья Менишой княж Андреев сын Михайловича Пенинского. Да в правой же руке был шибанской царевич Шилей да Магмет мирза Камбар мурзин. А со царевичем был князь Иван княж Васильев сын Власов Мезецкого. В передовом полку князь Иван Турантай Иванович Пронской да князь Юрьи княж Иванов сын Гундоров. В левой князь Юрьи Андреевич Пененской Болюшой да князь Дмитрий Иванович Немого-Оболенской. В сторожевом князь Дмитрий Андреевич Булгаков да князь Давыд Федорович Палецкой».

РК-05 под 7050 (1541/42) г. «Тово же году были воеводы в Володимери по полком. В болюм полку боярин князь Ондрей

Михайлович Шуйской да князь Петр Иванович Репнин. В правой руке окольникей Иван Фока Семенович Воранцов. В передовом полку князь Иван Ондреевич Куракин. В сторожевом полку князь Семен Федорович Алабышев. В левой руке. И князь Ондрей Михайлович Шуйской вскоре на службу не прииол, а от государя грамоты писались к боярину ко князю Петру Ивановичю Репнину. И князь Семен Олабышев о том писал к государю и бил челом, что непригоже ему ездить ко князю Петру Репнину потому что отец ево, князь Семенов, князь Федор Алабышев сидел на Галиче да с ним князь Дмитрий Щепан Оболенской, а князь Иван Репня под князем Дмитрием третьей брат. И князь великий велел им съезжатися в Володимери у церкви. Тово же лета приезжал от государя Лев Ондреевич Салтыков с речью к боярину ко князю Ондрею Дмитриевичю Ростовскому в Володимер, а говорил от государя по наказу: как воинские вести поминуютца, чтоб были в Володимери воеводы до полком. В болюм полку в Володимери боярин князь Ондрей Дмитриевич Ростовской да князь Михайло Курпской. В правой руке окольникей Иван Фока Семенович Варанцов. В передовом полку князь Иван Куракин. А в правой руке и в передовом полку и левая рука стояли в Шуге и обсылались бы и дела нашего берегли.

Тово же лета были воеводы на Костроме князь Олександра Борисович Горбатой. Тово же лета были воеводы в Шуге князь Дмитрий Ондреевич Булгаков да князь Давыд Федорович Палецкой. Тово же году были воеводы в Суздале князь Юрьи Ондреевич Пенинской Большой да князь Дмитрий Иванович Немого Оболенские».

Далее. «Тово же году были воеводы в Володимери князь Иван Ондреевич Катырь Ростовской да князь Иван Шемяка Васильевич Пронской, да князь Иван Турантай Иванович Пронской, да князь Юрьи Ондреевич Пенинской Большой, да князь Юрьи Иванович Гундаров. А каторые воеводы были на Костроме, и в Шуге, и в Суздале, и те все написоны в росписи с володимерскими воеводами».

РК-98 под 1542 г. Тово же лета сентября приговорил князь великий итти в

казанские места из Муroma воеводам по полком, и тот поход не был. В болюшой полк помечены воеводы князь Федор Иванович Одоевской да Микита Иванов сын Борисова. В передовом полку быти воеводе князю Ивану княж Александрову сыну Кашину. В правой руке быти воеводе князю Юрью Ивановичю Кашину Оболенскому. В левой руке быти воеводе князю Ивану княж Федорову сыну Сухово Мезецкому. В сторожевом полку быти воеводе Ивану Григорьевичю Очину-Плещееву.

А из Галича итить было воеводам по полком в казанские места, и тот поход не был же. В болюшом полку быти воеводам Семену Семеновичю Беззубцову да князю Григорию княж Андрееву сыну Гундорову. В передовом полку быти князю Юрью княж Иванову сыну Дееву. В правой руке быти воеводе князю Ивану княж Михайлову сыну Хворостинину. В левой руке быти воеводе князю Петру княж Иванову сыну Дееву. В сторожевом полку быти воеводе князю Федору княж Борисову сыну Ромодановского». Видимо, поход не состоялся из-за начала мирных переговоров.

РК-98 под 1542 г. «ноября в Володимере были воеводы по полком. В болюшом полку боярин князь Дмитрий Федорович Бельской да князь Михайло Михайлович Курбской. В правой руке князь Александр Борисович Горбатой да князь Семен княж Иванов сын Гундоров. А в передовом полку приговорил был князь великий быти князю Юрью Васильевичю Глинскому, и велел князь великий дьяком сказати свою службу князю Юрью на Москве. И князь Юрьи дьяком отказал, что ему в передовом полку быти немочно, потому что в правой руке быти князю Олександру Горбатому, и ему мениши князя Олександра быти немочно. И князь великий велел быти в передовом полку князю Ивану Семеновичю Нохтеву да князю Андрею княж Дмитрееву сыну Дрюцкого. В левой руке были воеводы князь Иван Андреевич Прозоровской да князь Федор княж Борисов сын Ромодановского. В сторожевом Андрей Васильевич Елизаров да князь Семен княж Михайлов сын Мезецкого.

А на Костроме были воеводы князь Федор Иванович Шуйской да князь Данила да князь Василей княж Васильевы дети Несвитцкого. А на Плесе были воеводы Иван

Васильевич Жулебин да князь Юрьи княж Иванов сын Деев. А в Новегороде в Нижнем в городе князь Михайло Васильевич Глинской да Иван Петров сын Заболотцкого. В Гороховце за городом князь Дмитрий княж Иванов сын Хилков, а в городе наместник князь Александр княж Васильев сын Дрюцкого. В Городке у царя околничей Иван Иванович Беззубцов да Василей Тимофеев сын Замыцкого. Въ Елатьме наместник Михайло Иванов сын Воронов».

В РК-98 под 1543 г. «Юня же были воеводы от казанские украины. В Володимере были воеводы по полком. В болюшом полку были воеводы боярин и дворецкой князь Иван Иванович Кубенской да Григорей Юрьевич Захарьин. В передовом полку были воеводы Иван Васильевич Шереметев да князь Семен княж Михайлов сын Мезецкого. В правой руке были воеводы князь Иван Михайлович Троекуров да князь Юрьи княж Иванов сын Деев. В левой руке были воеводы князь Иван княж Петров сын Сисеев да князь Петр княж Иванов сын Деев. В сторожевом полку были воеводы князь Иван Васильевич Горенской Оболенской да князь Федор княж Борисов сын Ромодановского.

В Муроме были воеводы князь Михайло Михайлович Курбской, Иван Семенов сын Бутурлин, князь Семен княж Иванов сын Гундоров. В Нижнем Новегороде были воеводы Иван Иванович Хабаров, князь Иван Болюшой Федорович Судцкой; да в Нижнем же Новегороде был воевода князь Семен Иванович Пунков Микулинской. А заповеди для были в Нижнем Новегороде Микифор Иванов сын Дмитреева да Услюм Иванов сын Данилова. На Костроме были воеводы князь Иван Ондреевич Булгаков Куракин да князь Василей Ляпун княж Васильев сын Несвитцкого. На Плесе были воеводы с Костромы наместник князь Иван Васильевич Глинской да князь Ондрей княж Дмитреев сын Дрюцкой. В Галиче за городом воеводы князь Семен Васильевич Ростовской, Яков Иванов сын Сабуров, Федор Васильев сын Супонев».

В РК-05 перед этой роспись. «Тово же году были воеводы в Нижнем Новегороде князь Федор княж Олександров сын Оленкин да князь Петр Иванович Кашин. И князь Петр со князь Федором месничался, и писали

о том оба к государю, и государь учинил их месниками. Того же году были воеводы в Муроме на службе князь Костянтин Иванович Курлятев да князь Юрьи Иванович Кашин. И князь Юрьи Кашин со князь Костентином месничался и с ним не пошел, и грамоты к ним от великого князя приходили порознь».

РК-98 под 1544 г. «Того же лета 52-го генваря были воеводы в Володимере и в Суздали, и в Шуе по полком; а которые воеводы не похотели быти по сей росписи мест для, и о том написано же после сее росписи. В болюм полку в Володимере были воеводы бояря князь Иван Михайлович Шуйской, князь Петр Иванович Репнин да воевода князь Иван Семенович Мезецкой. В правой руке в Суздали были воеводы боярин Иван Семенович Воронцов да князь Юрьи Иванович Кашин. В передовом полку в Суздали же были воеводы Семен Семенович Беззубцов да князь Федор князь Борисов сын Ромодановского. В левой руке воеводы в Шуе князь Осиф Тимофеевич Тростенской да князь Григорей княж Ондреев сын Гундоров. В сторожевом полку в Володимере воеводы князь Иван Семенович Ногтев да князь Иван княж Александров сын Кашин-Оболенской.

И генваря в 19 день писали к великому князю воеводы из Володимеря и из Суздаля князь Иван Ногтев, князь Юрьи да князь Иван Кашин. А писал князь Иван Ногтев и князь Юрьи Кашин, что князю Ивану в сторожевом полку быти непригоже, потому что в правой руке боярин Иван Семенович Воронцов, а князю Юрью Кашину в других с Ъваном Воронцовым быти же непригоже. А князь Иван Кашин писал, что ему в сторожевом полку быти непригоже того для, что в левой руке в больших князь Осиф Тростенской. И князь великий к ним велел отписать, а велел им быти по росписи; а сторожевому полку до правые руки и до левые дела нет, то полки опричние; а князь Юрьи бы Кашин в правой руке в других был с Ъваном Воронцовым; а не будет в правой руке по росписи, и ему от великого князя быти в опале.

В Муроме были воеводы боярин князь Олександро Борисович Горбатого, Юрьи Михайлов сын Воронцов, князь Петр княж

Иванов сын Кашин. В городе в Муроме князь Иван Андреевич Пенинской да князь Иван княж Федоров сын Сухово Мезецкой. В Елатме воевода князь Федор Иванович Одоевской, Иван Григорьевич Очин-Плещев, Алексей Данилов сын Босманов-Плещев. На Костроме воеводы боярин князь Федор Иванович Шуйской, боярин Федор Семенович Воронцов да наместник князь Дмитрий Михайлович Жижемской. На Плесе воеводы князь Петр Иванович Телятевской-Микулинской да князь Данила Марамук княж Васильев сын Несвицкого. В Галиче воеводы князь Иван княж Михайлов сын Хворостинин, князь Юрьи да князь Петр княж Ивановы дети Деевы».

РК-05 под 7053 (1544/45) г. «Того же году в Муроме были воеводы по полком. В болюм полку Федор Демид Семенович Варанцов. В передовом полку Офонасей Юрьевич Сабуров. И Офонасей Сабуров бил челом государю на Федора в отечестве, и государь к нему прислал на Федора невмесную грамоту». Скорее, здесь изначально шла речь не о болюм и передовом воеводах, а о первом и втором воеводе в городе. Эта запись, видимо, сохранилась именно как местнический спор, не отображая даже количество воевод в Муроме.

Разрядные росписи за 1547–1550 гг.

РК-98 под 1547 г. «июля были воеводы от казанские украины. В Володимере были воеводы боярин князь Ондрей Дмитриевич Ростовской, князь Иван Семенович Ногтев да князь Семен Васильевич Ростовской, Петр Васильевич Морозов, Борис Иванович Салтыков. В Муроме были воеводы князь Василей Федорович Лопатин-Оболенской, Михайло Иванов сын Вороного Волынской да князь Иван княж Федоров сын Сухово-Мезецково. Да в Муроме же был из Володимеря Борис Иванович Салтыков. А из Мурома Борис Салтыков да князь Иван Мезецкой ходили в казанские места. В Мещере были воеводы князь Дмитрий Семенович Шастунов, князь Василей княж Иванов сын Осиповского, князь Семен княж Иванов сын Гундоров. На Костроме были воеводы боярин Иван Семенович Воронцов, Юрьи Михайлов сын Семеновича Воронцов да

за городом же костромской наместник Михайло Михайлов сын Мусин-Пешков. В Нижнем Новгороде был в городе князь Иван Михайлович Троекуров да с ним на вылазку сын его князь Федор, а за городом был князь Данила княж Иванов сын Черного Засекин. А заповеди для был Микита Иванов сын Борисов».

РК-98 под 1548 г. «Июля были воеводы от казанские украины. В Муроме были воеводы по полком [в РК-05 записано «с рожества Иванна Предтечи», т. е. с 24 июня; также в РК-05 роспись Муромской рати продублирована в 1547 г.]. В большом полку были воеводы боярин князь Федор Иванович Шуйской да князь Василей Иванович Горбатого. В передовом полку были воеводы князь Петр Иванович Телятевского-Микулинской да князь Василей Ляпун княж Васильев сын Несвицкаго. В правой руке воеводы князь Ондрей Иванович Ногтев да князь Иван княж Петров сын Звенигоротцаго. В левой руке воеводы князь Федор княж Ондреев сын Гундоров да Семен Федоров сын Киселев. В сторожевом полку воеводы князь Иван Ондреевич Прозоровской да князь Иван княж Федоров сын Сухово-Мезецкого. И Прозоровской в Муроме не был, у себя был болен; а на его место в сторожевом полку велел царь и великий князь быти Михаилу Михайловичю Тучкову.

На Костроме были воеводы наместник Захарья Петрович Яковль да князь Ондрей княж Иванов сын Черного-Засекин. Да на Костроме же были воеводы у Захарьи Петровича князь Василей княж Михайлов сын Жижемской, князь Василей княж Иванов сын Осиповской, князь Семен княж Иванов сын Гундоров; а росписи им по полком не было. В Галиче были князь Петр княж Иванов сын Збережскаго, Михайло Ондреев сын Туров. В Нижнем Новгороде был в городе князь Ондрей Александрович Оленкин, а за городом был Борис Иванович Салтыков. А заповеди для был князь Семен княж Федоров сын Козловской».

Согласно РК-98, в декабре 1548 г. одновременно со сбором по ногайским вестям войск в Коломне в «Муроме были воеводы князь Петр Михайлович Щенятев да князь Михайло Михайлович Троекуров. Да в Муроме же были воеводы, итти было им в

казанские места: Алексей Данилович Плещеев да Семен Федоров сын Киселев.

Того же лета 57-го марта по казанским вестем, как Сафа-Кирея, царя казанскаго, в животе не стало, велел царь и великий князь быти в Нижнем Новгороде царю Шигалею, а у него околничей Федор Михайлович Нагой. А воевод в Нижней Новгород отпустил с Москвы, а велел им быти в Нижнем Новгороде по полком. В большом полку боярин и воевода князь Александра Борисович Горбатого. В передовом полку околничей и воевода Иван Иванович Умно-Кольчов. В правой руке воевода боярин князь Дмитрий Иванович Курлетьев-Оболенской. В левой руке воевода князь Давыд Федорович Паленкой. В сторожевом полку воевода Семен Дмитриевич Пешков.

Того же лета июня отпустил царь и великий князь в Нижней Новгород воевод Бориса Ивановича да оружничего своего Льва Ондреевича Салтыковых, а велел им итти из Нижнева Новгорода в казанские места».

В РК-05 под 7057 (1548/49) г., перед записью о рождении дочери у царя и записи о Шейх-Али в Нижнем Новгороде. «Тово же году на Кострому посланы воеводы зимою князь Данило Дмитриевич Пронской да сын его князь Петр Данилович, да князь Давыд Палецкой. Тово же году в Муром посланы воеводы князь Иван Василевич Пенкав да князь Дмитрий Иванович Курлятев, да князь Михайло Михайлович Троекуров. А царя Шигалея князь Петр Щенятев да князь Иван Троекуров. А в Мещеру посланы воеводы князь Дмитрий Пуньков Микулинской да Олексей Басманов Данилович».

В РК-98 под 1549 г. «Июля были воеводы от казанские украины. В Муроме воеводы по полком. В большом полку боярин и воевода князь Федор Ондреевич Булгаков. В правой руке воевода князь Дмитрий Ондреевич Булгаков. В передовом полку воевода князь Федор княж Борисов сын Рамадановского. В левой руке воеводы князь Ондрей княж Васильев сын Нагаев Рамадановского. В сторожевом полку воевода князь Федор княж Ондреев сын Гундоров. На Костроме воеводы Михайла Васильевич Яковль да князь Иван княж Иванов сын Кашин-Обовенского. В Нижнем Новгороде с Ыльина дни велено быти в

городе князю Петру Ивановичю Телятевскому; за городом князь Петр Александрович Стригин-Оболенской. В Нижнем быти заповеди для Федору Григорьевичю Очину-Плещеву».

РК-98 под 1549 г. «Тое же осени в Нижнем Новегороде были воеводы в городе князь Петр Иванович Телятевской, а за городом был князь Петр Александрович Стригин-Оболенской. Да за городом же были с покрова пречистые в Нижнем Новегороде воеводы, сен царевых и великого князя берегли от прихода казанских людей, князь Федор князь Иванов сын Кашин, князь Григорей князь Федоров сын Мещерскова». В РК-05 последняя часть этой записи помещена осенью 1548 г.

РК-98 в 1550 г. «А от казанские украины были воеводы с Николина дни вешняго 58-го лета. В Муроме были воеводы боярин князь Иван Иванович Пронской, князь Юрьи Иванович Кашин, князь Григорей князь Федоров сын Мещерского. В Гороховце князь Иван князь Федоров сын Сухово-Мезецкого. На Костроме наместник князь Михайла Иванович Воротынской. В Галиче воеводы князь Федор князь Иванов сын Троекуров, наместник Федор Андреев сын Карпов. На Плесе наместник князь Андрей князь Васильев сын Нагаев-Ромодановского. В Мещере воевода князь Дмитрий Иванович Хилков. У царя Шиголя в Городке окольничей Яков Андреевич Салтыков. В Нижнем Новегороде воеводы в городе князь Иван Васильевич Пенков, а за городом боярин Григорей Васильевич Морозов, Василей Михайлович Машуткин».

РК-98 от 1550 г. «Сентября 14 день в Нижнем Новегороде за городом воеводы князь Иван Васильевич Пенков да Василей Михайлович Машуткин-Борисов, а в городе Василей Петров сын Головина. А з Дмитриева дни в Нижнем Новегороде воеводы за городом князь Иван Васильевич Пенков, князь Юрьи Иванович Шемякин-Пронской. В Муроме воеводы з Дмитриева же дни боярин князь Константин Иванович Курлятев да Семен Васильевич Шереметев».

Разряды воевод в Васильгороде. После отмеченной выше записи в РК-05 под 7044 (1535/36) г. о воеводах в Васильгороде

записей нет до 7053 (1543/44) г. РК-05 под 7053 г. «Тово же году послал государь воевод своих в Василь город годовать Федора Григорьевича Очина Плещева да Офонасья Андреевича Бутурлина. И Офонасей Бутурлин на Федора Очина бил челом государю о местех, и государь велел сыскать старыми розряды. И, сыскав розряды, велел государь быть Офонасью Бутурлину в больших, а Федору Очину Плещеву в меньших товарищех; и грамоты от государя с Москвы приходили к Офонасью Андреевичю Бутурлину да к Федору Очину Плещеву». РК-98 под 1545 г. «в Василегороде годовали воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да Андрей Меншей Иванов сын Товарков, да Василей Дмитриев сын Федорова». Под 1546 г. «в Василегороде годовали воеводы князь Василей Гага Андреевич Великого да князь Семен князь Иванов сын Гагарин, да Семен Федоров сын Киселев». Под 1547 г. «В Василегороде годовали с Петрова дни воеводы князь Иван Юрьевич Хохолков-Ростовской, князь Дмитрий Иванович Хилков, князь Иван князь Андреев сын Селеховской». Под 1548 г. «В Василегороде с Петрова дни годовали воеводы князь Михайло Васильевич Глинской, Михайло Васильевич Годунов, князь Петр князь Глебов сын Засекин, князь Василей князь Юрьев сын Шеховского». В 1549 г. в «Василегороде годовали воеводы князь Федор Андреевич Прозоровской, князь Василей князь Семенов сын Фуников, князь Данила Марамук князь Васильев сын Несвитцкого. Да в Василе же городе за городом казанского запасу берегли воеводы князь Федор князь Борисов сын Ромодановской да князь Андрей князь Васильев сын Нагаев-Ромодановской». В 1550 г. «в Василегороде годовали воеводы с Ъльина дни князь Иван Александрович Кашин, князь Семен князь Иванов сын Льяловской-Стародубсково, князь Иван князь Борисов сын Ромодановского». В 1552 г. «в Василегороде годовали воеводы Офонасей Юрьевич Сабуров, Мещанин Владыкин сын Дмитриева, князь Олександр князь Иванов сын Кемского; а годовали с Петрова дни». Сохранение записей о воеводах в Васильгороде именно с 1545 г. можно связать

с тем, что тогда начался период Казанских походов, и, соответственно, их роль возросла.

Жалованные грамоты

Жалованные грамоты говорят о разорении казанскими набегами: владений Симонова монастыря в Галичском, Костромском и Муромском уездах (грамота от 19 марта 1538 г.); села Чагадаево в Муромском уезде, принадлежавшего Троицкому монастырю (грамота от мая 1538 г.); сельца Гнездинково у Соли Галичской и деревни в Лигурге Верхнем Березовце Костромского узда, принадлежавших Троицкому монастырю (грамота от марта 1541 г.); Муромского Борисоглебского монастыря и принадлежавшей ему соседней деревни Баранова (грамота от 21 апреля 1541 г.); села Высокое, принадлежавшего Нижегородскому Печерскому монастырю (грамота от 15 января 1540 г.)⁵³. Эти документы уточняют географию походов казанцев, но уточнять хронологию по ним не следует, т. к. грамоты могли быть даны заметно позже события.

Частные и местные летописи

В официальном московском летописании записи велись регулярно, и хронология в них отличается высокой точностью. Далеко не всё местное летописание велось регулярно, и записи делались задним числом за многие годы. Смещение по годам в них – явление обычное. «Общерусские» записи в частных и местных летописях собирались из разных источников (различных летописей, документов, устных данных). Благодаря этому мы видим в них много сведений, не отмеченных в московском летописании. Но характер составления (особенно при составлении поздних списков) объективно приводил к искажениям в датировке и локальной порче текста.

В зоне казанских набегов велись местные летописи – Устюжские, Нижегородские, Галичские, Вологодские, Вычегодско-Вымская. Только последняя известна в цельном виде (велась с конца XVI в., закончена под 1619 г., но известна только

по рукописной копии начала XIX в.). Остальные известны по отрывкам и выпискам в другие летописи, преимущественно в списках XVII в. В таком виде в них можно ожидать путаницу в хронологии. Местные летописцы стали источниками и для некоторых Житий, в которых отразились набеги казанцев.

Продолжение Хронографа. Он был создан в середине XVI в., сохранился в подлиннике. Сличение его с другими летописями показывает, что многие события были непоследовательно записаны или были неправильно поставлены по годам, в т. ч. по казанским делам. Так под 7004 (1495/96) г. были записаны события в Казани с весны 1496 до весны 1497 г., причем перед событием конца 7004 г. (август 1496 г.); казанские события весны-лета 1499 г. были отнесены к 1500 г. И таких примеров много. Поэтому к датировке по годам в этой летописи следует относиться внимательно.

Под 1521 г., за записью о походе крымского хана. *«Того же лета казанский царь Саин-Гирей и со всеми казаньскими людьми приходил на Муромские места и на Мещерские».*

Под 7042 (1533/34) г. *«Тое же зимы приходили многие казанские люди к Нижнему Новгороду и Новгородские места многие пусты учиниша и грех ради наших, полону без числа много поимали, жен и детей боярских, да и черных людей с женами и з детьми многих поимали».* Однако при этом под 1535/36 г. нет данных о набегах казанцев (под этим годом там только одна короткая запись). Поэтому следует говорить о смещении года в записи.

Под 7045 (1536/37) г. *«Тое же зимы многие казаньские люди приходили на Костромские места и на Галичские и, грех ради и наших, волости и села многие воевали в полону много безчислено имали, и галичские места пусты учиниша».* Следует заметить, что перед этим указывались события лета 1537 г., а после – декабря 1537 и апреля 1538 г. Соответственно, это событие можно отнести и к периоду с осени 1537 г. по зиму 1538 г.

Под 1540 г. *«Тое же весны приходили на Костромские места казаньские люди, Чюра Нарыков, а с ним было 8000 человек казанцов*

⁵³ Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 233–234.

и черемисы и чувашы, а воевали многие Костромские места и князь Ивановскую отчину Белского у Пятницы святые на Солдоге, и великого князя воеводы, князь Андрей Иванович Холмской да князь Александр Борисович Горбатой и иные многие воеводы со многими людьми Московские земли и Новгородские, ходили на них из Володимера и дошли их у Пятницы ж святой на Солдоге и, грех ради наших, не успе им ничего, а убыен бысть тогда на той брани на Волге князь Борис Сисеев да Василий Феодоров сын Кожин Замытской. Того же лета, апреля в 7 день, солнце погубило в 3-м часу дни, в среду, на второй неделе по пасце. Того же месяца в 20 день бысть гром силен и молния велика». Можно отметить упоминание новгородских отрядов – свидетельство того, что новгородцев стали привлекать для обороны Казанской Украйны (если не подразумевались нижегородские служилые люди).

Если была сохранена хронологическая последовательность, то событие произошло в марте. Сравнение с записью из РК-05 показывает, что данное летописное сообщение является первичным источником. Роспись воеводам Владимирской рати на 16 апреля 1540 г. не называет А. Горбатого и А. Холмского. Это говорит, что тогда была собрана усиленная рать, причиной чему был описанный набег. Такие ответные решения принимались быстро, т. е. сражение должно было быть в первых числах апреля. Это вполне соответствует упомянутой жалованной грамоте от 15 мая.

1 июля 1540 г. по князю Андрею Холмскому дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь князь Петр Андреев сын Стригин⁵⁴. Отсюда можно сделать вывод, что Холмский получил смертельное ранение в этом сражении. А. Горбатый до зимы больше не упоминался в разрядных росписях. Можно сделать предположение о его ранении.

Под 7049 (1540/41) г. «Тое же зимы приходил к Мурому казаньской царь Сафа-Кирей, а с ним было 30000 человек, и грех ради наших, Муромские места и Стародуб Ряполов и Пожарьских князей отчину пусту

учиниша и людей много в полон поимали, да и Володимерские волости воевали».

Под 7051 (1542/43) г. «приходил казанской царь Сафа-Кирей вдруге к Мурому, и Муромские места пусты учиниша и полону много поимали». В других источниках нет данных о походе хана в этом году. При этом в этой летописи нет данных о походе хана на Муром в 1537 г. Поэтому опять следует говорить о смещении годовой записи. Тем более, что вторая запись за тот год (казнь Андрея Шуйского псарями) на деле относится к 1544 г., а больше записей за этот год нет.

Под 7053 (1544/45) г. «Тое же зимы приходили на Володимерские места с казаньскими людьми в головах Амонак князь казаньской да Чюра Нарыков и воевали Пожарских князей отчину и полону много имали. Из Володимеря ходили за ними великого князя воеводы Иван Семенович Воронцов и иные всеводы со многими людьми и дошли их у Николы в Дебри и не успе им ничего. А на той брани убыен бысть Алексей Петров сын Головина, да в загонех убили Григорья Карпова сына Свечина да Петрока Колупаева сына Приклоньского. А из Мурома ходил за ними князь Александр Борисович Горбатой со многим людьми и ходили за ними до Гороховца и не успе им ничего. А у Гороховца, у острогу, с казанскими людьми травилися мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Аманака князя, а воеводу Фоку Воронцова [И. С. Воронцов] со товарищи хотели гороховцы камением побити за то что они с казаньскими людьми не делали бою, а их упустили». Эта запись, судя по именам воевод, соответствовала разрядной записи за январь 1544 г. Однако в самих РК за 7053 (1544/45) г. практически нет росписей воевод по городам и пограничным полкам. Возможно, что данная разрядная запись относится к зиме 1544–1545 гг. Тем более что, согласно посольским книгам, зимой 1543–1544 гг. заметных столкновений не должно было быть. В летописи эта запись стоит после описания похода на Казань весной 1545 г., но также и под 7049 г. зимний поход казанского хана на Муром поставлен после летнего похода крымского хана.

⁵⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 41.

Под 1548 г. «сентября, приходил на Костромские места казанских людей 3000 человек, а в головах у них был Арак богатырь. И с Костромы царя и великого князя воеводы, Захарья Петрович Яковля с товарищи, дошед их, в Галичских местех, в Верхнем Березовце, побили на голову и Арака богатыря убили».

Под 1549 г. «марта, приходили казанские люди на Муромские места, а в головах у них был Мамазерь князь, а с ним казанских людей 140 человек, и воеводы царя и великого князя, князь Петр Михайлович Щенятев и иные воеводы, из Мурома за ними ходили и, дошед их за Кудмою на Костянтиновском поле, побили их наголову, и Мамазеря князя убили».⁵⁵

Летописец начала XVII в. (список конца XVII в.)⁵⁶. «В лето 7044-го приходил казанской царь Сап-Кирей изгоном к Мурому, посад и села повоевал». Здесь видим смещение датировки на год. Под 7047 (1539/40) г.: «тое ж зимы приходили казанские татарове, воевали володимерския волости, полону взяли много. Тое же зимы был бой воеводам с казанскими татары на Солдоге, у Пятницы. Казанцы побежали, пленных 74 пометали, а иной посекали». Здесь видим уникальные данные о полоне при сражении на Сологе. Костромские места заменены на владимирские. Там же при описании набегов крымцев в 1539 и 1541 гг. видим дефект текста (названы не те имена хана и его сына). «В лето 7052-го зимою приходили воевать казанцы, воевода у них Чюра Нарыков, воевали Володимерской уезд. И бой был с нашими воеводы посторонь Гороховца у Николы Бедринскаго». Это явно о набеге, описанном в Продолжении Хронографа под следующим годом. Данный вариант описания события позволил М. А. Несину локализовать место столкновения под Гороховцем.⁵⁷

⁵⁵ Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. // Исторический архив. Т. 7. М.–Л., 1951. С. 280-296.

⁵⁶ Корецкий В. И., Морозов Б. Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С. 187-218.

⁵⁷ Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор,

Казанский летописец. Это в первую очередь литературное произведение, написанное в 1560-е гг. Оно повествует об истории Казанского ханства и русско-казанских отношениях. Упоминается в нем о казанских набегах, происходивших при малолетстве Ивана Грозного. В основном там в ветхозаветных традициях описаны ужасы войны. Есть указание на направление набегов: «Низовская земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцов запусте»⁵⁸, «ходившим казанцом воию на Руския пределы, на Галич и на Вологду, и на Чюхлому, и на Кострому»⁵⁹. Это перечисление походит на соответствующее перечисление в Никоновской летописи, вставленное под 1539 г. Единственный описанный эпизод – нападение на Балахну. Это описание изучил М. А. Несин, отметив насыщенность искажениями и противоречиями⁶⁰.

Псковская Первая летопись. Она известна по спискам конца XVI в., имеет цельный характер и точно по хронологии, но т. к. Псков был далек от Казанской Украины, то и внимание к ней минимально. Под 7046 (1537/38) г. «Тоя зимы ходиша татарове по московским городом, в Костромцины и в Муромцины, и в Галиче, и в Вологде, и монастыри честные многие пограбиша и пожгоша, и боярынь и дочерей боярских и житых людей и жен младых и отроков поведоша во свою землю»⁶¹. Обращает внимание упоминание Мурома, при том, что соседний Мурому и Костроме Нижний Новгород не назван. Это можно объяснить тем, что далекий псковский летописец совместил сообщение с нападением на Муром в январе 1537 г. Другие источники набег в район Мурома в период осени 1537 г. – зимы 1538 г. не подтверждают.

В Соловецком патерике есть глава 43 «Чудо преподобных отец наших Зосима и

походы казанцев на русские земли 1535-1549 гг. С. 466-467.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000. Стб. 44.

⁵⁹ Там же. Стб. 66

⁶⁰ Несин М. А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. С. 117-118.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 302.

Саватия, иже избавиша некоего человека на Сухоне от татар». Рассказ был записан в 1548 г. Он был издан Г. Кунцевичем по рукописи XVIII в., но известна и лицевая рукопись, написанная в конце XVI в. Описывается, что во время малолетства Ивана Васильевича в государстве было неустройство. «Сия же видеши безбожнии татарове казанцы, яко змии изпольше из тины, многи страны Российскаого царства зле уязвиша: от Мурома даж и до самыя Вятки, мимо Галичь, Кострома и Вологда зле пострада; по Сухоне даже и до Устюга протече необузданное их стремление, и неизбежное воинство, черемиса же, с ними везде хождаше»⁶². Хронологических уточнений здесь нет, указанная география набегов известна и по другим источникам. В описании события на Сухоне никаких географических уточнений нет. Зато приводится уникальная подробность целей грабежа: «татаром же вскочившим в храмину ту, и начаша койжедо их собирати топоры и ножы и прочая вся, яже от железа и меди: и из дверей чеки и пробои исторгши, и вся, яже домовная, собраша и изнесоша вон».

В Устюжской летописи (списки XVII в.) после 1516 г. записи носят случайный характер. Под 7040 (1531/32) г. «Поголовная была с Устюга к Вятке, а воевода Тереньтеи Забела»⁶³. Под 7050 (1541/42) г. «Ходила рать казанская татарская через Вятку на Устюг 4000 и повоевали много, все города около Устюга и волости. И много зла сотвориша и в полон поведоша; и пошла та сила Моломою рекою на плотях, и собравшись все вятские грады под Котельнич город и ту силу татарскую на голову побили на Моломе, толко ушла лесом черемиса луговая на Пижму реку»⁶⁴.

В Вычегодско-Вымской летописи под 7048 (1539/40) г.: «пришедшу на Великую

*Пермь с ратью татары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а людеи пермский посекли многие»*⁶⁵.

Вологодско-Пермская летопись.

Летопись известна в подлиннике середины XVI в., носит общерусский характер, но имеет много известий о Вологодском и других северных регионах. Под 1537 г. «Генваря приходил безбожный Сафа Кирей казанской под Муром, а с ним Булат, князь старои казанской, да Чюра Норыков, и у Мурома посады пожег и торги, и около Мурома роспустил облаву свою. А сам стоял в селе в Глядячем, де версты от города, и стояв три дни, прочь пошол, повоевав и полону поймав безчисленно»⁶⁶.

Под 7046 (1537/38) г. «Приходили казанские татарове х Костроме и около Вологды воевали безчислено, и манастырь Павлову пустыню, половину ее сожгоша, а до Вологды не доходили до города шесть вест, и собра полна безчислено, отошли прочь»⁶⁷.

Под 7048 (1539/40) г. «Приходили татарови казаньские к Мурому и Костромы, и учинися бои пониже Костромы у Пятницы святы на Плеси. И попущеньем божеем грех ради наши убили тутю четыре воеводы больших великого князя: князя Федора Курпьского да князя Бориса Сисеева, да князя Ондreja Тулупова, да князя Никиту Засекина, иных детей боярских много, и сами татарове побегоша. И придоша на них воеводы великого князя царь Шихалеи да князь Федор Михайлович Мстиславской и побиха татар много, а инья по лесом розбегошася и от мраза изомроша, мало их оставшася, а полон великого князя отполониша весь»⁶⁸. Эта запись – сторонняя вставка – сделана иной рукой, хотя тоже в XVI в. Она явно собрана из разных известий. Совмещены поход Чуры Нарыкова в костромские места весной 1540 г. и поход Сафа-Гирея к Мурому в декабре 1540 г. Ф. М. Мстиславский к 1540 г. умер, на Казанском фронте не участвовал даже в

⁶² Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. С. 309-310. Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 232.

⁶³ ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982. С. 103.

⁶⁴ Спицин А. А. Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883. С. 35.

⁶⁵ П. Г. Доронин. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257-271.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. Л., 1959. С. 317.

⁶⁷ Там же. С. 318.

⁶⁸ Там же. С. 324.

Муромской кампании 1537 г. (только в походе из Мурома на пришедших в нижегородские места казанцев весной 1536 г.). Если в Продолжении Хронографа убитыми в сражении на Сологде названы Б. Сисеев и В. Ф. Замыцкий, то тут названы только Сисеев и трое иных воевод (из этих 5 только Курбский известен ранее как полковой воевода). Утверждения, что в Муромской кампании удалось отбить весь полон, нет даже в официальной летописи.

«Летописец написан из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земле» является кратким списком XVII в. из разрозненных записей. Под 1536 г. *«генваря в 18 день приходили татарове казанские в Вологоцкой уезд в Жиленховскую волость и многих людей посекли, а иных в полон взяли»*⁶⁹. Далее идут записи с 1552 г. общерусского характера. Соответственно, год данной записи может быть неточен.

Один из списков «Свода 1497 года» составлен в 1630-е гг. в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре и имеет в конце дополнительные записи. Под 7040 (1531/32) г. *«Приходили казанские татарове на рускую землю, после крещения, по грехом нашим высекли да и в полон вывели многое множество христиан, а воевали волости Толшму, да Тиксну, да Сянжему и в монастыре Еоуфимневе были, да 3 келии сожгли и церковь зажигали, да, бог помилов, не загорелася, да волость Тавто до Городишную, да и иные многие дочиста пусты доспели, а стояли на Толошме 2 недели, а к себе пошли на масленой недели, в четверг. А заметня велика была по волостем и в городе: на Вологде, и на Оустюзе, и на Тотме. Того же лета, на весну, князь великий с казанскими татарами перемирия взял. Своего царя князи казанские збили, а князь великий своего цари посадил, Ших-Алеева брата, Зевендея именем»*.

Под 1535 г. *«Октября в 8 день приходили татарове и черемисы на Оунжу на Шишкилево, да на пустыню на Большую, на Чюхлому, да на Глазуново, да к Галичю*

*городу волостьми, да в Галиче половину посада пожгли, а другую отняли, да оттуду посла сила на двое в землю пошли на селца митрополии, а стояли матица близко Оусольна на Пупчеве да на Дорку на Достоефеева, а воевали Кургу да Чермагему, да Романцов, да Залесье, да Чюдиу, да Жилино, да два Березовца, да Холм Шареев, да Слуду, да Лосево Рамение, да Жохово, да Турдево, да выевали волости около Галича»*⁷⁰. Поскольку в официальном летописании под октябрём 1535 г. отмечено только известие о перевороте в Казани, а начало боевых действий отнесено позднее и в данных летописных записях до 1547 г. ничего более не отмечено, то можно допускать неточность отмеченного года.

Галицкая летопись известна по выписке из списка XVII в. *«Под 1521 г. мая в 26 день, приходили татаровя казаньския с черемисою на Унжеския волости и на Парфян, и много зла учинили и в полон поведоша, а иных иссекоша и поидоша проч. И унжесия на переем приидоша и много с татары бишася, и много татар и черемисы побииша и плен весь отяша, и на костях сташа.*

Того же лет, месяца июня в 4 день, приидоша татаровя по Унжю, и к городу приступиша, и мост зажгоша и ворота. И поможет Господь Бог унжжаном, татар много побииша пицалма и пушками. А волости поплениша и полону много взяша и долго стояли и прочь поидоша». Далее сообщение о крымском походе на Москву в августе 1521 г. *«Того же лета приходили татаровя в Жегово и Нойду и в Шартаново и на Толшму [Верхняя и Нижняя Толшма – правые притоки реки Сухоны] и до Сухоны доходиша. В единой волости Толшма в полон взяли и изсекли полсемь тысячи [6500] христиан»*.

1522 г. *«Сентября в 15 день, приходили татаровя и черемиса в Галецкая волости и поплениша их много, а люди иссекоша и заставу великова князя в Парфенъеве разгнаша, а воеводы съсекоша, а иных в полон поведоша. Того же месяца сеньтября в 28 день, ударишася татаровя на Южню безвестно на монастырь, и церковь Николы*

⁶⁹ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 60.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497. Летописный свод 1518. Л., 1963. С. 162.

чюдотворца ожъгоша и людем в полон поведоша, а иных иссекоша. И воевода галеческого Андрея Пиялова поиде за ними в погон з галичскими детми боярьскими».

«В лето 7043, приходили татаровя и черемиса в осень. И того году заложили Любим, да Буи, два горотка, и поставили». Буквально эта запись говорит о набеге осени 1534 г., но сообщение о Буйгородке говорит о 7044 г., а о Любиме – о 7046 г. Далее: «В лето 7046 [1537/38 г.] приходила рать большая зимняя, а ходили до реки до Комелы [левый приток реки Лежи, бассейна реки Сухоны]. В лето 7047 г. была весна долга, на санях ездили до Троецкие вечерни. И тое весны заложили город Жиланской. В лето 7048 [1539 г.], сентября в 20 день, пришел Чюра Нарыков великою ратью и тот град взял»⁷¹.

В составленном в конце XVI – начале XVII вв. Житии Корнилия Комельского записано под 1536 г.: «Бысть нашествие безбожных татар, и многие места поплениша, даже до Вологоцких пределов доидоша, ... и от нашествия поганых православные не только мирская чадь, но и все монастыри разбегошася». Сам Корнилий «уклонился в Белозерские пределы, на Ухтому». «Татары» сжигали селения и «множество в плен поимаша».⁷² По замечанию М. А. Несина, хотя к 1538 г. святого, вероятно, уже не было в живых, но в позднем житии этот эпизод мог появиться как отражение именно похода татар зимой 1537/38 г.⁷³

В составленном не позднее первой четверти XVII в. Житии Павла Обнорского описывается «нахождение иноплемненных» в январе 1538 г.: «приходили казанские люди на Русь и много зла учинили, многих христиан мечю предаща». Монахи «по странам разыдошася, не имуще с собой ничегоже, разве одежда, яже на себе ношаху». Казанцы

сожгли монастырь, убили оставшихся монахов и крестьян.⁷⁴

В Воскресенском Новоиерусалимском списке Софийской летописи (начало XVII в.) помещен «Отрывок Русской (Новгородской) летописи с 1445 по 1553 г. В известиях за XVI в. он является компиляцией разных источников. Под 7032 (1523/24) г., после сообщения о постройке Васильгорода, сообщает: «Того же лета, месяца октября в 17 день, на память свягаго пророка Иосия, приходили татарове под Галич: посад пожгли, а град Господь сохранил неврежден, и отъидоша»⁷⁵. Отсутствие этого сообщения в приведенном списке Галичской летописи можно объяснить тем, что записи за 7032 г. там отсутствуют. Правда, там нет и записей за 7030 г., т. е. событие можно предполагать и осенью 1521 г. (соответственно, в Галицкой летописи нет сообщения о нападении на Унжу летом 1522 г.). Это событие произошло на фоне русского наступления на Казань. «Великий князь дистизает Новагорода Нижняго, августа в 23, а отпустил под Казань царя Шигалея в судовой рати по Волзе, а ним воевод своих, такоже и полем конную со многими людами, а велел пленити казанские места. И возвратиша здрави, много плен с собою черемиской приведоша. Сентября в 1 срубили на Суре Василь город. Сентября же в 15 князь велики государь возвратиися из Новагорода с братьею на Москву»⁷⁶. Т. е. хронологически – это ответ после русского наступления (аналогичный набегу к Галичу осенью 1467 г. после русского наступления на Казань⁷⁷).

В «Житии Макария Желтоводского и Унженского» (написано около 1552 г.) описываются два нападения казанцев – на Унжу в 1522 и на Соль Галицкую в 1532 г. (текст дан в переводе). «5 июля 1522 года в день памяти преподобного Афанасия Афонского. В этот день, в наказание за множество наших грехов, городу Унже

⁷¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. С. 601–603.

⁷² Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 231.

⁷³ Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. С. 443.

⁷⁴ Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 231–232.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 281–282.

⁷⁶ Там же. С. 264.

⁷⁷ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 37–38.

случилась великая напасть от язычников. Подошла к городу большая рать поганых, и хвалились враги Христовы взять его. Окружили они Унжу, а числом их было 20 тысяч. Невелик город Унжа, но имеет великого и крепкого помощника – блаженного отца Макария Желтоводского, который возлюбил этот город, пришел сюда, здесь же и передал душу свою в руки Господа.

Эти дерзкие варвары стремительно подступали к городу; некоторые из них стреляли, некоторые поджигали дома. Три дня и три ночи неослабно сражались с ними защитники Унжи. Наступил в городе великий страх и ужас.

Воевода города Федор Супонев созвал тогда горожан на совет, спрашивая, как избыть им беду варварского нашествия. <...>. Так он молился, а варвары в то время подступили к городу и зажгли его. И был огонь на полгорода. <...>. И тут же молитвами преподобного начался столь великий дождь, что город затопило; пламя угасло. И тут напал на варваров великий страх, началось смятение в их полках, и случилась между ними злая сеча. Граждане многих из них захватили и отвели к городскому воеводе. <...>

Из той рати 300 варваров бежали за реку Унжу, и так оказались варвары у обители преподобного. Увидели поганые варвары обитель святого и стали помышлять разорить ее. Господь за наши грехи, а также еще более желая прославить угодника своего Макария, позволил им захватить монастырь. <...> Воистину явилось преславное чудо: ходили варвары по церкви туда и сюда, не видя ничего вокруг. Тут подоспели христиане и стали бить ослепленных. Варвары, исполненные смертного ужаса, побросали оружие и побежали к реке, как будто кто-то их гнал. <...> С тех пор поганые не только сами не творили зла обители, но и другим варварам заповедали не приближаться к обители святого. А если случалось злым варварам идти ратью мимо монастыря, то отряжался большой отряд стеречь ворота обители. Так была помилована обитель святого.

18 января 1532 года. Огромная рать поганых вторглась на Галицкую землю,

войско в 14 тысяч человек подошло к городу Солигаличу. <...> Варвары напали на город внезапно и обложили его со всех сторон. Враги веры и истины жестоко нападали на город: одни пытались его поджечь, другие обстреливали. А в городе были великий ужас и печаль, плач и стоны наполнили все. Три дня и три ночи бились горожане с варварами. <...> Горожане (знали они, что святой был небесным заступником Галича) и, желая помощи святого, стали просить предстателей Христовых, чтобы для всеобщего обозрения вынесли они из церкви образ чудотворца Макария, облеклись в священнические одежды и вместе с народом сотворили молитву. <...> Так они молились в великом ужасе, а за городскими стенами, в солеварнях, шел неутихающий бой с погаными. Наступила Святая Пятница, и вдруг ворота города отворились, и многие (но не все, а лишь боящиеся Бога и просвященные душами) увидели мужа, украшенного сединами; одеяние на нем было иноческого чину, огненное, багрового цвета. И был под этим старцем прекрасный сивый конь. Выехал старец из города и так обратился к поганым: «Беззаконники и злодеи, если вы не отступите, то будете побеждены!» Услышали это варвары, и началось смятение в их полках, напал на них великий страх, и не знали они, куда бежать. А пудари из солеварен во множестве убивали варваров»⁷⁸.

Нижегородский летописец составлен в конце XVII в. Известен по нескольким спискам. За XVI в. текст представлен рядом сохранившихся летописных и административных записей. Под 1520 г. «Тогож года августа 21 день к Нижнему Новгороду казанские князи Сеит да Булат, да Кочелей, и воеваша около города в Березполье и до Клина, и взяша полону много, и пришед по город, стояли три дни, и ни что сотворише отъидоша вспять».

Под 1537 г. «Казанский царевич приходил войною под Муром, и посады около града пожег, и к нову граду Нижнему приходил, и у города стоял три дни: и у нижегородцов с татары бой велик был от

⁷⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. С. 281-289.

третьяго часа до девятого, и татары верхней посад выжгли, и погорело двести дворов». М. А. Несин в своей статье сделал предположение, что сведения о нападении на Нижний Новгород являются смещением с 1536 г.⁷⁹ Сомнение вызывало то, что под Муромом хан потерпел неудачу. Но это следует только из прочтения официальной летописи, которая могла представить событие в выгодном свете (при этом другие летописи показывают успешный набег). О том, что одновременное нападение на Нижний Новгород – это не совмещения летописцем двух событий разных годов, говорит выше приведенная разрядная запись из Постниковской летописи.

В основном списке после этого следует запись. *«Тоежь зимы или татарове от Юрьевца на Балахну, и на Городец и много зла учинили, а нижегородцы на Волге и Оке лед окололи, и татарове нижегородцам зла никакого не учинили».*

После 7048 (1539/40) г. стоит 7082 (1573/74) г. *«Того же года пришли к Нижнему Новуграду казанские татарове и убили под городом нижегородских дворян 36 человек, а иных в полон взяли»*⁸⁰. Г. З. Кунцевич считал, что должен стоять 7052 (1543/44) г.⁸¹

В Ленинградском списке Никаноровской летописи (последняя четверть XVII в.) есть вставка – Хронограф, включающий и записи из Нижегородской летописи. Под 7044 (1535/36) г. *«Тое же зимы воеваша казанские татарове около Нижнего Новаграда и Березополие, и Гороховец, и много крестьян изсекоша и поплениша. То ж лета поставили на Балахне град балахонцы собою, повелением царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси».* Под 7045 (1536/37) г. *«Приходил Асафа Киреи казанской князь под Муром и посады около града пожег, а граду не успе ничто же, и по том шол к Новуграду Нижнему, и под Новым-градом Нижним билися с татары с*

третьяго часа до вечера, и татар много побили, и поиди царь в Казань мимо Новъграда со срамом». Под 1541 г. *«Сентября, приходили казанские татарове к Нижнему Новуграду и убили под посадом нижегороцких бояр 36 человек, а иных живых плениша и отъидоша паки в Казань»*⁸². В одном из списков Нижегородского летописца последнее событие отнесено к декабрю 1541 г., а также отмеченное выше событие августа 1520 г. отнесено к 1521 г.⁸³ (что согласуется с реальным событием).

Письма казанского хана

Сохранилось три письма польскому королю от казанского хана Сафа-Гирея периода второго правления. Из них первые два включали сведения о войне с Россией⁸⁴. Этот источник аналогичен русским посольским книгам, однако мы можем видеть только «речи послов» в литовском (западнорусском) переводе. Такой источник объективно показывает ситуацию в свете создания выгоды переговорам. Ценность его в синхронности описываемых событий (и это единственный сохранившийся «взгляд с казанской стороны»). Прямых хронологических указаний нет. При издании даты их написания ограничили периодом с апреля 1538 (начало русско-казанских переговоров) и 1544 г. (отход короля Сигизмунда I от правления). Однако вопрос о датировке требует уточнения, о чем пойдет речь ниже. Вопросы есть с определением населенных пунктов, приведенных в письме: издатели определили как «Касимов» и «Ханкирман», и «Касым олтанов городок». Как «Муром» были определены и «Борсума», и «Бор».

«А даю те же вашои милости знати отцу своему великому королю, кдым приехал на царство Казимирское [должно быть, описка – «Казанское»], а тогда мя вси мурзы и вланы и вся рада тое земли козанской мене,

⁷⁹ Несин М. А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. С. 117.

⁸⁰ Гасицкий А. С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С. 31–35.

⁸¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. С. 311.

⁸² ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2004. С. 142.

⁸³ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 158.

⁸⁴ Мустафина Д. Послание царя Казанского // Эхо веков, № 1/2. 1997. С. 26–34.

сына вашей милости, согбе вдячне государем приняли; еся те же сын вашои милости зо всеми князьми мурзы и вланы земли Козанскои в одно слово змовившиися и того есмь царя, которого московский был прислал на царство Козанское, згубили. Послов есми московских казал поимати и до казни посажата, а инших велел есми потратить. И землю есми его взял. [Речь явно идет о свержении Джан Али в сентябре 1535 г.]. Которую землю его взял у свою моць, и дань ми теперь с тое земли идет, которая земля есть Накратская [Вятка], с тое земли предком нашим царем козанским дань хаживала. Ино, кды Казань была зашла за московского, московский тую землю к себе привлащил и дань, которая хаживала предком нашим, на себе брал. Ино и теперь до нас присылали старшии тое земли Нократскои, хотячи в доле сгародавного обычая мне служити и дань давати тую, которую давали предком нашим царем козанским. А так я, сын вашей милости, в долгу приречья слова своего хочу полнять: приятелю вашей милости приятелем быти, а неприятелю вашей милости неприязнья хочу саблюю своею доводите.

А иштом я посылал до вашои милости первеи сего гонца своего на имя Гамзу, о здоровьи вашей милости отца своего навежаючи, и о том те же вашои милости отцу своему поведаяючи, што же отсель есми на том царстве мрем на Казани посылалом до земли неприятеля вашей милости московского воевати сорок тасяч людей, а над тыми людьми старшим был Козучак улан. И оный Кузучак улан был за Окою рекою со всеми тыми людьми и выжог место и замок на имя Борсуму. И шкоды не вымовне великии починили в земли неприятеля вашей милости и пришли вси в целости со всем пожитком зася назад. Ина потом я, сын вашей милоста, хотячи легшую и поволнешшую послугу вашей милости отцу своему вчинити, послалом в землю неприятеля вашей милости московского воевати Ямурч аталыка и далом ему в моць семьдесят тысяч людей. И он те же, втягнувши в земли неприятельскую с тыми людьми всеми, воевал и пустошил и был зо всеми с тыми людьми оли же за Кирмянчиком под Боркаучом, выпустошивши

и выпаливши землю неприятельскую, зася в целости пришли до нас государя своего. Ина потом, по их приходу, посылалом слуг своих десять тысяч людей в землю неприятельскую. И оный слуги наши, вшедши в землю неприятельскую, воевали и пустошили и сожгли место на имя Балаханю и зася до нас в целости пришли со всем своим пожиточным. И те же ваша милость отец мои рачил вырозумети с того писанья листу моего, который до вашои милости писал через служебника моего Гамзу.

И прислали ваша милость отец мои до мене, сына своего, слугу своего толмача татарского Афендея з листы своими, а быху я был приятелю вашей милости приятелем, а неприятеля вашей милости московского быху землю пустошил. Кды же оной посланец вашей милости Афендеи толмач пришел з листы вашей милости, а те же вырозумел з листов вашей милости отца моего. Послалом в землю неприятеля вашей милости московского воевати десять тысяч людей. И оны люди наши, вшедши в землю неприятельскою, землю его пустошили и воевали и замок касымовского царевича сожгли на имя Намрлын и зася в целости до нас пришли. Я, сын вашей милости, будучи хотячи лепшую послугу вашей милости отцу своему вчинити, и послалом в землю неприятеля вашей милости Ахмагма улана з сорокма тысячьми людей. И он виол в землю московского и воевал и пустошил и зася в целости до мене пришел.

А на потом я, сын вашои милости, хотячи мети лепшую а вернейшую послугу вашей милости вчинити, хотячи еще землю неприятельскую пустошити, и потягнулом сам своею головою со всем своим войском в землю неприятельскую и взялом з собою весь полк того посланца вашей милости толмача Афендея, абы он тую послугу нашу видел и перед вашои милостью отцем моим поведал. И утягнувши в землю неприятельскую с тыми своими людьми со всеми, и землю есми его пустошил и брал и замок есми его спалил на имя Бором. И тое войско наше, которое ходило у загон, дошло оли же под Володимер и выпустошивши землю неприятельскую. И оная десять тысяч людей были аж под Кострамою и,

пустошивши землю его, зася пришли в целости до нас.

И который князи мурзы и вланы козанские есть под моею мощью, тыи вси видячи по мне же: я, сын вашей милости, естем добрым приятелем вашей милости. И они ту же мне государю своему присягу на том вчинили, иже мают приятелю вашей милости быти приятельми, а неприятелю неприятельми. А который есми послуги вашей милости чинили в земли неприятеля вашей милости московского, ваша милость рачьте пытати у толмача своего Афендея, тот тое послуги нашоу сведом.

А поведаю те же вашей милости отцу своему, што же Мамай мурзын сын приехал до нас з десятьми тысячми людей, хотячи мне послугу вчинити направивку неприятеля вашей милости московского, и очтарханский Аврагман царь прислал тысячу людей мне на помочь; тыи те же и вси люди теперь при нас есте. А поведаю те же вашей милости отцу своему, што же князь великий московский присылал до нас послов и гонцов своих, просячи и же даючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял.

И теперь тоя земля так есть пуста, до которое земли люди есми свои сылал и те же сам своею головою был и от Володимера до Борома итням, а восху Костроме, Юнкчеюч, Беле-хана [Балахна] до самого Кирменчика и оттоль зася до Студеного моря, Касым олтанов городок и иниши многии земли и города неприятеля вашей милости московского пусты есми вчинил. А тому есть всему сведетель - толмач вашей милости. Ино, хвала милостивому богу, теперь неприятель вашей милости и наши те же московский упад немалый принял от нас. У панстве своем вашей милости панства отца моего и наши те же немало ся повышили. А и те же теперь рачи ваша милость так мыслити, яко бы добре было, а с позиточным вашей милости отца моего, бо я теперь, сын вашей милости, млю все войско нагауское и оштарфанское у своей мощи, ваша милость рачи о том ведать. И к тому те же наша орда козанская присягнула ми на том, иже млют мне верне а справедливе служите.

А послалом до вашей милости с тым моим листом присяжным подскарбего своего Богуша. А што буде вашей милости отцу моему он мовити, ваша милость рачием верите, бо то есть наша речь. И те же рачил бы ваша милость до мене прислати посла своего, которого доброго человека, и неомешкиваючи, абы приятель вашей милости и наши, слышачи межи нас таковую ходу, быти тому велел, а неприятельское бы серцо ныло.

Лист писан у Казани. От Сапкирея царя.

От Сапкирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему великому королю Жикгимонту.

Поведаю вашей милости отцу моему, што же есми для послуги вашей милости хотячи землю неприятеля вашей милости московского, поднял есми нагауского мурзы сына Мамай мурзина Алей мурзы, с ним было людей десять тысячеи. А к тому те же царь ариштафанский прислал было мне тысячу людей, и те же тым своим князем мурзам вланом давалом им всим, хотячи послугу вашей милости вчините. А за то вашей милости отца моего покорне прощу, абы ваша милость рачил ласку свою вчините, а мне, сыну своему, прислати тысячу золотых, чим быху мел тых князей мурз вланов от вашей милости обделите, абы они на потом те же были, к помуде вашей милости охотней или. А то бы ваша милость отец мой рачил для моег прозьбы сына своего вчините. А ест ли бы была ласка ваша милость и ваша милость тую тысячу золотых мне послати, ваша бы милость рачили их тому посланцу моему Богушу дате.

Писан у Казани».

В первом письме видим описания хода войны. Вопрос о дани с Вятки стоит открытым – насколько это соответствовало действительности (так могли отразиться единовременный откуп или даже обещание откупа с некоторого числа волостей). Первый поход за Оку к «замку Борсуму» с 40 тыс. людьми возглавил Кузучак улан (Кошак-улан русских летописей). Его можно соотнести с нападением на нижегородские места 24 декабря 1535 г., а также с сообщением

Нижегородского летописца о нападении казанцев на Гороховец и Березполье. Березовое Поле – район южнее Нижнего Новгорода, между устьем Оки и Волгой. Гороховец уже расположен на левом берегу Оки. С ним можно соотнести сожженную «за Окой» «Борсуму» (хотя по созвучию можно предположить село Ворсму, в 10 км восточнее низовий Оки, как раз на пути от Березполья к Гороховцу).

Второй поход аталыка Ямурчи с 70-тыс. войском «за Кирмячиком под Боркаучом» можно соотнести с появлением казанцев под Коряковым в январе 1536 г. «Кирмянчик» можно перевести как «Городец». Тогда как раз и получается, что поход был направлен севернее Городца на Волге, в район Коряково и Юрьевца (с тем же результатом можно считать, что «Кирмянчик» – это Нижний Новгород). Можно допустить соотношение «Боркауча» с Юрьевцем. Направление этого набега подтверждает то, что спешно начали строить город Буй, расположенный к западу от Галича и к северу от Костромы.

Третий поход хорошо соотносится с нападением на Балахну 6 января 1536 г.

Следующие походы произошли через некоторый промежуток времени, когда прибыл посланник от короля. Рейд 10-тыс. войска на владения касимовского хана можно связать с сохранением сведений от 20 февраля о воеводах в Муроме и Нижнем Новгороде (с этим событием можно связать строительство Темникова). Следующий поход Ахмагама улана с 40-тыс. войском можно связать с нападением на нижегородские места в марте 1536 г.

Далее речь шла о походе самого казанского хана на Муром (январь 1537 г.). Также речь шла о нападении 10-тыс. войска на Костромской уезд. Буквально по тексту это событие произошло во время похода на Муром, но его можно связать с событиями июля-августа 1536 г.

Следует обратить внимание на обобщенное описание результатов походов: *«от Володимера до Борома итням, а восху Костроме, Юнкчеюч, Беле-хана до самого Кирменчика и оттоль зася до Студеного моря, Касым олтанов городок»*. Все города, перечисленные в описании походов, перечисляются здесь без добавлений.

Исключением оказываются «Юнкеюч» в списке и «Боркауч» в описании походов. Можно утверждать, что это написание одного и того же города (Юрьевца, который как раз находится между Костромой и Балахной). В таком случае появляется ряд Кострома – Юрьевец – Балахна – Нижний Новгород, который соответствует географической последовательности. В списке не названа «Борсума», что может говорить о ней как об относительно незначительном пункте.оборот «до Студеного моря» выглядит полемическим добавлением, указывает на направление походов, а не точный ориентир.

Соответственно, описание походов заканчивается январем 1537 г.

В письме упоминается астраханский хан Абдул-Рахман. Можно попытаться рассмотреть варианты периода, когда он мог быть союзником Казани и противником Москвы. Для этого обратимся к работе И. В. Зайцева об Астраханском ханстве⁸⁵. Автор отмечает, что Иван Грозный в период полемики с А. Курбским писал, что Астрахань была враждебна в период малолетства и регентства матери. Но при этом утверждается, что это ошибка, и речь шла о хане до Абдул-Рахмана⁸⁶.

Абдул-Рахман начал править в Астрахани не позднее августа 1533 г., отправив посольство в Москву с грамотой о дружбе⁸⁷. Однако русские посольства в Крым и к ногайцам в 1534–1536 гг. имели поручения разведывать о внешней политике Астрахани⁸⁸. Согласно наказам, данным русским послам в Литву, летом 1536 г. послы из Астрахани были отправлены назад с русским посольством. Однако известно только, что 16 сентября 1536 г. государь отправил в Астрахань посла Быкова, который имел статус ниже посольского. Он вернулся 30 августа 1537 г. с послом Ишимом и договором о дружбе. Но уже в октябре Абдул Рахман был свергнут⁸⁹. Точность речей московских послов в Литве всегда можно ставить под сомнение (были ли отправлены

⁸⁵ Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 279.

⁸⁶ Там же. С. 127.

⁸⁷ Там же. С. 117.

⁸⁸ Там же. С. 118–120.

⁸⁹ Там же. С. 126.

послы или гонцы в Астрахань или только собирались; какой был статус астраханских послов). Т. о., в период первого правления Абдул-Рахмана, кроме самого его окончания, не прослеживаются тесные отношения Астрахани и Москвы. В это время Абдул-Рахман и мог отправить отряд в помощь казанцам.

Примерно летом 1539 г. Абдул-Рахман вернулся на престол, отправил посла в Москву. 20 сентября 1539 г. астраханский посол вместе с русским послом А. Повединым отправился в Астрахань. 6 июля 1540 г. в Москву прибыл астраханский посол, а 20 сентября вместе с ним в Астрахань отправился новый русский посланник. 4 октября из Астрахани прибыли «большие послы» вместе с А. Повединым. Была договоренность о дружбе и союзе. Послы вместе с новым русским послом Небезиным были отпущены в Астрахань 28 мая 1541 г. 8 июля 1542 г. вернулся в Москву с астраханским послом Ишимом. 12 августа Ишим с русским гонцом отправился в Астрахань. 23 декабря русский гонец вернулся с новым астраханским посланником⁹⁰. Здесь уже видим, что хан не просто отправил гонца в Москву после начала правления, но речь идет о постоянном тесном контакте с посольствами высокого уровня. Как раз в это время о помощи астраханцев Казани нет оснований говорить.

Сообщение в письме о 10 тыс. ногайцев и 1 тыс. астраханцев соотносится с летописным сообщением о ногайцах в войске Сафа-Гирея под Муромом в 1537 г. Лидер западных (волжских) ногайцев Мамай-мурза посылал своего сына на помощь Сафа-Гирею в Казань еще в 1530 г. (может, даже того же – Алея). Он мог посылать помощь и в 1530-е гг., и в начале 1540-х гг. (скорее всего, его ногайцы были в Муромской кампании декабря 1540 г.).

Можно обратить внимание на отсутствие всяких намеков на поход крымского хана в 1541 г. и вообще на поддержку со стороны Крыма (хотя это был бы важный аргумент для польского короля о вступлении в союз). В 1534–1537 гг. активно

шла война между Сахиб Гиреем и Ислам Гиреем (пока последний летом 1537 г. не был убит ногайским мурзой Баки). Отношение Сафа Гирея к сторонам в этой борьбе источники прямо не называют.

Можно предполагать, что первое письмо относится к весне 1537 г., после последнего описанного в письме похода. Тогда астраханский хан еще не склонился к прочному союзу с Россией, в Крыму еще не закончилось противостояние за престол. Можно предполагать, что ногайцы и астраханцы, для которых Сафа-Гирей просил у короля денежной субсидии, участвовали в набегах осени-зимы 1537–1538 гг.

Реконструкция хронологии войн

Война 1521–1524 гг. Приготовления к отражению похода крымского хана начались в мае 1521 г. Войско крымского хана было за Окой с 28 июля до середины августа, а затем на некоторое время задержалось в Рязанской земле. В этих условиях и состоялись набеги казанцев. Казанский хан совершил набеги на Муромские и Мещерские места (согласно Продолжению Хронографа). Галицкая летопись сообщает о нападениях казанцев 26 мая на унженские волости и Парфянский посад (там произошло столкновение унжан с казанцами, у которых удалось отбить полон, но преследовать их не стали). 4 июня казанцы напали на Унжу (город был оснащен пушками и пищальями), опустошили окрестности и ушли с большим полонем. Затем казанские набеги опустошили волости Вологодского уезда (Жегово, Нойда, Шартаново, Толшма), доходя до р. Сухоны. Нижегородский летописец сообщает, что 21–24 августа казанское войско, возглавляемое князьями Сеитом, Булатом и Кочелеем, осаждало Нижний Новгород, успешно повоевав окрестные волости (в Березполье до Клина).

Галицкая летопись сообщает о нападениях и в 1522 г. 5–8 июля происходила осада Унжи (там сидел воевода Федор Супонев). В сентябре казанцы совершили успешные набеги по галицким волостям, 15 сентября была разгромлена застава в Парфяневом посаде (военачальники погибли или попали в плен), 28 сентября было

⁹⁰ Там же. С. 128–132.

совершено успешное нападение на монастырь Николы Чудотворца на Унже, после чего галицкий воевода Андрей Пиялов с местными силами пошел за казанцами в погоню. В ответ на большой русский поход на казанские места 17-20 октября 1523 г. казанцы осаждали Галич, спалив посад. Были нападения «черемисов» на муромском направлении. Мир 1524 г. не снял опасности, т. к. в Казани продолжал сидеть враждебный России хан.

В июне 1521 г. роспись воевод отмечена только в Мещере, Муроме, Нижнем Новгороде – направлениях, которые подвергались опасности в прошлую казанскую войну (1505–1507 гг.). Опустошительные казанские набеги на галицкие и вологодские места заставили обратить внимание на эти направления Казанской Украйны. Роспись августа 1527 г. показывает воевод в Муроме, Мещере, Нижнем Новгороде, заволжских городах (Костроме, Чухломе, Унже, Плесе). Это относилось ко времени похода крымского царевича Ислам-Гирея – видимо, опасались, что, как и в 1521 г., произойдет одновременное нападение крымских и казанских сил. Другие росписи «воевод от казанской украйны» за 1522–1530 гг. не сохранились, но и подобных опасностей больше не было (сохранялись и были интересны для поздних местнических дел прежде всего росписи, связанные с важными военными событиями).

Война 1531–1532 гг. В октябре 1531 г., согласно разрядной записи, стала собираться 5-полковая рать у Нижнего Новгорода, которую возглавлял В. В. Шуйский (всего 11 воевод). Также воеводы отмечены в Костроме, Галиче, Унже, Чухломе. Устюжская летопись говорит об организации обороны Вятской земли, куда в полном составе прибыла Устюжская рать. Согласно официальной летописи, 10 декабря государь отправил в Нижний Новгород Шейх-Али и представителей казанской оппозиции. В этих условиях Казанское ханство предприняло наступление. В январе 1532 г. казанское войско вторглось в Галицкий уезд. Из солигалицкого летописного известия следует, что 18-22 января была осада Соли Галицкой. Согласно разрядной повести,

против казанцев выступили все воеводы с Чухломы, Унжи, Галича, а также воевода с Костромы (всего 5 полков и 9 воевод). Эта рать столкнулась с казанцами на Унже. Согласно вологодскому летописанию, в январе–феврале (после Крещения и до четверга масленой недели) казанские отряды опустошили вологодские волости (Толшма, Тиксна, Сянжема, Тавто, Городишная и др.; в Толшме стояли лагерем 2 недели); была военная тревога в Вологде, Тотье, Устюге. Возможно, были нападения и на других направлениях. Война закончилась в мае, со свержением Сафа-Гирея.

Если под 1531 г. разрядная запись не упоминает Плеса, то под 1527 г. – Галича. Возможно, их упоминание просто не сохранилось. В обоих случаях упоминаются Унжа, Чухлома, Кострома. Т. о. сформировалась система воевод в заволжских городах. После 1521 г. продолжали назначаться воеводы в Нижнем Новгороде, Муроме. Всё это образовывало систему обороны Казанской Украйны. В 1532 г. видим, что при выдвигении против вторгнувшегося противника воеводы из городов образовывали полки.

Война 1535–1538 гг. Официальная летопись позволяет определить примерное время начала военных действий. Переворот в Казани произошел в сентябре, но еще в конце ноября происходили дипломатические контакты. Строительство с 17 декабря Кадома в Мещере можно рассматривать и как оборонительные мероприятия, и как выдвигение к казанским владениям укрепленной границы (т. е. пунктам потенциального наступления). Примерно в это время начались военные действия. Хан послал войско Кошак-улана (согласно казанской посольской грамоте). Согласно официальной летописи, из Мещеры в набег на казанские места выступили воеводы С. Гундоров и В. Замыцкий (русская сторона рассчитывала на оппозицию хану). Достигнув р. Суры, они увидели следы движения казанцев и вернулись назад. Ночью 24 декабря этот казанский отряд внезапно напал на нижегородские места. Нижегородским воеводам было приказано оставаться на месте. Согласно нижегородской летописи,

казанцы совершили поход вдоль Оки, к Гороховцу и Березполью.

Более крупное казанское войско аталыка Ямурчи (согласно казанской посольской грамоте) двинулось в сторону Юрьевца. Согласно официальной летописи, казанцы достигли Коряковой слободы, когда против них двинулись и сразились воеводы С. Д. Сабуров и И. С. Карпов. Это сообщение можно соотнести с известием одного из списков Нижегородской летописи, отнесенного к следующему году, что когда казанцы от Юрьевца (т. е. района Коряковой слободы) двинулись по направлению к Балахне и Городцу, то нижегородцы заняли оборону по Оке и Волге, расколов лед. С целью усиления обороны Костромского уезда был построен городок Буй на р. Кореге.

Согласно официальной летописи, разрядной записи и казанской посольской книге, 6 января казанский отряд внезапно напал на Балахну – незащищенный посад с боем был сожжен (летом-осенью Балахна была укреплена). При приближении воевод из Нижнего Новгорода казанцы благополучно ушли с полоном и добычей (возможно, согласно записи в разрядной книге, при этом произошло удачное для казанцев столкновение).

В середине февраля казанский отряд, согласно казанской посольской грамоте, совершил нападение на владение касимовского хана (с этим можно связать фиксацию 20 февраля воевод в Муроме и Нижнем Новгороде в РК, а также строительство нового, более крупного, города Темникова в марте-августе; начало строительства отмечено в официальной летописи через два дня после окончания строительства Кадома, т. е. крепость строили те же мастера).

Затем в разы более крупное войско Ахмагама, согласно казанской посольской грамоте, двинулось к Нижнему Новгороду. Согласно разрядной записи, 6 марта пришло известие, что казанцы ночевали за 10 верст от Нижнего Новгорода, на Ельне (на правой стороне Волги, южнее Нижнего Новгорода). Согласно официальной летописи и разрядной записи, из-под Мурома и Нижнего Новгорода выступила объединенная 5-полковая рать,

которую возглавлял Ф. М. Мстиславский и все муромские и нижегородские воеводы (всего 10 воевод). Они действовали против казанских загонов, настигли казанское войско под Лысковом (60 км вниз по Волге от Нижнего Новгорода), но до боя дело не дошло – казанцы ушли к себе, а воеводы вернулись в Нижний Новгород и Муром.

Согласно официальной летописи и разрядной книге, в августе 1536 г. казанское войско вторглось в Галичский и Костромской уезды. Против них спешно выступили воеводы М. Б. Сабуров и П. В. Засекин. На р. Куши произошло сражение, в котором русское войско потерпело неудачу (воеводы П. В. Засекин и Василий Федорович Меньшик Полев погибли). С этим можно соотнести упоминание в казанской посольской грамоте о походе к Костроме.

За 1536 г. не сохранилось полной росписи «воевод от казанской украины». Но под 1537 г. мы по-прежнему видим воевод в Нижнем Новгороде, Муроме, Мещере, Костромском уезде (Кострома и Плес), Галиче. Только в Унжу и Чухлому воевод теперь не назначали (видимо, управление обороны Галичского уезда было полностью возложено на галичского воеводу). Получила активное развитие практика объединения воевод из городов в полковые рати при контрнаступлении против вторгнувшегося противника.

Согласно казанской посольской книге, к концу 1536 г. казанский хан Сафа-Гирей получил конные отряды от лидера волжских ногайцев Мамай-мурзы (послал своего сына Алея) и астраханского хана Абдул-Рахмана.

Муромская кампания января 1537 г. известна из официальной летописи, казанской посольской грамоты, разрядной книги, Постниковского летописца, Вологодско-Пермской летописи, Нижегородской летописи. В январе в Москву пришло известие, что Сафа-Гирей с казанско-ногайским войском собирается на галичские и костромские места. У Владимира располагалась 5-полковая рать В. А. Микулинского (всего 10 воевод). В Мещере была собрана 5-полковая рать, возглавляемая 2 муромскими (в т. ч. большим воеводой Ф. И. Одоевским) и 4 мещерскими воеводами. 15

января хан появился под Муромом (среди военачальников Вологодско-Пермская летопись называет князя Булата и Чуру Нарыкова). Он три дня осаждал его, расположившись за 2 версты от города. Загоны подходили к Владимиру. К Мурому выступили воеводы Владимирской и Мещерской ратей (Постниковский летописец называет передового воеводу Р. Одоевского и левого воеводу В. Шереметьева Владимирской рати, передового воеводу М. Курбского и правого воеводу М. Кубенского Мещерской рати). Хан пошел назад. При этом казанцами был совершен рейд к Нижнему Новгороду – в ходе 6-часового столкновения были сожжены 200 домов на посаде.

Таким образом, видно, что в системе обороны Казанской Украины зимой 1536–1537 гг. появилась новая составляющая – резервная группировка у Владимира. В условиях перемирия с Литвой как раз можно было выделять необходимые силы для этого. В июле 1537 г. во Владимире были расписаны отдельные воеводы (и там был касимовский хан Шейх-Али). То есть в условиях снижения опасности вместо 5-полковой рати у Владимира оставалась уменьшенная группа, возглавляемая, как и в других городах Казанской Украины, отдельными воеводами.

В сентябре 1537 г. было предписано воеводам из-под Владимира, Муром, Нижнего Новгорода, Коломны, с Угры готовиться собрать судовую и конную рати для весеннего похода на Казань, но мероприятие так и не началось. 29 октября было указано ехать по домам большинству воевод у Муром. Возможно, была распущена часть сил и в других городах.

Зимой 1537–1538 гг. казанские войска совершили набеги по землям Вологодского, Галичского, Костромского уездов, что было отмечено в Псковской летописи (указание на набег на муромские места скорее является совмещением с ханским походом января 1537 г.). О набегах к Костроме и Вологде (подходили за 6 верст к городу) сообщает Вологодско-Пермская летопись. О зимнем набеге до бассейна р. Сухоны (к р. Комела) сообщает Галицкий летописец. О нападении

на Обнорский монастырь в январе 1538 г. сообщается в Житии Павла Обнорского.

В ряде летописных списков походы на этом направлении отнесены к более ранним годам. Однако ни в одном из них эта дата не имеет однозначной привязки. Нет ни одного источника, который одновременно говорил бы о походе осенью или зимой 1537–1538 гг. и осени или зимой 1537, 1536, 1535 или 1534 гг. Не упомянуты крупные набеги на этих направлениях за период осени 1535 – зимы 1537 гг. в казанской посольской грамоте.

Летописное сообщение о приходе в Жиленховскую волость Вологодского уезда 18 января 1536 г. следует отнести к 1538 г. Сообщение Вологодского летописца (в списке Свода 1497 г.) о широком набеге казанцев на галичские места 8 октября 1535 г. следует отнести к 1537 г. (нападению подверглись Унжа, Шишкелево, Большая Пустынь, Чухлома, Глазуново, Галичский посад, а затем Курга, Чермагема, Романцов, Залесье, Чудца, Жилино, Верхний и Нижний Березовцы, Холм Шареев, Слуда, Лосево Рамение, Жохово, Турдево). С этим сообщением соотносится запись Галицкого летописца, что в 7043 (1534) г. «приходили татаровя и черемиса в осень» (тем более, что оно стоит перед сообщением о зимнем набеге в вологодские места, а также соотносит событие с годом постройки Любима). С ним нужно соотносить и сообщение Продолжение Хронографа о набеге на галичские и костромские места зимой 1536–1537 гг. (которое записано между июнем и декабрем 1537 г.). Недатированное повествование Соловецкого патерика о набеге до р. Сухоны, как и сообщение в Житии Корнилия Комельского под 1536 г. о набеге на вологодские земли, следует отнести к зиме 1537/38 г.

Видимо, был набег на галичские и костромские места в октябре 1537 г. и набег на вологодские места в январе 1538 г. Перенос направления нападений на север можно связать с усилением обороны по линии Нижний Новгород – Муром – Мещера. В марте 1538 г. начались переговоры – война прекратилась. Но силы для прикрытия границы продолжали выделяться. Строили пограничные крепости в галичско-

костромской земле (Любим, Жиланский городок).

Война 1540–1542 гг. Согласно официальной летописи, еще в ноябре 1539 г. происходили мирные переговоры – без признаков значительных военных действий. Судя по последующим событиям, зимой Казанская Украина была приготовлена к обороне.

Разрядная книга показывает, что в 1540–1550 гг. продолжала существовать наработанная система расположения сил. Воеводы постоянно находились в Муроме, Мещере (Елатьма), Нижнем Новгороде, Костроме, на Плесе, в Галиче. В ноябре 1542 г. и весной 1550 г. отмечен воевода за городом в Гороховце (можно предполагать, что хотя бы один воевода располагался там постоянно). До 1547 г. под Владимиром в период повышенной опасности находилась 5-полковая рать, а в остальное время – отдельные воеводы. Уже зимой 1540 г. под Владимиром находились подразделения новгородцев. В прошлую войну, когда происходила война с Литвой, такое вряд ли практиковали, а теперь, скорее, это стало постоянной практикой.

Согласно Продолжению Хронографа, примерно в марте 1540 г. казанская рать Чуры Нарыкова стала опустошать волости Костромского уезда. Против них из-под Владимира выступил отряд А. И. Холмского и А. Б. Горбатого-Шуйского. Произошло сражение у Солдоге (село в 15 км от Кинешмы к Плесу, на левой стороне Волги) – казанцев разбить не удалось (в бою, согласно совокупным данным Продолжения Хронографа и вставки в Вологодско-Пермскую летопись, погибли воеводы князя Ф. Курбский, Б. Сисеев, А. Тулупов, В. Замыцкий). Галицкий летописец сообщает о том, что отрядом Чуры Нарыкова 20 сентября 1539 г. был уничтожен недавно построенный Жиланский городок. Видимо, здесь была ошибка в месяце.

16 апреля было указано собраться у Владимира 5-полковой рати В. А. Микулинского (в августе его сменил Ю. М. Булгаков). 6 декабря Владимирскую рать возглавлял Д. Ф. Бельский. Всё это время в ней было 10 воевод.

Муромская кампания декабря 1540 г. освещена в официальной летописи, Продолжении хронографа. 18 декабря казанский хан Сафа-Гирей, к которому присоединились ногайцы, подошел к Мурому. Он располагался там два дня. Казанские отряды доходили до владимирских волостей (тогда, видимо, было совершено нападение на Шую, отмеченную в обобщенном перечислении казанских набегов). Было разорено городище Стародуб-Ряполов (на Клязьме). К Мурому выступили воеводы из-под Владимира. Касимовские татары Шейх-Али действовали против ногайских загонов в Мещере, а затем он также двинулся к Мурому. Сафа-Гирей отступил – его не преследовали.

В феврале 1541 г. воеводы Владимирской рати были распущены по домам. Было назначено по трое воевод в Шую и на Плесе, которые при необходимости должны были объединяться в 5-полковую рать под началом Ф. И. Шуйского. В июне-июле у Владимира собиралась 3-полковая судовая рать И. В. Шуйского (6 воевод), а к Нижнему Новгороду были посланы 3 воеводы с конными людьми. Эти войска должны были наступать на Казанское ханство. Но поход так и не состоялся – 28 июля было указано воеводам из-под Владимира переброситься на Оку.

Согласно Нижегородской летописи, в сентябре или декабре 1541 г. казанский отряд совершил нападение на Нижний Новгород, разбив под городом отряд нижегородских детей боярских. В декабре под Владимиром была сосредоточена 5-полковая рать И. В. Шуйского (10 воевод; татарский царевич). Впоследствии Владимирскую рать возглавлял А. Д. Ростовский (6 воевод; часть полков стояла в Шую и Суздале).

Видно, что с апреля 1540 г. Казанская Украина по линии Мещера – бассейн Сухоны имела сильное прикрытие, и, кроме вторжения большого войска во главе с ханом, глубокие или продолжительные набеги совершать не удавалось. Более уязвимым было северо-восточное направление (граница с Вяткой). В период зимы-лета 1540 г., согласно Вычегодско-Вымской летописи, казанский отряд совершил успешный набег

на Пермь. Возможно, он задел и вятские земли. Осенью 1541 г. или весной 1542 г., согласно Устюжской летописи, казанская рать совершила опустошительный набег на вятские и устюжские земли, а затем повернула назад, возвращаясь по р. Моломе на плотках, увозя захваченный полон. Объединенное вятское войско атаковало это войско, в ходе боя добившись успеха – казанское войско бежало лесами на р. Пижму.

Согласно официальной летописи, в июне 1542 г. начались мирные переговоры. Согласно разрядной книге, в сентябре намечался поход на казанские места 5-полковой рати из Мурома и 5-полковой рати из Галича (по 6 воевод), но он не состоялся. Судя по посольским книгам, ранее осени 1544 г. значительные военные действия не происходили. Но опасность войны сохранялась – постоянно назначались по прежней схеме «воеводы от казанской украины», собиралась группировка у Владимира (сохранились росписи 5-полковой рати с 10 воеводами в ноябре 1542 г., июне 1543 г.).

Война 1545–1546 гг. О начале этой войны можно узнать из Продолжения Хронографа и разрядной книги. В январе 1545 г. была 5-полковая рать у Владимира, Суздаля и Шуи, которую возглавлял И. М. Шуйский (всего 10 воевод). Тогда казанское войско, которое возглавляли Амонак и Чура Нарыков, вторглось во Владимирский уезд (не ясно, каким путем). Была опустошена отчина Пожарских (по реке Нерехта, в 50 км северо-восточнее Владимира). Против них выступил И. С. Воронцов (воевода расположенного у Суздаля полка правой руки). В сражении у «Николы в Дебри» (в 20 км восточнее центра отчины Пожарских – села Троицкого) казанцев разбить не удалось. Из Мурома выступил первый воевода А. В. Горбатый-Шуйский. Он дошел до Гороховца (низовья Клязьмы), мимо которого прошел Амонак (где был убит в схватке с местными жителями – если это точные сведения, а не слухи).

Согласно официальной летописи, весной был совершен русский набег к Казани, после чего военные действия притихли на фоне внутреннего конфликта в Казани. В

январе 1546 г., после свержения Сафа-Гирея, произошло фактическое примирение.

Война 1547–1551 гг. В этой войне уже резко преобладали русские наступательные действия – война началась с крупного русского набега в феврале 1547 г. (описанного в официальной летописи и разрядной книге). Но случались и казанские набеги. Согласно официальной летописи и Продолжению Хронографа, в сентябре 1548 г. на Костромские места приходил крупный отряд Арак-батыра. Воевода с Костромы З. П. Яковлев сошелся в бою с этим отрядом в волости Верхний Березовец, на речке Езовке, на Гусевом поле (Галичский уезд). Арак был убит (если это были не слухи). Согласно Продолжению Хронографа, в марте 1549 г. небольшой отряд князя Мамазера совершил рейд в Муромский уезд. Из-под Мурома выступил воевода П. М. Щенятев. За Кудьюмою (правый приток Волги, 15-20 км южнее низовий Оки), на Костянтиновском поле, с казанцами произошло сражение – было объявлено о гибели Мамазера.

Опасность казанских набегов сохраняла сформировавшуюся систему обороны. В июле 1547 г. еще значатся четверо воевод во Владимире. Затем, в условиях активизации русского наступления на Казань, эта резервная оборонительная группировка потеряла значение. В июле 1548 г. 5-полковая рать с 10 воеводами уже располагалась у Мурома (в июле 1549 г. – с 5 воеводами; а весной 1550 г. в Муроме было только три воеводы). В марте 1549 г., после известия о смерти Сафа-Гирея, было указано собрать у Нижнего Новгорода 5-полковую рать (5 воевод). Появилась практика направлять пограничных воевод в рейды на неприятельскую территорию: в декабре 1548 г. два воеводы у Муромы должны были совершить рейд в казанские места, в июне 1549 г. – два воеводы из Нижнего Новгорода. В 1551 г., когда была присоединена Горная сторона Казанского ханства, записей о «воеводах от казанской украины» уже нет.

Источники по указанным войнам не открывают многие вопросы. Так, почти ничего не известно о военных действиях в Вятском крае. Учитывая, что с 1545 г. в волжских походах «вятчан» участвовали

устюжане, двиняне, зыряне, важане, пермяки⁹¹, а также встречались упоминания мобилизации устюжан на оборону Вятки в 1531/1532 г., можно полагать, что эти ратники регулярно привлекались к обороне Вятского края. Мало известно о набегам русских подданных, не связанных с указами из Москвы. Можно предполагать нападения со стороны «вятчан». Посольские книги в шаблонной форме говорят о нападениях русской мордвы. Мещерские татары в 1520–40-е гг. вели набеговые войны против ногайцев, о чем сохранились сведения из ногайских посольских книг⁹². В официальной летописи можно увидеть один выше приведенный пример действия «городецких казаков» со стороны Поля против казанцев: успешная блокада 500 казаками весной-летом 1536 г. степных коммуникаций Казанского ханства. Можно предполагать, что касимовцы осуществляли набег на казанцев, подобно набегам на ногайцев.

⁹¹ *Комаров О. В.* Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. Т. VI. 2014. С. 9-10. (дата обращения: 17.09.2014)

⁹² *Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 39, 48, 55.

Библиография

Источники:

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М., 1997.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 2. М., 2002.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4. М., 2008.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Доронин П. Г.* Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257-271.
- Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С. 187-218.
- Мустафина Д.* Послание царя Казанского // Эхо веков, № 1/2. 1997. С. 26-34.
- ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.
- ПСРЛ. Т. 8. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. Л., 1959.
- ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497. Летописный свод 1518. Л., 1963.
- ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.
- ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.
- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977.
- Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887.
- Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.
- Шмидт С. О.* Продолжение хронографа редакции 1512 года. // Исторический архив. Т. 7. М.–Л., 1951. С. 254-299.
- Литература:**
- Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
- Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.
- Бахтин А. Г.* XV–XVI вв. в истории марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
- Гасицкий А. С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.
- Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2006.
- Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974.
- Комаров О. В.* Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. Т. VI. 2014.
- Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905.
- Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005.
- Несин М. А.* Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 7. 2015. С. 116-120.
- Несин М. А.* К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. X. 2019.
- Спицын А. А.* Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883.
- Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 187-257.

Сведения об авторе

Комаров Олег Владимирович, участник Проблемного совета при Государственном Историческом музее, г. Москва (Россия). Область научных интересов: русская военная история XI–XVI вв.

E-mail: oleggg888@yandex.ru

O. V. Komarov

CHRONOLOGY OF THE KAZAN RAIDS OF 1521–1549

Annotation: The article discusses the information about the raids by the Kazan Khanate in 1521–1549. A generalization of heterogeneous sources on these events has been made. A chronological reconstruction is proposed.

Keywords: The Russian state, the Kazan Khanate, razryad (rank) books, local chronicle, embassy books.

References

Sources:

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. [Acts of service landowners XV – early XVII century]. Vol. 1. Moscow, 1997. (In Russian)

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. [Acts of service landowners XV – early XVII century]. Vol. 2. Moscow, 2002. (In Russian)

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. [Acts of service landowners XV – early XVII century]. Vol. 4. Moscow, 2008. (In Russian)

Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya. [The contribution book of the Trinity-Sergius Monastery]. Moscow, 1987. (In Russian)

Doronin P. G. Vychegodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [Vychegodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) chronicle]. Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR. Iss. 4. Syktyvkar, 1958. (In Russian)

Koretskii V. I., Morozov B. N. Letopisets s novymi izvestiyami XVI – nachala XVII v. [Chronicler with the recent news of the XVI – early XVII century]. Letopisi i khroniki. Sb. statei. 1984 g. Moscow, 1984. Pp. 187-218. (In Russian)

Mustafina D. Poslanie tsarya Kazanskogo [The Message of the Tsar of Kazan] // Ekho vekov, No. 1/2. 1997. (In Russian)

PSRL. Vol. 4. Novgorodskie i pskovskie letopisi. St. Petersburg, 1848. (In Russian)

PSRL. Vol. 8. Letopis' po Voskresenskomu spisku. Moscow, 2001. (In Russian)

PSRL. Vol. 13. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian)

PSRL. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya letopis'. Leningrad, 1959. (In Russian)

PSRL. Vol. 27. Nikanorovskaya letopis'. Sokrashchennye letopisnye svody kontsa XV v. Moscow, 2004. (In Russian)

PSRL. Vol. 28. Letopisnyi svod 1497. Letopisnyi svod 1518. Leningrad, 1963. (In Russian)

PSRL. Vol. 29. Letopisets nachala tsarstva. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'. Moscow, 1965. (In Russian)

PSRL. Vol. 34. Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy. M., 1978. (In Russian)

PSRL. Vol. 37. Ustyuzhskie i Vologodskie letopisi. Leningrad, 1982. (In Russian)

Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Razryad (rank) book of 1475–1598]. Moscow, 1966. (In Russian)

Razryadnaya kniga 1475–1605. [Razryad (rank) book of 1475–1605]. Vol. 1. P. 2. Moscow, 1977. (In Russian)

Sb. RIO [Coll. of RIO]. Vol. 59. St. Petersburg, 1887. (In Russian)

Tikhomirov M. N. Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyakh Moskvyy. [Brief notes on the chronicle works in the manuscript collections of Moscow.] Moscow, 1962. (In Russian)

Schmidt S. O. Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda [Continuation of the Chronograph edition of 1512]. Historical archive. Vol. 7. Moscow; Leningrad, 1951. (In Russian).

Researches:

Alekseev Y. G. Pokhody russkikh voisk pri Ivane III [Campaigns of Russian troops under Ivan III]. St. Petersburg, 2009. (In Russian)

Ankhimiyuk Y. V. Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov [Private “razryad” books with the records for the last quarter of XV – beginning of XVII centuries]. Moscow, 2005. (In Russian)

Bakhtin A. G. XV–XVI vv. v istorii mariiskogo kraya [XV–XVI centuries in the history of the Mari region]. Ioshkar-Ola, 1998. (In Russian)

Gasitskii A. S. Nizhegorodskii letopisets [Nizhny Novgorod chronicler]. Nizhny Novgorod, 1886. (In Russian)

Zaitsev I. V. Astrakhanskoe khanstvo [Astrakhan Khanate]. Moscow, 2006. (In Russian)

Kargalov V. V. Na stepnoi granice. [On the steppe border]. Moscow, 1974. (In Russian)

Komarov O. V. Ratnye lyudi Pomorskih gorodov vt. pol. XVI – nach. XVII vv. [Military people of the Pomeranian cities of the second half of XVI – early XVII centuries]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VI. 2014. (In Russian)

Kuntsevich G. Z. Istoriya o Kazanskom tsarstve ili Kazanskii letopisets [The story of the Kazan Kingdom or the Kazan Chronicler]. St. Petersburg, 1905. (In Russian)

Kusainova E. V. Russko-nogaiskie otnosheniya i kazachestvo v kontse XV–XVII veke. [Russian-Nogai relations and the Cossacks at the end of the XV–XVII century]. Volgograd, 2005. (In Russian)

Nesin M. A. Pokhody kazanskikh tatar na Nizhegorodskie zemli v 1535–1536 gg. [The campaigns of the Kazan Tatars on the Nizhny Novgorod lands in 1535–1536]. Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. No. 7. 2015. (In Russian)

Nesin M. A. K istorii moskovsko-kazanskikh otnoshenii 1535–1540-kh gg. Chast' 1. Krymskii faktor, pokhody kazantsev na russkie zemli 1535–1549 gg. [On the History of Moscow-Kazan relations of the 1535–1540s. Part 1. The Crimean factor, the campaigns of the Kazan people to the Russian lands of 1535–1549]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. X. 2019. (In Russian)

Spitsin A. A. Svod letopisnykh izvestii o Vyatskom krae [A set of chronicle news about the Vyatka region]. Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1884 g. Vyatka, 1883. (In Russian)

Schmidt S. O. Predposylki i pervye gody “Kazanskoj voiny” (1545–1549) [Background and the first years of the “Kazan War” (1545–1549)]. Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 6. Moscow, 1954. (In Russian).

About the author

Komarov Oleg V., member of the Problem Council at the State Historical Museum, Moscow (Russia). Research interests: Russian military history of the XI–XVI centuries.

E-mail: oleggg888@yandex.ru.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ XVI В.: ПРАВЛЕНИЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о репрезентации правления Елены Глинской в памятниках русской исторической книжности XVI в. Автор изучает упоминания о великой княгине в русских летописях и исторических трактатах, появившихся в указанный период, а также анализирует представления о взаимоотношениях государыни с другими политическими институтами – боярской думой и удельными князьями. В статье рассматривается образ правления Глинской в таких памятниках, как Повесть о смерти Василия III, Воскресенская летопись, «Летописец начала царства», Лицевой свод, Новгородский свод 1539 г., Хронографическая летопись и др. В результате их исследования были сделаны следующие выводы. Во-первых, в памятниках русской исторической книжности XVI в. отсутствует единое мнение о регентстве великой княгини. Оценки разнятся от положительных до резко отрицательных. Во-вторых, в летописях московского происхождения подчеркивается, что Елена получила власть сразу после смерти Василия III в соответствии с последней волей государя. Автор признает данную версию мистификацией, которая возникла в 30-е гг. в высших кругах московской политической элиты, опасавшейся, что к власти в столице придет один из дядей малолетнего великого князя Ивана IV (Юрий Дмитровский или Андрей Старицкий). Московское боярство не имело всеобщей поддержки, чем могли воспользоваться удельные князья. С целью укрепить свое положение вельможи стремились противопоставить им великую княгиню как дееспособную правительницу. В заключение автор отмечает, что правление Глинской стало важным сюжетом русской историографии XVI в. В силу различных

причин книжники обращались к переосмыслению событий 30-х гг. XVI в. даже после смерти государыни.

Ключевые слова: Елена Глинская, боярская дума, удельные князья.

§1. Историография проблемы

Среди великих княгинь Московской Руси особое место занимает Елена Глинская, приходившаяся супругой Василию III. Она стала женой государя при непростых обстоятельствах (первый брак Василия с Соломонией Сабуровой был расторгнут по причине ее бездетности), родила ему двух сыновей – Ивана и Георгия и рано овдовела. Великий князь умер в 1533 г. Новым правителем стал старший сын государя Иван. Однако последнему едва исполнилось три года, и его правление носило номинальный характер. Обстоятельства сложились таким образом, что власть в стране оказалась в руках его матери, которая выполняла функции регента при малолетнем великом князе. Короткому правлению Елены Глинской, продолжавшемуся до ее смерти в 1538 г., посвящена обширная историография¹. В своих построениях исследователи опирались прежде всего на памятники исторической книжности. Именно русские летописи, исторические повести и трактаты заложили основу существующих представлений о рассматриваемом периоде. Поэтому крайне важно понять, каким образом интеллектуалы XVI в. формировали представления о короткой, но весьма важной

¹Наиболее подробно труды, посвященные Е. Л. Глинской, охарактеризованы в книге: Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. М., 2019. С. 12-28. Данное издание представляет собой публикацию кандидатской диссертации автора, защищенной в 1987 г.

исторической эпохе, продолжавшейся с 1533 г. по 1538 г. В настоящей статье мы попытаемся проследить эволюцию представлений о правлении Елены Глинской в русской исторической книжности XVI в.

Изучая первые годы великого княжения Ивана IV и регентство его матери, исследователи обращались к памятникам русского летописания, имея в виду, однако, решение прикладных задач. В новейшей историографии ситуация изменилась. В частности, вопрос о репрезентации политического статуса в русских летописях затронул А. Л. Юрганов. Исследователь обратил внимание на то обстоятельство, что с определенного момента для обозначения положения Елены Глинской как регента при малолетнем государе Иване IV в источниках используется особая формулировка, которую ученый предложил называть «формулой регентства». Последняя, по его мнению, имела ограниченное распространение. Она присутствует в летописях и некоторых документах официального и полуофициального характера, однако не встречается в публично-правовых актах и документах, связанных с внешней политикой государства². А. Л. Юрганов отмечает, что в памятниках русского летописания политический статус Елены Глинской оценивался неоднозначно. В новгородских летописях формула регентства появляется лишь с сообщений за осень 1534 г. В Вологодско-Пермской летописи она возникает лишь в сообщении о мятеже Андрея Старицкого (1537 г.). В Воскресенской летописи формулировка, фиксирующая статус Елены Глинской как соправительницы своего сына, появляется в первых же сообщениях после смерти Василия III³. В «Летописце начала царства» формула приобретает новые черты. Елена Глинская в нем именуется государыней⁴. А. Л. Юрганов отмечает, что формулировка, близкая к используемой в «Летописце начала царства», присутствует в письмах на имя государя и

великой княгини. На этом основании исследователь делает вывод, что «формула не была фикцией, выдумкой летописца; она реально существовала, хотя имела свои ограничения»⁵. По мнению ученого, формулировка окончательно сложилась к августу 1534 г., когда в Литву бежали Семен Федорович Бельский и Иван Васильевич Ляцкий, что привело к серии опал в Москве. 19 августа был арестован опекун царя М. Л. Глинский. Таким образом, в августе 1534 г. в политической борьбе верх взяла группировка, которую возглавляла великая княгиня Елена⁶. В последующие годы формула не менялась, однако возник самостоятельный титул – «государыня великая княгиня Елена», отразившийся прежде всего в летописной статье «Летописца начала царства» за 1535 г. «О Шигалее царе»⁷.

Ряд критических замечаний относительно концепции А. Л. Юрганова сформулировал М. М. Кром. Прежде всего, исследователь предложил называть «формулу регентства» иначе – «формулой соправительства». По мнению М. М. Крома, гипотеза А. Л. Юрганова о возникновении подобной формулировки в результате событий августа 1534 г. выглядит вполне правдоподобной, однако процитированные исследователем летописные памятники едва ли могут рассматриваться как надежная основа для того, чтобы ее датировать. В особенности это относится к «Летописцу начала царства». Его составитель интерпретировал властные полномочия Елены Глинской как выполнение последней воли Василия III, который якобы приказал своей супруге «престол области державствовать скипетр великия Руси до возмужения сына своего» и возложил на нее «все правление великого государства»⁸. Поэтому, рассматривая политический статус Елены Глинской, М. М. Кром обращается прежде всего к документам эпохи. Исследователь отмечает, что власть Елены

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 84—85.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. СПб., 2010. С. 121.

² Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 75.

³ Там же. С. 77—78.

⁴ Там же. С. 78.

Глинской держалась на двух основаниях: на последней воле ее мужа и на родстве с нынешним государем. При этом сама Елена Васильевна, по-видимому, источником своих полномочий считала последнюю волю («приказ») покойного мужа. Данная версия стала основной в официальном летописании («Летописец начала царства», Воскресенская летопись)⁹. При этом в государственных делах, по мнению М. М. Крома, сохранялась четкая грань между государем как единственным легитимным правителем и великой княгиней. Елена Глинская не принимала участия в дипломатической деятельности. Во внутренних делах она также была ограничена. В частности, все официальные документы выдавались от имени государя. По мнению М. М. Крома, сферой деятельности Елены Глинской был контроль над придворной элитой. Исследователь пишет: «Придворная среда, расколота местническими противоречиями, нуждалась в верховном арбитре. Эту роль взяла на себя великая княгиня»¹⁰.

Таким образом, А. Л. Юрганова и М. М. Крома прежде всего интересовал вопрос о политическом статусе Елены Глинской. Памятники русской исторической книжности они рассматривали в контексте решения данной проблемы. При этом если А. Л. Юрганов считал, что летописи отразили эволюцию реального политического статуса Елены Глинской в 30-е гг. XVI в., то М. М. Кром относился к ним скептически и видел в них, прежде всего, попытку интерпретации определенного комплекса исторических сюжетов. Непосредственно к вопросу об образе первой русской правительницы в памятниках русского историописания обратился В. В. Шапошник. В заключительной части своей монографии «Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века» ученый анализирует вопрос об отражении правления великой княгини в «нарративных источниках» (среди них он рассматривает не только памятники историографии XVI в., но также посольские

книги). Исследователя интересовали оценки, которые давали правлению Елены Глинской источники. Кроме того, В. В. Шапошник попытался ответить на вопрос: воспринималась ли великая княгиня как законная правительница?¹¹ Исследователь делит нарративные памятники на две категории: источники официального и неофициального происхождения. К первому типу он относит Повесть о смерти Василия III, Воскресенскую летопись, «Летописец начала царства», Степенную и Царственную книги. Исследователь отмечает, что в Воскресенской летописи решения принимались великим князем и великой княгиней иногда после совещания с боярами. В. В. Шапошник пишет: «Если учесть, что великий князь был еще ребенком, вполне может быть, что сам он даже не присутствовал при принятии некоторых решений. Очевидно, что от его имени (и от своего) выступала сама Елена Глинская»¹². «Летописец начала царства» является памятником позднейшим и оценивает деятельность Елены Глинской с большим пиететом. В. В. Шапошник комментирует известия «Летописца» о приеме царя Шигалея, а также о монетной реформе. Исследователь пишет, что, согласно тексту, решение о финансовых преобразованиях было принято совместно великим князем и великой княгиней, однако их реализация была проведена самой Еленой (Иван IV во второй части сообщения не упомянут)¹³. Резюмируя свои наблюдения, В. В. Шапошник приходит к выводу: «Видно, что для Летописца начала царства Елена Глинская абсолютно законная правительница, занимающая практически такое же место, как и сам великий князь Иван IV»¹⁴. В Степенной книге события изложены кратко, а Царственная книга, по мнению исследователя, «при описании правления Елены Глинской представляет собой нечто

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. СПб., 2020. С. 232.

¹² Там же. С. 234.

¹³ Там же. С. 235.

¹⁴ Там же.

среднее между Воскресенской летописью и Летописцем начала царства»¹⁵. С одной стороны, ее имя всячески превозносится в Повести о смерти Василия III, а с другой – в известии о ее кончине отсутствуют упоминания о том, что она правила страной¹⁶. Ниже исследователь отмечает: «При составлении Царственной книги были явно использованы и Воскресенская летопись, и Летописец начала царства. Елена Глинская в ней – законная соправительница сына, но ее роль в ряде случаев рисуется без той доли самостоятельности, которая зафиксирована в Летописце»¹⁷. Среди неофициальных памятников В. В. Шапошник рассматривает летописные записи Марка Левкеинского, краткий Кирилло-Белозерский летописец, Повесть о поимании Андрея Старицкого, Псковскую I и III летописи, Новгородскую II летопись, Новгородскую летопись по списку Н. К. Никольского, Продолжение Хронографа 1512 г. (Хронографическую летопись), Постниковский и Пискаревский летописцы, а также литературное наследие А. М. Курбского. В список «неофициальных» памятников попала также Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (Новгородский владычный свод 1539 г.). Обо всех вышеперечисленных произведениях исследователь пишет лишь в самых общих чертах. Сопоставив изложение в «официальных» и «неофициальных» нарративных памятниках, В. В. Шапошник приходит к следующему выводу: «Если официальные и близкие к ним летописи относятся к ее правлению как к абсолютному законному (и явно положительному), то значительная часть независимых от властей источников хотя и признает сам факт правления великой княгини Елены, но неявно оценивает как “сомнительный” и “несправедливый” характер некоторых ее действий – арестов и опал»¹⁸.

Некоторые выводы исследователя могут быть уточнены или скорректированы, однако на вопрос о том, воспринималась

великая княгиня как законная правительница, ученый ответил. В настоящей работе мы пойдем дальше и попытаемся определить, каким образом древнерусские книжники изображали взаимоотношения великой княгини с другими политическими силами государства. Решение данной проблемы требует совершенно иного подхода к изучению исторического материала, отличающегося от предложенного В. В. Шапошником. Нам будет необходимо проанализировать, каким образом русские летописцы интерпретировали связи между великой княгиней и другими политическими институтами Великого Княжества Московского. Иными словами, мы будем рассматривать не столько образ Елены Глинской, сколько представления о ее правлении как о едином сюжете. В этой связи считаем необходимым сделать одну оговорку. Дело в том, что период, когда вдова Василия III находилась у власти, не выделяется в древнерусской исторической книжности как отдельная эпоха и рассматривается лишь в контексте более масштабного правления Ивана IV. Поэтому границы и характер правления Елены Глинской не всегда очерчены в летописях с достаточной степенью ясности. В одних известиях она упоминается как инициатор важных государственных решений, в других – сведения о ней отсутствуют, а источником власти выступает лишь великий князь Иван Васильевич. Чтобы понять, каким образом каждый отдельный хронист интерпретировал ее полномочия и компетенцию, нам необходимо будет проанализировать весь комплекс упоминаний о великой княгине в памятниках русской исторической книжности XVI в.

§2. Елена Глинская в Повести о смерти великого князя Василия Ивановича

Впервые политическое положение Елены Глинской после кончины мужа было охарактеризовано в пространной Повести о смерти Василия III. Исследователи сходятся во мнении, что ее текст был написан очевидцем событий. Памятник отразился в

¹⁵ Там же. С. 236.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 241.

¹⁸ Там же. С. 242.

составе Новгородского владычного свода 1539 г.¹⁹, т. н. Ростовской летописи²⁰, Софийской II²¹ летописи, Постниковского²² летописца, Летописного свода 1584 г. (Рогозинского летописца)²³, а также в августовских томах Успенского²⁴ и Царского²⁵ комплектов Великих Миней Четых. К вышеперечисленным спискам следует добавить списки в составе рукописей РНБ. F.XVII.23²⁶ и РГБ. Музейное собр. 2913²⁷. Повесть оказала существенное влияние на историческую книжность. Ее текст был использован составителем Царственной книги (заключительного тома Лицевого летописного свода, о котором речь пойдет ниже) и Александро-Невской летописи²⁸.

Списки памятника хранились в кремлевских книжных собраниях. Сама Повесть послужила источником Лицевого свода, созданного в окружении Ивана IV. Представляется, что вышеизложенные факты можно рассматривать как достаточное основание для того, чтобы связать ее с московской великокняжеской традицией. Памятнику посвящена обширная

историография. Вместе с тем многие вопросы, касающиеся истории ее текста, по-прежнему остаются дискуссионными. В частности, в научной литературе высказывались различные суждения относительно первоначального текста Повести. А. А. Шахматов считал, что текст в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского первичен по отношению к Софийской II летописи (Постниковский летописец был ему не известен)²⁹. Более осторожен в своих умозаключениях был А. Е. Пресняков, писавший, что ни один из списков памятника не отражает его первоначального текста³⁰. К точке зрения А. А. Шахматова присоединился А. А. Зимин³¹. С. А. Морозов также считал, что текст в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского первичен по отношению к Софийской II летописи и Постниковскому летописцу³². Противоположной точки зрения придерживались Х. Рюс и Р. Г. Скрынников, которые независимо друг от друга пришли к выводу, что обращение великого князя Василия к князю Д. Ф. Бельскому с «братией» является позднейшей вставкой, произведенной в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского³³. По мнению Р. Г. Скрынникова, Постниковский летописец лучше всего отражает первоначальный текст памятника³⁴. В новейшей историографии к тексту Повести обратился М. М. Кром, который пришел к выводам, сходным с умозаключениями А. Е. Преснякова. При этом исследователь отметил, что версии Постниковского летописца/Софийской II летописи содержат следы редакционной

¹⁹Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 224—234.

²⁰Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904 г. М., 1904. Кн. I. С. 118—142.

²¹Софийские летописи // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853 (далее — ПСРЛ. Т. 6). С. 266—276.

²²Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 1724.

²³РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 351/800. Л. 488 об.—499 об.

²⁴ГИМ. Синодальное собр. 997. Л. 1550—1562 об.

²⁵ГИМ. Синодальное собр. 183. Л. 792—801 об.

²⁶Список поздний, конца XVII в. Повесть помещена в заключительной части рукописи на л. 566—573 об. По своим текстологическим особенностям Повесть в ее составе близка к тексту Великих Миней четых. Текст сокращен, а окончание его отсутствует (утрачено?).

²⁷Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 29—30.

²⁸О тексте Повести в составе указанных памятников см.: Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 61—77.

²⁹Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 58—59.

³⁰Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 74.

³¹Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 390.

³²Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI в. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1979. С. 24—30.

³³Rieß H. Dmitriy F. Belskiy // FOG. Berlin, 1986. Bd. 38. S. 173—177; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 82—83.

³⁴Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 82—83.

правки. Редактирование текста в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского отличается особой тенденциозностью. Составитель последней устранил подробности, не соответствовавшие, по его мнению, канонам житийной литературы. Кроме того, руководствуясь местническими интересами, редактор стремился принизить роль одних лиц (в частности, дьяка Ф. Мишурина) и подчеркнуть доверие великого князя к другим (старцу М. Сукину, братьям Бельским). Редактор Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского не был очевидцем описываемых событий, плохо знал придворную среду, допускал частые ошибки в именах и титулах упоминаемых лиц. Резюмируя свои выводы, М. М. Кром пишет: «Любые наблюдения над текстом Повести должны обязательно основываться на сопоставлении всех трех списков»³⁵.

В Повести с высокой степенью детализации изложена предсмертная воля великого князя. Данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку завещание Василия III не сохранилось³⁶. В тексте оговаривается положение Елены Глинской. В изложении последней воли великого князя относительно его супруги списки Повести не содержат существенных разночтений. Первый раз о великой княгине сообщается в тексте прощания Василия III с женой и сыновьями. Великий князь благословляет своего сына Ивана крестом митрополита Петра, после чего к нему приводят супругу, которая спрашивает государя: «Государь

князь велики! На кого меня оставляеши, и кому государь, дети приказываеши?». Василий Иванович отвечает ей: «Благословил еси сына своего Ивана государствомъ великим княжениемъ, а тебе еси написал въ духовной своей грамоте, как в прежнихъ духовных грамотех отецъ наших и прародители, по достоянию, как прежнимъ великимъ княгинямъ»³⁷. Из содержания данного отрывка следует, что Василий III наделил властью лишь своего сына. Ниже по тексту в Повести читается: «А у него оста Михаило Юрьев, да князь Михаило Глинской, да Шигона, и быша у него до самыя ночи, и приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти и какъ к ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказати, како без него царству строитися»³⁸. По мнению М. М. Крома, трое вышеперечисленных вельмож составили регентский совет, который управлял страной в течение нескольких месяцев. Исследователь называет их душеприказчиками Василия III³⁹. Комментируя процитированное высказывание, В. В. Шапошник пишет: «Итак, какая-то роль Елене Глинской отводилась – к ней должны были ”бояре ходить” – однако едва ли это была реальная политическая власть»⁴⁰. Ниже исследователь отмечает, что Повесть о смерти Василия III не дает оснований для предположения о передаче великой княгине полной власти. Из текста следует, что она должна была стать главой великокняжеской семьи и играть некую роль в политике. При этом исследователь отмечает, что, согласно Повести, удельные князья и члены двора целовали крест не только Ивану IV, но и Елене Глинской. В. В. Шапошник пишет также, что полный текст Повести не вошел в состав официальных летописных сводов, поскольку на ее основе трудно сделать выводы о полной легитимности власти великой княгини⁴¹. С указанными суждениями следует согласиться. Вместе с

³⁵ Кром М. М. Вдовствующее царство. С. 55.

³⁶ По мнению А. Е. Преснякова, духовная Василия III была уничтожена еще в годы малолетства Ивана IV, поскольку ее содержание противоречило интересам боярства (Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 76). Данная гипотеза не согласуется с тем обстоятельством, что вплоть до 70-х гг. XVI в. в документах встречаются ссылки на завещание Василия III (Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 284; Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 25, примеч. 25). Кроме того, список князей и бояр, упомянутых в духовной грамоте Василия III, помещен в дополнительных статьях к Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 261).

³⁷ ПСРЛ. Т. 43. С. 229.

³⁸ Там же. С. 229.

³⁹ Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 70–71.

⁴⁰ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 233.

⁴¹ Там же. С. 240–241.

тем считаем необходимым внести в них некоторые уточнения и обратить внимание на одну особенность изложения материала в Повести о смерти Василия III. Рассматриваемый памятник максимально подробно излагает события, связанные с кончиной государя. Подобная фактографическая скрупулезность представляет большой интерес для исследователей. Вместе с тем характеристика политических институтов в данном памятнике оказывается весьма размытой. Многие высказывания автора Повести невозможно интерпретировать однозначно. В частности, не вполне понятно, какая роль отводилась Юрьеву, Шигоне и Глинскому? Предположение М. М. Крома о том, что они были душеприказчиками государя и сформировали своеобразный регентский совет, текстом напрямую не подтверждается⁴². Столь же неоднозначно охарактеризован в Повести и политический статус великой княгини. Прежде всего возникает вопрос: если вдова не получала каких-либо полномочий в области управления страной, почему Василий III обсуждал со своими «душеприказчиками», «как к ней бояромъ ходити»? И с какой целью бояре должны были посещать Елену Глинскую? Однозначного ответа на эти вопросы мы в тексте не находим. А между тем они имеют большое значение для понимания статуса великой княгини. В Повести сообщается, что митрополит Даниил привел к присяге великому князю и великой княгине удельных князей, бояр, детей боярских и княжат: «Тогда же Даниль митрополит вземъ братию великого князя Юрья и князь Ондreja Ивановичев, в переднюю избу, приведе их ко крестному целованию на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матере великой княгине Елене, а жити имъ на своих уделех, а стояти имъ в правду, на чемъ целовали крестъ великому князю Василью Ивановичю всеа Руси и крепости промежу ими с великим князем

Васильем, а государства имъ под великимъ княземъ не хотети, ни людеи имъ от великого князя к собе не отзывать, а противу недругов великого князя и своих, латынства и бесерменства, стояти имъ прямо воопчи за один. И бояр и боярских детей, и княжат на томъ же приведе ко крестному целованию, что имъ хотети добра великому князю Ивану Васильевичю всея Руси и его матере великой княгине Елене, и всеи земли хотети имъ добра въ правду, и отъ недруговъ великого князя и всея земли, отъ Бесерменства и отъ Латынства, стояти вопче за одинъ, а иного государя мимо великого князя не искати»⁴³. Данное действие не противоречило существовавшему в Великом Княжестве Московском политическим традициям и не может рассматриваться само по себе как свидетельство наделения Елены Глинской какими-либо полномочиями. Великие княгини упоминались в крестоцеловальных записях, которые давали подданные великим князьям наряду со своими мужьями и детьми⁴⁴. В верности клялись всей семье. Однако в условиях, когда правитель был дееспособен, присяга его жене не наделяла ее какими-либо дополнительными полномочиями. Решения относительно участи нарушителей клятвы принимал государь. Иная ситуация складывалась в условиях, когда великий князь умирал, оставив несовершеннолетних наследников. В этом случае полномочия главы семьи переходили к его вдове, которая именовалась «матерой вдовой»⁴⁵. Она должна была принимать решение относительно судьбы нарушителя присяги. В подобном положении находилась и великая княгиня Елена Глинская. Фактически за выполнение клятвы

⁴³ ПСРЛ. Т. 43. С. 231.

⁴⁴ См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел (далее – СГГД). М., 1813. Ч. 1. № 154 (Запись князя Ивана Михайловича Воротынского о продолжении службы государю), № 159 (Запись вторичная князя Федора Михайловича Мстиславского о продолжении службы), 162 (Запись Михаила Андреевича Плещеева).

⁴⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 2013. С. 7–8.

⁴² Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 79.

удельные князья и бояре несли ответственность именно перед ней. Данное обстоятельство наделяло ее довольно обширными возможностями прежде всего в придворных делах. Представляется, что современники признавали право великой княгини на вмешательство в определенный круг политических вопросов. Иначе как объяснить тот факт, что сразу после смерти Василия III, решая судьбу Юрия Дмитровского, бояре обратились именно к Елене Глинской, а не к «регентскому совету»? Последнее слово было за ней как за главой великокняжеской семьи, которая принимала присягу у своего деверя. Великая княгиня могла не прибегать к своим полномочиям. Однако это был вопрос не формального статуса, а политической воли. Полагаем, что составитель Повести не считал необходимым как-либо обосновывать легитимность полномочий Елены Глинской потому, что указанные особенности ее положения были хорошо ему известны. Вместе с тем автор действительно ни разу не упоминает о том, что власть перешла к ней по указу великого князя.

Хотя Повесть создавалась очевидцем описываемых событий и ее автор, вероятно, входил в окружение великого князя и его семьи, текст был включен не во все памятники московского официального летописания⁴⁶. В частности, памятник не был использован при создании Воскресенской летописи и «Летописца начала царства». Возможно, это отчасти связано с общей размытостью описания политического устройства в Повести. Дело, на наш взгляд, не только в том, что на ее основе было трудно сделать вывод о полной легитимности власти Елены Глинской, как полагает В. В. Шапошник⁴⁷. Правовые основы ее власти были хорошо понятны современникам. Дело в том, что, опираясь на Повесть, сложно было составить однозначное представление о государственном порядке. Уделяя большое

внимание деталям, составитель не смог с достаточной ясностью обозначить политические институты, сформированные в Великом Княжестве Московском после смерти Василия III. В позднейшем историописании данная проблема была решена.

§3. Упоминания о Елене Глинской в Воскресенской летописи

Воскресенская летопись принадлежит к числу ключевых памятников русского летописания XVI в. Книжники рассматривали ее как весьма авторитетный текст. В частности, к ней обращались при составлении столь значимых памятников, как «Летописец начала царства», Летописный свод 1560 г. и Лицевой летописный свод. В настоящее время установлено, что вышеперечисленные произведения создавались кругом лиц, близких к государю. В историографии высказывались различные мнения относительно составителей Воскресенской летописи. Одни исследователи приписывали ее создание окружению митрополита Иоасафа⁴⁸, другие связывали ее появление с лицами, близкими к боярскому роду Шуйских⁴⁹. В контексте настоящего исследования нас будет интересовать заключительная часть Воскресенской летописи, содержащая известия за 1533–1541 гг. Именно в этой части текста помещены статьи, характеризующие правление Елены Глинской. Рассматривая Воскресенскую летопись, В. В. Шапошник обратил внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, в памятнике впервые Елене Глинской предписывается править государством до совершеннолетия сына. Во-вторых, великая княгиня отдает распоряжения совместно с Иваном IV. В-третьих, автор описывает события беспристрастно, не дает оценок деятельности Елены Глинской. В целом исследователь отмечает, что в Воскресенской

⁴⁶ Исключение составляет Царственная книга Лицевого летописного свода. В ней, однако, текст Повести был существенно отредактирован.

⁴⁷ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 241.

⁴⁸ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 2. Киев, 1908. С. 1187. Примеч. 5; Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 года // Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. [2].

⁴⁹ Левина С. А. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 379.

летописи властные полномочия великой княгини очерчены гораздо более четко, чем в Повести о смерти Василия III⁵⁰. Вышеизложенные выводы нуждаются в значительном уточнении. В частности, следует заметить, что Елена Глинская фигурирует далеко не во всех сообщениях Воскресенской летописи. Отсюда вытекает вопрос: в каких именно случаях в текст включались упоминания об участии великой княгини в государственных делах? Для того, чтобы ответить на него, рассмотрим весь комплекс упоминаний Елены Глинской в Воскресенской летописи.

1. 7042 г. *Известие о смерти Василия III и вокняжении Ивана IV*. Под 1533 г. в Воскресенской летописи помещен рассказ о кончине великого князя Василия III. Текст более краток, чем Повесть о смерти Василия III. При этом в известии Воскресенской летописи совершенно иначе изложена последняя воля умирающего великого князя. Политический статус Елены Глинской обозначен следующим образом: «А великой княгине Елене приказывает подь сыномъ своимъ государство дръжати до возмужения сына своего»⁵¹. Саму великую княгиню и своих сыновей государь «приказывает» митрополиту Даниилу и боярам. Бояре, согласно Воскресенской летописи, должны служить Елене Васильевне и Ивану IV, а также беречь «подь нимъ его государства Руския земли и всеа христианства отъ всехъ его недруговъ, отъ бесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ обидь и отъ продажъ»⁵². Имена вельмож, которые должны были помогать Елене Глинской в управлении государством, не конкретизируются. Вероятно, речь идет о боярской думе как органе государственной власти. Иными словами, по версии Воскресенской летописи, Елена Глинская должна была править страной при поддержке

митрополита и боярской думы. Оговариваются в известии также и обязательства братьев Василия III, удельных князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. Они целовали крест «на томъ, что имъ братаничю своему великому князю Ивану добра хотети, и великого княжения подь нимъ блюсти и стеречи, а самимъ не хотети»⁵³. При этом, по версии Воскресенской летописи, удельные князья не имели права вмешиваться в московские дела.

2. 7042 г. *Известие об аресте Юрия Дмитровского*. В тексте сообщается: «И великаа княгини, берегучи сына своего и земли, приказала боаромъ: “Вчера есте крестъ целовали сыну моему великому князю Ивану и добра хотети, и вы по тому и чините; коли является зло, ино бы ся не распространило”. И велела князя Юриа поимати и посадити, оковавъ, за сторожи въ полату, где напередь того князь Дмитриеи Внукъ сидель»⁵⁴. В данном известии Елена Глинская впервые выступает как лицо, которому принадлежит последнее слово в вопросе об определении судьбы Юрия Дмитровского. Вместе с тем интерес представляют слова, вложенные хронистом в уста великой княгини: «Вчера есте крестъ целовали сыну моему великому князю Ивану и добра хотети». Таким образом, отмечается, что удельный князь присягал лишь Ивану Васильевичу; о присяге великой княгини речи не идет. Возможны два объяснения данной ситуации: 1) Юрий Дмитровский не целовал крест Елене Глинской; 2) Юрий Дмитровский целовал крест и Елене Глинской, и Ивану IV, однако упоминания о великой княгини были изъяты из текста, чтобы подчеркнуть политическое значение государя. Первое объяснение представляется нам маловероятным. Как было отмечено выше, великие княгини всегда присутствовали в формулярах крестоцеловальных записей, поскольку присяга давалась не только действующему правителю, но и всей его семье. Кроме того, о целовании креста Елене Глинской упоминается в Повести о смерти Василия III.

⁵⁰ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 241.

⁵¹ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. М., 2001 (далее – ПСРЛ. Т. 8). С. 285.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 286.

⁵⁴ Там же.

Можно, конечно, предположить, что в последней события были искажены. Однако, на наш взгляд, затруднительно объяснить мотивы подобной мистификации. Мы склоняемся ко второму объяснению, поскольку оно вполне укладывается в общую концепцию Воскресенской летописи. В этой связи хотелось бы отметить, что в известии рассматриваемого памятника о смерти Василия III удельные князья присягают исключительно Ивану IV.

3. 7042 г. *Известие о построении земляного города в Москве*: «Тое же весны, маиа 20, повелениемъ великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и его матери великой княгини Елены, зделанъ бысть градъ на Москве земляной по тому месту, где же мыслиль отецъ его князь велики Василей ставити»⁵⁵.

4. 7042 г. *Известие об аресте И.Ф. Бельского и И.М. Воротынского*: «Того же лета, августа, съ службы изъ Серпухова побежали князь Семень Федоровичъ Белскои да оконичей Иван Васильевъ сынъ Лятцкого и съ сыномъ; а советниковъ ихъ, брата княжъ Семенова князя Ивана Федоровича Белского же да князя Ивана Михайловича Воротынского и зъ детми, велель поимати князь велики и мати его великаа княгини и оковавъ за приставы посадити»⁵⁶.

5. 7043 г. *Известие о начале войны с Литвой*: «Въ лето 7043. Князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини Елена съветовавъ зъ бояры, чтобы послати Литовские земли въевати за королеву неправду; и велель князь велики у себя быти отцу своему Данилу митрополиту всеа Руси, и сказа отцу своему Данилу митрополиту многи королевы неправды...»⁵⁷.

6. 7043 г. *Известие о прибытии новгородского архиепископа Макария в Москву*: «Тое же зимы, генваря 11, приехалъ къ великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и къ его матери великой княгине Елене изъ ихъ отчины изъ Великого Новагорода богомолецъ ихъ архиепископъ Макарей

поздравлявати государя на великихъ государствехъ»⁵⁸.

7. 7043 г. *Известие о перенесении мощей митрополита Алексия в новую раку*: «Тое же зимы, февраля 11, въ четвертокъ 1 недели поста, князь велики Иванъ Василиевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини, съ отцемъ своимъ Даниломъ митрополитомъ всеа Руси и съ епископы певъ молебнаа, и молиша чудотворца Алексеа съ великими слезами аще бы ему угодно было предложити его въ новую раку»⁵⁹.

8. 7043 г. *Известие о монетной реформе*: «Того же месяца марта князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини Елена велели переделывати старые денги на новой чеканъ того дея, что было въ старыхъ денгахъ много обрезаныхъ денехъ и подмесу, и въ томъ было христианству великаа тягость; въ старой гривенке было полтретиа рубля, а въ новыхъ гривенкахъ велели делати по три рубли; а подделщиковъ, которые люди денги подделывали и обрезавали, техъ велели обыскивати, и иные обыскавъ казнили; а старымъ денгамъ впрокъ ходити не велели»⁶⁰.

9. 7043 г. *Известие о строительстве каменного города в Москве возле земляного*: «Того же лета, маиа 16, князь велики Иванъ Василиевичъ всеа Руси и его мати великаа княгини Елена повелели градъ камень ставити подле Земляной городъ»⁶¹.

10. 7043 г. *О направлении воевод против литовских войск на Смоленщину*: «И князь велики Иванъ и его мати великаа княгини Елена, послышевъ то, съветовавъ зъ бояры, и послали въеводъ своихъ съ многими людьми противъ Литовскихъ людей»⁶².

11. 7045 г. *Повесть об аресте Андрея Старицкого*. Елена Глинская неоднократно упоминается в качестве правительницы вместе с государем⁶³. При этом исторические события изложены с позиций московского двора. Сначала

⁵⁵ Там же. С. 288.

⁵⁶ Там же. С. 287.

⁵⁷ Там же. С. 287—288.

⁵⁸ Там же. С. 289.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 290.

⁶³ Там же. С. 292—295.

отмечается: «По диаволу деиству и лихихъ людеи възмущениемъ учиниша велику замятню: начаша вадити великому князю и его матери великой княгине на князя на Ондрея <...> а князю Ондрею сказываютъ на великую княгиню, что хотятъ его поимати»⁶⁴. Одной из причин конфликта стал отказ удельному князю в вотчинах. При этом отмечается, что великий князь и великая княгиня не держали на Андрея Ивановича гнева и не собирались возлагать на него опалу. Однако Старицкий поверил «лихим людям» и учинил мятеж. Он бежал из Старицы и направился к Новгороду, куда прислал грамоты, содержавшие, по версии Воскресенской летописи, следующий текст: «Князь велики малъ, а держать государство боаре. И вамъ у кого служити? И вы едте къ мне служити, а язъ васъ радъ жаловати»⁶⁵. Однако, не достигнув успеха на этом направлении, он заключил договор с московским воеводой Иваном Овчиной. Последний дал ему обещание, что в случае капитуляции Андрей не будет арестован в Москве. В столице, однако, удельный князь был взят под стражу: «И князь великий и его мати великаа княгиня на князя Ивана на Овчину о томъ словесную опалу великую положили, что безъ ихъ веления князю Ондрею правду даль; а князя Андреа велели поимати и въ полату посадити, и тягость на него положили»⁶⁶.

В контексте настоящей статьи нас будет интересовать не соответствие версии Воскресенской летописи действительности, а основные идеи, обозначенные в тексте. Андрей Старицкий в Воскресенской летописи объявлен зачинщиком мятежа. Его жадность, а также доверие «лихим людям» толкнули его на совершение преступных действий. Великий князь и великая княгиня не собирались возлагать на удельного князя опалу, однако вынуждены были заключить его под стражу после «замятни». При этом составитель не считает их ответственными за нарушение клятвы, которую дал Иван Овчина

Андрею Старицкому. Оправданием для великого князя и великой княгини служит то обстоятельство, что воевода не согласовал свои действия с ними.

12. 7046 г. *Сообщение о смерти Елены Глинской*: «В лето 7046, апреля 3, въ среду пятые недели поста, въ 2 часа дни, преставися благовернаго великого князя Василиа Ивановича благоверная великаа княгиня Елена, княже Васильева дщи Лвовчиа Глинского; а положена бысть въ церкви Възнесения Господа нашего Исуса Христа, възле великую княгиню Софию великого князя Ивана Васильевича»⁶⁷. Елена Глинская упоминается как жена Василия III, однако о ее роли в управлении государством ничего не сообщается.

Таким образом, в Воскресенской летописи Елена Глинская неоднократно упоминается как регент при малолетнем государе. Для обозначения ее статуса используется формула регентства, о которой писал А. Л. Юрганов. Однако сообщения об участии Елены Глинской в управлении государством встречаются не на всем протяжении текста. Как видно из приведенного выше обзора, все упоминания о ней сосредоточены под 7042–7043 гг. (гл. 63–67 Воскресенской летописи), а также в повести об аресте Андрея Старицкого. При этом в известиях за 7044 г. (гл. 68, 69) формула регентства не использовалась ни разу. Все указы за этот год приписываются исключительно воле Ивана IV. Даже в сообщении о снятии опалы с царя Шигалея в Воскресенской летописи имя Елены Глинской не упоминается⁶⁸, хотя известно, что она принимала в этих событиях деятельное участие⁶⁹. В нашей предыдущей статье, посвященной истории текста заключительной части Воскресенской летописи, мы попытались объяснить причины данной особенности. На наш взгляд,

⁶⁴ Там же. С. 292.

⁶⁵ Там же. С. 294.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 295.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

⁶⁹ Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 20–23.

основной текст Воскресенской летописи обрывался на 7041 г. Текст за 7042–7049 гг. следует рассматривать как самостоятельный летописец 1533–1541 гг.⁷⁰ Заключительная часть Воскресенской летописи, однако, также не едина. Она представляет собой компиляцию, состоящую из нескольких частей. Первая часть охватывает известия за 7042–7043 гг. Ее текст можно назвать полноценным летописным повествованием. Под 7042–7043 гг. помещен широкий спектр сообщений, касающихся внешней политики, придворной борьбы и ведения военных действий. Здесь присутствуют диалоги, оценки происходящих событий, а Елена Глинская упоминается как лицо, принимающее государственные решения. Составитель этих статей благосклонно относился к боярству. В известии о смерти Василия III он провозгласил бояр главной опорой власти Елены Глинской. В ообщении об аресте Юрия Дмитровского не упомянул об опале, которая постигла Андрея Шуйского и легла пятном на репутацию вельможи. Вторая часть охватывает события 7044 г. Повествование становится более лаконичным, обширные тексты о военном противостоянии с Литвой исчезают. Разрядные росписи воевод также отсутствуют. Кроме того, в этой части повествования Елена Глинская не упоминается как лицо, участвовавшее в управлении государством. Политическая инициатива приписывается великому князю (которому едва исполнилось пять лет). Наконец, третья часть охватывает статьи за 7046–7048 гг. По содержанию это краткие летописные заметки, сосредоточенные исключительно на событиях внутри Московского Кремля. Их составитель, в отличие от автора статей за 7042–7043 гг., не испытывал пиетета по отношению к аристократам. Напротив, под 7047 г. отмечается, что представители семьи Шуйских самовольно расправились с дьяком

⁷⁰Вводя в оборот термин «Летописец 1533–1541 гг.», в настоящей статье мы им пользоваться не будем, поскольку до тех пор, пока данный памятник не обнаружен в рукописях, его существование остается гипотезой. Ниже мы будем использовать понятие «заключительная часть Воскресенской летописи».

Федором Мишуриным и свели с митрополии митрополита Даниила. Присутствует упоминание о смерти Елены Глинской, однако великая княгиня фигурирует как член великокняжеской семьи, а не правительница. Обособленно стоят известия 7045 г. (об аресте Андрея Старицкого) и 7049 г. (о походе Сафа Кирея на Москву). Эти сообщения представляют собой концептуально завершённые памятники русской литературы. Достоверно не известно, были ли они написаны специально для внесения в летописи или имели самостоятельную рукописную традицию. Все части текста могли создаваться в разное время, а работу над ними могли вести разные книжники. Полагаем, что первая часть текста за 7042–7043 гг. была составлена при жизни Елены Глинской. Сообщения за 7044 г. могли быть записаны либо уже после ее кончины, либо работу над ними вел другой хронист, не искушенный в политических коллизиях 30-х гг. XVI в. Дело в том, что сама великая княгиня трепетно относилась к своему положению регента⁷¹. Стремясь максимально

⁷¹В связи с указанным обстоятельством представляется необходимым упомянуть два эпизода. 1) К апрелю 1537 г. отношения между Старицким и Московским дворами достигли высшей точки напряженности. В сложившейся ситуации князь Андрей Старицкий направил два послания, в которых просил не держать на него гнева и объяснял, что не поехал к великому князю по причине болезни. Одно письмо было адресовано великому князю, второе – Елене Глинской. При этом Елену Глинскую он называет государыней (СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 37–38). Однако М. М. Кром отмечает, что «в «речах», адресованных Елене, вновь перечисляются распоряжения великого князя, а его мать если и упоминается в контексте описываемых событий, то только вместе с сыном» (Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 127). Таким образом, значение великой княгини было явно занижено. Вскоре в окружении государыни был подготовлен «Ответ великого князя Василья Ивановича всеа Руси [велики]е княгини Олены княж Ондреву Ивановича боарину князю Федору Дьмитривичу Пронскому да дьяку Варгану Григорьеву» (СГГД. Ч. 2. С. 38–39). В нем Елена Глинская неоднократно ссылается на волю своего мужа как обоснование ее полномочий регента, а также полностью заслоняет фигуру своего сына (Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 127). 2) Елена Глинская принимала у себя хана Шигалея после снятия с него опалы. В «Летописце начала царства» описано ее участие в описываемых событиях (ПСРЛ. Т. 29. С.

расширить свои возможности и полномочия, она едва ли допустила бы подобные нарушения в официальной летописи⁷².

Рассмотрев особенности изложения исторического материала в заключительной части Воскресенской летописи, переходим к общей характеристике упоминаний в ней Елены Глинской. В рассматриваемом памятнике мы впервые сталкиваемся с попыткой обосновать институциональные основы регентства великой княгини. Уже в известии о кончине Василия III умирающий правитель завещает ей «подъ сыномъ своимъ государство дрѣжати до возмужения сына своего». Таким образом, в тексте появляется обоснование властных полномочий Елены Глинской. Она правит в соответствии с последней волей своего мужа. Определяются также границы ее власти (совершеннолетие Ивана IV). В заключительной части Воскресенской летописи расписана целостная концепция государственного устройства, сложившегося после смерти Василия III. Уже в известии о смерти государя отмечается, что бояре и удельные князья клялись в верности великому князю и великой княгине. Главной опорой власти представлены «бояре», т. е. боярская дума. При этом, как было отмечено выше, в отличие от Повести о смерти Василия III, в заключительной части Воскресенской летописи не уточняются

имена вельмож, которым умирающий монарх завещал управление государством. Боярская дума рассматривается в тексте не как группа лиц, а как политический институт. Отдельные вельможи могут выступить против государя и понести наказание (в частности, упоминаются аресты И. Ф. Бельского, И. М. Воротынского и М. Л. Глинского, вина которых не отрицается)⁷³. Однако в целом боярская дума остается одним из столпов государственного управления. Лояльность бояр обеспечивается, согласно заключительной части Воскресенской летописи, во-первых, государевыми пожалованиями, а во-вторых, – клятвой, которую они принесли правителю. Удельные князья, напротив, представлены как главные противники власти. В тексте на передний план выведена их враждебность по отношению к боярству. В беседе с Андреем Шуйским дьяк Юрия Дмитровского Третьяк Тишков заявляет: «Князя Юриа боаре приводили заперши къ целованию»⁷⁴. Андрей Старицкий, как было отмечено выше, в своих грамотах к новгородцам пишет: «Князь велики малъ, а держать государство боаре»⁷⁵. Примечательно, что в тексте ничего не говорится о том, что удельные князья целовали крест великой княгине.

Таким образом, в заключительной части Воскресенской летописи личностному подходу составителя Повести о смерти Василия III противопоставлен подход институциональный. Уже в известии о кончине великого князя с достаточной степенью ясности обозначены основные институты, на которых должно базироваться управление государством: регент в лице Елены Глинской, боярская дума, митрополит Данила. Придворная борьба 30-х гг. XVI в. представлена как противостояние московских властей и удельных князей. Власть Елены Глинской получила правовое обоснование. Сама великая княгиня упоминается как инициатор различных государственных

21—23). Подобный прием противоречил обычаям – касимовского правителя должен был принимать великий князь. Однако Елена Глинская, посоветовавшись с боярами, приняла решение: «Пригоже у нее быти царю, занеже еще великий государь млад, а положение царского скипетра державы великия Русиия все есть богомъ положено на ней и вручено от Бога на сохранение и на соблюдение всего благочестия православия» (ПСРЛ. Т. 29. С. 22). Таким образом, Елена Глинская утвердила свой статус регента и государыни (*Кром М. М. «Вдовствующее царство»*. С. 135). В Воскресенской летописи прием Шигалея описан кратко, а Елена Глинская не упоминается: «Тое же осени, декабря 12, пожаловаль князь велики Шигалеа царя изъ нятства выпустиль, а седель на Белеозере, и опалу свою ему отдадь и очи свои даль ему видети» (ПСРЛ. Т. 8. С. 291).

⁷²Жуков А. Е. К истории текста заключительной части Воскресенской летописи // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Т. 33. Вып. 1. 2023. С. 160—168.

⁷³ ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

⁷⁴ Там же. С. 286.

⁷⁵ Там же. С. 294.

мероприятий, что указывает на ее статус государыни до совершеннолетия Ивана IV. Она отдает указы о военных походах, арестах мятежников и строительстве городов. Лишь в известиях о дипломатических контактах с соседними странами Елена не упоминается. Формула регентства используется не на всем протяжении текста. Она присутствует в известиях за 7042–7043 гг. и не используется в известиях за 7044 г. Проблема систематичности упоминаний об участии Елены Глинской была решена в последующих памятниках русского летописания.

§4. Елена Глинская в «Летописце начала царства»

«Летописец начала царства» является одним из ключевых памятников русского летописания эпохи Ивана IV. Повествование в нем начинается 1533 г. известием о смерти Василия III. В первоначальной редакции памятника текст доходит до 1552 г.⁷⁶ В позднейшей редакции списки памятника завершаются разными датами (1556 г., 1558 г., 1560 г.)⁷⁷. Заключительная часть

⁷⁶В историографии принято выделять две редакции «Летописца начала царства». Их различия были охарактеризованы А. А. Зиминим (*Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века.* М., 1958. С. 39–41). В нашей диссертации наблюдения исследователя были уточнены и получили развитие (*Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в.* Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. СПб., 2016. С. 20–27). Публикацию текста первой редакции см.: ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 9–116. Первая редакция представлена списками СПб ИИ РАН. Колл. Археогр. комм. № 244, РНБ. Ф.IV.585, ГИМ. Синодальное собр. 486.

⁷⁷ В рукописи БАН. 32.14.8 (Патриарший список) текст доходит до 1556 г. В сборнике РГАДА. Ф. 201. № 163 (список Оболенского) повествование завершается 1558 г., обрывается на известии о послании к Петру Ивановичу Шуйскому. Заключительная часть годовой статьи отсутствует. В манускрипте Собрания Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне № 33 (Очин-Плещеевский список) текст доходит до 1558 г. и заканчивается посланием александрийского патриарха Иоакима и ответом на него Ивана IV (т. е. годовая статья доведена до конца). В Летописном своде 1560 г. и восходящей к нему Львовской летописи повествование заканчивается 1560 г.

Воскресенской летописи (7042–7049 гг.) послужила его источником, однако ее текст был существенно дополнен и переработан⁷⁸. В отличие от Повести о смерти Василия III и заключительной части Воскресенской летописи, созданных либо при жизни Елены Глинской, либо спустя небольшое время после ее кончины, «Летописец начала царства» появился примерно через два десятилетия после смерти государыни. Он был составлен в 50-е гг. XVI в.⁷⁹ В этот период политическая система уже претерпела существенные изменения. Взаимоотношения между различными политическими институтами были иными, чем в 30-е гг. XVI в. Вместе с тем составители «Летописца» проявляли заметный интерес к фигуре Елены Глинской и к ее правлению.

Вопрос о характеристике власти великой княгини в «Летописце начала царства» был рассмотрен в общих чертах В. В. Шапошником. Исследователь отметил, что в ряде случаев о ней говорится подробно и с большим пиететом. Елена даже выступает участницей дипломатических контактов⁸⁰. При этом она является законной соправительницей сына, в ряде случаев действующей самостоятельно, без оглядки на государя⁸¹. Как и в случае с Воскресенской летописью, выводы исследователя требуют некоторой конкретизации. Для того, чтобы уточнить наблюдения В. В. Шапошника, рассмотрим конкретные известия «Летописца», в которых упоминается Елена Глинская.

1. 7042 г. *Известие о смерти Василия III.* Последняя воля умирающего государя относительно Елены Глинской сформулирована в тексте следующим образом: «А приказывает великой княгине Елене свои дети и престол области

⁷⁸ Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11). С. 174–189.

⁷⁹ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 89.

⁸⁰ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI в. С. 234.

⁸¹ Там же. С. 241.

державствовать скипетръ великия Руси до возмужения сына своего, ведаше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея, но от Бога дарованное и таково дарование, яко во всем уподобися великой и благочестной царице Елене изспародительницы Русской великой княгине Ольге, нареченной во святомъ крещении Елене. И князь великий полагает на ней все правление великого государства многого ради разума по подобию и по достоинству и богомъ избранну царьскаго правления»⁸². Таким образом, как и в Воскресенской летописи, в «Летописце» отмечается, что Василий III завещал своей жене управление государством до совершеннолетия Ивана Васильевича. При этом из текста были удалены упоминания о том, что государь вверил заботу над великой княгиней и детьми митрополиту Даниилу и боярской думе. Таким образом, Елена Глинская, согласно концепции «Летописца начала царства», предстает единственным регентом при малолетнем государе. Примечательно, что в тексте отсутствуют какие-либо упоминания о присяге государю и Елене Глинской со стороны как удельных князей, так и бояр. На наш взгляд, нет оснований считать данную особенность частью замысла составителя, поскольку уже в следующем известии присутствует упоминание о крестоцеловании Юрия Дмитровского.

2. 7042 г. *Известие об аресте Юрия Дмитровского*. Прежде всего отмечается, что Юрий целовал крест великому князю и великой княгине в том, что не будет замышлять против них какого-либо мятежа: «И князь Юрь крестъ целовал великому князю Ивану Васильевичю и его матери великой княгине Елене, что ему великому князю и его матери великой княгине лиха никакова не мыслити»⁸³. Данная особенность отличает «Летописец начала царства» от Воскресенской летописи. Как было отмечено

выше, в последней отсутствуют какие-либо упоминания о присяге удельных князей Елене Глинской. Ниже по тексту сообщается, что Андрей и Иван Шуйские пытались «отъехать» на службу к Юрию Ивановичу в годы правления Василия III, однако были пойманы и заключены под стражу. Далее следует пассаж: «После же великого князя великая княгиня их пожаловала, выпустила из поиманья, а большее митрополить и бояре печаловались, понеже бо великая княгини тогда в велицей печали по великом князе Василие Ивановиче, и тако пожаловала, и опалы отдала и пожаловала их»⁸⁴. Великий князь Иван Васильевич не упоминается. Инициатором помилования выступает Елена Глинская. Государыня принимает участие в допросе Андрея Шуйского, желавшего нарушить присягу и перейти на службу к князю Юрию. Наконец, в заключительной части известия, когда бояре обращаются к Елене с вопросом о дальнейшей судьбе Юрия, в тексте сообщается: «Великая же княгини тогда быше в велицей кручине по великом князе Василье и рече бояром: “Как будет пригоже, и вы так делайте”»⁸⁵. В Воскресенской летописи Юрий Дмитровский выступает инициатором демарша, в «Летописце» – жертвой интриг. В Воскресенской летописи Елена Глинская решает судьбу своего деверя. В «Летописце» она, напротив, устраняется от дел. Подобное расхождение в изложении одних и тех же событий связано с общей концепцией рассматриваемых памятников. Составитель Воскресенской летописи всячески очернял удельных князей, в то время как составитель «Летописца» стремился насколько возможно реабилитировать их. При этом ему было необходимо вывести из-под удара Глинскую. Автор работал в 50-е гг. XVI в. и должен был принимать во внимание то обстоятельство, что Елена Васильевна была матерью действующего государя. Вместе с тем на данное известие можно посмотреть и под другим углом: отказавшись принимать решение о судьбе Юрия Дмитровского,

⁸²ПСРЛ. Т. 29. С. 10—11.

⁸³Там же. С. 10.

⁸⁴Там же.

⁸⁵Там же. С. 11.

великая княгиня, наделенная всей полнотой власти, проявила политическую слабость. Таким образом, облик государыни в данном сообщении выглядит не столь однозначно.

3. 7042 г. *Известие о посольстве в Крым Ивана Челищева*: «Тоя же осени князь велики Иван Васильевич всеа Русии посоветова с матерью своею с великою княгинею Еленою и з бояры, Саипь Гиреевых царевых и Ислам Гиреевых людеи къ их государемъ отпустиль»⁸⁶.

4. 7042 г. *Известие о чудесах от иконы великомученицы Варвары*: «Тоя же зимы февраля, въ первое лето государства благочестиваго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца и его матери благоверной и христолюбивой великой княгини Елены проявися Господь наш Исусь Христось от иконы святыя великия мученицы Варвары чюдотворение»⁸⁷.

5. 7042 г. *Известие о строительстве Земляного города в Москве*: «Того же месяца в 20 день повелением благоверного и христолюбиваго великого государя Ивана Васильевича всеа Русии и его матери благочестивой царицы великой государыни Елены заложиха град землянь, от каменного града возле Неглинну къ живоначальной Троицы на площадку»⁸⁸.

6. 7042 г. *Известие об аресте Ивана Бельского и Ивана Воротынского*: «И князь великий Иван Васильевич и великая княгини Елена положили опалу свою на князя Ивана Федоровича Бельского и на князя Ивана Воротынского и на его дети, велел их, поймавъ, посадити за сторожи»⁸⁹. Инициаторами опалы названы великий князь и Елена Глинская. Примечательно, что второй глагол «велел» приводится в единственном числе, как будто инициатором указа был исключительно государь. Данное несогласование может объясняться особенностями источника «Летописца начала царства». В Воскресенской летописи текст об аресте Ивана Бельского выглядит следующим

образом: «А советниковъ ихъ, брата князь Семенова князя Ивана Федоровича Белского же да князя Ивана Михайловича Воротынского и зъ детми, велель поимати князь велики и мати его великааа княгини и, оковавъ, за приставы посадити»⁹⁰. В некоторых летописях имя Елены Глинской и вовсе отсутствует. В частности, в Вологодско-Пермской летописи читаем: «Того же лета князь великий Иван Васильевич велел поимати на Коломне князя Ивана Федоровича Бельского, а на Москве велел поимати князя Ивана Михайловича Воротынского и его детей»⁹¹. Не известно, упоминалась ли Елена Глинская в источнике «Летописца» или сведения о ней являются вставкой, сделанной составителем рассматриваемого памятника.

7. 7042 г. *Известие «О нагайских послех»*: «Того же месяца в 27 день приидоша к великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии послы Нагайские от Шидяка князя Кудоярь князь, а от мурзь их люди, чтобы князь великий к нимъ дружбу свою дръжал и их жаловал так же, как и отецъ его князь великий Василей Иванович въ дружбе с собою держал и жаловал, и гостем Нагайским пожаловал бы, велел въ свои государства с коньми и со всяким товаром ходити и торговати. И князь великий и его мати Нагайских пословъ пожаловали, гостемъ их велель торговати»⁹². О переговорах с нагайскими послами относительно конной торговли упоминается и в других источниках. В частности, в выписи из книг дьяка Тимофея Казакова о праве Троице-Сергиева монастыря на взимание пошлин с торговли лошадьми сообщается: «Лета 7043-го сентября. Как посланы нагайские гости на Москву пришли, и князь великий Иван Васильевич всеа Русии и мати его государыня великая княгини Елена нагайским гостем велели торговати, а велели троицким старцом пошлину имати по шти денег с лошади, а по две денги велела отставити. И сентября 10 дни игумен Сергиева монастыря Иасаф з братьею великому князю и великой княгине били

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 12.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 13.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 287.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 315.

⁹² ПСРЛ. Т. 29. С. 13.

челом, чтоб государь и государыни пожаловала, велили пошлину имати по старине, по осми денег с лошади. И князь великии и великая княгини обыскали о том бояр, и боярин Михаило Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюшых, и имали при нем Сергеева монастыря пошлину с лошади по осми денег. И князь великии и великая княгини игумена Иасафа з братьею пожаловала, велела ныне и вперед пошлину имати по старине, по осми денег с лошади»⁹³. Комментируя данный документ, М. М. Кром отмечает, что в нем впервые была употреблена «формула соправительства»: «Примечательно, что в этом тексте Елена не только фигурирует как соправительница своего сына, но она даже (в отличие от него!) именуется государыней, а употребленная в конце фразы форма глагола («велела») ясно показывает, от кого на самом деле исходило решение о снижении пошлину, причитавшейся троицким старцам»⁹⁴. На наш взгляд, однако, в сведениях выписи следует относиться осторожно. Во-первых, список выписи, публикуемый С. М. Каштановым, довольно поздний⁹⁵. Оригинал книг Тимофея Казакова не сохранился. Мы можем строить лишь предположения относительно особенностей текста в нем. Нельзя исключать, что в текст были внесены исправления, некоторые из которых касались статуса великой княгини. Во-вторых, в выписи сообщается, что Елена Глинская участвовала в переговорах с ногайцами. Однако в памятниках русского летописания, созданных в 30–40-е гг. XVI в., а также в

посольских книгах сведения о ее участии в дипломатической деятельности отсутствуют (впервые сообщения о приеме послов великой княгиней появляются как раз в «Летописце начала царства»). Вышеперечисленные обстоятельства позволяют по крайней мере усомниться в достоверности формулировок выписи. В Посольской книге сношений с Ногайской ордой за 7042–7046 гг. переговоры августа сентября 7042 г. описаны достаточно детально. В текст включены речи ногайских дипломатов и ответы со стороны Москвы. Основным результатом переговоров стало достижение торговых договоренностей, а также направление в Ногайскую орду ответного посольства Даниила Губина⁹⁶. В этом посольские книги совпадают с «Летописцем начала царства». Вместе с тем в материалах дипломатического ведомства ни разу не упоминается Елена Глинская. Решения приписываются великому князю, а переговоры ведут Федор Карпов вместе с дьяками Меньшим Путятиным и Федором Мишуриным. Нельзя исключать, что Елена Глинская была осведомлена о ходе переговоров и могла каким-то образом повлиять на их результаты. Однако доказать это затруднительно. По крайней мере, ее статус не был официальным. Можно предположить, что ее имя первоначально отсутствовало в «Летописце начала царства» и является позднейшей вставкой. В пользу данной гипотезы свидетельствует сама формулировка: «И князь великии и его мати нагайских послов пожаловали, гостемь ихъ велель (!) торговати». Инициаторами решения о пожаловании названы великий князь и великая княгиня. При этом первый раз глагол «пожаловали» стоит во множественном числе и согласуется с составным подлежащим. Второй раз глагол «велель» приводится в единственном числе, что приводит к несогласованию. Если имя Елены Глинской является позднейшей вставкой, то причины некорректного написания очевидны. Справщик не исправил (возможно, по

⁹³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 437.

⁹⁴ Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 123.

⁹⁵ Текст помещен в составе небольшой шестистрочной тетради, вpletенной в конволют РНБ. Собр. М. П. Погодина. 1564 (л. 30–35). Филигрань «кувшинчик с одной ручкой под четырехлистником» просматривается на л. 30 и 35, однако литературное сопровождение ушло под шивку тетради. Другие филигранные в рассматриваемой части сборника отсутствуют. Данное обстоятельство затрудняет датировку рукописи. Однако в тетради помещены копии других документов, датированных 7068 (1560) г. и 7075 (1568) г. Это позволяет датировать манускрипт временем не ранее конца 60-х гг. XVI в.

⁹⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 105–106.

невнимательности) окончание глагола «велель».

8. 7043 г. *Известие о начале Стародубской войны*: «В лето 7043. Месяца сентеврия 3 король же Жигиманть совещанием злыхъ изменниковъ великого государя и его матери великие княгини Елены князя Семена Бельского и Ивана Лятцкого, их возмущение, вьста от них мятежь»⁹⁷.

9. 7043 г. *Известие «О Радогоще»*: «А великий государь Иван Васильевич и великая государыни мати его Елена от короля не бреглись, а в своих воеводах измены не чаял»⁹⁸. В этом же известии ниже по тексту сообщается: «И князь великий Иван Васильевич и мати его великая княгиня Елена послышев Литовскихъ людей на своих украинах, и послал воевод своих часа того на те украины против Литовскихъ людей»⁹⁹. Вновь наблюдается несогласование. В известиях упоминаются государь и великая княгиня, однако в конце фразы глаголы стоят в единственном числе, как будто речь идет только о великом князе.

10. 7043 г. *Известие «О Чернигове»*: «И Божьим промыслом воевода великого государя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены князь Федор княж Семенов сынъ Мезецкого умыслил и выслал на Литовскихъ людей ношью Черниговьцовъ и великого князя люди возмутиша ими»¹⁰⁰.

11. 7043 г. *Известие «О походе на Литву»*: «Тоя же осени великий государь и самодержец Иван Васильевич всеа Русии и благочестивая великая государыни мати его вьторая царица Елена, не мога сего терпети от Жигиманта короля Польскаго, совет сотворяет с своими бояры, хотя послати на зачинающаго брань на Литовьского короля»¹⁰¹. В этом же известии ниже по тексту: «И великий государь Иван и его мати упование свое возлагают на вседръжителя бога отца и сына и святаго духа и на пречистую богородицу и на всех святых(!),

месяца ноеврия в 28 день отпускает воевод своих с Москвы»¹⁰². В заключительной части данного известия читается: «Божьим милосердием сохранено бысть великого государя и его матери воинство, цело и здраво приидоша на Опочку с великою корыстию и со многим пленомъ месяца марта в 1 день, в 4 неделю святаго поста»¹⁰³. Как и в нескольких предыдущих известиях, в тексте упоминаются великий князь и великая княгиня, однако глаголы в ряде случаев приводятся преимущественно в единственном числе, как будто политическая инициатива похода исходила исключительно от великого князя. В Воскресенской летописи в одних случаях упоминаются великий князь и великая княгиня («и князь велики Иванъ и его мати великаа княгини Елена, послышевъ то, съветовавъ зъ бояры, и послали вьведовъ своихъ съ многими людьми противъ литовскихъ людей»)¹⁰⁴, а в других – лишь великий князь («а велель князь велики вьведомамъ своимъ, князю Василью Васильевичю Шуискому съ товарищи, итти отъ Смоленска противъ Литовскихъ людей»)¹⁰⁵. При этом несогласования подлежащего и сказуемого по числу в одном предложении в ней отсутствуют. Можно предположить, что в источнике «Летописца» упоминался исключительно великий князь, имя же Елены Глинской было вставкой, сделанной составителем в основной текст.

12. 7043 г. *Известие о направлении воевод на войну из Стародуба*: «И в то же время послал князь великий и его мати в другое место Литовские же земли воевати из Стародуба»¹⁰⁶.

13. 7043 г. *Известие о прибытии в Москву новгородского архиепископа Макария*: «Тоя же зимы, месяца генваря в 11 день приехал к великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и къ его матери къ великой княгине Елене и из их отчины богомолецъ их архиепископъ Макарей Великого Новагорода и Пьскова»¹⁰⁷.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 14.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. С. 15.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 290.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 15.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

14. 7043 г. *Известие о переложении мощей митрополита Алексия в новую раку*: «В лето 7039, месяца генваря, въ двадесят шестое лето государства его, начаша делати ракии святымъ и доделаша раку святаго и великого чудотворца Алексея в лето 7043 месяца февраля, во второе лето царства благовернаго и христоролюбиваго великого князя Ивана Васильевича и его матери благоверные и христоролюбивые великие княгини Елены. И благочестивые великии самодержецъ Иван Васильевичъ, божьею милостию государь всеа Руси и великии князь, и его мати благоверная и велемудрая великая государыни княгини Елена с великою верою и со многим желанием о проложении мощем Алексея чудотворца повеле Данилу митрополиту преложити мощи святого Алексея чудотворца в раку сребрянну»¹⁰⁸. От лица Елены Глинской отдается указ митрополиту Даниилу относительно переложения мощей. Однако при описании самой церемонии великая княгиня не упоминается: «Бе же ту и великии государь Иван Васильевичъ з братом своимъ со княземъ Георгием и множество бояръ»¹⁰⁹. При этом крайне маловероятно, что Елена Глинская не принимала никакого участия в переложении мощей – слишком велико было значение данного события. Остается лишь предположить, что составитель «Летописца» забыл вставить упоминание о великой княгине.

15. 7043 г. *Известие о монетной реформе Елены Глинской*: «Тоя же зимы князь великии и мати его великая княгини, видев неправду в людех, денегъ умножися в людех подделных и резаных, и восхоте то лукавство из своего государства вывести, и посоветовав о том з бояры, и повеле государь и его мати делати деньги новые из гривенки по три рубли, а старые деньги и подделные и резаные переделывати, а подельным и резаным не ходити; а в старых деньгахъ в добрых, в новгородкахъ и въ московкахъ, в гривенке полтретья рубля з гривною, и великая княгини велела

прибавити в гривенку новых денег, чтобы было людем не великой убытокъ от лихих денег, от подделных и от обрезаных, и впредь не велела лихим деньгамъ ходити, а подделщиков и обрезщиков велела обыскивати и казнити»¹¹⁰. Комментируя особенности данного известия, В. В. Шапошник отметил, что, согласно летописи, в качестве источников указа о монетной реформе отмечены Иван IV и его мать, однако реализована она была самой Еленой¹¹¹. К этому следует добавить, что сообщение о монетной реформе в «Летописце начала царства» текстологически близко к соответствующей статье Воскресенской летописи¹¹². Возможно, она послужила его источником в данном известии. В последнем, однако, великая княгиня фигурирует вместе с великим князем и в той части повествования, которая связана с реализацией преобразований. Таким образом, по каким-то причинам составитель «Летописца начала царства» акцентировал внимание на том, что монетная реформа была проведена именно Еленой Глинской. Подобная ситуация является уникальной для рассматриваемого памятника. В большинстве известий Елена Глинская и государь вместе упоминаются в начале известия, а в последующих его частях фигурирует только великий князь.

16. 7043 г. *Известие «О литовском приходе и о Себеже»*: «И князь великии и мати его великая княгини слышев то и посоветовав з бояры своими и послав воевод своих против королевых воевод собрания и Литовские земли воевати месяца июня в 20, в неделю»¹¹³. Ниже по тексту читается: «А велел князь великии и мати его великая княгини итти воеводамъ своим из Смоленска против Литовских людей <...> А из Новагорода из Великого послал князь великии и мати его великая княгини в Литовскую землю наместников своих наугородцких <...> А велел князь великии и

¹⁰⁸Там же. С. 16.

¹⁰⁹Там же. С. 17.

¹¹⁰Там же. С. 17.

¹¹¹Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 235.

¹¹²ПСРЛ. Т. 8. С. 289.

¹¹³ПСРЛ. Т. 29. С. 17.

мати его поставити в Литовской земле на Себеже на езере город»¹¹⁴. В последней части сообщения вновь наблюдается несогласование. Глагол «велел» стоит в единственном числе. При этом инициаторами строительства Себежа названы два человека: великий князь и великая княгиня. Полагаем, что, как и в предыдущих случаях, данная ситуация объясняется особенностями источников «Летописца». В Воскресенской летописи не сказано, от чьего имени исходил указ о постройке города¹¹⁵. Однако в Вологодско-Пермской летописи в качестве инициатора строительства назван исключительно великий князь¹¹⁶.

17. 7043 г. *Известие «О приходе Крымских татар на Рязань»*: «И князь великий Иван и великая княгиня мати его боголюбивая Елена, видев посланника своего Исламова человека, с таковою грамотою пришедшихъ, веруша по своей крестьянской и великой православной вере, и князь велики послал людей своих къ Стародубу против Литовских людей»¹¹⁷.

18. 7044 г. *Известие о возвращении посла Василия Мезецкого из Крыма*: «В лето 7044. Месяца сентября в 27 день приехал к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси ис Крыму посол его князь Василей Семеновичъ Мезецкой с товарищи от Ислама царевича; да с нимъ вместе прислал к великому князю своего посла Асана князя Зезеуда. А сказал князь Василей великому князю и его матери: “Сафа-Кирей салтанъ ис Крыму вышел, а того ведома нетъ куды пошел, а говорят в Крыму, что Сафа-Кирей пошел въ Казань по присылке Казанскихъ князей”»¹¹⁸.

19. 7044 г. *Известие «Об убиении Казанского царя»*: «Тоя же осени месяца октомврия в 4 день приехал ис Казани к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси на Москву Фетко Тимофеев сынъ Девочкина Новгородецъ, а послан бысть в Казань с Федором з Беззубцовымъ. А сказа

великому князю и его матери великой княгине, что Ковгоръшад царевна и Булат князь въ головах и все уланы и князи и вся земля Казанская великому князю изменили»¹¹⁹.

20. 7044 г. *Известие о снятии опалы с царя Шигаляя*. В отличие от Воскресенской летописи, в «Летописце начала царства» отмечается, что Елена Глинская принимала участие в приеме касимовского хана¹²⁰, что, по мнению исследователей, свидетельствует об укреплении ее позиции как правительницы. А. Л. Юрганов отмечает даже, что в известии фиксируется появление личной титулатуры великой княгини, которая принимает решение независимо от Ивана IV¹²¹. Вместе с тем следует заметить, что решение об участии в приеме великая княгиня предварительно согласовывает с боярской думой: «И благочестивая царицы великая княгини Елена о том посоветовала з бояры, что пригоже и у нее быти царю, занеже еще великий государь млад, а положение царского скипетра державы великия Руссия все есть Богомъ положено на ней и врученное от Бога на сохранение и на соблюдение всего благочестия православия, на милость благимъ и отмщение злым»¹²². Комментируя данный пассаж, считаем необходимым отметить, что в качестве источника власти в нем провозглашается даже не предсмертное распоряжение Василия III, а Божья воля.

21. 7044 г. *Известие «О Казанском после»*: «Тоя же осени ноября в 28 день приехал ис Казани к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси и къ его матери к великой княгине Елене Данилко Смагинъ, а привез от царя и от князей Казанских грамоты, а сказал великому князю и его матери, что царицы Сафа Киреева царевна, а Момаева дочь, из Нагаи в Казань приехала, а ездиль по нее Табай князь»¹²³.

22. 7044 г. *Известие о походе Семена Гундорова и Василия Замыцкого на казанские*

¹¹⁴ Там же. С. 17—18.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

¹¹⁶ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М., 2006. Т. 26 (далее — ПСРЛ. Т. 26). С. 316.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 18.

¹¹⁸ Там же. С. 20.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 20—23.

¹²¹ Юрганов А. Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. 1988. № 2. С. 110—111.

¹²² ПСРЛ. Т. 29. С. 22.

¹²³ Там же. С. 23.

земли: «Того же месяца декабря послал князь великий и его мати Казанских местъ воевати воевод своих князя Семена Гундорова да Василия Замыцкого, за их измену и клятвопреступление»¹²⁴.

23. 7044 г. *Известие «О Мещерском градке»*: «Тоя же осени декамврия в 17 князь великий Иван Васильевич и мати его великая княгини Елена повеле град зделати древян в Мещере на реке Mokше, на месте зовомомъ Рунза, того ради, что в тех местех несть градов в близу»¹²⁵.

24. 7044 г. *Известие о строительстве города Буйгорода*: «Того же месяца били челом великому князю и его матери из Костромского уезда волость Корега, Ликурга, Залесие, Борок Железной, чтобы государь пожаловал, велел поставити город того ради, что тамо волости многие, а от городов далече. И князь великий и мати его великая княгини велели поставити на Корогѣ Буйгород»¹²⁶.

25. 7044 г. *Известие о литовском посольстве по вопросам перемирия*: «А писал в грамоте пан Юрьи Николаев, чтобы князь Иван Федорович и его дяди и братия великого государя Ивана Васильевича молили на милость обратити христьянству православному, чтобы великий государь обратил ярость свою на кротость и пощадил бы крестьянство от обоих стран от пролития кровнаго и похотел бы великий государь з Жигимантомъ королем миру. И князь Иван Федорович и его дяди и братия великого государя молили, и князь великий Иван Васильевич и его мати хотят ярость свою утолити»¹²⁷.

26. 7044 г. *Известие о литовском походе на Себеж*: «Великого князя Ивана Васильевича и его матери великие княгини Елены воеводы ихъ князь Иван Михайлович Засекин да Андакан Федоров сынъ Тушин и иные воеводы и люди города того, охрабрався и из града вышли на Литовских людей»¹²⁸. Ниже по тексту читается: «И

благочестивая и христолубивая великаа государыни Елена с великою верою и со многимъ желанием повеле во граде Себеже поставити церковь живоначальную Троицу и в ней придел Успение пречистые владычицы и приснодевы Марии, а другой придел Покров святеи Богородицы, а третей придел святого великого чудотворца Сергия, и устроити попов и дяконов»¹²⁹. В данном случае указ о строительстве Себежа исходит от лица Елены Глинской. Государь не упоминается.

27. 7044 г. *Известие «О городке Мещерскомъ»*: «Тоя же весны марта 29 дня повелением благовернаго великого самодержца Ивана Васильевича всеа Русии и благочестивые и велемудрые великие государыни Елены, в третее лето государства его, преставлен город Темников на иное место»¹³⁰.

28. 7044 г. *Известие «О чудеси пречистые»*: «Тоя же весны апреля 7, в пяток 6 недели Святого Поста в 5 час дни, во церкви пречистые владычицы нашея Богородицы и приснодевицы Марии честнаго и славнаго Введения помилова Богъ и пречистая Мати Его, от образа своего изцеления дарова жене разслабленной, еже не влодела ни руками, ни ногама, абие бысть здрава во царство великого князя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены, в третие лето государства его, еже бе создан бысть той храм камен за торгомъ повелением благовернаго великого князя Василия Ивановича всеа Русии в лето 7022»¹³¹.

29. 7044 г. *Известие «О Стародубе»*: «Того же месяца 10 повелением великого государя Ивана Васильевича и самодержца всеа Русии и его матери великой государыни Елены почать град Стародуб делати землен на старом же месте и доделан того же лета июля 20»¹³².

30. 7044 г. *Известие «О Владимире»*: «И князь великий Иван Васильевич всеа Русии и мати его великая княгини Елена

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 24.

¹²⁷ Там же. С. 25.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

велела град Владимирь то место срубити и оставшие стены починити, где будет попортилося»¹³³.

31. 7044 г. *Известие «О Велиже»*: «Того же месяца апреля 19 князь великий Иван Васильевич и его мати велели поставити град в Торопецкомъ уезде на Велижскомъ городище, город Велижь»¹³⁴.

32. 7044 г. *Известие об отправлении в Казань человека от казанского гонца Девлечара*: «Тоя же весны мая бил челомъ великого князя боярину и конюшему князю Ивану Федоровичю Телепневу Оболенскому гонецъ Казанской Девлечар князь, чтобы печаловался великому князю и его матери, чтобы государь пожаловал, ослободил ему послати татарина своего в Казань. И князь Иван печаловался великому государю и его матери, и великий государь Иван Васильевич всеа Русии и его мати великая государыни Елена по печалованию боярина своего ослободили Девлечару князю послати в Казань человека своего»¹³⁵.

33. 7044 г. *Известие «О Торжке»*, в котором сообщается о пожаре в городе: «И князь великий и мати его великая княгини велели то место заделати и иных местъ поделати, и поделан того же лета»¹³⁶.

34. 7044 г. *Известие «О Ярославском пожаре»*: «И князь великий и мати его великая княгини велели того же месяца почати рубити Ярославль, и доделан бысть того же лета»¹³⁷.

35. 7044 г. *Известие «О Балахне»*: «Того же месяца июля в 20 повелением великого государя Ивана Васильевича всеа Русии и его матери великие государыни Елены Божьею милостью и царя государя почат градъ делати у Соли на Балахне того ради, что посад велик, а людей много. И князь великий и его мати берегучи велели град зделати Балахну землянь, и доделан 45-го лета месяца октемврия»¹³⁸.

36. 7045 г. *Известие «О приходе Казанского царя под Муром»*: «Того же

месяца учали вести приходити к великому князю Ивану Васильевичю и его матери великой княгине Елене, что збираетца Казанской царь Сафа-Кирей со многими людьми с казанцы и со многими ордами, с крымцы и с нагаи, а помышляет итти на Костромские места и на Галечские. И князь великий и мати его великая княгини, слышов то, послали воевод своих в Володимер и в Мещеру»¹³⁹.

37. 7045 г. *Известие об аресте Андрея Старицкого*. Здесь Елена Глинская фигурирует как регент. По сравнению с Воскресенской летописью описание событий претерпело существенные изменения. В последней Андрей Старицкий представлен как зачинщик мятежа. Все его действия – часть продуманного, хотя и не вполне удачного плана. Иначе изложен ход событий в «Летописце начала царства». В нем так же, как и в Воскресенской летописи, отмечается, что князь Андрей поверил наговорам «лихих людей», которые утверждали, что государь и великая княгиня держат на него гнев¹⁴⁰. По версии «Летописца начала царства», Старицкий совершил побег лишь тогда, когда сын боярский Яков Веригин принес ему ложную весть о направлении московских воевод для его ареста. Князь направился к Новгороду, откуда повернул к Русе и разбил лагерь на Тюхале, где его и настигли московские войска. При этом, в отличие от Воскресенской летописи, в «Летописце начала царства» не сказано, что князю Андрею было отказано в вотчинах. В нем отсутствуют также упоминания о том, что Старицкий не оказал государю поддержки в борьбе с казанцами, сославшись на болезнь, и не прибыл в столицу. По версии «Летописца начала царства» удельный князь не имел никаких обид на великого князя, не готовился к «мятежу» заранее. В тексте не упоминается о том, что Старицкий направлял в Новгород грамоты с призывом присоединиться к нему. Причины ареста Андрея определяются в «Летописце начала царства» следующим образом: «И князь великий и его мати великая княгини на князя Андрея гнев свои и

¹³³ Там же. С. 26.

¹³⁴ Там же. С. 26.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 27.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 28.

¹⁴⁰ Там же. С. 29.

опалу положили в томъ, чтобы впредь такие замятни и волнения не было, понеже многие люди Московские поколебались были»¹⁴¹. Комментируя различия Воскресенской летописи и «Летописца начала царства», В. В. Шапошник отмечает, что составитель «Летописца начала царства» стремился обелить Елену Глинскую еще в большей степени, чем это было сделано в Воскресенской летописи¹⁴². Согласиться с данным утверждением трудно. В Воскресенской летописи действия Андрея Старицкого описаны как спланированная попытка восстания. В данном контексте решение Елены Глинской о его аресте кажется вполне обоснованным решением. В то же время, согласно «Летописцу начала царства», Андрей Иванович не замышлял мятежа. Его вина состоит лишь в том, что он пытался бежать, поддавшись наветам «лихих людей». По мнению А. А. Зимина, составитель оправдывает Андрея лишь частично. Он снимает с него обвинения в мятеже, но обвиняет в столичной «замятне». Представляется, однако, что текст памятника может быть истолкован иначе. В начале известия об аресте Андрея Старицкого в «Летописце» сообщается: «Тоя же весны по дьяволу действу и лихих людей возмущением учиниша замятню велику и возмутиша князя Ондreja Ивановича»¹⁴³. Хотя составитель не уточняет детали происшедших событий, картина вырисовывается следующим образом. Некие «лихие люди», обладающие, вероятно, определенным влиянием, «разогрели» московское население, подготовив жителей города к мятежу. Они же «возмутили» Андрея Старицкого, инициировав его столкновение с великим князем. На этом основании вполне можно сделать вывод, что удельный князь стал жертвой интриг «лихих людей» и оказался под арестом без вины. На

наш взгляд, составитель «Летописца» излагает события довольно витиевато, закладывая возможности для самых различных интерпретаций и дискуссий.

38. 7046 г. *Известие о паломничестве государя к Троице-Сергиеву монастырю*: «Того же месяца 29, в субботу выехал князь великий Иван Васильевич всеа Русии и с своею матерью великою княгинею Еленою и з братом с своим со князем Юрьем помолитися живоначалной Троице и чудотворцу Сергию преподобному»¹⁴⁴.

39. 7046 г. *Известие о поездке великого князя в Можайск на богомолье*: «Тоя же зимы, генваря в 24, в четверток, выехал князь великий Иван Васильевич всеа Русии и мати его великая княгини Елена и брат его князь Юрьи Васильевич в Можаяск помолитися образу святого великого чудотворца Николы»¹⁴⁵.

40. 7046 г. *Известие «О преставлении великие княгини»*: «Тоя же весны апреля в 3, в среду пятые недели Святого Поста в 2 час дни преставися благоверного великого государя Василия Ивановича всеа Русии благоверная великая княгини Елена, княж Васильевская дщи Львовича Глинскаго. А была после мужа своего великого князя Василия Ивановича всеа Русии с сыном своим с великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии и власть дръжаствовала государством великия Россия четыре лета и четыре месяца того ради, младу бо сущу великому князю Ивану Васильевичу сыну ея, наставшему осмому лету от рожения его. А положена бысть того же дни во церкви Вознесения господа нашего Иисуса Христа, возле великую княгиню Софию великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Москве внутри града в монастыре, идеже лежат великие княгини»¹⁴⁶. В отличие от Воскресенской летописи, в данном известии отмечается, что великая княгиня была государыней.

Количество упоминаний о государственной деятельности Елены

¹⁴¹Там же.

¹⁴²Шапошник В. В. Повествовательные источники официального происхождения о «мятеже» Андрея Старицкого 1537 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. СПб., 2011. С. 8.

¹⁴³ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

¹⁴⁴Там же. С. 30.

¹⁴⁵Там же.

¹⁴⁶Там же. С. 32.

Глинской в «Летописце начала царства» было существенно расширено по сравнению с Воскресенской летописью. Составитель неоднократно называет ее «государыней» (№ 5, 9, 11, 14, 26, 27, 29, 32, 35) и даже «царицей» (№ 5, 11, 20). В отличие от более ранних памятников, «Летописец начала царства» акцентирует внимание на ее христианском благочестии и мудрости (№ 4, 5, 11, 14, 17, 26, 27). В нескольких известиях она упоминается как самостоятельный инициатор политических решений без великого князя (№ 15, 20, 26). В соответствии с концепцией памятника, именно Елена должна была править страной вплоть до совершеннолетия сына. Упоминания в известиях самого великого князя в качестве основного инициатора политических решений носили этикетный характер. Составитель придерживался этого этикета, однако в некоторых случаях отступал от него. В тексте появляются также сообщения об участии Елены Глинской в переговорах с послами из других стран (№ 3, 7, 17–19, 21, 25, 32). Поскольку вопрос об участии Елены Глинской в дипломатической деятельности является дискуссионным, каждое из указанных сообщений требует комментариев. В примере № 2 упоминается посольство в Крым Ивана Челищева. Как было отмечено выше, в нем Елена Глинская представлена не как регент или соправитель, а как советник великого князя. При этом лишь государь в данном известии проявляет политическую волю. В примерах № 16 и 17 сообщения состоят из двух частей. Первая часть посвящена приему послов. В ней имя великой княгини не упоминается. Вторая часть обоих сообщений представляет собой отчеты Василия Мезецкого и Фетко Девочкина. В ней упоминаются и великий князь, и великая княгиня. В примерах № 22 и 32 послы бьют челом И. Ф. Овчине Телепневу-Оболенскому, чтобы он от их лица обратился к государю и государыне. В двух указанных случаях Иван Васильевич и Елена Глинская выступают в качестве правителей, однако непосредственно в переговоры не вступают. Наконец, в примере № 19 Елена Глинская участвует в приеме посла Даниила Смагина, и ее статус приравнивается к статусу государя. Таким образом, упоминания об участии Елены

Глинской в дипломатической деятельности существенно разнятся. В одних сообщениях она выступает на вторых ролях (например, в качестве советника), в других она действует на равных с Иваном IV как носитель государственной власти. Иногда она не принимает прямого участия в переговорах, однако именно к ней обращаются относительно принятия решения. При этом в большинстве «посольских» известий «Летописца» великая княгиня не фигурирует. Особенно ярко государственное значение статуса Елены Глинской подчеркнуто в известии о снятии опалы с царя Шигалея (№ 20). Здесь отмечается даже, что «положение царского скипетра державы великия Руси все есть Богомъ положено на ней». Таким образом, одним из факторов, легитимирующих положение Елены Глинской, становится Божья воля. По сравнению с Воскресенской летописью, составитель «Летописца начала царства» существенно расширил круг полномочий великой княгини. Нельзя сказать, что его составитель вводил читателя в заблуждение, называя Елену Глинскую «государыней». Данный титул применяется к ней в документах начиная по крайней мере с 7043 г.¹⁴⁷ Вместе с тем следует отметить, что в некоторых случаях автор вставлял в текст упоминания об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях, которые, скорее всего, отсутствовали в его источниках (№ 6, 7, 9, 11, 16). В нескольких известиях она упоминается как инициатор политических решений без великого князя.

Составитель памятника попытался дать своеобразное историческое обоснование полномочий Елены Глинской. В известии о смерти Василия III написано:

¹⁴⁷ Выше мы уже упомянули Выпись из книг Тимофея Казакова, которая, однако, представляется нам сомнительной. Кроме того, Елена Глинская упоминается с титулом государыни в Духовной Михаила Васильевича Горбатого, датируемой июлем 7043 (1535) г.: «Да государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси прикащики мои несут образ Спасов, обложен серебром, да сто золотых, а матери его государыне великой княгине Елене образ Пречистые обложен серебром да сто золотых» (БАН. Лукьянов. 241. Л. 1).

«Ведаше бо ея великии государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея, но от бога дарованное и таково дарование, яко во всем уподобися великой и благочестной царице Елене изспрародительницы Русской великой княгине Ольге, нареченной во святом крещении Елене»¹⁴⁸. Таким образом, Елена Глинская впервые была поставлена в один ряд с царицей Еленой (матерью императора Константина) и княгиней Ольгой. Обе были причислены к лику святых как равноапостольные, т. е. способствовавшие распространению христианской веры. Елена Глинская подвигов на ниве христианского прозелитизма совершить не успела. Однако в представлении современников подобного рода деяния совершил ее сын Иван IV, присоединивший к России Казанское ханство. В «Летописце начала царства» его неоднократно сравнивали с императором Константином и князем Владимиром. Вероятно, именно поэтому его мать была поставлена в один ряд с равноапостольными. Следует также заметить, что и княгиня Ольга, и императрица Елена играли видную роль в политических делах своей эпохи¹⁴⁹. На наш взгляд, уподобление им Елены Глинской было в «Летописце начала царства» не только художественным приемом, но также отсылкой к прецеденту, когда мать государя могла выполнять функции соправительницы или регента. Примечательно, что составитель рассматриваемого памятника обратился не только к русским, но и к византийским сюжетам.

Следует заметить, что во вторую редакцию «Летописца» не было вставлено новых упоминаний о политической деятельности Елены Глинской. Полагаем, что

¹⁴⁸ПСРЛ. Т. 29. С. 9—10.

¹⁴⁹Правление княгини Ольги подробно описано в Повести временных лет. В Еллинском летописце содержатся сведения о том, что императрица Елена имела статус соправительницы при своем сыне императоре Константине: «В то же лето Елену богомудрую святую мать свою, венца и усерзя, яко царицу украси» (Летописец Еллинский и римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999. С. 298).

позднейшие редакторы считали вполне удовлетворительной характеристику ее деятельности. Создавая образ великой княгини, автор «Летописца начала царства» стремился решить три задачи:

1) Максимально повысить политический статус великой княгини, расширить круг ее полномочий.

2) Обосновать ее право на власть. В «Летописце» мы наблюдаем сразу несколько способов легитимации власти великой княгини. Во-первых, упоминается прецедент княгини Ольги, которая, согласно преданию, правила страной до достижения совершеннолетия ее сыном Святославом. Во-вторых, в известии о смерти Василия III дается ссылка на предсмертную волю государя, завещавшего своей жене править после его смерти. В-третьих, неоднократно отмечается, что Елена была матерью государя Ивана Васильевича. В-четвертых, упоминается, что власть дана ей по Божьей воле (в известии о приеме Шигалея).

3) Обосновать ее способность руководить православным государством. С этой целью неоднократно подчеркивается благочестие, мудрость и христианские добродетели Елены Глинской. Сама правительница уподобляется равноапостольным святым княгине Ольге и императрице Елене.

Создание «Летописца начала царства» стало новым этапом в осмыслении исторических процессов, происходивших в первые десятилетия правления Ивана IV. Его составитель стремился предложить компромиссное видение исторических событий, которое бы удовлетворяло различные политические силы. С этой целью он возвысил статус Елены Глинской, реабилитировав при этом удельных князей Юрия и Андрея. Следует заметить, что в тексте содержатся критические выпады в отношении боярства. Однако преувеличивать эту критику аристократии также не следует¹⁵⁰. Автор выступает против отдельных представителей знати, однако не

¹⁵⁰Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 35.

против боярства в целом. Более того, он отмечает высокое значение данной категории лиц. В частности, именно с боярской думой советуется Елена Глинская относительно организации приема царя Шигалея и ее участия в нем. Подобная компромиссная трактовка, однако, не снимала всех противоречий, существовавших в русской политике середины XVI в. Более того, сам подход составителя «Летописца начала царства» позволял толковать некоторые исторические события самым различным образом. В частности, выше мы попытались показать, что не в пользу Елены Глинской могут быть истолкованы известия об арестах удельных князей Юрия и Андрея. Представляется, что именно поэтому концепция «Летописца», востребованная в 50-х – первой половине 60-х гг. XVI в., в последующий период была переосмыслена.

§5. Елена Глинская в Синодальном томе и Царственной книге Лицевого летописного свода

Среди памятников московской историографии следовало бы упомянуть Степенную книгу царского родословия. Однако по сравнению с «Летописцем начала царства» указанный трактат не привносит никаких принципиальных новшеств в интерпретацию политической роли Елены Глинской. Поэтому останавливаться на ней отдельно мы не будем и перейдем сразу к Лицевому летописному своду. Последний является наиболее масштабным памятником русской исторической книжности. Созданный в 70-е гг. XVI в., он состоит из десяти томов, украшенных многочисленными миниатюрами, иллюстрирующими исторические сюжеты. Первые три тома описывают события всемирной истории, остальные семь посвящены истории Руси. В контексте настоящего исследования для нас представляют интерес два заключительных тома Лицевого свода, в которых содержится описание правления Ивана IV – Синодальный том и Царственная книга. В первом содержатся известия за 7043 (со слов «...крепко, а того лукавства подкопывания не познали») – 7049 (до слов «чтобы великому князю говорили о миру съ Казанию») гг., а также за 7061 (с известия «О

присылке из Мценска съ языки») – 7075 г. Вторая содержит статьи за 7042–7061 гг., заканчивается описанием взятия Казани и болезни царя Ивана IV. Таким образом, в Синодальном томе отсутствуют события за 7050–7061 гг., а в Царственной книге нет текста после 7061 г. Оба тома органически дополняют друг друга. При этом статьи за 7043–7041 гг. читаются и в Синодальном томе, и в Царственной книге. Т. Н. Протасьева полагала, что недублирующиеся части Синодального тома и Царственной книги некогда составляли одну рукопись¹⁵¹. Ее наблюдения развил Б. М. Клосс. Исследователь разделил бумагу Лицевого свода на три типа. Первый тип – бумага итальянского и немецкого производства, использовалась на начальной стадии работы и встречается только в первых двух томах Лицевого свода. Второй тип – бумага французского и польского происхождения, использованная в большинстве томов свода. Наконец, третий тип – бумага французского происхождения, использованная на заключительном этапе и встречающаяся только в Царственной книге. Собственно, на бумаге третьего типа написаны дублирующиеся статьи Царственной книги. Б. М. Клосс комментирует появление повторных известий следующим образом: «Наиболее злободневная последняя часть свода, охватывающая царствование Ивана Грозного (статьи 1533–1567 гг.), ... была кончена около 1575 г. и представлена на рассмотрение царю. Данная часть летописи вызвала явное неодобрение царя, по его указанию текст подвергся существенной переработке, причем были включены материалы, обличающие боярские «смуты и мятежи» и оправдывающие действия царя по искоренению «измены». Недовольство царя составителями свода привело к тому, что вся оставшаяся бумага была изъята из книгописной мастерской и передана на нужды слободской типографии. Последний этап работы над Лицевым сводом, связанный с перебеливанием отредактированного текста

¹⁵¹Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. 962) // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 271–285.

и переделкой миниатюр, датируется 1576 г., но труд по каким-то причинам не был завершен»¹⁵². А. А. Амосов пришел к выводу, что работа над «историей Грозного» в составе Лицевого летописного свода параллельно, но не синхронно велась несколькими группами писцов. Первая группа переписывала известия с 1535 г. по 1553 г., вторая группа работала над известиями 1553–1564 гг. А. А. Амосов полагал также, что могла существовать и третья группа, которая работала над известиями за 1566–67 гг. При этом исследователь высказывал догадку, что «история Грозного» могла продолжаться «намного далее 1567 г.»¹⁵³. Так или иначе, в Лицевом летописном своде мы имеем две истории правления Ивана IV. Основные расхождения между ними сосредоточены в известиях о первом десятилетии его великого княжения. Первоначальный вариант отразился в Синодальном томе. Окончательный текст представлен в Царственной книге. Мы рассмотрим описание событий правления Елены Глинской в Синодальном томе Лицевого свода, а также те изменения, которые были внесены в Царственную книгу.

Вопрос о характеристике роли Елены Глинской в Лицевом своде был затронут В. В. Шапошником. При этом исследователь рассматривал исключительно Царственную книгу, не привлекая Синодальный том. Исследователь пришел к выводу, что при отражении правления Елены Глинской Царственная книга представляет собой нечто среднее между Воскресенской летописью и «Летописцем начала царства». В ней от лица умирающего Василия III дается хвалебная оценка великой княгине, а также присутствует описание приема царя Шигалея (как в «Летописце начала царства»). В то же время в известии о смерти Елены Глинской констатируется лишь, что она является дочерью Василия Львовича Глинского и похоронена возле княгини Софьи¹⁵⁴. Ниже по тексту В. В. Шапошник пишет, что хотя в Царственной

книге Елена Глинская и фигурирует как законная соправительница сына, ее роль рисуется без той доли самостоятельности, которая зафиксирована в «Летописце начала царства». Таким образом, исследователь дает обобщенное представление об интерпретации положения Елены Глинской в Лицевом своде. Эволюцию взглядов его составителей исследователь не рассматривает. Лицевой свод является памятником компилятивным. Заключительная его часть представляет собой довольно простую компиляцию, в основу которой были положена как раз Воскресенская летопись, дополненная по «Летописцу начала царства» и некоторым другим источникам. Поэтому некоторое сходство его концепции с указанными памятниками не вызывает удивления. Однако не понятно, почему составитель Лицевого свода предпочел положить в основу именно Воскресенскую летопись, а по «Летописцу начала царства» вносил лишь отдельные дополнения. На этот вопрос мы попытаемся ответить ниже. Забегая вперед, отметим, что, на наш взгляд, это отчасти связано с Еленой Глинской, а точнее – с той системой отношений, которая сложилась в годы ее правления.

Как было отмечено выше, события 7043–7049 гг. в Синодальном томе изложены по Воскресенской летописи. Текст за 7042 г. и начальная часть 7043 г. не сохранились. Поэтому не известно, в каком варианте было первоначально представлено в Лицевом своде сообщение о смерти Василия III. В Царственной книге на л. 1–74 помещен обширный текст, в основу которого была положена Повесть о смерти Василия III. Однако указанные листы выполнены на бумаге третьей партии (по терминологии Б. М. Клосса), встречающейся только в Царственной книге¹⁵⁵. Таким образом, на них представлено уже отредактированное повествование. Поэтому все наши суждения относительно определения статуса Елены Глинской по завещанию ее мужа могут носить лишь характер догадок. Можно предположить, что известие о смерти Василия III в Синодальном

¹⁵² Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 265.

¹⁵³ Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 177–182.

¹⁵⁴ Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI в. С. 236.

¹⁵⁵ Распределение водяных знаков в Царственной книге см.: Лицевой летописный свод. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи. Приложение. М., 2008. С. 52–53.

томе текстологически было близко к Воскресенской летописи. Вместе с тем в последующих статьях составитель первоначальной «истории Грозного» внес в

текст, заимствованный из Воскресенской летописи, ряд изменений. Некоторые из них касаются Елены Глинской:

Список Оболенского (ПСРЛ. Т. 13)	Синодальный том Лицевого свода (ПСРЛ. Т. 13)
И *князь велики* велел того ради поставити во граде том церковь Живоначальную Троицу (с. 89)	*князь великий и его мати великаа княгини* (с. 89, примеч. л)
И в то время послалъ *князь велики* воеводъ своих князя Ивана Васильевича Горенского и иныхъ своихъ воеводъ (с. 90)	*князь великий и великаа княгини* (с. 90, примеч. б)
И того же лета *поставлен* град на Проне (с. 90)	*повелением великаго князя Ивана Васильевича и его матери великия княгини Елены поставлен бысть* (с. 90, примеч. т)
А князю Ондрею сказывают *на великую княгиню*, что хотятъ его поимати (с. 91)	*на великаго князя и на его матеръ* (с. 91, примеч. е)
И князь велики и его мати *великая княгини* послали ко князю Ондрею (с. 91)	*великая княгини Елена* (с. 91, примеч. н)
А во сердце гнев дръжал о том, *что* ему вотчины не придали (с. 92)	*гнев держал на великаго князя и на его матеръ на великую княгиню, что* (с. 92, примеч. к)
И начаша сказывати на князя на Ондreja *великому князю* (с. 92)	*великому князю и его матери великой княгине* (с. 92, примеч. м)
А *великому князю* в то время Казань не мирна (с. 93)	*великому князю и его матери великой княгине* (с. 93, примеч. а)
И князь Ондрей к *великому князю* не поехал, а сказался болен (с. 93)	*князю и к его матери великой княгине* (с. 93, примеч. в)
И Феофил приехал, сказал *великому князю*, что болезнь его легка (с. 93)	*князь великий Иван Васильевич и его мати великаа княгини Елена послали* (с. 93, примеч. д)
А князь Федор Пронской от князя из Старицы к *великому князю* на Москву ещо не приехал (с. 93)	*великому князю и к его матери к великой княгине* (с. 93, примеч. м)
И князь *Иван* то сказал *великому князю* (с. 94)	*Иван Федоровичъ Овчина* *великому князю и его матери великой княгине что на утро князю Ондрею бежати* (с. 94, примеч. в, г)
И *князь великий* того для послал за княземъ за Ондреемъ бояр (с. 94)	*князь великий и его мати великая княгини* (с. 94, примеч. ж)
А слух его дошол, что послал *князь велики* бояръ своих (с. 94)	*князь великий и великая княгини* (с. 94, примеч. л)
Изъ Бернова побегал князь Василей князь Федоровъ сын Голубого да сказалъ *великому князю*, что князь Ондрей еще того не приговорил, на которое ему место бежати (с. 95)	*князю и его матери великой княгине* (с. 95, примеч. д)
И те грамоты привезли *к великому князю* со княжми печатми (с. 95)	*к великому князю и к великой княгине* (с. 95, примеч. и)
А у князя Ивана учаль правды просити, что	*великому князю и его матери великой

его *великому князю* не поимати и опалы на него великие не положити (с. 96)	княгине* (с. 96, примеч. и)
А Ивану то отъ *великого князя* не наказано (с. 96)	*князя и от его матери великой княгини* (с. 96, примеч. i)
И князь Иван, не обославшись *с великим князем* (с. 96)	*князем и с великою княгинею* (с. 96, примеч. л)

В Синодальном томе было добавлено несколько упоминаний об участии Глинской в государственных мероприятиях, что свидетельствует об особом внимании составителей Лицевого свода к политическому статусу великой княгини. В частности, ее имя вставлено в сообщения за 7044 г., под которым упоминания о ней в Воскресенской летописи отсутствуют. Однако наибольший интерес для нас представляют не эти поправки. Для нас важнее понять сам принцип, на основании которого создавалась первая версия «истории Грозного». Ее составители располагали широким кругом источников и проводили весьма тщательную работу над их текстами. Для описания событий 1533–1541 гг. они могли привлечь «Летописец начала царства». Однако они предпочли ему менее информативную и устаревшую версию Воскресенской летописи. Попытаемся понять причины подобного выбора.

Как было отмечено выше, «Летописец начала царства» создавался в 50-е гг. XVI в. К этому времени различным политическим силам удалось достичь определенных договоренностей, в результате чего придворная борьба пошла на спад. В «замятнях» 30-40-х гг. были обвинены Андрей, Василий и Иван Шуйские, которых к этому моменту не было в живых. При этом составитель «Летописца» избегал резких выпадов в отношении лиц, которые в 50-е гг. продолжали здравствовать и участвовать в московской политике. Несмотря на все попытки предложить компромиссное видение истории последних десятилетий, составитель «Летописца» не мог создать версию событий, которая бы удовлетворяла интересы абсолютно всех политических сил. В частности, как было отмечено выше, были оправданы удельные князья Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий.

Реабилитация удельных князей в 50-е гг. была выгодна Владимиру Старицкому и силам, которые сплотились вокруг него. Подобный подход к изложению исторического материала отчасти противоречил интересам московского великокняжеского дома. В частности, не вполне однозначно выглядела в «Летописце начала царства» Елена Глинская. Согласно «Летописцу», в случае с Юрием Дмитровским она фактически устранилась от дел, отдавая судьбу своего деверя в руки бояр. В ситуации с Андреем Старицким государыня обрекает невинного человека на заключение в темнице, «чтобы впредь такие замятни и волнения не было, понеже многие люди Московские поколебались были»¹⁵⁶. Едва ли составитель «Летописца начала царства» стремился очернить образ великой княгини. Однако невозможно было оправдать Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, не бросив тень на людей, которые решали их судьбу. В 50-е гг. трактовка исторических событий, предложенная в «Летописце», была приемлема, поскольку в указанный период предпринимались попытки примирить царя и старицкий дом. В 60-е гг. отношения Ивана IV и Владимира Старицкого окончательно испортились. Государь подозревал князя в подготовке государственного переворота. В этих условиях попытки оправдать удельных князей выглядели неуместными. Поэтому, на наш взгляд, составители первоначальной редакции «истории Грозного» предпочли более радикальную версию Воскресенской летописи. Последняя, однако, как было отмечено выше, устарела и требовала определенных поправок. Некоторые из них касались Елены Глинской и отразились уже в Синодальном томе. Другие были сделаны

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

впоследствии на дублирующих листах, вошедших в Царственную книгу.

В основу повествования о вокняжении Ивана IV в Царственной книге была положена Повесть о смерти Василия III, текст которой был дополнен по «Летописцу начала царства». Одно из дополнений касается политического статуса Елены Глинской: «Вся же правления всего Русскаго царствия завещевает дръжавствовати и по Бозе устраяти и разсужати скипетра великиа Россия с сыном своим со царем и великим князем Иваном, дондеже от младенства устробится, до взмужания сына своего, матере его, а своеи великой княгине Елене, ведяше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву, тиху и правдиву, мудру и мужествену, и сердце ея всякаго царскаго разума исполнено, но от Бога дарованное еи таковое дарование, яко во всем уподобися великой и благочестивой царице Елене и прародителнице русскои великой княгине Олге, нареченной во святом крещении Елене; и князь великий полагает на ней все правление великаго государства многаго ея ради разума по подобию и по достоянию Богом избранному царскаго правления»¹⁵⁷. Сделав вставку из «Летописца», составитель Царственной книги подчеркнул, что Василий III наделил Елену Глинскую властными полномочиями вплоть до совершеннолетия Ивана IV. При этом он перенес в текст все основные идеи «Летописца начала царства». В частности, в Царственной книге, как и в «Летописце», приводится сравнение Елены Глинской с княгиней Ольгой и императрицей Еленой. В тексте Царственной книги присутствуют и другие дополнения, касающиеся Елены Глинской. Рассмотрим их ниже:

1. *7044 г. Известие о снятии опалы с царя Шигалея.* В Синодальном томе читается краткое сообщение, заимствованное из Воскресенской летописи. В Царственной книге помещен пространный рассказ из «Летописца начала царства»¹⁵⁸.

2. *7044 г. Известие о прибытии из Казани Данила Смагина:* «Тоя же осени,

ноября 28, приехал ис Казани к великому князю Ивану Василиевичю всея Руси и к его матери к великой княгине Елене Данилко Смагин, а привез от царя и от князей казанских грамоты»¹⁵⁹. В Синодальном томе данное сообщение отсутствует. В текст Царственной книги оно попало из «Летописца начала царства»¹⁶⁰.

3. *7044 г. Известие «О чудеси пречистыя Богородица»:* «Тоя же весны, месяца апреля в 7, в пяток 6 недели святаго Поста, в 5 час дни, во церкви честнаго и славнаго Введения пречистыя царицы девы Богородица Марии за торгом в каменом храме, еже бе создан бысть великим князем Василием Ивановичем всея Руси, помиловал Бог и пречистаа Мати Его, от образа своего исцеление дарова жене разслабленой, еже бе не владела рукама и ногама, абие бысть здрава в третье лето государьства великого государя Ивана Васильевича и матери его великиа княгини Елены»¹⁶¹. Как и предыдущее, данное известие восходит к «Летописцу начала царства»¹⁶².

4. *7044 г. Известие «О Стародубе».* В Царственной книге помещено сразу два сообщения, посвященных строительству Стародуба: 1) «Того же месяца априля в 10 день повелением великаго государя Ивана Василиевича и самодръжца всея Руси и его матери великиа государыни Елены почат град Стародуб делати землен на старом же месте. И доделан того же лета иулиа в 20»¹⁶³; 2) «Тое же весны зделан бысть град Стародуб на старом же месте земляной»¹⁶⁴. Оба известия расположены на разных листах. Первое восходит к «Летописцу начала царства»¹⁶⁵, второе читается в Синодальном томе и попало в него из Воскресенской летописи¹⁶⁶. Таким образом, в Царственной книге строительство Стародуба рассматривается не как единое событие, а как два факта: начало

¹⁵⁹ Там же. Л. 130 об.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 23.

¹⁶¹ ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 136.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 29. С. 25.

¹⁶³ ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 136 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 137.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 25.

¹⁶⁶ ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 16.

¹⁵⁷ ГИМ. Синодальное собр. № 149. Л. 49—49 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 117 об.—30 об.

строительства и завершение строительства. Наш вывод подтверждается миниатюрами. На изображении л. 136 об. нарисованы великий князь и великая княгиня, отдающие строителям указ о начале работ, а также отражен начальный этап заложения крепости. На миниатюре л. 137 изображена законченная крепость; образы великого князя и государыни отсутствуют.

5. 7044 г. *Известие «О Устьюге»*: «Того же месяца апреля в 20 повелением великаго государя Ивана Василиевича всея Руси и его матери великие государыни Елены зделан град Устюг, древен, весь нов, а рубил его Данило Загрязской»¹⁶⁷. В Синодальном томе читается краткое известие: «Тоя же весны зделан град Устьюг древян»¹⁶⁸. Примечательно, что в данном случае текст «Летописца начала царства» сходен с последним¹⁶⁹. Остается предположить, что упоминание о великом князе и великой княгине было вставлено составителем Царственной книги.

6. 7044 г. *Известие «О Ярославском пожаре»*: «Того же лета, месяца иулиа 9, в неделю, в 8 час дни, во граде Ярославли загореся храм святаго чудотворца Николы, и оттого згоре град Ярославль весь, и церкви древяные внутри города и дворы погорели. И князь великий Иван Василиевич всея Руси и мати его великая княгини Елена велела того же месяца на старом же месте на погорелом град Ярославль рубити; и доделаша его того же лета. И поставлен бысть того же лета град Ярославль древян на старом месте на погорелом»¹⁷⁰. В Синодальном томе читается краткое сообщение: «Того же лета, июля в 18, згорел город Ярославль от церкви святаго Николы. И поставлен бысть нов того же лета»¹⁷¹. Упоминание о великом князе и великой княгине присутствует в «Летописце начала царства»¹⁷².

¹⁶⁷ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 138 об.

¹⁶⁸ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 17 об.

¹⁶⁹ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

¹⁷⁰ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 139—140.

¹⁷¹ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 17 об.—18.

¹⁷²ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

7. 7045 г. *Повесть об аресте Андрея Старицкого*. По сравнению с Синодальным томом в Царственной книге присутствуют несколько дополнительных упоминаний о Елене Глинской. В ней читается: «А князя Ондreja князь великий Иван и его мати великая княгини велели поимати и в полату посадити и тягость на него положить. А княгиню княже Ондрееву да и сына его князь великий и мати его великая княгини велели посадити за приставы на Берсенева дворе. А на бояр его, на князя Федора Дмитриевича Пронскаго да на князя Ивана Ондреевича Пенинского Оболенского да Ивана Умного Иванова сына Лобанова Колычева да на шюрина на княже Ондреева на князя Ивана Ондреевича Хованского князь великий и мати его великая княгини опалу свою положили, велели их пытати да казнити торговою казнию. Да оковав, князь великий и мати его великая княгини велели в Наугольную стрелницу посажати»¹⁷³. В Синодальном томе подчеркнутые упоминания отсутствуют¹⁷⁴. Ниже по тексту в нем читается: «А которые дети боярьские великого князя помещики новгородские, а приехали в ту пору ко князю Ондрею <...> тритцати человек, велел князь великий бити кнутием на Москве. Да велели их казнити смертною казнию, вешати по новгородцкой дороге, не вместе и до Новагорода»¹⁷⁵. При этом на миниатюре великий князь изображен вместе с Еленой Глинской. В Царственной книге данная несогласованность текста и изображения была исправлена. В ней читается: «Князь великий и его мати великая княгини велели кнутием на Москве. Да бив кнутием, велел князь великий и мати его великая княгини тех детеи боярских казнити смертною казнию, вешати по Новгородцкой дороге, не вместе, и до Новагорода»¹⁷⁶. Вставка дополнительных упоминаний о Елене Глинской в Царственной книге обусловлена, на наш взгляд, причинами технического характера. Дело в том, что в

¹⁷³ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 163 об.—165.

¹⁷⁴ГИМ. Синодальное собр. 962. Л. 41—42.

¹⁷⁵Там же. Л. 42 об.

¹⁷⁶ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 165—166.

Повести об аресте Андрея Старицкого государю приписывается ряд важных решений, которые семилетний ребенок едва ли мог принимать самостоятельно. Данное обстоятельство было хорошо известно миниатюристу. В то же время он понимал, что в детские годы Ивана IV фактическая власть в стране находилась в руках Елены Глинской. Поэтому уже в Синодальном томе на миниатюрах, иллюстрирующих Повесть об аресте Андрея Старицкого, великий князь изображался вместе с великой княгиней. Вместе с тем в текст необходимых поправок внесено не было. В Царственной книге данное несогласование миниатюры и повествования было исправлено.

8. 7045 г. *Известие «О Владимире»*: «И князь великий Иван Василиевич всяя Руси и мати его великая княгини Елена велели град Володимер то место срубити и, где будет оставших стен, починити; и того же месяца 19 послан города делати Истома Курчев. И того же лета, августа, доделан град Володимер в третье лето государства его»¹⁷⁷. В Синодальном томе рассматриваемое сообщение отсутствует. Данное известие читается в «Летописце начала царства» под 7044 г., текст которого почти дословно совпадает с Царственной книгой¹⁷⁸. В отличие от последней, в «Летописце» отсутствует указание на дату начала работы (19 апреля).

9. 7045 г. *Известие «О Велиже»*: «Того же месяца апреля 19 князь великий Иван Василиевич и мати его великая княгини Елена велели поставити город в Торопецком уезде на Велижском городище, город Велиж, и додела месяца иулиа в третье лето государства его»¹⁷⁹. Данное известие в «Летописце начала царства» также помещено под 7044 г., сразу же после известия о строительстве Владимира.

10. 7045 г. *Известие о походе на Литовские земли после завершения строительства Велижа*: «И Божию милостию великий государь Иван Василиевич всяя Руси и его мати великаа

государыни Елена послали из Велижа Литовские земли воевати воевод своих князя Ивана Ивановича Барбашина и иных своих воевод»¹⁸⁰. В «Летописце» данное сообщение присутствует. Однако в качестве инициатора похода упоминается один лишь великий князь. Таким образом, имя Елены Глинской было вставлено в Царственную книгу. Представляется, что в данном известии исправление текста шло по сценарию, сходному с правкой Повести об аресте Андрея Старицкого. Для составителей Лицевого свода было очевидно, что малолетний великий князь не мог принять решение о военном походе самостоятельно. С этой целью в текст было вставлено имя Елены Глинской.

Таким образом, в Царственной книге комплекс упоминаний об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях по сравнению с Синодальным томом был существенно расширен. Прежде всего, в текст были включены новые известия, в которых фигурировала великая княгиня. Основным источником послужил «Летописец начала царства». Кроме того, имя Елены Глинской было добавлено в те сообщения, в которых оно первоначально отсутствовало. В ряде случаев (№ 7, 10) вставки упоминаний о ней объясняются особым характером связи, который существовал в Лицевом своде между текстом и миниатюрой. Дело в том, что в известиях источников Царственной книги в качестве носителя политической воли нередко фигурировал исключительно великий князь. В случае с летописным текстом ситуация, когда важнейшие постановления исходили от ребенка-государя, объяснялась этикетной условностью, характерной для памятников древнерусской книжности. Однако на миниатюре скрыть действительность было крайне затруднительно – слишком очевидной становилась нереалистичность ситуации. Миниатюристы изображали государя вместе с великой княгиней. При этом текст был первичен по отношению к миниатюре. Поэтому в первоначальном варианте повествования великая княгиня упоминалась

¹⁷⁷Там же. Л. 167 об. —168.

¹⁷⁸ПСРЛ. Т. 29. С. 26.

¹⁷⁹ГИМ. Синодальное собр. 149. Л. 168.

¹⁸⁰Там же. Л. 168 об.

в тексте не всегда, хотя на миниатюре ее изображение присутствовало (как в Повести об аресте Андрея Старицкого в составе Синодального тома). Однако в ходе последующей правки книжники должны были принимать во внимание особенности сюжета миниатюры. Поэтому в Царственной книге упоминания о великой княгине были внесены в текст в тех случаях, где ее образ прорисован на миниатюре.

Анализируя упоминания Елены Глинской в Лицевом своде, нельзя не затронуть некоторые особенности художественного изображения государыни. Некоторые наблюдения по данному поводу были сформулированы А. Л. Юргановым. Он отметил, что на миниатюрах Синодального тома Елена Глинская изображена в платке (который исследователь называет убрусом), Иван IV же чаще всего предстает в княжеской шапке и очень редко – в короне. В Царственной книге иконография меняется: государь и государыня как правило изображаются в коронах, гораздо реже – в княжеской шапке и платке. Объясняя указанные метаморфозы, А.Л. Юрганов пишет: «С чем связаны эти новшества Царственной книги? Однозначно ответить невозможно. Не исключено, что инициатива исходила от самого Ивана Грозного. В первом послании Андрею Курбскому он назвал Елену “благочестивой царицей”: “Тако не изволися судьбами Божиими быти, родительнице благочестивой царице Елене преити от земного царствования на небесное”. И в другом месте: “такое же и дед твои, Михаило Тучков, на представление матери наша, великие царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече”. Этому представлению Ивана Грозного о своей матери больше подходило изображение ее в короне, чем в убрусе»¹⁸¹. Согласиться с выводами исследователя можно лишь отчасти. Действительно, от Синодального тома к Царственной книге представления составителей Лицевого свода относительно

изображения Елены Глинской претерпели некоторую эволюцию (иначе трудно объяснить, почему изображения в платке были почти в полном объеме заменены изображениями в короне). Однако причины изменения головного убора определить затруднительно. Дело в том, что жены и дочери правителей изображались в Лицевом своде чаще всего именно в короне. При этом их титул не имел значения. Они могли быть как царицами, так и княгинями (причем не обязательно великими). Напротив, случаев изображения коронованных дам в платке или в шапке немного. Таким образом, изображение Елены Глинской в короне вполне вписывается в иконографию Лицевого свода и не свидетельствует о каких-либо изменениях в представлении о ее политическом статусе. Напротив, изображение великой княгини в платке выглядит нетипичным. Нет оснований усматривать в подобной иконографии какой-либо символический смысл. Платки были типичным головным убором для замужних женщин и вдов¹⁸².

Основным источником Лицевого свода послужила Воскресенская летопись. Возможно, составители сочли, что текст последней соответствует политической ситуации рубежа 60–70-х гг. XVI в. в большей степени, чем «Летописец начала царства», поскольку в ней не предпринималось попыток реабилитировать удельных князей. В 70-е гг. XVI в. Воскресенская летопись концептуально устарела. Поэтому ее текст был существенно отредактирован. Редакторская правка

¹⁸¹Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 80.

¹⁸²Можно было бы предположить, что таким образом художник стремился подчеркнуть ее статус вдовы. Однако овдовевшие великие княгини на миниатюрах Лицевого свода чаще всего также изображаются в коронах. В частности, на подавляющем большинстве миниатюр в короне изображена вдова великого князя Василия I Софья Витовтовна. При этом образ княгинь в убрусе вовсе не указывает на какое-либо понижение их статуса. Например, жена (впоследствии – вдова) великого князя Василия II чаще всего изображается в Лицевом своде в короне. Лишь в сообщении 6972 г. об отправлении князя Василия Ивановича в Рязань она изображена в платке.

затронула упоминания о Елене Глинской. Уже в первоначальной редакции «истории Грозного», отразившейся в Синодальном томе Лицевого свода, были добавлены сообщения об участии великой княгини в государственных мероприятиях. В частности, упоминания о ней были вставлены в известия за 7044 г. (в Воскресенской летописи, послужившей источником памятника, их не было). В позднейшей редакции «истории Грозного», отразившейся в Царственной книге, Елена Глинская фигурирует еще чаще. Объединяя известия «Летописца начала царства» и Воскресенской летописи, составитель Царственной книги сформулировал новую концепцию событий 30-х гг. XVI в. Как и в «Летописце начала царства», Елена Глинская в Лицевом своде выступает как полновластная правительница. При этом, включив в текст Повесть о смерти Василия III, составитель существенно очеловечил образ его жены. В кратких рассказах Воскресенской летописи и «Летописца начала царства» поведение Елены не получило какой-либо характеристики. В Царственной книге в соответствии с Повестью описаны ее плач и скорбь об умирающем супруге. Получив полномочия на управление государством, Елена Глинская не может опереться на боярскую думу (как в Воскресенской летописи). В то же время удельные князья предстают противниками ее власти. Таким образом, автор Царственной книги доводит до своих читателей следующую мысль: став государыней, великая княгиня оказалась в окружении недоброжелателей.

§6. Упоминания Елены Глинской в памятниках регионального и частного летописания

Охарактеризовав правление Елены Глинской в памятниках московского великокняжеского (царского) историописания, переходим к произведениям региональной и частной традиции. Прежде всего, обратимся к новгородским летописям. Известия за 30-е гг. XVI в. представлены в Новгородском владычном своде 1539 г. Текст последнего сохранился в списке П. П. Дубровского конца XVI в. (упомянутом нами выше в связи с Повестью о смерти великого

князя Василия III), а также частично в т. н. «Ростовской летописи» (фрагмент новгородского происхождения опубликован А. А. Шахматовым)¹⁸³. Существует еще один памятник, в котором отразились сообщения новгородского происхождения за 30-е гг. XVI в. В историографии он известен как Отрывок новгородской летописи по Воскресенскому Новоерусалимскому списку (далее – Отрывок)¹⁸⁴. Текстологически заключительная часть свода 1539 г. и Отрывок близки. В историографии высказывались различные суждения относительно взаимоотношений двух указанных текстов. По мнению А. А. Шахматова, в Отрывке отразилась вторая часть свода 1539 г., текст которой подвергся редакторской правке, первоначальная же редакция отразилась в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского¹⁸⁵. С. Н. Азбелев, напротив, считал, что Отрывок содержит более ранний текст Новгородского владычного свода¹⁸⁶. По мнению О. Л. Новиковой, в Отрывке отразилась не первоначальная редакция свода 1539 г., а летописные заметки за 20–30-е гг. XVI в., которые послужили одним из его источников¹⁸⁷. Так или иначе, большинство исследователей отмечают, что Отрывок первичен по отношению к тексту, представленному в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского. В контексте настоящего исследования нас будут интересовать лишь те сообщения обоих памятников, в которых упоминается Елена Глинская. Рассмотрим их ниже:

1. *7042 г. Известие о смерти Василия III.* В Отрывке читается краткое сообщение, из которого следует, что знать и

¹⁸³Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 66—171.

¹⁸⁴Публикацию текста Отрывка см.: ПСРЛ. Т. 6. С. 277—315.

¹⁸⁵Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 62—64.

¹⁸⁶Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 219—228.

¹⁸⁷Новикова О. Л. Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 36—37.

жители Московского великого княжества присягнули на верность исключительно великому князю Ивану Васильевичу: «И целоваху ему животворящи крестъ вси князи и бояре, и сановници, и все християне, по всемъ градомъ вотчины его государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси»¹⁸⁸. Елена Глинская в контексте присяги не упоминается. Данное известие сохранилось в Новгородском своде 1539 г.¹⁸⁹ Однако перед кратким сообщением в текст была вставлена Повесть о смерти Василия III (см. §2)¹⁹⁰. Последняя воля Василия III, а также политическое положение великой княгини представлены в Своде 1539 г. в соответствии с текстом данного памятника.

2. 7042 г. *Известие о строительстве Китай-города*: «Того же лета на весне государь князь велики Иван Васильевич всея Руси, в первое лето государства своего, по преставлени отца своего великого князя Василья Ивановича, помысли с своею матерью великою княгинею Еленою и с митрополитомъ Даниломъ и своими доброхоты князи и бояры, повеле у себе на Москве поставити градъ древян на посаде на болшее пространство богоспасенаго и преименитого града Москвы»¹⁹¹. В данном известии Елена Глинская действует как советник великого князя, а не как его соправитель. Рядом с великим князем и великой княгиней фигурирует митрополит Даниил. Более того, в заключительной части известия сообщается, что наименование Китай-города было принято «повелением государя великого князя Ивана Васильевича и благословениемъ пресвященнаго Данила митрополита»¹⁹². Елена Глинская, таким образом, отходит на второй план. Примечательно, что митрополит Даниил, согласно новгородскому своду, принимает

участие в градостроительстве. С данным сообщением коррелирует следующее известие: «Тое же весны прислалъ государь князь велики Иванъ Васильевичъ всея Руси своего дьяка Григорья Загряского къ своему богомолцу въ Великии Новгородъ архиепископу Макарию, и съ наместникомъ и дьякомъ, и повеле поставити градъ древянь на Софеиской стороне»¹⁹³. В обоих случаях градостроительные мероприятия проходят при участии церковных властей. Тем более удивительно то обстоятельство, что в других летописях в известии о строительстве Китай-города митрополит Даниил не упоминается.

3. 7043 г. *Послание к митрополиту Макарию о выплате выкупа за плененных татарами*: «Того же лета в осенинах государь князь велики Иван Васильевич всея Руси и мати его благочестивая Елена прислали къ своему богомолцу архиепископу Великово Новагорода и Пскова владыке Макарию в Великии Новград своего сына боярского с Москвы з грамоты, а пишеть в них, что приходили в предние лета Татарове на государеву украину и грех ради наших взяли в плен дети боярских и боярынъ, мужей и женъ и дети <...> и государь князь велики Иван Васильевич и мати его благочестивая великая княгини Елена повелели своему богомолцу, пастырю Христова стада Великово Новагорода и Пскова владыке Макарию, в ту мзду самому вкупну быти по обежному счету»¹⁹⁴.

4. 7043 г. *Известие о направлении войск на войну с Литвой*: «Того же лета 43 на зиме, месяца декабря, государь князь велики Иван Васильевич всея Руси и мати его благочестивая великая княгини Елена прислали къ своему богомолцу Великово Новагорода и Пскова владыка Макарию, повелеша ему благословити и отпустить своихъ наместниковъ Новгородцкихъ на свое дело, противу своего недруга поити в Литовскую землю, а самому быти у себе въ преименитомъ граде на Москве и молити Господа Бога и пречистую Богородицу и

¹⁸⁸ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁸⁹Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. М., 2004 (далее — ПСРЛ. Т. 43). С. 233.

¹⁹⁰ПСРЛ. Т. 43. С. 224—232.

¹⁹¹ПСРЛ. Т. 43. С. 233; ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁹²ПСРЛ. Т. 43. С. 233—234; ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁹³ПСРЛ. Т. 43. С. 234; ПСРЛ. Т. 6. С. 292.

¹⁹⁴ПСРЛ. Т. 43. С. 234; ПСРЛ. Т. 6. С. 293.

великих чудотворцов о устроении земскомъ и о государскомъ здравии великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца и о его матери благочестивой великой княгине Елене, о умножение лет живота ихъ и о ихъ христолюбивом воинстве»¹⁹⁵.

5. 7043 г. *Известие о переложении мощей митрополита Алексия в Новую раку*: «В лето 7043 въ царство сына его благовернаго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича государя самодержца всеа Руси, въ 3 лето государства его, и при его христолюбивой матери великой княгине Елене, положено бысть в сию честную раку, съ псалмы и песни, чудотворное и многоцелебное тело чудотворца Алексея»¹⁹⁶.

6. 7043 г. *Известие о монетной реформе*: «Того же лета 7043 государь князь велики Иван Васильевич всеа Руси, въ третье лето государства своего, по преставлени отца своего великого князя Василья Ивановича всеа Руси, повеле делати денги серебряные новые на свое имя, без всякого примеса из гривенки и скаловые триста денег новгородских, а в московское число три рубля московская ровно <...> И государь князь велики Иван Васильевич и мати его благочестивая великая княгиня Елена, помысля с своими бояры, повелеша те резаные денги заповедати и не торговати ими, и сливати ихъ в серебро, и делати новые денги без всякого примеса»¹⁹⁷. В начальной части известия распоряжение о начале реформы исходит исключительно от великого князя. Елена Глинская появляется лишь во второй части известия, когда описывается совещание боярской думы.

7. 7044 г. *Известие о переложении Псалтири*: «Того же лета 7044, при державе государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, въ 6-е лето возраста его, а во 3-е лето государства его, и при его матери благочестивой великой княгине Елене, предложена бысть Псалтырь Толковая отъ

римского писания и речи на руское писание и на рускую речь»¹⁹⁸.

8. 7045 г. *Известие об аресте Андрея Старицкого*. Вслед за московскими хронистами новгородские летописцы отмечают совместный характер правления Ивана IV и Елены Глинской («а тогда государство дрѣжашу сыну великого князя Василья Ивановича государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, и его матери благочестивой великой княгине Елене») ¹⁹⁹. Вместе с тем акценты в новгородских летописях расставлены несколько иначе. Прежде всего, по-другому определен сам характер событий 1537 г. В отличие от заключительной части Воскресенской летописи и «Летописца начала царства», где произошедшее обозначено как «замятня», в новгородских летописях демарш Андрея Старицкого назван «междоусобной бранью». Упоминания о «лихих людях», спровоцировавших удельного князя на крамолу, отсутствуют. Таким образом, вся вина за произошедшее целиком возлагается на Андрея Старицкого, который забыл заветы своего отца²⁰⁰. Вместе с тем окончательное решение об аресте Андрея Старицкого исходит только от великого князя. Елена Глинская не упоминается.

В целом, памятники новгородского владычного летописания интерпретируют положение Елены Глинской сходным образом с московскими летописями. Однако упоминания о ней не носят систематического характера. В качестве изъявителя политической воли чаще всего упоминается только ее сын. Не прослеживается в тексте также каких-либо намеков на противостояние различных политических институтов. Сама Елена Глинская в соответствии с Повестью о смерти Василия III предстает лишь главой великокняжеской семьи. О том, что власть была передана ей в соответствии с последней волей умирающего государя, речи не идет. Аресты удельных князей не связываются с деятельностью Елены Глинской.

¹⁹⁵ПСРЛ. Т. 43. С. 234—235; ПСРЛ. Т. 6. С. 294—295.

¹⁹⁶ПСРЛ. Т. 43. С. 235; ПСРЛ. Т. 6. С. 295.

¹⁹⁷ПСРЛ. Т. 43. С. 236; ПСРЛ. Т. 6. С. 296.

¹⁹⁸ПСРЛ. Т. 43. С. 238; ПСРЛ. Т. 6. С. 298.

¹⁹⁹ПСРЛ. Т. 43. С. 240; ПСРЛ. Т. 6. С. 303.

²⁰⁰ПСРЛ. Т. 43. С. 240; ПСРЛ. Т. 6. С. 303.

Взаимоотношения Юрия и Андрея с боярами также не очерчены. Вероятно, противоречия московского двора были не вполне понятны новгородским летописцам.

Наше предположение о слабой осведомленности новгородцев в вопросах столичной политики подтверждается характером упоминаний о Елене Глинской и ее правлении в другом памятнике новгородского летописания – Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского (БАН, собр. Никольского № 12)²⁰¹. В отличие от Новгородского свода 1539 г., отражавшего официальную позицию новгородской владычной кафедры, данный памятник, судя по всему, имеет частное происхождение. Новгородская летопись по списку Н. К. Никольского состоит из двух частей. Первая доходит до 7030 г. и содержит последовательное летописное повествование, украшена киноварными инициалами и заголовками. Вторая часть охватывает события с 7030 г. по 7064 г., выполнена без использования киновари и представляет собой незавершенные летописные заметки (между некоторыми статьями оставлено место для вставки новых известий). Именно во второй части содержатся сообщения о первых годах великого княжения Ивана IV. Примечательно, что какие-либо упоминания Елены Глинской здесь отсутствуют. Как носитель государственной власти в тексте выступает лишь великий князь.

Среди псковских летописей сведения о правлении Елены Глинской содержат два памятника: т. н. Свод 1547 г. и т. н. Свод 1567 г. Последний сохранился в оригинале – Строевском списке 60-х гг. XVI в. Основной текст в нем завершается 1556 г. Последующий текст носит характер приписок. Рассмотрим упоминания Елены Глинской в обоих памятниках. Составление свода 1547 г. исследователи связывают с Псковским Елизарьевым монастырем и именем старца Филофея. Его составитель проявлял лояльность по отношению к великому князю, обличая порядки,

установленные в городе московскими наместниками²⁰². Под 7042 г. в нем читается сообщение о смерти Василия III, в котором отмечено: «И приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану, и нарече его сам при своем животе великим князем; и приказа его беречи до 15 лет своим бояром не многимь»²⁰³. Таким образом, в тексте упоминается регентский совет, однако об участии в нем Елены Глинской никаких сведений не приводится. Имя великой княгини фигурирует рядом с именем государя один раз – в известии о прибытии архиепископа Макария в Москву: «Тоя же зимы, по Крещении господни, архиепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарей приехал во Псков на 4 год, и уприси у великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и у его матери великой княгине Елены, вдовы, на свое бремя тотар царя Шигалея людеи, жен, кои сидели в тюрьмах в Новеороде и во Пскове, и подаваше их священником, и повеле их крестити во крестьяньскую веру; и бысть радость велиа в людех о новокрещеных, и начаша их священники давати замуж, а оне к вере крестьяньской добры быша»²⁰⁴. Сообщение о смерти Елены Глинской выглядит в своде 1547 г. следующим образом: «Тоя же зимы, в Великий Постъ, апреля въ 4 день преставися бывшего великого князя Василия Ивановича великая княгини Елена, вдова, оставя сына своего великого князя Ивана Васильевича осми лет, и другаго сына своего меншого князя Юрья шти лет»²⁰⁵. Таким образом, об участии великой княгини в государственных мероприятиях упомянуто лишь единожды. При этом псковский хронист подчеркивает ее статус вдовы.

Свод 1567 г., по мнению А. Н. Насонова, создавался в Псково-Печерском монастыре если не самим игуменом

²⁰²Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 21.

²⁰³Псковские летописи. Вып. 1 / подготовил к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. С. 106.

²⁰⁴Там же. С. 107—108.

²⁰⁵Там же. С. 108.

²⁰¹Публикацию текста см.: Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 3.

Корнилием, то под его руководством. Данный текст оппозиционен по отношению к московской великокняжеской власти и содержит резкие выпады, направленные против государя²⁰⁶. Текст о первых годах правления Ивана IV близок в нем к Своду 1547 г. Вероятно, оба памятника восходят к общему прототипу. Однако в Своде 1567 г. повествование существенно сокращено. В нем отсутствуют подробности, касающиеся вокняжения Ивана IV: «Преставился князь великий Василей Иванович декабря в 4, и поставиша на княженье великом на Москве Иоанна Васильевича»²⁰⁷. Какие-либо упоминания о Елене Глинской, в том числе и сообщение о ее кончине, в тексте отсутствуют вовсе. Подобное умолчание свидетельствует о крайне низком значении ее политического статуса в глазах составителя Свода 1567 г. Возможно, оппозиционно настроенный автор был склонен намеренно преуменьшать ее роль.

Характеристика правления Елены Глинской содержится в некоторых списках т. н. Вологодско-Пермской летописи. Данный памятник сохранился в нескольких редакциях. По мнению М. Н. Тихомирова, с Вологодой своим происхождением связана лишь первая из них, доходившая примерно до 1502 г. В более поздних редакциях текст был дополнен до 1528 г. по летописи чисто московского происхождения, сходной с Воскресенской и Софийской II летописью, восходящей с двумя последними к общему источнику. Уже в 1540–1550-е гг. произошла вставка известий за 1529–1539 гг., отразившаяся в списках СПБИН РАН. Колл. Археографической комиссии № 251 (далее – Кирилло-Белозерский список), ГИМ. Синодальное собр. № 485 (далее – Синодальный список), ГИМ. Чертковское собр. № 360 (далее – Чертковский список). М. Н. Тихомиров считал, что в них отразилась третья редакция памятника²⁰⁸. В контексте настоящего исследования нас будет

интересовать именно этот летописец за 1529–1539 гг. В известии о смерти великого князя Василия III Елене Глинская не упоминается. Последняя воля Василия III представлена следующим образом: «А по смерти своеи благословил на великое княжение Московское сына своего великого князя Ивана Васильевича и на Владимирское, и Ноугородское, и Московское, и Тферское, и Псковское, и Суздальское, и всеа Руси»²⁰⁹. Ниже по тексту какие-либо сообщения об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях отсутствуют. Великая княгиня фигурирует лишь в сообщении об аресте Андрея Старицкого, причем не в самом лицеприятном контексте. В Кирилло-Белозерском, Чертковском и Синодальном списках сообщается: «Того же лета здумав великая княгини Елена з бояры имати князя Ондreja Ивановича, брата великого князя Василья Ивановича, и посла по него в Старицу»²¹⁰. Таким образом, основным инициатором ареста представлена именно Глинская, которая действовала в союзе с московским боярством. Их мотивы никак не объясняются. В тексте не упоминаются попытки старицкого князя привлечь на свою сторону новгородских детей боярских. Более того, в заключительной части Вологодско-Пермской летописи сообщается: «И князь великий и великая княгини послали за ним боярина своего князя Микиту Васильевича Оболенского Хромого да боярина же своего и конюшего князя Ивана Федоровича Оболенского Телепнева Овчину, а велели его к себе звати, чтоб онъ шол на Москву, и князь великий его пожалует и вотчины ему придасть»²¹¹. В данном контексте обещания безопасности и пожалований, которые дал князю Андрею Телепнев-Оболенский, выглядят не как его самоуправство, а как исполнение государевой воли. Арестовав удельного князя, московские власти нарушили данное ими слово. Таким образом, сообщение Вологодско-Пермской летописи изображает Елену Глинскую в резко негативном свете. Она кооперируется с

²⁰⁶ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. С. 21.

²⁰⁷ Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 227.

²⁰⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 153–154.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 315, 321.

²¹⁰ Там же. С. 317, 322–323.

²¹¹ Там же. С. 318, 323.

боярами и без явной причины решает арестовать Андрея Ивановича, а потом нарушает свое слово, приказав арестовать удельного князя.

В сходном ключе арест Андрея Ивановича представлен в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого». Текст был впервые опубликован М. Н. Тихомировым по списку ГИМ. Синодальное собр. № 645, содержащему т. н. Летописный свод 1518 г. (Уваровскую летопись)²¹². Исследователь обратил внимание на заголовок «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом Божиим, грех ради наших». По мнению М. Н. Тихомирова, озаглавить текст подобным образом мог лишь сторонник Андрея Старицкого²¹³. На наш взгляд, данный памятник еще более категоричен по отношению к власти великого князя, чем известие Вологодско-Пермской летописи. Перед «Повестью о поимании» помещено известие об аресте Юрия Дмитровского: «Того же месяца в 11, на память преподобнаго отца нашего Данила Столпника, великая княгиня Елена и сын ее князь великий Иван Василевич всея Руси поимаша дядю своего князя Юрья Ивановичь Дмитровского и посадиша его на Москве в полате»²¹⁴. Можно предположить, что упоминание Ивана IV в контексте ареста Юрия Дмитровского является этикетной формулировкой. Малолетний ребенок, конечно, не мог принимать сознательное участие в политических делах. Однако в «Повести о поимании» роль Ивана Васильевича представлена несколько иначе: «В лето 7045. Князь великий Иван Васильевич всея Руси и мать его великая княгиня Елена нача помышляти, как бы им князя Ондрея Ивановича зымать, яко же и брата его князя Юрья Ивановичь, и как бы от

князя Ондрея люди его от него отвести»²¹⁵. Из текста следует, что великий князь вместе с великой княгиней выстроили план поимки Андрея Старицкого. Складывается впечатление, что в семь лет Иван мог быть независимым участником политических отношений. О какой-либо роли бояр в аресте Андрея Старицкого не упоминается. Великий князь и великая княгиня с ними не советуются и действуют самостоятельно. Таким образом, Андрей Старицкий в «Повести о поимании» представлен жертвой интриг, однако вина за его арест возлагается непосредственно на великокняжескую власть.

Довольно необычным образом освещает правление Елены Глинской памятник, вошедший в историографию под наименованием «Летописец Марка Левкеинского», помещенный в рукописи РГБ. собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 515 на л. 511 – 515 об.²¹⁶ В научный оборот данный текст был введен А. А. Зиминим. Исследователь считал Марка Левкеинского составителем сборника. На этом основании он дал наименование летописцу, помещенному в рукописи. При этом А. А. Зимин включил в текст летописца не только заметки на л. 511–515 об., но также известия за 7058–7061 гг. на л. 491–491 об.²¹⁷ С обоими положениями исследователя согласиться трудно. Во-первых, в сборнике действительно фигурирует имя Марка Левкеинского. На л. 1 и 533 об. читаются владельческие записи по нижнему полю: «Сборник Марка Левкеинского». Вероятно, обе пометы были сделаны самим Марком Левкеинским. При этом почерк обеих записей отличается от почерков, которыми написана рукопись. Владельческие записи выполнены слабовыработанным полууставом. Человек, которому принадлежал данный почерк, был грамотным, однако едва ли являлся

²¹²Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 220—224. Повторная публикация текста: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28 (далее — ПСРЛ. Т. 28). С. 356—357.

²¹³Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 220.

²¹⁴ПСРЛ. Т. 28. С. 356.

²¹⁵Там же.

²¹⁶Описание см.: *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из Библиотеки Иосифова монастыря в Библиотеку Московской духовной Академии // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 3. С. 149—154.

²¹⁷Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. № 5. С. 3.

профессиональным книгописцем. Если владельческие принадлежат самому Марку Левкеинскому, то он был лишь владельцем рукописи, а не ее составителем. Нет оснований связывать тексты, помещенные в ее составе, с именем данного человека. Вторых, записи на л. 491–491 об. и на л. 511–515 об. выполнены разными почерками и не стыкуются хронологически. Следовательно, перед нами две различных серии летописных заметок, авторами которых могли быть разные люди. В контексте настоящего исследования интерес для нас представляют записи на л. 511–515 об. Характеризуя образ Елены Глинской в данном памятнике, В. В. Шапошник пишет лишь, что великая княгиня упоминается в нем несколько раз. Исследователь считает, что его составитель скрыто осуждает правительницу, поскольку она фигурирует в известиях об арестах и опалах²¹⁸. Ниже мы приводим известия данного памятника, в которых упоминается Елена Глинская, чтобы понять особенности изложения материала, связанного с ее политической деятельностью:

1. 7042 г. *Известие о направлении бояр на службу*: «Таго ж лета великая княгиня Елена з бояры думала, да велела князеи и бояр да на службу посылати»²¹⁹.

2. 7042 г. *Известие об аресте Михаила Глинского*: «Того же лета поимали князя Михаила Глинского да князя Ивана Бельского, да князя Ивана Воротынского с трема сыны. Ополелася великая княгиня Елена на мать свою на княгиню Анну»²²⁰.

3. 7043 г. *Известие о походе литовских воевод на Гомель*: «Лета 7043 приходили воеводы литовские князь Семен Бельской да Иван Ляцкой на Украину на Стародубскую к Гомью и стаяли много. И чернь Гомью здала, а воеводу князя Дмитрея Щепина пустили вон. И выпустив его, да ограбили, да и людеи многих поимали. И князь великий Иван Васильевич и великая княгиня Елена князя Дмитрея велели

поимати, да посадили в Свиблову стрельню, а назвали его изменщиком»²²¹.

В Летописце Марка Левкеинского мы сталкиваемся с необычной ситуацией – указы исходят непосредственно от Елены Глинской. В некоторых известиях великий князь Иван Васильевич даже не упоминается (№ 1, 2)²²². Великая княгиня предстает полновластной правительницей, каковой она, судя по всему, и являлась в годы малолетства сына. Автор ничего не сообщает о последней воле Василия III относительно ее положения. В одном известии (№ 1) Елена Глинская выступает своеобразным лидером бояр. Решения великой княгини далеко не всегда справедливы. В частности, в известии о взятии Гомья (№ 3) из текста следует, что Дмитрий Щепин был арестован без вины. В памятнике воевода предстает жертвой обстоятельств, а сдачу города его составитель приписывает воле взбунтовавшейся «черни». При этом автор неоднократно упоминает Андрея Старицкого. Первый раз он пишет, что удельный князь стоял с воеводами в Боровске. Второй раз он сообщает, что Андрей Иванович прошел с воеводами в Можайск. Оба указанных сообщения малопримечательны. Вместе с тем, на наш взгляд, именно данная их особенность представляет наибольший интерес. Возникает целый ряд вопросов. Почему автор среди сообщений о значимых событиях, к каковым относятся военные походы и репрессии при дворе, решил поместить нейтральные и малозначимые известия о дислокации войск Андрея Старицкого? Каким образом он получил сведения о перемещениях удельного князя? Ответить на них можно, только если предположить, что составитель был каким-то образом связан с Андреем Ивановичем. Возможно, он входил в его окружение или симпатизировал ему. Если наше предположение соответствует действительности, тогда становятся понятными причины критических выпадов

²¹⁸Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. С. 238, 242.

²¹⁹Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. С. 12.

²²⁰Там же. С. 13.

²²¹Там же. С. 13.

²²²Нечто подобное мы наблюдали в отдельных известиях «Летописца начала царства», а также в известии об аресте Андрея Старицкого в Вологодско-Пермской летописи.

автора в отношении боярства и лично Елены Глинской, по решению которой удельный князь оказался в заключении.

Одним из наиболее известных памятников частного летописания XVI в. является т. н. Постниковский летописец. Его текст известен по единственной рукописи РГАДА. собр. Оболенского № 164, содержащей известия за 7011–7055 (1503–1547 гг.). Данный памятник был обнаружен М. Н. Тихомировым²²³. Статьи за 1533–1547 гг. исследователь считал особым летописцем. Поэтому он опубликовал их отдельно. Авторство данного текста М. Н. Тихомиров приписывал великокняжескому дьяку Постнику Губину Маклакову. Собственно, по его имени ученый и назвал памятник. Исследователь считал Постниковский летописец весьма интересным историографическим произведением, своеобразными мемуарами, изложенными в форме летописи. По мнению М. Н. Тихомирова, Постник Губин приводил в порядок свои летописные записи, последняя из которых относится к 1547 г., однако не успел закончить текст²²⁴.

Известие о смерти великого князя Василия III читается в Постниковском летописце в двух вариантах. Первый представляет собой краткое известие. Елена Глинская в нем не упоминается. Согласно данной версии, власть перешла лишь к великому князю Ивану Васильевичу: «И прияха великое княжение после отца своего великого князя Василья сын его князь великий Иван Васильевич всеа Руси 3-х лет и 4 месяц и 11 дней»²²⁵. Второй вариант – пространная Повесть о смерти Василия III. Выше мы уже писали, что в ней упоминается целование креста великому князю и великой княгине, которая, таким образом, получила определенные властные полномочия. Ниже по тексту Елена Глинская упоминается как правительница лишь в двух сообщениях:

1. 7042 г. *Известие об аресте Михаила Глинского*: «Того же лета августа в 5 день князя Михаила Глинского велел князь великий и великая княгини поимати»²²⁶.

2. 7045 г. *Известие об аресте Андрея Старицкого*: «И князь великий Иван Васильевич и великая княгини Елена велели его поимати»²²⁷. Известие сходно с Воскресенской летописью, однако представлено в более кратком варианте. Из текста удалена предыстория «мятежа». Повествование начинается с бегства Андрея из Старицы. Мотивы действий удельного князя не ясны.

Оба сообщения посвящены политическим арестам. Можно было бы предположить, что составитель Постниковского летописца связывает полномочия Елены Глинской прежде всего с указанной сферой. Однако данной гипотезе противоречит тот факт, что в известии об аресте Юрия Дмитровского великая княгиня не упоминается. В Постниковском летописце отмечается: «Месяца декабря в 11 день, в четверг, после великого князя Васильева смерти в осмы день поимали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича Дмитровского на Москве и бояр его и диаков»²²⁸. Данная версия отчасти сходна с показаниями «Летописца начала царства». В последнем, однако, Елена Глинская упоминается. Остается предположить, что в Постниковском летописце упоминания о великой княгине и ее участии в государственных мероприятиях не носят систематического характера.

Сведения о периоде правления Елены Глинской содержит третий краткий Кирилло-Белозерский летописец, опубликованный А. А. Зиминым. Исследователь отметил, что большинство известий в нем сухие и лапидарные²²⁹. Лишь в самом конце содержатся любопытные данные о событиях, происходивших в 1533–1537 гг. Елена Глинская упомянута в нем дважды:

²²³Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. 1954. Т. 46. С. 278–288.

²²⁴Там же. С. 279, 281, 283.

²²⁵ПСРЛ. Т. 34. С. 17.

²²⁶Там же. С. 25.

²²⁷Там же.

²²⁸Там же. С. 24.

²²⁹Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. С. 8.

1. 7043 г. *О перенесении мощей митрополита Алексея в новую раку*: «Лета 7043. Князь велики Иван Васильевич всея Руси, поговоря с отцом своим з Данилом митрополитом и с матерью своею великою княгинею Еленою, преложиша мощи чюдотворца Алексея митрополита в новую раку сребрану»²³⁰.

2. 7043 г. *Постройка Китай-города*: «Того ж лета князь велики Иван и мати его великая княгини Елена повелели на Москве поставити град каменной у земляного города, что был наперед того земляной город поставлен»²³¹.

В первом случае она фигурирует как советница наряду с митрополитом Даниилом. Примечательно, что имя владыки расположено перед именем великой княгини. Безусловно, в церковных вопросах позиция митрополита была более весомой по сравнению с положением Глинской. В известии о строительстве Китай-города составитель упомянул великого князя и великую княгиню как правителей, применив классическую формулу регентства. В целом, однако, круг упоминаний Елены в рассматриваемом памятнике весьма узок. Ее имя отсутствует в сообщении об аресте Юрия Дмитровского, о направлении войск в литовские земли и даже в сообщении о денежной реформе. Во всех этих известиях упоминается лишь великий князь. При этом в отличие от Летописца Марка Левкеинского и Хронографической летописи (о ней речь пойдет ниже), автор краткого Кирилло-Белозерского летописца не демонстрирует выраженных политических симпатий или антипатий. В частности, он не упоминает в каком-либо контексте бояр и боярскую думу. О князе Андрее Старицком составитель не сообщает каких-либо сведений, а о Юрии Дмитровском пишет лишь, что последний был арестован. В целом позиция составителя рассматриваемого памятника выглядит нейтральной.

Одним из наименее изученных памятников русского летописания, содержащим сообщения о правлении Елены

Глинской и боярском правлении, является т. н. «Хронографическая летопись», известная также как «Продолжение Хронографа 1512 г.». Данный памятник содержит известия за 1451–1551 гг. и непосредственно примыкает к тексту некоторых списков Хронографа 1512 г. Впервые Хронографическая летопись была опубликована в приложениях к 22-му тому Полного собрания русских летописей. Текст был набран по единственному известному на тот момент дефектному списку рубежа XVII–XVIII вв. РГБ. Музейное собр. 697 (далее – Музейный список) и передан не вполне точно²³². Публикаторам был известен еще один список РНБ. собр. М. П. Погодина 1443 (далее – Погодинский список), однако повествование в нем обрывалось на 1485 г. Впоследствии М. Н. Тихомиров обратил внимание на рукопись ГИМ. собр. Барсова 1799, которая оказалась еще одним списком Хронографической летописи (далее – Барсовский список)²³³. С. О. Шмидт установил, что Погодинский и Барсовский списки являются частями одной рукописи. Исследователь впервые опубликовал полный текст памятника по списку XVI в., восстановив механические утраты по Музейному списку, который признал неисправным²³⁴. Характеризуя особенности Хронографической летописи, хотелось бы отметить, что наиболее вероятным местом ее составления является Москва, поскольку основное внимание уделяется событиям, происходившим в столице. Автор демонстрирует осведомленность в вопросах придворной жизни, дипломатии, а также разрядного делопроизводства. В тексте сообщаются уникальные сведения о пожаре 1547 г. и о последовавшем за ним московском восстании. Одним из оригинальных сообщений Хронографической летописи является известие о «соборе примирения» 1549 г.²³⁵ Еще одной примечательной

²³²Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 61, примеч. 1.

²³³Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Т. I. М., 1940. С. 134, 162.

²³⁴Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Том VII. М. —Л., 1951. С. 254—258.

²³⁵Там же. С. 295.

²³⁰Там же. С. 38.

²³¹Там же.

особенностью рассматриваемого памятника является высокая степень информированности его автора о назначениях воевод²³⁶. Подобного рода сведения могли быть доступны лишь человеку, имеющему доступ к разрядному делопроизводству. Вышеперечисленные обстоятельства позволяют высказать догадку, что по своей природе Хронографическая летопись близка к Постниковскому летописцу. Ее краткие сообщения представляют собой заметки частного происхождения, записанные, однако, человеком, близким к государеву двору. При этом автор не принадлежал к высшей знати, поскольку составленный им текст носит выраженный антибоярский характер (об этом речь пойдет ниже).

Рассмотрев в самых общих чертах особенности текста Хронографической летописи, переходим к упоминаниям Елены Глинской в ней. Сообщение о смерти Василия III выглядит в ней следующим образом: «[В лета] 7042, сентября, в осенинах, князь [велики] Василей и с великою княгинею Еле[ною и с де]тми ездил к Троице к чудотв[орцу], к Сергиеве памяти молиться, [да от]толе был во объезде на Вол[оце, да и] на Волоце розболеса, и прие[хал на] Москву болен ноября в 20 день [в неде]лю, и преставися на Москве на В[арва]рин день в чернцах и в схиме, и [положе]н во Архангеле на Москве, и н[арече]н в мнишеском чину Варлаам. И [по не]м седе на государстве на Владимирском и на Московском и на Новго[родском] и на всеи Русской земле сын его [князь] велики Иван, а остался от отца [трех] лет»²³⁷. В известии Елена Глинская не упоминается. Однако сведения о ее участии в государственной деятельности встречаются ниже по тексту:

1. 7042 г. *Известие о строительстве Китай-города в Москве:* «Того же лета, повелением великого князя Ивана и матери его великие княгини Елены,

зде[л]ал Петр Фрязин Малою на Мось[кв]е новой город Китай земляною»²³⁸.

2. 7043 г. *Известие об отправлении воевод на Литву:* «В лето 7043 [послал] князь велики Иван Васильев[ичь, всея] Руси и матери его великая кня[гиня] Елена] зиме воевати Литовские [земли к Ви]лне с Москвы воевод своих»²³⁹.

3. 7045 г. *Известие о поставлении города на Пронске:* «В лето 7045, октября в 8 день, повелением государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси и матери его великие княги[н]и Елены поставлен город на Проньску, а мастер был Петр Фря[зи]н Малою»²⁴⁰.

На первый взгляд, упоминания Елены Глинской рядом с государем в Хронографической летописи нельзя назвать систематическими. В большинстве известий о ее участии в государственных мероприятиях ничего не сообщается. Более того, ее имя отсутствует даже в кратком сообщении об аресте Андрея Старицкого. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что составитель Хронографической летописи вовсе не склонен преуменьшать значение великой княгини. Повествование о первых десятилетиях правления Ивана IV можно с известной долей условности разделить на две части: до смерти Елены Глинской и после кончины великой княгини. Вторая часть носит выраженный антибоярский характер (о чем было упомянуто выше). В частности, низложение митрополита Даниила описано в тексте следующим образом: «А Данил митрополит оставил митрополию не своею волею, боясь бояр, и отшел в Осифов монастырь»²⁴¹. Еще более показательным выглядит известие о казни Федора Мишурина: «Тое же осени бояре казнили дьяка Феодора Мишурина, без великого князя ведома, не любя того, что он стоял за великого князя дела»²⁴². Данное сообщение наполнено сочувствием к

²³⁸ Там же. С. 286.

²³⁹ Там же. С. 286.

²⁴⁰ Там же. С. 287—288.

²⁴¹ Там же. С. 288.

²⁴² Там же.

²³⁶ Там же. С. 286—287 и далее.

²³⁷ Там же. С. 285.

казненному. В тексте прямо говорится о том, что Мишуриин действовал в интересах государя. Вместе с тем автор намекает на то, что бояре шли против великого князя. Довольно показательно выглядит известие о рукоположении в новгородские архиепископы Феодосия: «А Новугороду Великому поставлен архиепископом Феодосей с Хутыни, Семеновской человек Воронцова, повелением боярским»²⁴³. Из текста следует, что хотя Феодосий был связан с родом Воронцовых, его назначение было выгодно боярам в целом. Именно бояре, а не великий князь, по мнению составителя Хронографической летописи, организовали казнь Андрея Михайловича Шуйского, отдав его псарям²⁴⁴. Таким образом, в памятнике создается целостная концепция боярского правления. Бояре представлены как единая сила, проводящая политику, не соответствующую интересам государя. Внутри боярства могут возникать разногласия, однако чаще они выступают единым фронтом. Лишь в 1549 г., после достижения совершеннолетия, государю удалось достичь некоторых договоренностей с элитой. Примечательно, что в «первой части», описывающей события до смерти Елены Глинской, не упоминается о случаях боярского самоуправства. Из этого следует, что при жизни великой княгини знать удавалось сдерживать. Автор не говорит об этом напрямую в силу особенностей летописного жанра. Однако, на наш взгляд, он был склонен рассматривать власть великой княгини как институт, обеспечивавший государственную стабильность. При этом в Хронографической летописи никак не поясняются основания ее власти. Более того, в известии о смерти Василия III единственным правопреемником выступает Иван IV. Это не значит, однако, что составитель памятника не признавал власть Глинской законной. Выше мы отметили, что в Хронографической летописи имеем дело с краткими летописными заметками, которые вполне могли фиксироваться в разное время. В этих

условиях могла страдать концептуальная целостность повествования.

§7. Елена Глинская в Архивской редакции Летописного свода 1560 г.

Завершая изучение образа Елены Глинской в русском летописании, считаем необходимым остановиться на одном из крупнейших памятников XVI в. – Летописном своде 1560 г. Заключительная его часть с 1533 г. по 1560 г. выполнена по «Летописцу начала царства». Поэтому первоначальная редакция Свода в описании правления Елены Глинской не отличается от последнего. Нас будет интересовать вторая редакция рассматриваемого памятника, созданная в конце XVI в. Ее составитель симпатизировал семье Шетневых (далее – Шетневская редакция)²⁴⁵. Одной из ее отличительных особенностей является стремление максимально сократить упоминания о Елене Глинской²⁴⁶. Из текста были изъяты почти все упоминания об участии великой княгини в государственных мероприятиях. Сложно сказать, с какой целью позднейшим редактором в текст была внесена подобная правка. Изменения могли быть своеобразной реакцией на ситуацию, сложившуюся при дворе после смерти Ивана Грозного. Общеизвестным является тот факт, что царь Федор не обладал способностями к управлению государством. В этих условиях ведущую роль в русской политике стала играть семья Годуновых. Жена царя Федора Ирина приходилась родной сестрой Борису Годунову. По некоторым данным она принимала участие в политической жизни страны. Ее имя периодически появляется рядом с именем государя в жалованных грамотах монастырям. Ирина состояла в переписке с иностранными правительницами – королевой Англии Елизаветой и первой супругой кахетинского царя Александра II Тинатин. После утверждения в России

²⁴⁵О редакциях Летописного свода 1560 г. см.: Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. С. 137—154.

²⁴⁶Жуков А. Е. 1) Летописец начала царства в составе Свода 1560 г. // Вестник СПбГУ. № 4. 2014. С. 171—172; 2) «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. С. 150—152.

²⁴³Там же. С. 289.

²⁴⁴Там же.

патриаршества она участвовала в приеме патриарха Иеремии II. В 1590 г. она обменивалась дарами с иерархами православного востока²⁴⁷. Могущество Годуновых устраивало далеко не всех. Их противники пытались воспользоваться тем, что царица не могла родить государю детей. В 1586 г. митрополит Дионисий, а также бояре Иван Петрович, Василий, Андрей и Дмитрий Иванович Шуйские созвали совет, на котором стали требовать развода царя и Ирины Годуновой. Шуйские спровоцировали в Москве беспорядки и даже попытались разгромить двор Годуновых, однако потерпели неудачу. Мятеж был подавлен, а Шуйские утратили свое влияние при дворе²⁴⁸. Можно предположить, что составитель Шетневской редакции проводил определенные параллели между великой княгиней Еленой и царицей Ириной. Если он являлся противником «партии» Годуновых, он вполне мог усматривать в положении Глинской прецедент, который усиливал позиции действующей царицы и наделял ее дополнительными возможностями участвовать в управлении государством. Как бы ни была привлекательна данная гипотеза, от нее приходится отказаться. Во-первых, положение Елены Глинской и Ирины Годуновой при некотором сходстве существенно отличалось. Первая была «матерью вдовой» и фактически принимала на себя полномочия главы семьи. Вторая же являлась женой при живом муже и не могла претендовать на официальный статус соправительницы или регента. Елена Глинская родила своему супругу двух сыновей, что делало ее положение при дворе достаточно прочным. Ирина Годунова так и осталась бездетной, что, как было отмечено выше, подрывало ее позиции. Во-вторых, если бы составитель Шетневской редакции проводил параллели между двумя великими княгинями, ему следовало бы более

тщательно удалять упоминания о Елене Глинской. В некоторых случаях он сохранил ее имя. В частности, в известии о смерти Василия III, как и в других списках Свода 1560 г., в соответствии с текстом «Летописца начала царства» отмечается, что государь возложил на Елену Глинскую обязанности регента до совершеннолетия Ивана Васильевича²⁴⁹. Кроме того, упоминания о Елене Глинской сохранились в известии о снятии опалы с царя Шигалея. В частности, в данном сообщении читается: «И царь Шигалеи бил челом великому князю, чтобы ему великий государь велел быти у матери своей у великой княгини Елены, побити челом великой княгини Елены, побити челом великой государине. И благочестивая царица Елена о том посоветовала з бояры, что пригоже у ней быти царю, занеже еще великий государь млад, а положения царьского скипетра державы Великия Росии все есть Богом положенно на ней»²⁵⁰. Следует заметить, что в процитированном отрывке Елена названа государыней и царицей. В тексте сохранились пассажи, указывающие на ее положение правительницы. Наконец, упоминания о Елене Глинской сохранились в повести об аресте Андрея Старицкого²⁵¹. На наш взгляд, сокращение упоминаний о великой княгине в Шетневской редакции Свода 1560 г. следует объяснять не политической обстановкой конца XVI в., а особенностями книжной культуры допетровской Руси. Упоминания об участии великих княгинь в управлении государством не были типичными для русского летописания. Вероятно, именно поэтому позднейший редактор решил сократить формулировки подобного характера, оставив сведения о Елене Глинской лишь в наиболее важных сообщениях.

§8. Итоги

Русские хронисты XVI в. признавали правление Елены Глинской как свершившийся факт, упоминая ее в известиях

²⁴⁷Назаров В. Д. Годунова Ирина Федоровна // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 297.

²⁴⁸Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1981. С. 38—39.

²⁴⁹РГАДА. МГАМИД № 11. Т. 4. Л. 2.

²⁵⁰РГАДА. МГАМИД № 11. Т. 4. Л. 24.

²⁵¹Там же. Л. 37 об. — 39 об.

наряду с великим князем в качестве государыни и правительницы. В большинстве памятников упоминания не носят систематического характера. Иногда Иван IV фигурирует в тексте без матери как единственный инициатор того или иного решения. Кроме того, имя великой княгини если и присутствует, то помещается в большинстве известий после имени государя. Данное обстоятельство, однако, не должно вводить нас в заблуждение. Включая в текст сведения об участии Елены Глинской в государственных мероприятиях, летописцы руководствовались определенным литературным и делопроизводственным этикетом. В соответствии с ним Глинская могла либо не упоминаться вовсе, либо упоминаться после великого князя. Однако то обстоятельство, что в отдельных случаях «историографы» XVI в. отступали от данного правила, упоминая ее в качестве единственного инициатора тех или иных политических деяний (без великого князя), может рассматриваться как свидетельство наличия у них определенного понимания политического значения великой княгини.

Вместе с тем единая оценка правления Елены Глинской в памятниках русского летописания отсутствует. Древнерусские хронисты по-разному подходили к вопросу о ее политическом статусе. Различным образом они характеризовали ход ее правления и характер взаимоотношений с другими политическими силами. Столичные «историографы» стремились прежде всего обозначить ее политический статус. В московском историописании существовало два подхода к решению данной проблемы. Первый подход нашел отражение в Повести о смерти Василия III. В ней содержатся указания на то, что после смерти супруга Елена Глинская наделялась некоторой властью. Характер властных полномочий не вполне ясен, однако основанием для них, согласно Повести, является то обстоятельство, что после смерти мужа великая княгиня стала «матерью вдовой» и фактической главой правящей семьи. Статус Елены Глинской и ее компетенция не были обозначены. Не были достаточно четко прописаны в Повести и взаимоотношения Елены Глинской с другими политическими

силами. Можно предположить, что отсутствие конкретики в интерпретации политических вопросов стало причиной, по которой концепция Повести не прижилась в позднейшей исторической книжности. Второй подход отразился в заключительной части Воскресенской летописи и перешел в «Летописец начала царства», Степенную книгу Царского родословия и Лицевой летописный свод. В указанных памятниках отмечается, что Елена Глинская была назначена правительницей вплоть до совершеннолетия своего сына в соответствии с последней волей ее умирающего супруга. Взаимоотношения великой княгини с другими политическими силами придворные «историографы» характеризовали по-разному. В Воскресенской летописи Елена Глинская выступает единым фронтом с боярской думой и митрополитом против удельных князей, которые предстают зачинщиками всевозможных заговоров и мятежей. В «Летописце начала царства» роль боярской думы и митрополита сведена к минимуму. Елена Глинская представлена полноправной правительницей. Составитель не ограничивается простым обоснованием законности ее статуса, но отмечает также целый ряд личных качеств великой княгини: мудрость, христианское благочестие и т. д. Удельных князей, насколько возможно, автор реабилитирует. Зачинщиками крамол он представляет бояр. Последний опыт осмысления правления Елены Глинской в летописании XVI в. представлен в Лицевом летописном своде. Сначала его составители положили в основу повествования текст Воскресенской летописи, дополнив его отдельными упоминаниями о великой княгине. Прделанная работа отразилась в Синодальном томе Лицевого свода и, очевидно, была признана неудачной. Правление Елены Глинской было полностью переработано при составлении Царственной книги. Несмотря на то, что итоговый текст представлял собой компиляцию Воскресенской летописи и «Летописца начала царства», дополненную отдельными сообщениями, заимствованными из других памятников, его концепция отличается от концепции его источников. С одной стороны, Елена Глинская предстает в Царственной

книге полноправной правительницей, как в «Летописце». С другой, – аресты удельных князей изложены в памятнике в соответствии с Воскресенской летописью. Согласно Лицевому своду, в своей политике Елена Глинская не может опереться ни на удельных князей, ни на боярство. В интерпретации ее правления московская историческая книжность проделала определенный путь по направлению к усилению централизаторских взглядов, которые отражали эволюцию политики самого Ивана IV. На первом этапе правления он мог искать поддержку со стороны различных сил, с мнением которых вынужден был при этом считаться. Уже в 70-е гг. государь сосредоточил в своих руках всю полноту власти, однако не мог более доверять никому. В этом же направлении менялись и представления о политической роли Елены Глинской. В Воскресенской летописи она правит, опираясь на помощь боярства. В «Летописце начала царства» великая княгиня занимает положение единоличной правительницы, однако ее окружение не является однозначно враждебным по отношению к ней. В Лицевом своде (Царственной книге) на вершине власти Елена Глинская оказывается в полном одиночестве, окруженная недоброжелателями.

Еще одной особенностью памятников московского официального летописания является стремление их составителей сделать упоминания об участии Елены Глинской в управлении государством систематическими. В Воскресенской летописи правительница упоминается рядом с великим князем под 7042–7043 гг. в большинстве известий, кроме сообщений, посвященных дипломатическим контактам с соседними странами. Под 7044 г. сведения о ее участии в земских делах исчезают. Мы склонны связывать это с тем, что комплекс статей за 7042–7043 гг. и известия за 7044 г. создавались в разное время или разными людьми. В «Летописце начала царства» упоминания Елены Глинской становятся систематическими. Она фигурирует даже в отдельных известиях посольского характера. Вместе с тем подобных сообщений немного, а сама

великая княгиня в них либо находится на второстепенных позициях, либо не принимает непосредственного участия в переговорах. В основу Лицевого свода была положена Воскресенская летопись. Однако составители дополнили текст упоминаниями Елены Глинской, которые отсутствовали в его источниках.

Не столь однозначно обстоит ситуация с памятниками регионального и частного летописания. Сведения о последней воле великого князя относительно Елены Глинской в них, как правило, отсутствуют²⁵². Сама великая княгиня упоминается не систематически. Сообщения о ее участии в земских делах могут присутствовать в одном известии и отсутствовать в другом. Подобная непоследовательность может объясняться самим характером частных летописцев, в которые известия могли вноситься в разное время из разных источников, или же слабым представлением о московской политической действительности. Несколько чаще великая княгиня упоминается в памятниках новгородского владычного летописания. Данное обстоятельство, однако, не значит, что для регионального и частного летописания характерна тенденция к преуменьшению политической роли великой княгини. Напротив, в некоторых памятниках отмечается высокая степень ее влияния на государственные дела (Летописец Марка Левкеинского, Хронографическая летопись). Даже в Вологодско-Пермской летописи, в которой упоминания о Елене Глинской почти отсутствуют, фиксируется ее роль в аресте Андрея Старицкого. Оценки политики Елены Глинской в памятниках регионального и частного летописания разнятся от положительных до резко критических. В частности, довольно доброжелательные

²⁵²Исключение составляют Новгородский владычный свод 1539 г. и Постниковский летописец, в которые была включена Повесть о смерти Василия III. Последняя, как было отмечено выше, содержала определенные замечания относительно политического статуса Елены Глинской. Однако ее концепция не получила признания в великокняжеской историографии и может быть признана маргинальной для русской исторической книжности.

оценки великой княгини содержат памятники новгородской традиции, в которых к ней неоднократно применяется эпитет «благочестивая». В известиях о политических репрессиях она не упоминается. Ее имя присутствует в сообщении о выступлении Андрея Старицкого. Однако в той части текста, где речь идет непосредственно об аресте, великая княгиня не фигурирует. Кроме того, сам удельный князь представлен мятежником, затеявшим междоусобную брань. Негативные отзывы о Елене Глинской содержат Вологодско-Пермская летопись, Летописец Марка Левкеинского и «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого». Вероятно, авторы трех указанных памятников сочувствовали Андрею Старицкому или были каким-то образом связаны с ним. В Хронографической летописи содержатся намеки на то, что Елена Глинская была институтом, который сдерживал боярский произвол. В то же время в ряде памятников она выступает единым фронтом с боярами (Летописец Марка Левкеинского, Вологодско-Пермская летопись). Некоторые летописцы содержат нейтральные оценки деятельности Елены Глинской (например, краткий Кирилло-Белозерский летописец).

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну характерную особенность памятников московского официального летописания. Составители Воскресенской летописи, «Летописца начала царства» и Царственной книги для обоснования прав Елены Глинской на управление государством ссылаются на последнюю волю Василия III. Хронисты отмечают, что умирающий правитель передал ей бразды правления страной. Ни в Повести о смерти Василия III, ни в памятниках частного и регионального летописания о подобных распоряжениях Василия III ничего не сообщается. На наш взгляд, упоминание об указе великого князя относительно передачи власти Елене Глинской не как главе великокняжеского рода, а как главе государства является мистификацией, возникшей уже после смерти правителя. Если бы подобное распоряжение действительно существовало, сведения о нем вышли бы за пределы московского официального летописания. Впервые

сведения о передаче управления страной великой княгине появляются в Воскресенской летописи. «Летописец начала царства» и Царственная книга с некоторыми изменениями повторяют данную концепцию. Возникает вопрос: по каким причинам составитель заключительной части Воскресенской летописи стремился ввести читателей в заблуждение? В поисках ответа на него мы бы хотели обратить внимание на один фрагмент Повести об аресте Андрея Старицкого, читающейся в данном памятнике. Призывая новгородцев присоединиться к демаршу, князь посылает им грамоты с текстом: «Князь велики малъ, а держать государство боаре, и вамъ у кого служить? И вы едте къ мне служить, и язъ васъ радъ жаловати»²⁵³. В данном коротком пассаже следует усматривать своеобразный набросок агитационной программы. Андрей Иванович не упоминает Елену Глинскую как субъект политических отношений и призывает новгородцев выступить против боярства, которое якобы захватило власть в Москве, не имея на то оснований. В контексте настоящего исследования не имеет значения, существовала ли у удельных князей подобная программа и была ли она проработана в достаточной мере. Важно, однако, что московское боярство усматривало в удельных князьях определенную опасность для своего положения. Они понимали, что в случае прихода к власти одного из братьев Василия III произойдет кардинальная перестановка сил при дворе, и положение многих членов боярской думы и их приближенных может пошатнуться. Сложность заключалась еще и в том, что московские вельможи не пользовались абсолютной поддержкой населения²⁵⁴. В сложившейся ситуации боярам было необходимо укрепить свое положение, сделать его легитимным. Знать нуждалась в дееспособном и законном

²⁵³ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

²⁵⁴Негативное отношение к боярству отразилось в памятниках частного летописания. Как было отмечено выше, такие памятники, как Летописец Марка Левкеинского и Хронографическая летопись, отзывались о политике московских вельмож резко критически.

правителе, которого можно было бы противопоставить удельным князьям. Елена Глинская являлась единственным человеком, подходившим на данную роль. Великая княгиня, в свою очередь, также нуждалась в поддержке знати. Во-первых, она происходила из семьи, прибывшей на Русь недавно, и ее позиции при дворе были не достаточно крепкими. В случае столкновения с удельными князьями она рисковала остаться без поддержки. Во-вторых, она не обладала достаточным политическим опытом, чтобы принимать те или иные решения без посторонней помощи. Таким образом, между московским боярством и великой княгиней сложился консенсус, который лег в основу государственного порядка, отраженного в Воскресенской летописи. Елена Глинская была провозглашена законной преемницей своего покойного супруга вплоть до совершеннолетия сына. Она должна была править при поддержке бояр и митрополита Даниила. Таким образом, государыня укрепляла позиции при дворе, а знать делала свое положение законным. Удельные князья в рамках данной концепции государственного устройства рассматривались как потенциальные противники, стремившиеся захватить власть в Москве.

Иначе объясняется внимание к персоне Елены Глинской в более позднем «Летописце начала царства». Во-первых, составитель «Летописца» опирался в своих построениях на Воскресенскую летопись, которая, как было отмечено выше, послужила его источником. Во-вторых, следует принять во внимание некоторые реалии политической жизни России в 50-е гг. XVI в. В марте 1553 г. государь Иван Васильевич тяжело заболел. В придворных кругах встал вопрос о возможном наследнике престола. У Ивана и его жены Анастасии недавно родился сын, нареченный Дмитрием. Именно он и должен был унаследовать власть. Однако в придворных кругах его кандидатура устраивала далеко не всех. Власть при царе-«пеленочнике» неизменно оказалась бы у его матери, а через нее – у ее родственников Захарьиных. Последние могли рассматривать

такой исход как залог процветания и могущества на долгие годы. Однако их оппоненты видели в этом угрозу своему политическому положению, а возможно, и физическому существованию. В качестве альтернативной кандидатуры рассматривали двоюродного брата государя – князя Владимира Старицкого. Основным источником, излагающим обстоятельства придворной борьбы марта 1553 г., является пространная скорописная приписка Царственной книги, в которой обозначен личный состав противоборствующих сторон. В историографии по-разному оценивается степень ее исторической достоверности. Так, Д. Н. Альшиц считал, что приписка была внесена в Царственную книгу лично Иваном Грозным и существенно искажает действительную картину событий²⁵⁵. И. И. Смирнов, напротив, высказывал мнение, что рассказ Царственной книги обладает высокой степенью достоверности²⁵⁶. Представляется, что вопрос о том, насколько точно изложены детали тех событий в Царственной книге, не имеет однозначного ответа. Однако сам факт придворной «замятни», спровоцированной разногласиями по поводу наследника престола, кажется вполне реальным. Об этом свидетельствуют две крестоцеловальных Владимира Андреевича, данные царю. В первой записи 1553 г. он клянется в верности царевичу Дмитрию: «А придет Божия воля, возметь Богъ государя моего царя и великого князя: и мне государя своего царя и великого князя Иванова сына царевича Дмитрия держати въ твое место государя своего царя и великого князя Иванова; а великихъ княжествъ и Казанского царства, и всехъ его государствъ подъ нимъ и подъ царицею великою княгинею Анастасиею блюсти и не обидети, и не вступатися и не подыскивати никакими делы, никоторою хитростию; а быти ми съ нимъ везде за одинь»²⁵⁷. Вторая

²⁵⁵ Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки. 1947. Т. 25. С. 266, 288, 289.

²⁵⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30-50-х годов XVI века. С. 483.

²⁵⁷ СГД. Ч. 1. С. 460—461.

запись была составлена в 1554 г., после гибели Дмитрия. В ней Владимир Старицкий целует крест царевичу Ивану Ивановичу²⁵⁸. В запись 1554 г. была внесена вставка, касающаяся княгини Ефросинии Старицкой: «А по грехомъ мать моя княгини Ефросинья учнетъ мя наводити, и мне матери своеи княгини Ефросиньи ни въ чемъ не слушати, а сказати ми тее речи сыну твоему царевичу Ивану, и его матери вправду, без хитрости. А хотя мя мать моя не учнет наводити на лихо, а взведаю, что мать моя сама захочет которое лихо учинити, или умышляти учнетъ которое лихо надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, и над его матерью или над его бояры и дьяки, которые въ твоеи государя нашего душевной грамоте писаны: и мне то лихо матери своеи сказати сыну твоему царевичу Ивану»²⁵⁹. Появление подобной вставки свидетельствует о том, что великий князь сомневался в лояльности Владимира Старицкого и его семьи. С клятвенными формулировками крестоцеловальных записей 1553 г. и 1554 г. хорошо согласуется текст Царственной книги, в котором описана реакция Ефросинии Старицкой на принуждение к крестоцелованию: «И одва князя Володимера принудили крестъ целовати, и целоваль крестъ поневоле. И после того посылають государь ко княгине з грамотою съ целовальною, чтобы велела къ тои грамоте печать княжую привесити, боярина своего князя Дмитрея Федоровича Палетцкого да дьяка своего Ивана Михайлова; и они ко княгине ходили трожды, а она одва велела печать приложити, а говорила: “Что то де за целование, коли невольное?” и много речей бранныхъ говорила»²⁶⁰. В этих исторических условиях формировался текст «Летописца начала царства». Еще Н. Ф. Лавров отметил стремление его составителя подчеркнуть законные права царевича Дмитрия на московский трон, а также обосновать право

регентства его матери, царицы Анастасии. Для достижения поставленной цели в «Летописце» был подчеркнут статус Елены Глинской как государыни и единственной соправительницы Ивана IV²⁶¹. В Лицевом своде сведения о передаче власти великой княгине в соответствии с последней волей Василия III уже были своеобразной данью традиции.

Правление Елены Глинской получило крайне разнообразные и противоречивые оценки в памятниках русской исторической книжности. Одни хронисты прославляли ее, отмечая мудрость и христианское благочестие великой княгини. Другие относились к ней критически, связывая с ее именем репрессии и боярский произвол. Третьи и вовсе не упоминали о ней. Однако именно в годы регентства Елены Глинской закладывались основные противоречия правления Ивана IV. Именно поэтому в русской исторической книжности неоднократно предпринимались попытки осмысления хода и результатов ее краткосрочного правления, которое стало одним из основных сюжетов для русской историографии XVI в.

²⁵⁸ Подробное сравнение обеих крестоцеловальных см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 277—283.

²⁵⁹ СГГД. Ч. 1. С. 464.

²⁶⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 526.

²⁶¹ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. С. 89.

Библиография

Источники:

- БАН. 32.14.8. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.
БАН. Лукьянов. 241. Духовная грамота Михаила Горбатого Шуйского.
Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М., 2006. Т. 26.
ГИМ. Синодальное собр. 183. Царский комплект Великих Миней Четых.
ГИМ. Синодальное собр. 486. Кирилловский II список «Летописца начала царства».
ГИМ. Синодальное собр. 962. Синодальный том Лицевого летописного свода.
ГИМ. Синодальное собр. 997. Успенский комплект Великих Миней Четых.
ГИМ. Синодальное собр. № 149. Царственная книга.
Летописец Еллинский и римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999.
Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29.
Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13.
Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28..
Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.
Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Вып. 3.
Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. М., 2001.
Псковские летописи. Вып. 1 / приготовил к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941.
Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 11. Т. 4. Архивский список Летописного свода 1560 г.
РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 351/800. Рогозинский летописец.
РГАДА. Ф. 201. Собр. М. А. Оболенского. № 163. Сборник из собрания М. А. Оболенского, содержащий Никоновскую летопись, отрывок Воскресенской летописи за 1521–1541 гг. и «Летописец начала царства» за 1542–1558 гг.
РНБ. F.IV.585. Библиотечный (Публичный) список «Летописца начала царства».
РНБ. Собр. М. П. Погодина. 1564. Конволют, состоящий из различных документов.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. II.
Собрания Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. № 33. Очин-Плещеевский список «Летописца начала царства».
Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.
СПб ИИ РАН. Колл. Археогр. комм. № 244. Кирилловский I список «Летописца начала царства».
- #### **Литература:**
- Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959.
Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // Исторические записки. 1947. Т. 25.
Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.
Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3(11).
Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и русское летописание XVI в. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. СПб., 2016.

- Жуков А. Е.* К истории текста заключительной части Воскресенской летописи // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 33. Вып. 1. 2023.
- Жуков А. Е.* Летописец начала царства в составе Свода 1560 г. // Вестник СПбГУ. № 4. 2014.
- Назаров В. Д.* Годунова Ирина Федоровна // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 2013.
- Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
- Зимин А. А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. Т. 27. 1948.
- Зимин А. А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. № 5. М.-Л., 1950.
- Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.
- Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 2. Киев, 1908.
- Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из Библиотеки Иосифова монастыря в Библиотеку Московской духовной Академии // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1882.
- Кашитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 года // Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 7. М., 2001.
- Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. СПб., 2010.
- Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 год. Вып. 1 (34). Л., 1927.
- Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. XI. М.-Л., 1955.
- Лицевой летописный свод. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи. Приложение. М., 2008.
- Морозов С. А.* Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI в. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 1979.
- Морозов С. А.* Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории М., 1978.
- Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003.
- Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.
- Новикова О. Л.* Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005.
- Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923.
- Пресняков А. Е.* Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.
- Протасьева Т. Н.* К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. 962) // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.
- Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1981.
- Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
- Смирнов И. И.* Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.-Л., 1958.
- Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. Т. 46. 1954.
- Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Т. I. М., 1940.
- Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Шапошник В. В. Повествовательные источники официального происхождения о «мятеже» Андрея Старицкого 1537 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. СПб., 2011.

Шапошник В. В. Придворная борьба в русском государстве 30-х годов XVI века. СПб., 2020.

Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904 г. Кн. I. М., 1904.

Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Том VII. М.–Л., 1951.

Юрганов А.Л. Политическая борьба в 30-е годы XVI века // История СССР. № 2. 1988.

Юрганов А.Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. М., 2019.

Riß H. Dmitrij F. Belsij // FOG. Bd. 38. Berlin, 1986.

Сведения об авторе

Жуков Артем Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИОР БАН, доцент СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: artemnovgor@inbox.ru

A. E. Zhukov

REPRESENTATION OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE MONUMENTS OF RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE OF THE 16TH CENTURY: THE REIGN OF ELENA GLINSKAYA

Annotation: The article discusses the questions of the representation of Elena Glinskaya's reign in the monuments of Russian historical booklore of the 16th century. The author studies the mentions of the great princess in Russian chronicles and historical treatises, which were created at the specified period, as well as analyzes the ideas about the relationship between the public with other political institutions: the Boyar City Duma and the specific princes. The article discusses the appearance of Glinskaya's rule in such monuments as the Story of the death of Vasily III, the Voskresenskaya chronicle, the "Chronicler of the beginning of the kingdom", the Litsevoy svod, the Novgorod chronicle compilation of 1539, the Novgorod chronicle, and others. As a result of the research, the following conclusions were made. Firstly, there is no single opinion on the regency of the great princess in the monuments of Russian historical booklore of the 16th century. Estimates vary from positive to sharply negative. Secondly, in the chronicles of Moscow origin, it emphasizes that Elena received the power immediately after the death of Vasily III in accordance with the last will of the Sovereign. The author recognizes this version as a hoax that originated in the 30-s in the highest circles of Moscow political elite who feared that one of the uncles of the young grand prince Ivan IV (Yury Dmitrovsky or Andrei Staritsky) will come to power in the capital. Moscow boyars did not have universal support which the appanage princes could take advantage of. In order to strengthen its position, the nobles sought to oppose the great princess to them as a competent ruler. In conclusion, the author notes that the Glinskaya's reign became an important chapter of Russian historiography of the 16th century. Due to various reasons, the scribes turned to rethinking the events of the 1530-s even after her death.

Keywords: Elena Glinskaya, Boyar Duma, appanage princes.

References

Sources:

BAN [Library of the Academy of Sciences]. 32.14.8. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu. (In Russian).

BAN [Library of the Academy of Sciences]. Luk'yanov. 241. Dukhovnaya gramota Mikhaila Gorbatogo Shuiskogo. (In Russian).

Vologodsko-Permskaya letopis' [Vologda-Perm chronicle]. PSRL. Vol. 26. Moscow, 2006. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 183. Tsarskii komplet Velikikh Minei Chet'ikh. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 486. Kirillovskii II spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 962. Sinodal'nyi tom Litseвого letopisnogo svoda. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 997. Uspenskii komplet Velikikh Minei Chet'ikh. (In Russian).

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobr. No. 149. Tsarstvennaya kniga. (In Russian).

Letopisets Ellinskii i rimskii [The Chronicler of Hellenic and Roman]. Vol. 1. Tekst. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis' [Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. PSRL. Vol. 29. Moscow., 1965. (In Russian).

Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu [The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle]. PSRL. Vol. 13. St. Petersburg, 1904. (In Russian).

Letopisnyi svod 1497 g. Letopisnyi svod 1518 g. [Chronicle code of 1497. The Chronicle code of 1518]. PSRL. Vol. 28. Moscow–Leningrad, 1963. (In Russian).

Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle according to the list of P. P. Dubrovsky]. PSRL. Vol. 43. Moscow, 2004. (In Russian).

Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod Fourth Chronicle]. PSRL. Vol. 4. Issue 3. Leningrad, 1929. (In Russian).

Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi 1489–1549 gg. [Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde 1489–1549]. Makhachkala, 1995. (In Russian).

Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy [Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky and Belsky chroniclers]. PSRL. Vol. 34. Moscow, 1978. (In Russian).

Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the chronicle on the Resurrection List]. PSRL. Vol. 8. Moscow, 2001. (In Russian).

Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]. Iss. 1 / print prepar. by A. N. Nasonov. Moscow–Leningrad, 1941. (In Russian).

Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]. Iss. 2 / print prepar. by A. N. Nasonov. Moscow, 1955. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 181. Sobr. MGAMID. No. 11. Vol. 4. Arkhivskii spisok Letopisnogo svoda 1560 g. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 181. Sobr. MGAMID. No. 351/800. Rogozinskii letopisets. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 201. Sobr. M. A. Obolenskogo. No. 163. Sbornik iz sobraniya M. A. Obolenskogo, sodержashchii Nikonovskuyu letopis', otryvok Voskresenskoj letopisi za 1521–1541 gg. i "Letopisets nachala tsarstva" za 1542–1558 gg. (In Russian).

RNB [Russian National Library]. F.IV.585. Bibliotechnyi (Publichnyi) spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

RNB [Russian National Library]. Sobr. M. P. Pogodina. 1564. Konvolyut, sostoyashchii iz razlichnykh dokumentov. (In Russian).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi Kollegii inostrannykh del [Collection of state charters and contracts kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. P. I. Moscow, 1813. (In Russian).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi Kollegii inostrannykh del [Collection of state charters and contracts kept in the State Collegium of Foreign Affairs]. P. II. Moscow, 1819. (In Russian).

Sobraniya Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone. No. 33 [Meetings of the St. Panteleimon Monastery on Mount Athos No. 33]. Ochin-Pleshcheevskii spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

Sofiiskie letopisi [Sofia Chronicles]. PSRL. Vol. 6. St. Petersburg, 1853. (In Russian)

SPb II RAN [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Coll. of Arkheogr. comm. No. 244. Kirillovskii I spisok "Letopistsa nachala tsarstva". (In Russian).

Researches:

Azbelev S. N. Dve redaktsii Novgorodskoi letopisi Dubrovskogo [Two editions of the Novgorod chronicle of Dubrovsky]. Novgorodskii istoricheskii sbornik. Iss. 9. Novgorod, 1959. (In Russian).

Al'shich D. N. Proiskhozhdenie i osobennosti istochnikov, povestvuyushchih o boyarskom myatezhe 1553 g. [The origin and features of sources telling about the Boyar rebellion of 1553]. Istoricheskie zapiski. Vol. 25. 1947. (In Russian).

Amosov A. A. Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo: kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie [The facial chronicle of Ivan the Terrible: a comprehensive codicological study]. M., 1998. (In Russian).

Zhukov A. E. "Letopisets nachala tsarstva" i Voskresenskaya letopis' ["Chronicler of the beginning of the Kingdom" and the Resurrection Chronicle]. Peterburgskii istoricheskii zhurnal. No. 3 (11). 2016. (In Russian).

Zhukov A. E. "Letopisets nachala tsarstva" i russkoe letopisanie XVI v. ["Chronicler of the beginning of the Kingdom" and the Russian chronicle of the XVI century]. Diss. ...of cand. of Hist. Sciences. St. Petersburg, 2016. (In Russian).

Zhukov A. E. K istorii teksta zaklyuchitel'noi chasti Voskresenskoii letopisi [On the history of the text of the final part of the Voskresenskaya Chronicle] Vestnik UdGU. Vol. 33. Issue 1. 2023. (In Russian).

Zhukov A. E. Letopisets nachala tsarstva v sostave Svoda 1560 g. [Chronicler of the beginning of the kingdom as part of the Code of 1560]. Vestnik SPbGU. No. 4. 2014. (In Russian).

Zabelin I. E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh [The domestic life of Russian tsarines in the XVI and XVII centuries]. Book. 1. Moscow, 2013. (In Russian).

Zimin A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka [I. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the history of Russian socio-political thought in the middle of the XVI century]. Moscow, 1958. (In Russian).

Zimin A. A. Knyazheskie dukhovnye gramoty nachala XVI v. [Princely spiritual letters of the beginning of the XVI century]. Istoricheskie zapiski. Vol. 27. 1948. (In Russian).

Zimin A. A. Kratkie letopistsy XV–XVI vv. [Brief chroniclers of the XV–XVI centuries]. Istoricheskii arkhiv. No. 5. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

Zimin A. A. Rossiya na poroge novogo vremeni [Russia on the threshold of a new time.]. Moscow, 1972. (In Russian).

Ikonnikov V. S. Opyt russkoi istoriografii [The Experience of Russian historiography]. Vol. II. Book 2. Kiev, 1908. (In Russian).

Iosif, ierom. Opis' rukopisei, perenesennykh iz Biblioteki Iosifova monastyrya v Biblioteku Moskovskoi dukhovnoi Akademii [Inventory of manuscripts transferred from the Library of the Joseph Monastery to the Library of the Moscow Theological Academy. CHOIDR. Book. 3. Moscow, 1882. (In Russian).

Kashtanov S. M. Ocherki russkoi diplomatiki [Essays of Russian diplomacy]. Moscow, 1970. (In Russian).

Kloss B. M. Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov [The Nikon Code and Russian Chronicles of the XVI–XVII centuries]. Moscow, 1980. (In Russian).

Kloss B. M. Predislovie k izdaniyu 2000 goda [Preface to the 2000 edition]. *Letopis' po Voskresenskomu spisku*. PSRL. Vol. 7. Moscow, 2001. (In Russian).

Krom M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [“The Dowager Kingdom”: the political crisis in Russia of the 30–40s of the XVI century]. St. Petersburg, 2010. (In Russian).

Lavrov N. F. Zametki o Nikonovskoi letopisi [Notes about Nikon chronicle]. *Letopis' zanyatii postoyannoi istoriko-arkheograficheskoi komissii za 1926 god*. Iss. 1 (34). Leningrad, 1927. (In Russian).

Levina S. A. O vremeni sostavlenii i sostavitele Voskresenskoi letopisi XVI veka [About the time of the compilation and compiler of the Voskresenskaya Chronicle of the 16th century]. TODRL. Vol. XI. Moscow–Leningrad, 1955. (In Russian).

Litsevoi letopisnyi svod. Nauchnyi apparat k faksimil'nomu izdaniyu rukopisi. Prilozhenie [The front chronicle vault. Scientific apparatus for the facsimile edition of the manuscript. Appendix]. Moscow, 2008. (In Russian).

Morozov S. A. Letopisnye povesti po istorii Rossii 30–70-kh gg. XVI v. [Chronicle stories on the history of Russia in the 30-70s of the XVI century]. Diss. ...cand. of Hist. Sciences. Moscow, 1979. (In Russian).

Morozov S. A. Povest' o smerti Vasiliya III i russkie letopisi [The Tale of the death of Vasily III and the Russian Chronicles]. *Teoriya i praktika istochnikovedeniya i arkheografii otechestvennoi istorii*. Moscow, 1978. (In Russian).

Nazarov V. D. Godunova Irina Fedorovna [Godunova Irina Fedorovna]. *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya*. Vol. 7. Moscow, 2007. (In Russian).

Nasonov A. N. Iz istorii pskovskogo letopisaniya [From the history of the Pskov chronicle]. PSRL. Vol. 5. Iss. 1. Pskovskie letopisi. Moscow, 2003. (In Russian).

Novikova O. L. Iz istorii novgorodskogo letopisaniya XVI v.: Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo i rodstvennye ei pamyatniki [From the history of the Novgorod chronicle of the XVI century: The Novgorod Chronicle according to the list of P. P. Dubrovsky and related monuments]. *Ocherki feodal'noi Rossii*. Iss. 9. Moscow–St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Platonov S. F. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Petrograd, 1923. (In Russian).

Presnyakov A. E. Zaveshchanie Vasiliya III [The Testament of Vasily III]. *Sbornik statei po russkoi istorii, posvyashchennykh S. F. Platonovu*. Petrograd, 1922. (In Russian).

Protas'eva T. N. K voprosu o miniatyurakh Nikonovskoi letopisi (Sin. 962) [On the question of miniatures of the Nikon Chronicle (Syn. 962)]. *Letopisi i khroniki*. 1973 god. Moscow, 1974. (In Russian).

Skrynnikov R. G. Rossiya nakanune “Smutnogo vremeni” [Russia on the eve of the “Time of Troubles”]. Moscow, 1981. (In Russian).

Skrynnikov R. G. Tsarstvo terrora [The Reign of Terror]. St. Petersburg, 1992. (In Russian).

Smirnov I. I. Ocherki politicheskoi istorii russkogo gosudarstva 30–50-kh godov XVI veka [Essays on the Political history of the Russian state in the 30–50s of the XVI century]. Moscow–Leningrad, 1958. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Zapiski o regentstve Eleny Glinskoi i boyarskom pravlenii 1533–1547 gg. [Notes on the regency of Elena Glinskaya and the boyar rule of 1533–1547]. *Istoricheskie zapiski*. Vol. 46. 1954. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Istochnikovedenie istorii SSSR [Source studies of the history of the USSR]. Vol. I. Moscow, 1940. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyah Moskvyy [Brief notes on chronicle works in the manuscript collections of Moscow]. Moscow, 1962. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Russkoe letopisanie [Russian Chronicle]. Moscow, 1979. (In Russian).

Shaposhnik V. V. Povestvovatel'nye istochniki ofitsial'nogo proiskhozhdeniya o “myatezhe” Andrey Staritskogo 1537 g. [Narrative sources of official origin about the “mutiny” of Andrei Staritsky in 1537]. *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. Iss. 3. St. Petersburg, 2011. (In Russian)

Shaposhnik V .V. Pridvornaya bor'ba v russkom gosudarstve 30-kh godov XVI veka [Court struggle in the Russian state of the 30-s of the XVI century]. St. Petersburg, 2020. (In Russian).

Shakhmatov A. A. O tak nazyvaemoi Rostovskoi letopisi [About the so-called Rostov Chronicle]. CHOIDR. 1904 god. Book I. Moscow, 1904. (In Russian).

Shmidt S. O. Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda [Continuation of the chronograph edited in 1512]. Istoricheskii arkhiv. Vol. VII. Moscow–Leningrad, 1951. (In Russian).

Yurganov A. L. Politicheskaya bor'ba v 30-e gody XVI veka [Political struggle in the 30s of the XVI century. Istoriya SSSR. No. 2. 1988. (In Russian).

Yurganov A. L. Politicheskaya bor'ba v gody pravleniya Eleny Glinskoï [Political struggle during the reign of Elena Glinskaya]. Moscow, 2019. (In Russian).

Riß N. Dmitriy F. Belskij [Dmitriy F. Belskiy]. FOG. Bd. 38. Berlin, 1986. (In German).

About the author

Zhukov Artem E., PhD in History, senior researcher of the Library of the Russian Academy of science, docent of RANEPА, St. Petersburg (Russia).

E-mail: artemnovgor@inbox.ru

«И ТВОИ, ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ, РАТНЫЕ ЛЮДИ ТЕХ ВОРОВСКИХ КАЗАКОВ ПОБИЛИ И ЖИВЫХ ПОИМАЛИ...» САРАНСК В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА 1670-71 ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается Саранск и его уезд в крестьянском восстании под предводительством С. Т. Разина 1670–71 гг.

Ключевые слова: Саранск, XVII в., крестьянское восстание под предводительством С. Т. Разина 1670–71 гг.

Семнадцатое столетие историки называют «бунташным веком». События Смутного времени, голода, разорений, церковного раскола, городских восстаний постоянно сотрясали Московское царство. На территории нашего края ситуация была далеко не простой. Российское государство продолжало работы по укреплению юго-восточных границ, шло активное строительство сторожевых черт. Происходили изменения в экономическом развитии окраин, их административном устройстве, складывании феодальных отношений. Шла раздача мордовских земель дворянам. Крестьяне облагались многочисленными денежными налогами, натуральными поборами и повинностями в пользу казны, помещиков и духовенства. На территорию края вместе с детьми боярскими, получившими вотчины, сотнями и тысячами прибывали русские крестьяне из старинных центральных уездов России. Некогда наследственные мордовские земли переходили в руки русских помещиков и вотчинников. «В середине 50-х гг. XVII в. в своей челобитной в столицу мордовское население сел Кривозерье, Княжуха, Мокшалей, Пензятка Саранского уезда жаловалось, что их родовые старинные

земли были пожалованы князьям Ромодановским. Чуть позже била челом в столицу мордва Инзерского острога на подьячего Артемия Полянского, который, получив за службу земли близ Инзерского острога, выгнал „посопную мордву“ с насиженных мест, в результате чего коренные жители вынуждены были податься в леса»¹.

Строительство засечных черт стало тяжелейшим бременем для податного неслужилого населения. Возведение в пределах одного уезда в одно и то же время четырех крепостей-острогов Атемарско-Саранской черты (Саранск, Атемар, Инзерский и Шишчкеевские остроги) с земляными валами, рвами, башнями, а также насыпь межострожных валов на протяжении многих верст, высотой до трех сажен и рвов до двух сажен глубиной, устройство засек длиной на 81 версту, «шириной от 40 до 100 сажен»², а также 29 башен по валу (кроме острожных) требовали больших затрат труда и материальных средств.

Дореволюционный исследователь Перетяткович в своем труде «Поволжье в XVII и начале XVIII в.» указывает, что только на одну среднюю башню расходовалось «300 бревен да по 100

¹История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века. Под ред. Арсентьева Н. М., Юрченкова В. А. Саранск, 2001. С. 134.

²Юркин И. Н. Материалы для истории города Корсуна. Корсун, 1908. С. 8-9.

тесниц», на совсем небольшой острожек – более 30 тыс. бревен и 700 тесниц». При этом на острожное дело шли бревна трехсаженные «в отрубке по полупята и по 5 и по 6 вершков»³.

Все эти огромные по тому времени работы производились служилыми по прибору и «дельцами»-крестьянами, которых высылали воеводы из Темниковского, Арзамасского, Алатырского, Курмышского и других уездов: «подымовных людей с пяти дворов по человеку»⁴ «ясажных и оброчных людей с десяти дворов по человеку»⁵.

Служилые люди на черте и гарнизоны крепостей должны были нести караульную службу, поддерживать оборонительные сооружения в полном порядке. Это отнимало много времени и наносило ущерб их хозяйству, хотя воеводам предписывалось «смотреть беспрестанно, чтоб служилые люди свою землю пахали и хлеб сеяли». Челобитная саранского стрельца Тараски Игнатьева ярко, возможно, и не без преувеличений, характеризует жизнь саранских стрельцов: «... служат де они всякие великого государя службы в Саранску и в остроге в валу, посылают их за всякими великого государя делами в посылки беспрестанно; да они же стрельцы, Тараска Игнатьев с товарищи всякое великого государя городовое и засечное дело делают...»⁶.

³Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Памяти Сергея Михайловича Соловьева. Одесса, 1882. С. 269.

⁴Зерцалов А. Н. Материалы по истории Симбирского края XVII–XVIII вв. Симбирск, 1900. С. 29.

⁵Юркин И. Н. Материалы для истории города Корсуна. С. 8-9.

⁶Фролов Д. В. Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. Саранск, 2014. С. 40-41.

Непростым было житье и для служилых мурз. Еще в 1638 г. мордовский мурза Мангушев с товарищами в челобитной указывал: «...Поместья де их не великия, а деды де их, и отцы их, искони вечно служили прежним государям, а данных и посошных и ямских и подымных денег не давали. А ныне де их заставляют рвы копать и острожное и городовое и засечное дело делать, и ямские и подымные деньги с них берут»⁷.

К этому времени в Саранском уезде и мордовском крае, как и во всем Среднем Поволжье, накопилось большое количество экономических и политических причин дня недовольства населения. Это вылилось в ряд социальных конфликтов, наиболее крупным явилось антифеодальное народное движение под руководством Степана Тимофеевича Разина, которое у разных ученых по-разному классифицируется как крестьянская или гражданская война, восстание или бунт.

В апреле 1670 года, выступая в Паншине-городке, Степан Разин объявил, что намерен «итти з Дону на Волгу, а с Волги итти в Русь... чтоб... из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей» и дать свободу «чорным людям»⁸.

Первые «прелестыне» или «воровские» письма с призывами к восстанию начинают распространяться на территории мордовского края в июле-августе 1670 г.

Московские власти еще до симбирских боев определили Саранск как сборный пункт войск, направляемых против Разина. По указу царя от 22 июня 1670 г. предписывалось: «На государевой

⁷Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961. С. 60-61.

⁸Юрченков В. А. Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. С. 266.

службе быть в Саранску кравчему и воеводам князю Петру Семеновичу Урусову с товарищи и полком. А в полку с ним быть стряпчим и дворянам московским и жильцам, помещикам и вотчинникам муромским, нижегородским, арзамасским, алатырским, курмышским, саранским, темниковским, кадомским, шатским, да городовым дворянам и детям боярским муромцам, нижегородцам, арзамасцам, мещерянам...»⁹.

В августе из Москвы в район Среднего Поволжья отправлено войско видного полководца, главы данной военной кампании князя Юрия Алексеевича Долгорукова, который останавливается в Арзамасе. В сторону Алатыря Долгоруков высылает отряд бывшего Алатырского и Саранского воеводы Федора Ивановича Леонтьева, хорошо знакомого с ситуацией в данных уездах. Князь Константин Осипович Щербатов направляется в район Верхнего Ломова и Пензы, в Саранске концентрируются войска князя Юрия Никитича Барятинского.

4 сентября Разин подходит к Симбирску. 5-7 сентября идут ожесточенные бои разинцев и пришедших им на помощь мордовских, марийских, чувашских крестьян под Симбирском с войсками воевод Юрия Никитича Барятинского и Ивана Богдановича Милославского. В результате симбирский воевода Милославский с «немногими людьми» заперт в «малом городке», а Барятинский отрезан от города и отступает к Тетюшам. В челобитной на имя царя он пишет: «Вор Стенька Разин обоз у меня... взял и людишек, которые были в обозе, посек, и лошади отогнал и тележки, которые были, и те отбил, и все платьишко и запас весь побрал без остатку»¹⁰.

Из-под Симбирска по черте в сторону Саранска с отрядом был направлен один из сподвижников С. Т. Разина Михаил Харитонов, который один за другим захватывает крепости и остроги (многие сдавались без боя). Закрепив за собой восточную часть черты, Харитонов направился в центр – в сторону Атемара и Саранска. Взятие этих двух больших крепостей со значительными гарнизонами открывало перед восставшими ряд новых путей, давало возможность пополнить свои ряды «охочими» служилыми людьми. Тем более что в последних числах августа князь-воевода Юрий Никитич Барятинский выступил из Саранска в Симбирск с основными силами на помощь осажденному воеводе Ивану Богдановичу Милославскому.

Стремясь не допустить падения атемарской крепости, власти направили в распоряжение стрелецкого головы М. Кукина подкрепление, однако большинство жителей города и часть гарнизона были настроены «за воров», поэтому, когда 18 сентября разинцы подошли к стенам крепости, атемарцы «служилые и всяких чинов жилецкие люди Великому государю изменили и город Атемар сдали». Голова, дворяне и приказные были убиты.

Инзерский острог пал на следующий день. М. Харитонов направился в сторону Саранска. Воевода Матвей Вельяминов рассчитывал, что сумеет отсидеться в осаде, поскольку находился в сильной крепости, располагавшей отлаженной системой обороны и довольно большим гарнизоном. Утром 19 сентября разинцы предложили сдать город. После неудачных переговоров о сдаче начался штурм. Часть гарнизона, сохранившая верность властям, упорно сопротивлялась, и отряду М. Харитонова пришлось бороться за овладение крепостью «с утра до вечера». За день мятежники «двожды приступали», но вынуждены были отойти. В город полетели «прелестные»

⁹Воронин И. Д. Саранск. С. 62.

¹⁰Юрченков В. А. Мордовский народ: веки истории. С. 267.

письма. Под покровом темноты изменники открыли ворота. Воевода Матвей Вельяминов, дворяне и приказные попытались сопротивляться, затворившись в дубовом Спасском соборе, но восставшие выбили двери и всех убили. Далее разграбили имения воеводы, помещиков и всех состоятельных людей, в приказной избе «жгли и драли» записные кабальные книги, крепости, купчие на людей, земли и другие крепостные документы. Из местных тюрем были освобождены находившиеся там «колодники». Один из них, «тюремный сиделец» Федор Сидоров, был избран атаманом Саранска. В городе был создан казачий круг во главе с Ф. Сидоровым, И. Сеченовым, И. Кузминым, С. Кузинцем, – так Харитонов пытался обеспечить тыл своему формированию. Из Саранска один из отрядов направляется под Симбирск на помощь Разину, другой, под руководством Федора Сидорова, – в Темников. М. Харитонов двинулся к западному крылу засечной черты – в сторону Шишкеевского острога и Инсара. Шишкеевский и Потижский остроги сдались Харитонову без боя. После этого почти без боя сдался Инсар. Воевода города был убит. Разгромлен питейный дом. К отряду присоединились местные жители.

Князь Юрий Долгоруков в своей отписке от 27 сентября так сообщает о падении нашего города: «Да сего ж, государь, числа прибежал к Орзомасу за 2 часа до вечера из Саранска утеклец ис тюрьмы арзамасец посадкой человек Савка Титов сын Мясник. А в роспросе нам, холопом твоим, сказал, что был де он в тюрьме в Саранску в твоей великого государя денежной казне в откупной кружечного двора. И при нем де, Савке, пришли в Саранск воровские казаки и изменники, и Саранск взяли сентября в 19 день, и воеводу Матвея Вельяминова, взяв из соборные церкви, убили, и животы всех

домов пограбили, а их де, государь, тюремных сидельцов, всех ис тюрьмы выпустили. И по тем, государь, вестям послать к Саранску на тех воров нам, холопом твоим, неково, что у нас в полку малоллюдно»¹¹.

В расспросных речах от 10 октября 1670 г. в полковом стане воеводы Ю. А. Долгорукова участников восстания, взятых в плен при с. Кременках Кадомского уезда, узнаем: «К боярину и воеводе ко князю Юрию Алексеевичи Долгоруково прислал ис посылки товарыщ ево думной дворянин и воевода Федор Иванович Леонтьев взятых воровских казаков, которые взяты на бою у села Кременок, и те воры роспрашиваны порознь. Ясаул Андрюшка Осипов в роспросе сказался – Саранского уезду, новокрещена Лаврентьев крестьянин Сафарова. Тому недели з 2 присылал под Саранск вор Стенька Разин донской казак, а как ево зовут, того не ведает. И взял де город Саранской приступом и воеводу Матвея Вельяминова убил, и которые жилетцкие люди служили великому государю, и тех побил. А были де в то время с тем вором и город взяли синбирские и Синбирской черты казаки и стрельцы. И саранских тюремных сидельцов, взяв город, распустили. А в Саранску де остался тот воровской донской казак, а от себя послал тюремного сидельца Федьку Сидорова и велел де ему быть атаманом. И он де, едучи ис Саранска, по дороге збирал вольницу в казаки. И он де, Андрюшка, с товарыщи своими, собрався человек з 200, пошли с ним, вором, и выбрали де ево, Андрюшку, товарыщи ясаулом. И идучи по дороге к Темникову, помещиковы и вотчинниковы дворы грабили и разоряли и в Темникове были, и дворы грабили и животы имали. А он де,

¹¹Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. II. М., 1957. № 70. С. 84.

Андрюшка, был в то время для воровства в уезде и грабил и, приехав в Темников, был 2 дни. А атаман де Федыка, собрався с воровскими казаками, послал ево, Андрюшку, в село Кременки... И тех де воровских казаков в селе Кременках великого государя ратные люди побили...»¹².

В сентябре 1670 г. в районе деревни Шугурово Саранского уезда начинает активно действовать отряд мордовских крестьян во главе с Павлом Елушевым. В Саранском уезде действуют отряды служилого неверстанного мурзы Акая Боляева, донского казака Алексея Савельева и атамана Якова Никитинского. По оценкам воеводы Юрия Алексеевича Долгорукова, их общая численность составила более 20 тысяч человек. В октябре-ноябре отряд, состоящий из жителей Саранска и его окрестностей, направился для участия в осаде Красной Слободы, не сдавшейся «воровским» казакам.

28 сентября разбиты отряды повстанцев у села Путятина Арзамасского уезда, через день «воровские люди» снова побиты у села Панова.

1 октября Разин тяжело ранен в одной из схваток с воинами князя Барятинского и фактически отходит от руководства боевыми действиями. 3 октября Полки Юрия Никитича Барятинского соединяются с гарнизоном Ивана Богдановича Милославского, осада Симбирска снята. На следующий день в ожесточенном бою под Симбирском восставшие разбиты. Степана Тимофеевича Разина спасают от гибели соратники, они отплывают по Волге к Дону.

Военная обстановка складывалась таким образом, что Саранск превращался в опорный пункт для восставших. Правительственные войска, опираясь на

Симбирск, Казань и Арзамас, стремились захватом Саранска поймать восставших в мешок. Повстанцы, наоборот, не раз пытались овладеть Арзамасом и тем самым открыть дорогу в направлении Москвы. Борьба за Саранск, таким образом, превратилась в один из важнейших эпизодов в истории гражданской войны 1670–1671 гг. «Правительственные войска начали наступление на районы, охваченные восстанием. Продвижение многих отрядов проходило по территории Мордовии. План воевод состоял в том, чтобы как можно быстрее овладеть Саранском. Повстанцы оказались бы рассеченными надвое, и правительственные силы получили бы возможность действовать в направлении Симбирска, Пензы и Тамбова. Взятие Саранска изменило бы всю военно-стратегическую обстановку в пользу царских войск»¹³.

В начале октября восставшие отрезали все подступы к Саранску. На севере, на большом Нижегородском тракте, близ села Мамлеево стоял 4-тысячный отряд Семена Свищева. Он контролировал дорогу от Арзамаса на Саранск. На северо-западе Темников отрезал подходы к городу по Посольской дороге. С северо-востока путь к Саранску преграждали отряды, занявшие важные пункты по Большой Казанской дороге: села Андреевку и Тургенево. Отряды Акая Боляева закрыли Кандаратскую переправу и Алатырский перевоз¹⁴.

10 октября князь Долгоруков разбивает отряды повстанцев у сел Поя и Мамлеево «на саранской дороге».

Из отписки 28 октября 1670 г. князя Долгорукова в приказ Казанского дворца о посылке им стольника Л. Ермолова для приведения к присяге жителей сел Покровского (Вад) и Павлова

¹³История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века. С. 139.

¹⁴Там же. С. 135-138.

¹²Там же. № 110. С. 129-130.

Нижегородского уезда узнается одна интересная подробность: «в село Павлово з деревнями послал я, стольника Льва Романова сына Ермолова да саранские соборные церкви попа Ивана Васильева, которой, ушед из Саранска от воровских людей, жил в Орзамасе»¹⁵.

4-5 ноября Князь Юрий Никитич Барятинский, двигаясь вдоль Симбирской черты, сталкивается на реке Урени с отрядом повстанцев численностью около восьми тысяч человек. В бою восставшие крестьяне теряют 170 человек пленными, 16 знамен, 4 пушки и отступают за Суру. Барятинский занимает село Тагаево. Через лазутчиков он получает сведения о том, что предводитель восставших, мурза Акай Боляев, стоит в деревне Кондарать. 6-11 ноября Юрий Никитич Барятинский выступает из Тагаева к слободе Усть-Урень, разбивает стоящий здесь отряд повстанцев и двигается к Кондарати. В бою ранен Акай Боляев. 12 ноября войска Барятинского переправляются через реку Барыш и подходят к Кондарати. Найдя удобную переправу через речку Кондаратку, воевода отдает приказ вступить в бой. Несмотря на ожесточенное сопротивление, повстанцы Акая Боляева разбиты. В плен попадают 323 человека. Остатки отряда Боляева отходят разными путями на новые позиции.

Из отписки князя Барятинского от 15 декабря узнаем: «И на утрея, государь, ноября ж в 12 день, поставя обоз, через Барыш реку сделав три моста, и через мосты перебрался с полками и с обозом, а они, воры, стояли за Кандараткою речкою под слободою, убрався с полками конные и пешие и составя обоз, да с ними с двенадцать пушек, и пошел разобрався с

своими полками и с обозом. А под тем селом переправа речка Кандаратка, и без мосту на той переправе перебраться никоими мерами было немочно ж. И стояли полки с полками с утра до обеда меньши полуверсты, и изжидал того, чтоб они перебрались за переправу ко мне. И они за переправу ко мне не пошли. И розъездясь я, холоп твой, и рассмотри места, велел пешим полкам и приказом с обозом со всем и с пушками на них наступать. А мы, наметав сенами речку Кандаратку, перебрались. А у них, государь, у речки пехота приведена была, и бой был великой, и стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная. А я со всеми полками конными на их конные полки наступил, и учинился бой великой. И милостию божиею... тех воров побил и обоз взял да одиннадцать пушек, а друганадцатую (т. е. 12-ую) затинную пищаль у них разорвало, да двадцать четыре знамени. И розбил всех врознь, и побежали разными дорогами. И секли их, воров, конные и пешие, так что на поле, и в обозе, и в улицах в трупу нельзе было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи протекли. А языков, государь, живых взято розных городов и уездов триста двадцать три человека. И приведчи их ко кресту, отпустил, а заводчиков из тех людей велел посечь. И на завтрея пошел к Суре реке и стал против села Парахзина городища у Суры реки. И из-за Суры реки Алатарского и Саранского уездов сел и деревень в винах своих тебе, великому государю, многие добили челом, и крест целовали, и приходили ко мне с образами и со слезами плач неутешимая, и обещались, что им ни к каким воровским прелестям не приставать и служить тебе, великому государю, верно»¹⁶.

¹⁵Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. II. М., 1957. № 175. С. 208.

¹⁶Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Саранск, 1940. С. 341-342.

В советской историографии было не принято говорить о героизме царевых слуг, которые чаще всего назывались карателями. Однако следует воздать по заслугам обеим сторонам. Многие саранские дворяне были в действующих войсках всё время, героически сражались, не взирая на тяжелые ранения. Поражает история участника боев под Симбирском, сражений у Тургенева и на Кандарати Григория Тихонова сына Хардина, сохранившаяся в Саранско-Атемарской десятне 1669/70 гг.: «180 (1672) году, маия в 30 день, прислана великаго, государя грамота, по челобитью атемарца Григорья Тихонова сына Хардина: в прошлых де годех, был он, Григорий, под Ригою и с польскими людьми бился и ранен в правую руку; и в прошлом де во 179-м (1670) году, был он же, Григорий, великаго государя на службе в полку боярина и воеводы князя Юрья Никитича Борятинскаго, и на бою под Синбирским бился и ранен в левую руку, ниже плеча, из пищали, и от той раны он, Григорий, левою рукою не владеет; и для той его тяжелой раны, великаго государя в службе велено отсрочить ненадолго, покаместь от той раны излечится. Да того ж числа, присланы две великаго государя грамоты, а по тем великаго государя грамотам, пожаловал великий государь его, Григорья Хардина, за две раны, поместной придачи 150 четей, денег из чети вновь 7 рублей, что ранен он в прошлом во 179-м (1670) году, на дву боях: был бой с воровскими людьми на Кондарате, в селе Тургенева. Да по грамоте ж великаго государя, пожаловал великий государь его ж, Григорья, для объявления блаженныя памяти благовернаго государя царевича и великаго князя Алексея Алексеича, всеа Великия и Малыя и Белья России, поместной придачи, к прежнему его поместному окладу, к 400-м

четям, 50 четей, денег к четвертным к 7-ми рублям, 5 рублей»¹⁷.

В начале декабря 1670 г. объединенные отряды Акая Боляева, Алексея Савельева, Якова Никитинского, Ивана Маленского, Петра Леонтьева двигаются к Алатырю, где находится князь Бяратинский. На помощь Бяратинскому спешит воевода Василий Панин.

7 декабря 1670 г. кн. Ю. А. Долгоруков восстановил царское управление в Темникове и выступил в направлении Красной Слободы, сняв с нее осаду 9 декабря. Осажденные потеряли убитыми 116 человек, среди них и воевода города – стряпчий Литвинов. В плен к царским войскам попадают 50 крестьян – участников осады, которые были пытаны, а затем повешены.

17 декабря князь Долгоруков сообщал царю: «...И декабря ж, государь, в 9-й день (пришли мы, холопи твои к Красной слободе, и у слободы встретили нас, холопей твоих. Красной слободы Спаской пустыни и приходских церквей священники и диаконы, и краснослободцы всяких чинов люди, и Красной слободского присуду розных сел и деревень крестьяне, многие люди, со свитыми иконами и со кресты, и били челом тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, а нам, холопом твоим, говорили «со слезами, что ты, великий государь, пожаловал, велел их от врагов и богоотступников и от изменников и воров и бунтовщиков оборонить, и в разоренье и в надругательство их не выдать. И по твоему, великого государя, указу мы, холопи твои, тех краснослободцов твоею, великого государя, милостию обнадежили и велели их привести, русских людей к вере, а мордву к

¹⁷Десятни Пензенского края 1669–1696 гг. / под ред. А. Барсукова. СПб., 1897. Стб. 224-225.

шерти, что им служить тебе, «великому государю, а к воровству ни к какому не приставать, а которые люди воровство и прелесть между их завели, и они б тех воров, сыскав, объявили нам, холопом твоим...»¹⁸.

Недалеко от деревни Баево Василий Панин атакует объединенные отряды повстанцев. В бою крестьяне теряют девять знамен и пушку и отступают к селу Тургенева. Вечером к Панину прибывает подкрепление. В Баево вступают конные и пешие войска князя Барятинского. 8 декабря Акай Боляев и его сподвижники разбиты у села Тургенева. Остатки отряда отступают под Саранск. Акай Боляев, организуя сопротивление государевым людям, мобилизует в селах Саранского уезда по человеку со двора, а всех кузнецов – на ковку оружия и ремонт пушек.

11 декабря, как следует из воеводской отписки, «собрався, пошли с Олаторя под Саранск декабря в 11 день двумя дорогами, товарищ мой, холопа твоего, окольников и воевода князь Юрья Никитич шел прямою дорогою, а он де, стольник и воевода Василей Панин шел от Олаторя подле Сурского лесу. И Олаторского ж, государь, и Саранского и Атемарского уездов в селах и в деревнях русских всяких чинов люди все приведены к вере, а татаровя и мордва по их вере к шерти. А которые де, государь, тех сел и деревень всяких чинов люди были на боех с воровскими казаками и ранены, и тех, сыскав, всех велел казнить смертью...»¹⁹.

16 декабря правительственные войска подошли к Атемару и Саранску. Войска Барятинского и Панина соединяются у Атемара и захватывают крепость. Повешены повстанческие

старшины и есаулы. В Саранск направлены грамоты с предложением «вины свои» принести. Яков Никитинский, стоявший во главе повстанческого управления городом, отвечает, чтобы воевода ждал восставших «с пушечными гостинцами». К вечеру после ожесточенного сопротивления Саранск взят. Акай Боляев отступает в деревню Костяшево в 30 километрах к северу от Саранска, где его отряд окончательно разбит, а сам он пленен. Между 16 и 26 декабря Юрий Алексеевич Долгоруков вынес смертный приговор мурзе Акаю Беляеву: «...Вора и изменника и бунтовщика Мурзакайка велел я, – сообщает он в Приказ Казанского дворца, – ...за многое ево воровство в Красной Слободе казнить смертью, четвертовать». Между 19 и 21 декабря по распоряжению Юрия Алексеевича Долгорукова Василий Федоров препровожден в Красную Слободу и «за... многое воровство и за бунт» повешен. 20-го декабря в руки царевых войск попадает Павел Елушев. Князь Барятинский «велел того вора Пошатка повесить»²⁰.

26 декабря царю Алексею Михайловичу так сообщалось об этом: «И воры, которые были в Саранску, донской казак Алешка Савельев с товарищи, уведав, что он, окольников и воевода (кн. Барятинский), идет к Саранску, побежали все врознь на Пензу, а с Пензы на Саратов и в иные места. И как де он, окольников и воевода, пришел в новую казачью пятину от Саранска за 15 верст, и пришли де, государь, к ним из Саранска и с Отемару священники и саранские и атемарские жители всякого чину со святыми иконами и тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу . . ., в винах своих доби́ли челом и говорили им, чтоб

¹⁸Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. С. 341-342.

¹⁹Там же. С. 345.

²⁰Юрченков В. А. Мордовский народ: вехи истории. С. 276.

послать и велеть города принять. И они де, государь, послали наперед себя в Саранск полуголову московских стрельцов Луку Изьединова. А он де, таварыщ мой окольниковей и воевода князь Юрьи Никитич, пришел в Саранск декабря в 16 день и вором, которые воровали и бунтовали, указ учинил, которые чего довелись. А стольник де и воевода Василей Панин пришел на Атемар того же числа, и воров сыскав, то ж учинил, кто чего довелся. И с Атемару пришел к Саранску ж и стал в городке Петровском, а Инзерской тож. А пошли де, государь, они врознь по городом для того, чтоб воров заставить и переимать и, розыскав, указ учинить.

Да ведомо де, государь, им учинилось, что вор атаман, воровской их промышленник Мурзакайко, з бою збежав, и жил в мордовской своей деревне Костяшеве. И по их де, государь, посылке того вора поймали и к ним привели. И он, таварыщ мой окольниковей и воевода, того вора прислал ко мне, холопу твоему, з головою московских стрельцов с Микифором Колобовым. Да декабря ж де, государь, в 23 день привели к нему в Саранск Терентьевы сотни Лихутина татаровя мордвина Саранского уезду деревни Шугуровы Пашатка Елушева, которой ходил с мордвою атаманом и с воровскими казаками на всех боях был. И он де, окольниковей и воевода, велел того вора Пошатка повесить.

А которые де, государь, твои великого государя ратные люди по ево посылке ходили на Пензу, и те, пришед, ему сказали, что по моей,.. посылке пришли на Пензу твои великого государя ратные люди до них за день, а воров де, государь, на Пензе никою нет. А которые де, государь, около Пензы села и деревни, и тех сел и деревень жители, приходя, тебе, великому государю, крест целовали в Саранску, и у посылки ево. А от Саранска де, государь, по черте до Синбирска и до

Алаторя и от Синбирска до Казани милостию Божию и твоею государевою праведною молитвою везде смирно и проезд везде свободной, воров нигде нет. А в Саранску де, государь, велел он, окольниковей и воевода, быть до твоего великого государя указу в воеводах Федору Болтину, а в Шечкеевском остроге – Онанье Бекетову»²¹.

События этой войны выдвинули ряд интересных личностей, так или иначе связанных с Саранском. Ряд исследователей на первое место из них ставят «заповедного человека в воровстве» Василия Дьяволкова (Кудрявцева). Из его показаний следует, что был он поверстан в саранские стрельцы, из этой же среды была и его жена. А прежде того служил он в Астрахани стрельцом, оттуда попал в плен к калмыкам и «был у них многое время». Под Симбирском, в момент прихода туда Степана Разина, он перешел на сторону последнего и выполнял у него обязанности одного из секретарей – «всяческие письма у Разина писал»²². Поле казни С. Т. Разина сумел не только скрыться от преследования, но и поверстался в московские стрельцы за «полонянное калмыцкое терпение». Однако мир семнадцатого столетия был небольшим, и в 1673 г. во время его стояния в карауле он был опознан саранским пушкарем Купряшкой Горюшиным, посланным в Москву по делам. По донесению последнего Дьяволкова пытаются, и под пытками он признается, что «со Степаном Разиным в воровстве был»²³. Кудрявцева сажают в подвал Казанского приказа под караул, но пристав, хорошо ранее знавший Дьяволкова, помог ему сбежать. Василий бежал из Москвы и долго странствовал по

²¹Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. II. № 363. С. 462-463.

²²НА НИИ ГН при Правительстве РМ. И-348. Л. 31.

²³Там же.

окраинным городам – Серпухову, Орлу, Курску, Белгороду, затем перебрался на реку Хопер, а оттуда в Черкасский городок к донским казакам. Казалось бы, что тут его не опознать никому, но по делам государственной службы там находился саранский сын боярский Дмитрий Алферьев, который и указал на разинского приспешника. Во время обыска у него находят «воровские ернические письма в тетратех». Дьяволков вновь оказался под арестом. Но, тем не менее, даже в тюрьме он пользовался покровительством своих друзей – думного дворянина и воеводы Ивана Севастьяновича Хитрово и головы московских стрельцов Матвея Сипягина. По доносу московского «сыщика» воеводы Касагова, из опасения, как бы Васька «такою поноровкою не ушел из-за караула и в войско донское какого письма не послал воровского»²⁴, у него был произведен обыск, в результате которого были найдены «воровские письма». По специальной грамоте, «заковав в железа, за крепкими сторожами»²⁵, он был выслан в Москву в Посольский приказ, откуда также смог сбежать, после чего о нем уже больше ничего не известно.

К концу 1670 г. повстанческое движение в различных районах Мордовии было подавлено правительственными войсками. Покончив с усмирением восставших районов, московское правительство принялось проводить расправу над мятежниками. Положение в мордовском крае было тяжелым. После восстания запустели многие деревни, часть крестьян, пользуясь возможностью, бежала из своих деревень в другие места. Правительство предпринимало меры по восстановлению порядка. «За подавление восстания в Среднем Поволжье было

роздано крестьянской земли боярам и воеводам: Ромодановскому – 739 четей, Голицыну – 400, Нарышкину – 350, Хованскому – 350, Апраксину – 300, Нечаеву – 500, Солнцеву – 250, Шаханскому – 250, Еникееву – 250». Шестдесят детей боярских получили владения в 100-150 четей²⁶.

В Саранско-Атемарской десятне 1669/70 г. содержится множество сведений об участии Саранских дворян в боевых действиях по подавлению народного восстания.

«Июля в 14 день, присланы великаго государя грамоты: пожаловал великий государь атемарца Григорья Васильева сына Алферьева, за службу 179 (1670) году, что он был в полку боярина князя Юрья Никитича Борятинскаго, под Синбирским, у сотни головою, придачи учинено ему, к прежнему его окладу поместнаго 100 четей, денег 10 рублей»²⁷.

«181 (1673) году, июня в 3 день, прислана великаго государя грамота, пожаловал великий государь атемарца Иваниса Яковлева сына Ростригина, за службу прошлаго 179 (1670–71) году, что он был в полку боярина и воеводы князя Юрья Никитича Борятинскаго, у сотни головою, поместной придачи 100 четей, денег из чети дано 7 рублей»²⁸.

«июня в 3 день, прислана великаго государя грамота пожаловал великий государь Атемарца Семена Яковлева сына Ростригина, за службу прошлаго 179 (1670–71) году, что он был в полку боярина и воеводы князя Юрья Никитича Борятинскаго, у сотни головою, и за тую за

²⁴Там же. Л. 32.

²⁵Там же.

²⁶Юрченков В. А. Мордовский народ: веки истории. С. 277.

²⁷Десятни Пензенского края 1669–1696 гг. Стб. 136.

²⁸Там же. Стб. 140.

службу, поместной придачи 100 четей, денег из чети 10 рублей»²⁹.

«181 (1673) году, марта в 17 день, прислана великаго государя грамота, пожаловал великий государь атемарца Федора Астафьева сына Аникиева, за рану, что он ранен в прошлом во 179 (1670) году, под Синбирским, на бою, как был бой с воровскими людми, и за тое рану, поместной придачи 100 четей, денег к четвертным 5 рублей»³⁰.

«179 (1671) году, марта в 31 день, великаго государя по грамоте, пожаловал великий государь Григорья Васильева сына Алферьева, за рану, что он ранен в нынешнем во 179 (1670) году, под Синбирским, и за рану поместной придачи 50 четей, денег к четвертным 3 рубли; да его ж, за службу и по родству, написать из дворовых по выбору»³¹.

Профессор В. А. Юрченков, осмысливая итоги крестьянской войны на территории современной Мордовии, писал: «В ходе расправы над крестьянами были сожжены Андреевка, Адашево, Костяшево, Ардатово, Селищи, Баево, Кечушево, Турдаково, Старые Чукалы, Старая Баева, Шугурово и другие деревни. В Саранске казнены 200 повстанцев, в Темникове – 100, Троицке – 70, Красной Слободе – 56, Зарубкине – 67, Журавкине – 50, Луньге – 50, в Маресеве – 13. Невольно вспоминаются слова Иоганна Марция из Мюльгаузена в Тюрингии о подавлении разинского движения: „...никого не наказывали строже, чем казаков-мордвинов...“»³².

Известный историк С. М. Соловьев дал следующую оценку рассматриваемым событиям: «Крестьянские восстания есть выражение антигосударственного,

анархического начала, их победа означала бы гибель страны... Разин и Пугачев – прежде всего разбойники»³³.

²⁹Там же. Стб. 147.

³⁰Там же.

³¹Там же. Стб. 147-154.

³²Юрченков В. А. Мордовский народ: веки истории. С. 277.

³³Укрепление феодальных отношений. URL: <https://infopedia.su/10x9115.html> (дата обращения: 01.02. 2022).

Библиография

- Воронин И. Д.* Саранск. Саранск, 1961.
Десятни Пензенского края 1669-1696 гг. / под ред. А. Барсукова. СПб., 1897.
Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Саранск, 1940.
Зерцалов А. Н. Материалы по истории Симбирского края XVII–XVIII вв. Симбирск, 1900.
История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века. Саранск, 2001.
Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. II. М., 1957.
НА НИИ ГН при Правительстве РМ. И-348.
Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Памяти Сергея Михайловича Соловьева. Одесса, 1882.
Укрепление феодальных отношений. URL: <https://infopedia.su/10x9115.html> (дата обращения: 01.02. 2022).
Фролов Д. В. Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. Саранск, 2014.
Юркин И. Н. Материалы для истории города Корсуна. Корсун, 1908.
Юрченков В. А. Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007.

Сведения об авторе

Фролов Дмитрий Викторович, кандидат филологических наук, заместитель директора по науке Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина, г. Саранск (Россия). Область научных интересов: История Мордовского края в XVII в., историческая реконструкция «бунташного века», скорописные документы, старопечатные и рукописные книги, приказной язык, искусствоведение, музейное дело, древнерусский и церковно-славянские языки.

E-mail: kraeved13rus@gmail.com

D. V. Frolov

**"AND YOURS, THE GREAT SOVEREIGN, THE MILITARY MEN OF THOSE THIEVES
BEAT THE COSSACKS AND TOOK THE LIVING..."
SARANSK IN THE PEASANT WAR LED BY S. T. RAZIN 1670-71**

Annotation: The article examines Saransk and its county in the peasant uprising led by S. T. Razin in 1670–71.

Key words: Saransk, XVII century, peasant uprising led by S.T. Razin in 1670–71.

References

- Voronin I. D.* Saransk [Saransk]. Saransk, 1961. (In Russian).
Desyatni Penzenskogo kraja 1669–1696 gg. [Desyatni of Penza region 1669–1696]. Edit. by A. Barsukov. St. Petersburg, 1897. (In Russian).
Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoi ASSR [Documents and materials on the history of the Mordovian ASSR]. Vol. I. Saransk, 1940. (In Russian).
Zertsalov A. N. Materialy po istorii Simbirskogo kraja XVII–XVIII vv. [Materials on the history of the Simbirsk region of the XVII–XVIII centuries]. Simbirsk, 1900. (In Russian).
Istoriya Mordovii s drevneishikh vremen do serediny XIX veka [The history of Mordovia from ancient times to the middle of the XIX century]. Saransk, 2001. (In Russian).

Krest'yanskaya voina pod predvoditel'stvom Stepana Razina [Peasant warrior led by Stepan Razin]. Collection of documents. Vol. II. Moscow, 1957. (In Russian).

NA NII GN pri Pravitel'stve RM [Research Institute under the Government of the Republic of Mordovia]. I-348. (In Russian).

Peretyatkovich G. Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka (oчерki iz istorii kolonizatsii kraja). Pamyati Sergeya Mikhailovicha Solov'eva [Volga region in the XVII and early XVIII centuries (essays from the history of colonization of the region). In memory of Sergei Mikhailovich Solov'ev]. Odessa, 1882. (In Russian)

Ukreplenie feodal'nykh otnoshenii [Strengthening of feudal relations]. URL: <https://infopedia.su/10x9115.html> (accessed: 01.02. 2022). (In Russian).

Frolov D. V. Pervyi vek saranskoi istorii: gorod i ego zhiteli v XVII stoletii [The first century of Saransk history: the city and its inhabitants in the XVII century]. Saransk, 2014. (In Russian).

Yurkin I. N. Materialy dlya istorii goroda Korsuna [Materials for the history of the city of Korsun]. Korsun, 1908. (In Russian).

Yurchenkov V. A. Mordovskii narod: vekhi istorii [The Mordovian people: milestones of history]. Saransk, 2007. (In Russian).

About the author

Frolov Dmitry V., candidate of philology, Deputy Director for Science, Mordovia Republican United Museum of Local Lore named after I. D. Voronin, Saransk (Russia). Research interests: history of the Mordovian Region in the XVII century, historical reconstruction of the “rebellious age”, cursive documents, old printed and handwritten books, command language, art history, museum business, Old Russian and Church Slavonic languages.

E-mail: kraeved13rus@gmail.com

«ВООРУЖЕНЬ АКИ ВОИНЬ»: К ВОПРОСУ О (НЕ)КАНОНИЧНОМ ОРУЖИИ В РУССКОМ ИКОНОПИСАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ XVII – РУБЕЖА XVII И XVIII ВВ.)

Аннотация: Русские средневековые иконописцы писали моленные образы по особым регламентам, описывающим изобразительные каноны. Именно каноны обозначали то, какие детали и в каком виде следовало изображать. Прописывались эти правила в особых документах: подлинниках и ерминиях. Если обратиться к их анализу, то окажется, что круг упоминаемого оружия там очень ограничен. Однако на иконах представлено большее типовое разнообразие в вооружении, чем предписывалось рисовать. Значит, иконописцы обращались помимо канонов к иным источникам информации, которые могут, по нашему предположению, прояснить некоторые аспекты в развитии военного дела в России.

Ключевые слова: XVII век, рубеж XVII и XVIII веков, иконы, иконописание, военное дело, каноны.

Творчество средневековых русских иконописцев регламентировалось канонами. Последний «обуславливал общую композицию, колорит, детали изображения или текста»¹. Иначе говоря, каноны – это набор формальных приемов². Они прописывались в отдельной категории письменных источников. Сегодня эти источники известны как подлинники (лицевые или текстовые) и ерминии³. Если обратиться к их анализу, то окажется, что круг упоминаемого оружия там очень

ограничен. В самом раннем подлиннике – подлиннике новгородской редакции, у которого первые два списка датированы втор. пол. XVI в., указаны только меч, щит, копье, броня. Без каких-либо дополнительных характеристик. И только доспех упомянут трех видов: клинчатый, клетчатый, пернатый⁴. В более поздних пособиях еще встречаются саадак, шлем, (нагрудное) зеркало, палица и секира⁵. Соответственно, это упомянутое оружие можно назвать каноничным⁶. Именно оно должно быть нарисовано у представителей «христоролюбивого воинства».

И даже при всем этом могли быть разные каноничные варианты изображения одного и того же сюжета. Приведем пример из описаний ростовского образа Георгия Победоносца в двух подлинниках. Из новгородской редакции втор. пол. XVI в.: «Святаго великомученика Георгия Побѣдоносца. Великій мученикъ Георгій. Въ бронѣхъ, приволока черчата, доспѣхъ клѣтчаты, златъ, рукавъ исподъ лазорь, ногавки багорь; въ правой копье, въ лѣвой мечъ въ ножнѣхъ; щитъ у лѣваго плеча»⁷. И вариант изображения, содержащийся в сводном иконописном подлиннике XVIII в. по списку Г. Ф. Филимонова: «Святаго славнаго великомученика, побѣдоносца

⁴ Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVI века. М., 1873. С. 29, 93, 94.

⁵ Сводный иконописный подлинник XVIII века. По списку Г. Филимонова. М., 1874. С. 327-328.

⁶ Подвальнов Е. Д. Текстовый иконописный подлинник новгородской редакции как источник по истории военного дела на Руси XV–XVI вв. // *Novogardia*. № 3 (11). 2020. С. 97-114.

⁷ Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVI века. М., 1873. С. 93.

¹ Бобров Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб., 1995. С. 13.

² Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.–СПб., 1999. С. 93-98.

³ Евсеева Л. М. Иконописные подлинники. // *Православная энциклопедия*. Т. 22. М., 2009. С. 58.

Георгія, бѣ въ лѣто 5796; подобіемъ младъ, лицемъ прекрасенъ, власы русь изчерпа и крудревать, и аки подстрижены, риза воинская, во броняхъ, доспѣхъ пернатой, приволока киноварная, исподняя риза лазоревая, у сердца зеркало круглое, въ правой рукѣ копіе, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ, за правымъ плечомъ шлемъ, а на немъ крестъ, при лѣвой бедрѣ щитъ, а при правой тугъ съ лукомъ и сайдакъ со стрѣлами, и палица подъ бедромъ, сапоги на немъ желтые, ногавицы багрянныя»⁸. Разница очевидна, более позднее описание приросло дополнительными подробностями. И также изменились некоторые детали: вместо клетчатого доспеха предписано рисовать пернатый и с зеркалом.

Тут же стоит заметить, что, к сожалению, нам известны каноны не для всех иконописных сюжетов. Впрочем, военные историки и археологи из-за самого факта наличия регламентаций в иконописном искусстве едва ли не подвергли остракизму моленные образы. Их очень редко привлекают исследователи для изучения и реконструкции древнерусского военного дела. Если всё же используют, то с оговоркой, метко выраженной О. В. Двуреченским, что «как правило, перед нами элементы художественной традиции...»⁹. То есть предписания для православной станковой живописи едва ли не а priori обозначают расхождение в характеристиках между иконописным образом оружия и синхронным по времени его материальным аналогом.

Но вот тут и хотелось бы обратить внимание на один существенный момент, ранее не попадавший в исследовательскую оптику специалистов-оружиеведов. Между теорией – канон и практикой – самим рисунком обнаруживаются некоторые расхождения. В частности, встречаются предметы вооружения, не относящиеся к категории каноничных. К таковым относятся сабли, бердыши, огнестрельное оружие и пр.,

⁸ Сводный иконописный подлинник.... М., 1874. С. 327.

⁹ Двуреченский О. В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII вв.). СПб.: Канд. дисс. 2008. С. 188.

которые не упоминаются в регламентах. При этом даже, казалось бы, каноничное оружие может быть нарисовано «нетрадиционно», то есть в таком виде, в котором его, как правило, не отображали. Всё это возможно было как раз по той причине, что в пособиях просто не указаны габариты, формы оружия, типы (к примеру, для шлема), ни хваты для копий, луков и т. д. Указано только то, в каком сюжете, у какого воина и какое оружие должно быть, не более. В конечном счете важно понять, а отражают ли в таком случае все эти неканоничные и каноничные, но не в «традиционном» виде, воинские атрибуты реалии военного дела?

Предполагаем, что всё-таки отсутствие всеобъемлющей регламентации открывало возможность изографам рисовать не только по своему видению, но и переносить некоторые части реального комплекса вооружения на изображения. И даже в тех случаях, когда это оружие выступало в роли анахронизма. Это особенно актуально для периода кон. XVII – нач. XVIII вв., поскольку в этот промежуток времени стали проникать западноевропейские художественные веяния, наложившие в том числе отпечаток и на иконописное искусство; оно стало более «мирским», «вестернизированным»¹⁰. В таком случае еще больше расширились возможности реализации творческой свободы изографов. И, соответственно, они вправе были не только обращаться к реальному синхронному комплексу вооружения, но и рисовать его, переносить на рисунок.

Обратимся к конкретным примерам. Икона «Архангел Михаил с деяниями» кон. XVI – нач. XVII вв. из музея древнерусской культуры им. Андрея Рублева (далее – ЦМиАР)¹¹. Клеймо №3 (Архангел Михаил помогает Аврааму в битве): архистратиг вооружен мечом, войско Авраама атакует

¹⁰ Арцыбашева Т. Н. Из истории иконописания в России Нового и Новейшего времени: век XVII – XX век // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: искусствоведение. 2004. С. 220-224.

¹¹ Салтыков А. А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л., 1981. С. 250, илл. 154-156.; Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007. Кат. № 98, С. 526-533.

врага копьями. Любопытно, что предводитель небесного воинства на среднике и клейме №3 с мечом, а на клеймах №7 и 11 нарисован с саблей – неканоничным оружием.

Рубежом XVI–XVII вв. датируется икона св. Александр Невский в схиме с житием из храма Покрова на Рву (Василия Блаженного) Московского Кремля¹². Клеймо №7 (Невская битва), в котором, несмотря на посредственное качество, можно отметить, что сам Александр Невский дважды нарисован с поднятым вверх мечом и/или саблей в руке. Надо сказать, что в подобном виде (конным и с поднятым вверх длинноклинковым оружием – мечом или саблей) его изображали и на иконах «Битва новгородцев с суздальцами» из Новгородского музея-заповедника и из Государственного Русского музея; таким же он нарисован на целом ряде миниатюр из Лицевого летописного свода XVI в.¹³

Икона «Святые Борис и Глеб с житием» из Государственной Третьяковской галереи датируется нач. XV в., но клейма на раме датируются перв. третью XVII в. (1620–1630-е гг.).¹⁴ Именно они интересуют нас, под номерами: №5 (убийство Георгия Угриня), №13 (битва войск Святополка и Ярослава). Клейма сохранились не в самом лучшем состоянии, но тем не менее во всех сценах нарисованы сабли (мечи?).

«Благовещение с Акафистом» перв. пол. XVII в. – икона из Благовещенского собора¹⁵. Клеймо №1 (спасение

Константинополя чудом от ризы Богоматери), на котором нарисовано несколько воинов с саблями и/или мечами.

«Святые Василий и Константин в житии» из Ярославского государственного художественного музея. Средник иконы конца XVIII в., но батальная сцена нарисована на клейме №3, которое датируется сер. XVII в. (1640-е гг.)¹⁶. Сюжет клейма – битва с татарами на Туговой горе, взятие Ярославля в 1238 г. и вынос тел погибших князей. Крайне нетипичное отображение боя в том плане, что две конные рати в схватке фактически ничем друг друга не атакуют, хотя положение рук указывает на то, что оружие должно было быть нарисованным. На воинских поясах в ножнах отображены сабли и/или мечи. При этом любопытно, что отсутствуют копья на фоне, поскольку это типичный прием иконописцев для представления многочисленности войска. Также несколько выходящих из ворот города жителей стреляют из луков.

«Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония Муромские с житием» – икона нач. XVII в. (1618 г.) из Муромского художественного музея¹⁷. Агриков меч князя Петра на клейме №4 нарисован как двуручный. На другой иконе этого же сюжета и из того же музея, но только рубежа XVI–XVII вв., в клейме №6 Агриков меч вообще нарисован как сабля¹⁸.

На фоне остальных выделяется икона «Сергий Радонежский с житием» из Ярославского художественного музея, в клейме №31 которой представлен весь сюжет «Сказания о Мамаевом побоище»¹⁹. Сама икона (средник и клейма на раме) датируется сер. XVII в., а клеймо №31 написано и добавлено ок. 1680 г., возможно, после 1684 г. На нем предположительно нарисованы русские артиллерийские батареи, ведущие огонь по татарам. Пересвет и Ослябя в

¹² *Мироненко Д. Г.* Иконография святого Александра Невского. Кандид. дисс. Т. II. СПб., 2013. С. 11, 20, 107. илл. 7, 123-124.; *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. XII. М.–Л. 1966. С. 311-327.

¹³ Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 5. 1217–1241 гг. М., 2014. С. 498.; Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 6. 1242–1289 гг. М., 2014. С. 4, 13, 23, 24.

¹⁴ *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х томах. М.: Искусство, 1963. Т. I, № 67, С. 125-127, илл. 84-85.

¹⁵ *Саликова Э. П.* Храмовая икона Благовещенского собора и иконография Акафиста Богоматери в московской живописи первой половины XVII века

// Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 264-279.

¹⁶ *Комашко Н., Саенкова Е.* Русская житийная икона. М., 2007. С. 268, 270-271.

¹⁷ Иконы Муром. М., 2004. Кат. № 19, С. 150-167.

¹⁸ Там же. Кат. № 17, С. 128-147.

¹⁹ *Комашко Н., Саенкова Е.* Русская житийная икона. С. 286-289.

схемах атакуют татар копиями. Различимы у конников луки, сабли. На клейме №26 (осада города Опочки) видны воины, штурмующие город, вооруженные луком, мечом или саблей. На клейме №29 (осада Троице-Сергиевского монастыря поляками) нарисованы рати, среди которых различаются два конника с саблями и/или мечами.

Икона «Богоматерь Владимирская с чудесами» сер. XVII в. (ок. 1654 г.) из Ярославского государственного художественного музея²⁰. На клейме №8 пеший воин с пищалью, стреляющая пушка. Стрелец одет в кафтан. В этой же сцене у одного всадника видна сабля.

Рама иконы «Богоматерь Знамени» 1680-х гг. из церкви Илии Пророка²¹. Изображения сюжета «Битва новгородцев с суздальцами» сохранились в посредственном качестве, но батальные сцены отображены весьма необычным образом. В клейме №5 нарисован «традиционный» конный копейный бой и 1-2 меча; в клейме №17 обстреливают Новгород пешие лучники (в XV–XVI вв. город обстреливали только конные суздальцы на иконах). Выделяется сцена на клейме №18 (чудо иконы и преследование новгородцами суздальцев), поскольку изображены преимущественно пешие новгородцы с копиями, что гонят суздальцев.

Икона Феодоровская Богоматерь со сказанием кон. XVII в. (1680-е гг.) из Костромского музея-заповедника²². Клейма: №10 (выступление князя Василия с войском и чудотворной иконой на битву), №11 (чудесное ослепление врагов лучами от иконы), №12 (поражение монголо-татарского войска), №13 (победоносное возвращение костромской дружины в город). Во всех сценах войска вооружены копиями (на фоне),

мечами и/или саблями, есть одно изображение лука.

«Преподобный Сергей Радонежский с житием» в 30 клеймах – икона кон. XVII в. из ЦМиАР²³. В клейме №28 у нескольких воинов в лодке копия, еще у пары – бердыш. Икона аналогичного сюжета рубежа XVII–XVIII вв. из собрания А. Д. Липницкого²⁴. Клейма: №20 (битва с Мамаем на Куликовом поле, вверху – преподобный Сергей молится в Троицком монастыре), №35 (явление преподобного Сергия перед сражением с соединенными войсками Лисовского и Сапеги у стен Троицкого монастыря), №36 (явление преподобного Сергия архиепископу Элассонскому Арсению перед освобождением Москвы). Во всех клеймах большинство воинов – конные копейщики – предположительно, в латных доспехах. В клейме №35 нарисован один меч.

Последней четвертью XVII в. датируется икона «Святые благоверные князья Борис и Глеб с житием» из Воскресенского собора г. Тутаев. На ряде клейм изображены конные воины в походе с копиями (на фоне). Нас же интересует клеймо №18 (моление князя Ярослава перед битвой; битва войск Ярослава и Святополка), в котором бой двух конных ратей представлен сабельной схваткой.

Икона из Владимиро-Суздальского музея-заповедника рубежа XVII–XVIII вв. «Святые князья Владимир, Борис и Глеб, с житием Бориса и Глеба»²⁵. Интересующие нас клейма: №7 (Борис с войском отправляется в поход на печенегов) – конное войско, вооруженное копиями (только на фоне) и саблями; №10 (нападение на Бориса в шатре и убиение отрока Георгия) – в руках убийц сабля и копье; №11 (воин добывает Бориса, его погребение в Вышгороде) – князя добывают копьем; №13 (убиение Глеба в

²⁰ Иконы Ярославля XIII – середины XVII века. Шедевры древнерусской живописи в музеях Ярославля: в 2 т. Т. II. М., 2009. кат. № 179, С. 320-335.

²¹ Масленицын С. И. Ярославская иконопись. М., 1983. С. 37, 38.

²² Каткова С. С. Икона «Богоматерь Федоровская со Сказанием» // XII научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. Ярославль, 2008. С. 55-67.

²³ Преподобный Сергей Радонежский. Образ простоты, правды, святости. Иконография XV – начала XX века: [Альбом-каталог]. М., 2014. С. 242-243, кат. № 34.

²⁴ Иконы из частных собраний: Русская иконопись XIV – начала XX века: Каталог выставки. М., 2004. Кат. № 54, С. 212-213, илл. С. 85.

²⁵ Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006. Кат. № 102, С. 448-459.

насаде) – Глеба убивают мечом, у остальных воинов сабли.

«Святые князья Борис и Глеб с житием» рубежа XVII–XVIII вв. (ок. 1700 г.) из собрания В. А. Бондаренко²⁶. Клейма с батальными сценами: №9 (убийство князя Бориса) – Бориса убивают копьем; №16 (убийство Глеба) – князя колют саблями; №20 (битва Ярослава Мудрого со Святополком) – представлена сшибка двух войск конных копейщиков, в руках у Ярослава сабля.

Рубежом XVII–XVIII вв. датируется рама иконы с житием святых князей Бориса и Глеба из Ярославского художественного музея²⁷. Изображения до нас дошли в посредственной сохранности. На многих клеймах нарисованы конные рати с копьями (на фоне). Только в клейме №5 (болезнь князя Владимира) выделена сабля, в клейме №9 (убийство князя Бориса) видны копье и сабля.

Протазан, булава и бердыш нарисованы в среднике иконы «Иоанн Воин в житии» нач. XVIII в. из того же музея²⁸. На данный момент сложно однозначно ответить на вопрос о том, был ли бердыш равнозначен секире в понимании иконописца.

Началом XVIII в. (1714 г.) датируется икона «Святые благоверные князья Константин, Феодор и Михаил Муромские, с житием»²⁹. На клейме №18, на котором раскрыт сюжет подготовки муромцев к битве с Константином, отображены воины с пищалями, секирами (бердышами?), а также крепостная пушка. Несмотря на целый набор неканоничного и «нетрадиционного» оружия, удивляют наряды воинов. Это снова кафтаны, причем на головах нарисованы стрелецкие шапки. Очевидно, что они не княжеские – вряд ли их изобразили у рядовых воинов (иконографически тоже отличаются: данные

стрелецкие шапки длиннее княжеских). А на клеймах №21 и 22 изображено более десяти сабель в руках конников.

В рамках затронутой нами проблематики крайне интересна икона Богоматери Знамение с изображением битвы новгородцев с суздальцами нач. XVIII в. (периода Северной войны) из музея-заповедника «Коломенское»³⁰. Икона уже стилизована под картинную живопись. В целом ряде клейм – с №11 по 14, повествующих о чудесном спасении Новгорода иконой Богоматери Знамение, изображены воинские атрибуты и оружие времени создания иконы: сабли (шпаги?), военные одежды петровской эпохи, со стен, вероятно, ведется огонь крепостной артиллерии (сами пушки не нарисованы – только дым с бойниц). Сам князь Роман – спаситель Новгорода, которого не было на более ранних иконах с этим сюжетом, художником представлен как Петр Великий, в характерном для его времени мундире.

Таким образом, можно заметить, что, несмотря на всю «традиционность» икон, в иконописании встречается большое количество неканоничного оружия. Все приведенные выше примеры свидетельствуют о следующем: во-первых, воинские атрибуты на иконах помещаются сообразно эпохе; во-вторых, канон не был препятствием для изображения реально бытовавших предметов вооружения. Дело в том, что бердыши, протазаны, огнестрельное оружие, сабли, воинские одежды и мундиры появляются на иконах в то время, когда они активно использовались в реальности. И этот принцип работает для более раннего и позднего периодов иконописания. Например, по мнению А. Ф. Медведева, изографы XIV–XV вв. обращались непосредственно к пластинчатым доспехам для их перерисовки на изображении³¹. В итоге можно говорить о том, что обращение иконописцев к реалиям

²⁶ Иконы из частных собраний.... Кат. № 23, С. 201-202, илл. С. 50.

²⁷ «На ратный труд благословляющие»: Иконы Ярославля XVI – начала XX века из собрания Ярославского художественного музея: Каталог выставки. М., 2005. Кат. № 11, С. 36-40.

²⁸ Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов. М., 2008. С. 155.

²⁹ Иконы Муромы. М., 2004. Кат. № 57, С. 302-319.

³⁰ Полякова О. А. Музей-заповедник «Коломенское». Шедевры русской иконописи XVI–XIX веков. М., 1999. Кат. № 45, С. 228-229.

³¹ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. № 2. 1959. С. 119-134.

военного дела своего времени – это факт. И он распространяется даже на каноничное оружие, правда с оговоркой – то, которое нарисовано было не так, как всегда, т. е. «нетрадиционно». Утверждение, что

каноничность обязательно исключает возможность в определенных моментах отображать реалии, не находит подтверждений

Библиография

Источники:

- Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVI века. М., 1873.
- Иконы Ярославля XIII – середины XVII века. Шедевры древнерусской живописи в музеях Ярославля: в 2 т. М., 2009. Т. II.
- Иконы Мурома. М., 2004.
- Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007.
- Иконы из частных собраний: Русская иконопись XIV – начала XX века: Каталог выставки. М., 2004.
- Иконы Владимира и Суздаля. М.: Северный паломник, 2006.
- Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 5. 1217–1241 гг. М., 2014.
- Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 6. 1242–1289 гг. М., 2014.
- «На ратный труд благословляющие»: Иконы Ярославля XVI – начала XX века из собрания Ярославского художественного музея: Каталог выставки. М., 2005.
- Преподобный Сергей Радонежский. Образ простоты, правды, святости. Иконография XV – начала XX века [Альбом-каталог]. М., 2014.
- Сводный иконописный подлинник XVIII века. По списку Г. Филимонова. М., 1874.

Литература:

- Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х томах. М.: Искусство, 1963. Т. I.
- Арцыбашева Т. Н. Из истории иконописания в России Нового и Новейшего времени: век XVII – XX век // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: искусствоведение. 2004.
- Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. XII. М.–Л., 1966.
- Бобров Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб., 1995.
- Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.–СПб., 1999.
- Двуреченский О. В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII вв.). СПб.: Канд. дисс. 2008.
- Евсеева Л. М. Иконописные подлинники. // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22.
- Каткова С. С. Икона «Богоматерь Федоровская со Сказанием» // XII научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. Ярославль, 2008.
- Комашко Н., Саенкова Е. Русская житийная икона. М., 2007.
- Масленицын С. И. Ярославская иконопись. М., 1983.
- Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. 1959. № 2.
- Мироненко Д. Г. Иконография святого Александра Невского. СПб.: кандидат. дисс., Т. II. 2013.
- Подвальнов Е. Д. Текстовый иконописный подлинник новгородской редакции как источник по истории военного дела на Руси XV–XVI вв. // Novogardia. № 3, 2020.
- Полякова О. А. Музей-заповедник «Коломенское». Шедевры русской иконописи XVI – XIX веков. М., 1999.
- Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов. М., 2008.

Саликова Э. П. Храмовая икона Благовещенского собора и иконография Акафиста Богородицы в московской живописи первой половины XVII века // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999.

Салтыков А. А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л., 1981.

Сведения об авторе

Подвальнов Евгений Дмитриевич, студент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (Россия). Область научных интересов: история России, Белоруссии и Украины, военное дело Руси, источниковедение.

E-mail: evgeny.podvalnov@yandex.ru

Podvalnov E. D.

“ARMED LIKE A WARRIOR”: TO THE PROBLEM OF (UN)CANONICAL WEAPONS IN RUSSIAN ICON PAINTING (BASED ON THE MATERIALS OF THE XVII – TURN OF XVII- XVIII CENTURIES)

Annotation: Russian medieval icon painters created prayer images according to special regulations describing isographic canons. Those were the canons that indicated what details and in what form should be depicted. These rules were prescribed in special documents: originals and erminia. If we give their analysis, it turns out that the range of weapons mentioned there is very limited. However, the icons show a greater typical variety in weapons than it was prescribed to draw. This means that the painters, in addition to the canons, turned to other sources of information, which, in our opinion, can clarify some aspects in the development of military affairs in Russia.

Keywords: XVII century, turn of XVII and XVIII centuries, icons, icon painting, military affairs, canons.

References

Sources:

Ikonopisnyi podlinnik novgorodskoi redaktsii po sofiiskomu spisku kontsa XVI veka [The icon-painting original of the Novgorod edition according to the Sofia copy of the end of the 16th century]. М., 1873. (In Russian)

Ikony Yaroslavlya XIII – serediny XVII veka. Shedevry drevnerusskoi zhivopisi v muzeyakh Yaroslavlya: v 2 t. [Icons of Yaroslavl of the 13th – the middle of 14th century. Masterpieces of ancient Russian painting in the museums of Yaroslavl: in 2 volumes]. М., 2009. Vol. II. (In Russian)

Ikony Muroma [Icons of Murom]. М., 2004. (In Russian)

Ikony XIII–XVI vekov v sobranii Muzeya imeni Andreye Rubleva [Icons of the 13th–16th centuries in the collection of the Andrei Rublev Museum]. М., 2007. (In Russian)

Ikony iz chastnykh sobranii: Russkaya ikonopis' XIV – nachala XX veka: Katalog vystavki [Icons from Private Collections: Russian Icon Painting of the 14th – early 20th Centuries: Exhibition Catalog]. М., 2004. (In Russian).

Ikony Vladimira i Suzdalya [Icons of Vladimir and Suzdal]. М., 2006. (In Russian).

Litsevoi letopisnyi svod XVI veka. Russkaya letopisnaya istoriya. Kniga 5. 1217–1241 gg [Front Chronicle of the 16th century. Russian chronicle history. Book 5. 1217–1241]. М., 2014. (In Russian).

Litsevoi letopisnyi svod XVI veka. Russkaya letopisnaya istoriya. Kniga 6. 1242–1289 gg. [Front Chronicle of the 16th century. Russian chronicle history. Book 6. 1242–1289]. М., 2014. (In Russian).

“Na ratnyi trud blagoslovlyayushchie”: Ikony Yaroslavlya XVI – nachala XX veka iz sobraniya Yaroslavskogo khudozhestvennogo muzeya: Katalog vystavki [“Blessing for military labor”: Icons of Yaroslavl of the 16th – early 20th centuries from the collection of the Yaroslavl Art Museum: Exhibition Catalogue]. М., 2005. (In Russian).

Prepodobnyi Sergii Radonezhskii. Obraz prostoty, pravdy, svyatosti. Ikonografiya XV – nachala XX veka: [Album-katalog] [Rev. Sergius of Radonezh. The image of simplicity, truth, holiness. Iconography of the 15th – early 20th century: [Album-catalog]]. M., 2014. (In Russian).

Svodnyi ikonopisnyi podlinnik XVIII veka. Po spisku G. Filimonova [Consolidated icon-painting original of the 18th century. According to the list of G. Filimonov]. M., 1874. (In Russian).

Researches:

Antonova V. I., Mneva N. E. Katalog drevnerusskoi zhivopisi XI – nachala XVIII v.v. Opyt istoriko-khudozhestvennoi klassifikatsii. V 2-kh tomakh [Catalog of ancient Russian painting of the 11th – early 18th centuries. Experience of historical and artistic classification. In 2 volumes.]. M., 1963. Vol. I. (In Russian).

Artsybasheva T. N. Iz istorii ikonopisaniya v Rossii Novogo i Noveishego vremeni: vek XVII – XX vek [From the history of icon painting in Russia of the New and Modern Times: the 17th – 20th century]. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Seriya: iskusstvovedenie. 2004. (In Russian).

Begunov Yu. K. Zhitie Aleksandra Nevskogo v stankovoi zhivopisi nachala XVII v. [Life of Alexander Nevsky in easel painting of the early 17th century]. TODRL. Vol. XII. M.–L. 1966. (In Russian).

Bobrov Yu. G. Osnovy ikonografii drevnerusskoi zhivopisi [Fundamentals of iconography of ancient Russian painting]. St. Petersburg, 1995. (In Russian).

Bychkov V. V. 2000 let khristianskoi kul'tury sub specie aethetica. T. 2: Slavyanskii mir. Drevnyaya Rus'. Rossiya [2000 years of Christian culture sub specie aethetica. Vol. 2: Slavic world. Ancient Russia. Russia]. M.–St. Petersburg, 1999. (In Russian)

Dvurechenskii O. V. Kholodnoe nastupatel'noe vooruzhenie Moskovskogo gosudarstva (konets XV – nachalo XVII vv.) [Cold offensive weapons of the Muscovite state (end of the 15th – beginning of the 17th centuries)]. St. Petersburg: Kand. diss. 2008. (In Russian)

Evseeva L. M. Ikonopisnye podlinniki [Iconic originals]. Pravoslavnaia entsiklopediya. M., 2009. Vol. 22. (In Russian)

Katkova S. S. Ikona “Bogomater' Fedorovskaya so Skazaniem” [“Our Lady from Fedorov with the Legend”]. XII nauchnye chteniya pamyati Iriny Petrovny Bolotsevoi (1944–1995): Sb. statei. Yaroslavl', 2008. (In Russian)

Komashko N., Saenkova E. Russkaya zhitiinaya ikona [Russian hagiographic icon]. M., 2007. (In Russian)

Maslenitsyn S. I. Yaroslavskaya ikonopis' [Yaroslavl iconography]. M., 1983. (In Russian)

Medvedev A. F. K istorii plastinchatogo dospekha na Rusi [On the history of plate armor in Russia]. Sovetskaya arkhologiya. 1959. No. 2. (In Russian)

Mironenko D. G. Ikonografiya svyatogo Aleksandra Nevskogo [Iconography of Saint Alexander Nevsky]. St. Petersburg: kandid. diss. Vol. II., 2013. (In Russian)

Podval'nov E. D. Tekstovyi ikonopisnyi podlinnik novgorodskoi redaktsii kak istochnik po istorii voennogo dela na Rusi XV–XVI vv. [Text icon-painting original of the Novgorod edition as a source on the history of military affairs in Russia in the 15th–16th centuries]. Novogardia. No. 3, 2020. (In Russian)

Polyakova O. A. Muzei-zapovednik “Kolomenskoe”. Shedevry russkoi ikonopisi XVI–XIX vekov [Museum-reserve “Kolomenskoye”. Masterpieces of Russian icon painting of the 16th–19th centuries]. M., 1999. (In Russian)

Saenkova E. M., Gerasimenko N. V. Ikony svyatykh voinov [Icons of holy warriors.]. M., 2008. (In Russian)

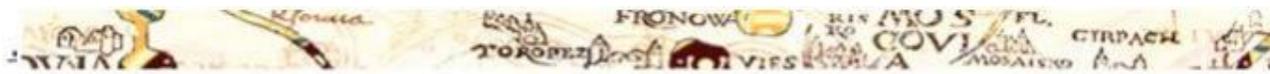
Salikova E. P. Khramovaya ikona Blagoveshchenskogo sobora i ikonografiya Akafista Bogomateri v moskovskoi zhivopisi pervoi poloviny XVII veka [The Icon of the Annunciation Cathedral and the Iconography of the Akathist to the Mother of God in Moscow Painting in the first half of the 17th century]. Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya. M., 1999. (In Russian)

Saltykov A. A. Muzei drevnerusskogo iskusstva imeni Andreyа Rublevа [Andrei Rublev Museum of Old Russian Art]. L., 1981. (In Russian).

About the author

Podvalnov Evgeniy D., student of Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia).
Research interests: History of Russia, Belarus and Ukraine, military Affairs of Rus', source studies.

E-mail: evgeny.podvalnov@yandex.ru

• РЕЦЕНЗИИ •

УДК: 930.1
ББК: 63.3(2)43
DOI 10.25797/NG.2022.13.1.008

Л. Н. Аряев

КТО И КАК ИЗОБРЕЛ НОРМАННСКИЙ ВОПРОС. (РЕЦ. НА: *ВЕРХОТУРОВ Д. Н. ТРИ ВЕКА СПОРА О ВАРЯГАХ. ЛЕТОПИСЬ И ВАРЯГИ. М.: ВЕЧЕ, 2020. 320 С.)*

Аннотация: В данной работе рассматривается монография Д. Н. Верхотурова, посвященная историографии вопроса о варягах и их роли в создании Древнерусского государства. Несмотря на ряд методологических промахов и спорных выводов, книга Д. Н. Верхотуров содержит новые перспективные подходы, малоизвестные факты и оригинальные наблюдения. Она послужит ценным вкладом в дискуссии по норманнскому вопросу.

Ключевые слова: историография, варяги, Древняя Русь, норманизм, антинорманизм.

Пресловутый норманнский вопрос продолжает волновать как профессиональных историков, так и широкую общественность. В 2020 году в издательстве «Вече» была опубликована книга Д. Н. Верхотурова «Три века спора о варягах. Летописи и варяги».

После выхода блистательного «Спора о варягах» Л. С. Клейна¹ в 2009 г. это первый обстоятельный историографический обзор норманнского вопроса – одного из самых давних и самых дискуссионных в отечественной исторической науке. Правда, к историографии варяжской проблемы часто

обращаются представители немногочисленной, но активной когорты современных радикальных антинорманистов. Однако их работы посвящены большей частью апологетике или ниспровержению давно почивших ученых и содержат удручающе мало нового материала. Многочисленные публикации В. В. Фомина и его последователей² в основном воспроизводят положения его докторской диссертации «Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX вв.», защищенной еще в 2005 году³. К тому же историографические работы Фомина – это не столько обзоры, сколько полемика и попытки косвенными данными подтвердить собственную гипотезу, что существенно снижает объективность и познавательную

² См., напр., *Фомин В. В.* 1) Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссий по варяжскому вопросу. М., 2005.; 2) Голый конунг: Норманизм как диагноз. М., 2013.; 3) Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006; Варяго-русский вопрос в историографии: Сборник статей и монографий / Сост. и отв. ред.: В. В. Фомин. М., 2010; Скандинавомания и ее небылицы о русской истории / Сост. и ред. В. В. Фомин. М., 2015; см. также предисловия В. В. Фомина к переизданиям В. Н. Татищева, С. А. Геденова и др.

³ *Фомин В. В.* Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX вв. Автореферат диссертации ...доктора исторических наук: 07.00.02, 07.00.09 / Ин-т рос. истории РАН. М., 2005.

¹ *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009.

ценность его работ. Потребность в новом обстоятельном труде по историографии спора о варягах, без сомнения, назрела, и появление книги Д. Н. Верхотурова можно только приветствовать.

Автора нельзя назвать стоящим над схваткой – в споре о варягах он принимал участие неоднократно⁴, его позиция хорошо известна и четко обозначена. Тем не менее, Д. Н. Верхотурову в своей книге удалось соблюсти сколь возможно нейтральный и взвешенный тон. Заметно, что целью его было не посрамление оппонентов, а попытка разобраться, откуда проистекает крайняя политизированность и повышенная эмоциональность норманнских дискуссий.

По сравнению со ставшей, наверно, классической работой незабвенного Льва Самуиловича Клейна (в публикации которой Верхотуров принимал активное участие⁵) рассматриваемая книга более обстоятельна и подробна. В «Споре о варягах» повествование фокусируется на трех наиболее известных дискуссиях, служащих своего рода «узловыми точками» – диспутах М. В. Ломоносова с Г. Ф. Миллером, М. П. Погодина с Н. М. Костомаровым и Л. С. Клейна с И. П. Шаскольским. Работы других историков, касающихся норманнской проблемы, в «Споре о варягах» лишь бегло упоминаются. Основное внимание Л. С. Клейн уделял не отдельным авторам и работам, а выдвигаемым аргументам. Систематизация доказательств за и против норманнства варягов-руси, распределение доводов по ступенькам «лестницы в преисподнюю норманизма»⁶ – главная изюминка и главное достоинство работы Клейна, не имеющей

аналогов по наглядности и компактности изложения крайне сложного и запутанного материала. В «Трех веках...» историографический материал представлен гораздо объемнее. Чувствуется, что годы предварительной работы, о которой автор говорит во введении к своей книге, не прошли даром: автору удалось «составить нечто вроде детального историографического обзора дискуссии с рассмотрением аргументов норманистов и антинорманистов и развития хода спора» (с. 4).

Обширность материала, видимо, послужила причиной того, что в рассматриваемой работе изложение завершается на А. А. Шахматове. Развитие спора о варягах в послереволюционное время представлено в работе «Свидетельства мертвых варягов», вышедшей в 2021 году⁷. Это вполне оправдано, однако же диссонирует с названием: книга охватывает материал с 1749 по 1917 гг., что явно меньше заявленных в заглавии «трех веков». Да и будучи доведенной до текущего года, история спора о варягах всё равно не дотянула бы до трехсот лет.

Видимо, «круглая» цифра в заглавии книги – лишь уступка литературной составляющей работы. Вообще книга Д. Н. Верхотурова написана хорошим и живым языком, читается буквально «на одном дыхании» и доступна не только профессиональным историкам, но и всем интересующимся прошлым России.

При всем при этом высокое литературное качество книги не мешает быть ей научно выверенной и информационно насыщенной. Несомненным достоинством Д. Н. Верхотурова является подробное освещение тех деталей «варяго-русской» историографии, которым обычно уделяется мало внимания. Примечательна глава с характерным названием «Немецкие духи бестелесные» (с. 131-149), где представлены краткие биографии и обзоры трудов Ф. И.

⁴ *Верхотуров Д. Н.* 1) Неизвестный Михайло Ломоносов // Альманах Лебедь, № 343, 5 октября 2003. URL: <http://lebed.com/2003/art3494.htm> (дата обращения: 02.02.2022) 2) Продолжение спора о варягах // Альманах Лебедь, № 432, 3 июля. 2005. URL: <http://lebed.com/2005/art4239.htm> (дата обращения: 02.02.2022).

⁵ *Верхотуров Д. Н.* Донос как метод научной полемики. // Valla. Т. 1. № 6. 2015. С. 117-118.

⁶ *Клейн Л. С.* Спор о варягах... С. 45-46, 121.

⁷ *Верхотуров Д. Н.* Свидетельства мертвых варягов: история трех веков спора о варягах. М., 2021.

Круга, А. Х. Лерберга, Х. Д. Френа, Г. Ф. Холлманна, Г. А. Розенкампа, Ф. К. Г. Крузе. Выявление и корректировка погрешностей хронологии Начальной летописи, лингвистический анализ русских названий днепровских порогов, введение в научный оборот арабских письменных и нумизматических источников, сравнительный анализ правовых памятников Руси и Скандинавии, начало археологических исследований скандинавских погребений в Прибалтике – всё это, без чего невозможно себе представить подлинно научное изучение варяжского вопроса, было сделано этими скромными и упорными тружениками, мало известными при жизни и замалчиваемыми после смерти. Не меньшее внимание Д. Н. Верхотуров уделяет А. А. Кунику, применившему новаторский в то время историко-генетический метод языкознания и установившему неславянское происхождение слов «варяг» и «русь».

Также Д. Н. Верхотуров подчеркивает заслугу «немецких духов бестелесных» и их русских последователей (в первую очередь П. С. Савельева) в изучении балтийско-волжского торгового пути (с. 180-181). В отличие от ставшего хрестоматийным пути «из варяг в греки», этот торговый маршрут не был отражен в летописном повествовании, его существование и его важнейшая роль в ранней истории Древней Руси были установлены путем привлечения восточных источников, археологических и нумизматических материалов. Полностью значение этого открытия, сделанного еще в первой половине позапрошлого века, было оценено лишь относительно недавно, когда центр внимания исследователей сместился на изучение культурных и экономических связей Древней Руси в контексте евразийской торговли⁸.

⁸ Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.). М., 2018. С. 8-9.

Находит Д. Н. Верхотуров пару добрых слов и о А. Л. Шлёцере (с. 86 и далее). Несколько поколений историков и публицистов повторяли уничижительную критику его «Русской грамматики» М. В. Ломоносовым, не удосуживаясь проверить, действительно ли Шлёцер выводил слово «барин» из слова «баран», а слово «князь» – из слова «кнехт». Как-то не задумывались над тем, что Ломоносов был человеком заинтересованным, что он воспринимал попытку молодого немецкого ученого написать русскую грамматику как покушение на свою сферу компетенции и потому ожидать от него беспристрастности было бы странно, особенно если он называет своего коллегу «скотиной». На самом деле Шлёцер сопоставлял «барина» с «бароном», а начальным их значением считал слово «свободный»⁹. «Князя» он действительно сближал с «кнехтом», но само слово «кнехт» он, в свою очередь, сравнивал со словом «knight»¹⁰, так что никакого стремления «унизить» русских, которое ему приписывал Ломоносов, тут не было и быть не могло. Увы, Ломоносов тенденциозно искажал мысли оппонента, и Д. Н. Верхотуров в своей книге очень наглядно это показывает (с. 90-91).

Довольно неприглядно выглядел Ломоносов и в другом эпизоде, также освещенном в книге Д. Н. Верхотурова – когда вместе с В. К. Третьяковым производил обыск на квартире у Миллера (с. 44). Вид светил отечественной литературы, копающихся в бумагах ошельмованного ученого, способен причинять почти физическую боль, но что поделать, если таковы были тогдашние нравы. Тем более что обыск имел место в ходе ожесточенных междоусобных дрызг внутри Академии Наук, разгоревшихся задолго до знаменитого

⁹ Шлёцер, А. Л. Русская грамматика: 1-2 / А. Шлёцер; с предисловием С. К. Булича; издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 52.

«норманнского» спора Миллера с Ломоносовым и никаким образом с этим спором не связанных. Как показывает Д. Н. Верхотуров, накал последующего спора во многом проистекает из предыдущих личных столкновений Ломоносова и Миллера (с. 39-47). Увидев в речи Миллера места, которые *можно было истолковать* как обидные для Российского государства, Ломоносов не преминул этим воспользоваться, представив своего давнего противника в максимально неблагоприятном свете (с. 68). По справедливому замечанию В. О. Ключевского, доводы Ломоносова были не столько убедительны, сколько жестоки¹¹.

Тем не менее, Д. Н. Верхотуров далек от того, чтобы огульно очернять Ломоносова. Он выступает за взвешенную оценку, справедливо замечая, что у Ломоносова достаточно настоящих заслуг, чтобы приписывать ему несуществующие (с. 53), например, пытаясь представить его самым великим русским историком XVIII столетия, стоящим высоко над зловерными норманистами Миллером и Шлёцером. Некритичные апологеты Ломоносова пытаются доказать, что уже к началу спора с Миллером он превосходил своего оппонента по историческим познаниям, и ссылаются на пометки, оставленные Ломоносовым на полях летописей. Д. Н. Верхотуров справедливо указывает, что этого маловато для того, чтобы стать профессиональным историком, и что вообще нет четких доказательств того, что пометки оставлены Ломоносовым до начала дискуссии с Миллером, а не после (с. 51-52).

Итог историографических усилий Ломоносова Д. Н. Верхотуров оценивает как «неудачу» (с. 75, 81). Однако же насколько основательно считать неудачей «Краткий Российский летописец» или первый том «Древней Российской истории»? Для своего времени эти труды были совсем не плохи, они пользовались популярностью у образованной публики и у профессиональных ученых, даже

критически настроенный Шлёцер на ранних этапах своей работы использовал труды Ломоносова¹². Если, как утверждает сам же Д. Н. Верхотуров, до 1749 года Ломоносов вообще не занимался историей, то приходится признать, что за кратчайший срок профессор химии сумел стать пусть и не великим, но хорошим для своего времени историком. Гениальность Ломоносова проявилась тут в полной мере. В то же время, если прав Фомин, утверждающий, что Ломоносов чуть ли не с детства интенсивно предавался историческим штудиям¹³, то достигнутые результаты действительно представляются более чем скромными и уж во всяком случае слабоватыми для настоящего гения.

Парадоксальным образом гениальность Ломоносова гораздо выразительнее показана именно Верхотуровым, нежели Фоминым.

Несмотря на ожесточенность, спор Ломоносова с Миллером всё же сохранил научный характер, что хорошо отражено в рассматриваемой работе. Приступив к изучению источников, Ломоносов, как настоящий ученый, не мог не поддаться силе фактов и сделал существенную уступку Миллеру, признав связь варягов со скандинавами. Единственное, на чем он продолжал настаивать – что среди варягов могли быть и славянские племена, каковым он считал конкретно варягов-русов (с. 80-81). Д. Н. Верхотуров справедливо замечает, что до определенного момента участники спора о варягах прислушивались к доводам оппонентов и не стыдились корректировать свои взгляды. Публичный диспут Погодина и Костомарова привел к тому, что последний фактически отказался от своей гипотезы «жмудской Руси» и даже не включил соответствующую статью в свое собрание

¹² Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, имъ самимъ описанная. (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ: Томъ тринадцатый). СПб., 1875. С. 106.

¹³ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь.... С. 88.

¹¹ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 191.

сочинений. Погодин под воздействием критики Гедеонова существенно изменил свои позиции. Но вот сам Гедеонов к аргументам своих оппонентов остался глух, причем, как справедливо замечает Верхотуров (с. 244), этому плохому примеру стали подражать практически все последующие антинорманисты (одно из немногих исключений – Д. А. Авдусин¹⁴).

Невосприимчивость современных радикальных антинорманистов к критике и послужила одной из причин появления рассматриваемой книги. Целью автора было не только и даже не столько изучение историографии варяжской проблемы, сколько попытка разобраться, почему этот, казалось бы, чисто исторический вопрос утратил свою научную составляющую. Обычная ссылка на политизированность «норманнского вопроса» автора не удовлетворяет, поскольку нужно объяснить, почему политизированным оказалось именно происхождение варягов-руси и почему политизация оказалась столь сильной и длительной.

По словам Д. Н. Верхотурова, собранный им историографический материал долгое время не поддавался осмыслению в рамках единой концепции, отчего работа над книгой и затянулась почти на два десятилетия. Моментом истины для автора оказалось знакомство с работами Ш. Занда, Б. Андерсона, Э. А. Геллнера, П. Дж. Джери. Книга Шломо Занда «Кто и как изобрел еврейский народ» стала для Верхотурова «замковым камнем» (с. 7).

Вслед за названными авторами Д. Н. Верхотуров трактует национальности как «воображаемые сообщества», в становлении и сплочении которых важнейшую роль играют «национальные нарративы», т. е. связанные последовательные рассказы о славном прошлом предков. По выражению Д. Н. Верхотурова, «...в национальных нарративах древность и автохтонность происхождения

обосновывала все политические права нации, существование национального государства и владение им определенной территорией» (с. 32, синтаксис оригинала). Национальные нарративы, хотя и основаны на исторических источниках, тяготеют к мифологизации. Попытки критического пересмотра устоявшихся мифологем, как правило, крайне негативно воспринимаются широкой общественностью. При этом исторические и историографические вопросы (например, о времени появления народа на исторической арене, о его происхождении и занимаемых им в древности территориях и т. п.) очень быстро политизируются, и дискуссии о них теряют научный характер.

По мнению автора, славянство варягов-руси занимает столь же важное место в русском «национальном нарративе», какое в израильском придается достоверности библейских исторических рассказов. Отсюда и проистекают крайняя степень политизированности норманнского вопроса. Более того, норманнский спор, по Д. Н. Верхотурову, никогда и не обладал научной природой: «С самого начала это был политический спор, натянувший на себя одежды академичности, некоторые эпизоды которого оканчивались административными и политическими репрессиями» (с. 6). Автор тем самым ставит норманнский вопрос на одну доску с дебатами об исторической реальности Исхода или завоевания Ханаана в израильской историографии, которая, по словам Шломо Занда, под наукообразной формой протаскивала «нарратив, полностью соответствующий библейскому»¹⁵.

Признавая нации «воображаемыми сообществами», Верхотуров, однако, не считает их «нереальными» и подчеркивает, что формирование нации – объективный процесс (с.10); во многом в понимании происхождения и формирования национальностей Верхотуров следует

¹⁴ *Авдусин Д. А.* Современный антинорманизм. // Вопросы истории. № 7. 1988. С. 23-34.

¹⁵ *Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2010. С. 186.

марксистской традиции, лишь подчеркивая значимость «надстроечной» составляющей – «национальных нарративов». Рассказы о древности и славных деяниях предков – не просто «идеологическое прикрытие», а важный инструмент национального строительства, без которого формирование нации вообще невозможно в принципе. «Если нет представления о древности, непрерывности, единстве и определенной исторической судьбы определенной общности, то общность эта в нацию оформиться не сможет», – постулирует автор и приходит к смелому, но по-своему последовательному выводу: «Поэтому не важно, сколько в национальном нарративе примешано вымысла, но важно, какая у него способность спланиваться и мобилизовывать нацию» (с. 9). Сразу бросается в глаза, что Д. Н. Верхотуров значительно упрощает картину: согласно Б. Андерсону, первые нации образовались в Новом Свете¹⁶, и в их «национальных нарративах» ни «древность», ни «непрерывность» и прочие домыслы ни малейшей роли не играли. Очевидно, автор больше ориентируется на опыт советских республик и постсоветских стран, в которых развитие и укрепление национализма было тесно сопряжено с продвижением идей древности и автохтонности «титовых» этносов¹⁷. Вымысла в возведенных при этом «нарративах» было немало, но для местных элит это не имело особого значения, – в этом Д. Н. Верхотуров абсолютно прав.

По мнению Д. Н. Верхотурова, ожесточенность спора о варягах обусловлена важностью «норманнского» вопроса в русском историческом нарративе: «Спор о варягах – это борьба вокруг русского национального нарратива, созданного ради оформления и сплочения русской нации» (С. 8). При столь высоких ставках ожидать от участников спора научной объективности и

беспристрастности было бы по меньшей мере наивным, да и осмысленность самой полемики выглядит сомнительной, поскольку «...бить тараном критики в стены здания национального исторического нарратива, в общем, есть занятие весьма занимательное, но по большому счету бессмысленное» (с. 10).

Парадокс заключается в том, что Верхотуров фактически стал на позицию современных неоантинорманистов, утверждающих, что признание варягов-руси норманнами подрывает русский национальный нарратив и тем самым ставит под сомнение «оформление и сплочение русской нации». Тогда таранные удары по национальному нарративу становятся уже не бессмысленным, а прямо опасным и подрывным действием. «Призвание варягов и возникновение Руси всегда было наиболее проблемным местом русской национальной идеи, – утверждает Верхотуров, – В отношении других периодов русской истории подобных проблем не было, там вполне объективные исторические свидетельства достаточно хорошо ложились в общую структуру национального нарратива. Там можно было без особого труда выделить и живописать нужные героические моменты. Нарративу не соответствовал лишь самый первый, начальный пункт русской истории – призвание князей «из-за моря», как писал Нестор. Вокруг этого пункта и развернулись основные споры, суть которых с точки зрения оформления национального нарратива состояла в том, чтобы ликвидировать политическую угрозу, проистекавшую из основания государства иноземными правителями» (с. 10-11). Но разве еще Ломоносов, Венелин, Забелин, Иловайский не акцентировали внимания на политических опасностях идеи об «иноземных правителях»? И разве противостоящие им историки не пытаются уже почти два с половиной века уже объяснить, что иноземное происхождение правящей династии не содержит в себе ничего унижительного для национальной чести и уж

¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2016. С. 109-110.

¹⁷ Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

тем более не способно нести никакой политической угрозы?

Довольно странно выглядит утверждение автора о том, что призвание варягов было единственным «слабым звеном» в рассказе о героическом прошлом русского народа. Разве молниеносное покорение Руси татарами-монголами и их почти трехвековое господство не создавало проблем для гипотетических творцов «национального нарратива»? Однако же вся татарская эпопея очень органично вплелась в назидательный рассказ о прошлом: поражения смягчались описанием героического сопротивления захватчикам, порабощение увязывалось с разделением Руси, а торжество над врагом – с объединительной миссией Москвы. Так из потенциально «неудобного» исторического эпизода получился не только героический, но и поучительный «нарратив». Проигранные Россией войны тоже вписывались в «национальный нарратив» без особого труда, чаще всего опять же подчеркиванием героического сопротивления и нанесенного врагу урона. Пример того, как это может работать, демонстрирует в своей работе сам же Д. Н. Верхотуров, отказывающийся считать Крымскую войну проигранной (с. 168). Неужели из призвания заморских князей, даже если посчитать его чем-то унижительным для русских, никто не смог сделать нарратива, не унижающего «народной чести»?

В реальности российские историки неоднократно создавали выраженные во вполне патриотическом духе «нарративы», в которых фигурировало призвание норманнской династии. Такова, например, «История Государства Российского», которую сам же Д. Н. Верхотуров называет эталонным корпусом русского национального нарратива (с. 19), несмотря на то, что государство Российское у Н. М. Карамзина основывается скандинавами. Не менее показателен М. П. Погодин, который писал о целом норманнском периоде в истории России и даже о полном политическом господстве

варягов над славянами, что не помешало ему создать вполне патриотичный нарратив о превосходстве спокойной и величественной России над мятущимся и мятежным Западом, и этот нарратив нашел благосклонный прием как у правительства, так и у широкой публики.

Как видно, «национальные нарративы» бывают разными, о чем Д. Н. Верхотуров, несомненно, знает (в «Свидетельствах мертвых варягов» он упоминает ряд конкурирующих русских национальных нарративов – государственный, советский, националистический, неоязыческий и проч.¹⁸), однако на протяжении большей части рецензируемой работы говорит только об одном нарративе, в котором норманнам не должно быть места. Отказ от этого нарратива, в представлении автора, грозил России и российской нации самыми плачевными последствиями. Призвание варягов он считает ««ахиллесовой пятой» российского исторического нарратива», по которому Миллер нанес ощутимый удар (с. 73). Нетрудно заметить, что позиция Д. Н. Верхотурова идентична мнениям Ломоносова и даже Фомина, обвинявших великого и несчастного ученого в «подрыве устоев». Представленное у Карамзина сочетание величия и славы славян с доказательствами призвания скандинавских князей представляется Д. Н. Верхотурову «парадоксальным» (с. 115) – то есть правы норманофобы, считающие призвание норманнов для славян унижительным? Характеризуя Д. И. Иловайского, автор приписывает ему понимание того, что призвание неславянских князей «является наиболее слабым звеном всего нарратива, трещиной в стволе могучего дуба государственной идеологии, из-за которой он может быть сломлен политическими бурями». (с. 256). Становление русского национализма с соответствующим смещением акцентов в «национальном нарративе» Д. Н. Верхотуров

¹⁸ *Верхотуров Д. Н. Свидетельства... С. 264-266.*

увязывает с опасностями, которые несла для России эпоха империализма: «В то время европейские державы делили страны, не сумевшие оказать им сопротивление, на части, обращали в протектораты, эксплуатировали и грабили. И с Россией могли обойтись так же, если бы она не давала отпор европейским притязаниям» (с. 252). Тут уже антинорманизм представлен чуть не спасением России, которую без него того гляди расчленили бы и ограбили. Но какова была реальная правдоподобность такого сценария для Российской империи второй половины XIX века? Не была ли Российская империя, перефразируя Муравьева-Вешателя, не среди тех, кого грабили и расчленили, а среди тех, кто грабил и расчленил? И насколько расчленение Польши и ограбление Китая можно объяснить отсутствием у поляков и китайцев подходящих «национальных нарративов»?

Заметно, что автор старается по возможности обойти неизбежно возникающий вопрос: если реальные исторические факты не дают создать качественный национальный нарратив и тем самым несут угрозу нации, то не лучше ли историкам лгать, искажать и подтасовывать факты? Что, в конце концов, важнее – «правильный» нарратив или историческая истина? Суждения автора по этому поводу несколько путаны и противоречивы. Выше уже цитировался отрывок о несущественности наличия вымысла для национального нарратива – куда важнее его способность сплачивать нацию; иными словами, в деле национального строительства красивая ложь явно предпочтительней невзрачной правды. Но в другом месте автор пишет: «Краугольным камнем национального исторического нарратива может быть только истинное историческое сочинение, которое должно быть основано на подлинном первоисточнике, очищенном от выдумок и позднейших приписок» (с. 103). Заметим попутно, что сказанное не мешает Д. Н. Верхотурову считать основой русского

национального нарратива «Синописис» Иннокентия Гизеля (с. 26), мало похожий на «истинное историческое сочинение» или «подлинный первоисточник», не говоря уже об очищении от выдумок и приписок. Наконец, оказывается, что, хотя научная основательность для нарратива и желательна, но «цели нарратива всё же выше» (с. 218). В дальнейшем изложении Д. Н. Верхотуров признает, что «высшие» цели нарратива то и дело противоречат его научной составляющей: «Письменные источники не желают ложиться в рамки выдвинутой версии нарратива, что совершенно неудивительно, поскольку они описывают совершенно иную реальность, к делу национального строительства отношения не имеющую» (с. 261). Но если, как утверждалось до этого, «цели нарратива выше», то выходит, что для сотворения полноценного нарратива можно и нужно перевернуть источники? Вывод напрашивается именно такой, хотя автор его и не озвучивает, – наоборот, он даже неоднократно цитирует знаменитое изречение Т. Масарика о том, что великое не может основываться на лжи.

Любые исторические факты могут быть истолкованы в духе политической злобы дня; любые исторические исследования могут содержать политические подтексты и отсылки к современности. Однако в работе Верхотурова политическим и прочим вненаучным контекстам спора о варягах уделено особенно много внимания. Пожалуй, даже слишком много для историографической работы. В этом плане Д. Н. Верхотуров сходен, как это ни странно, со многими антинорманистами, в чьих публикациях политический аспект норманнского вопроса неумеренно гиперболизируется. Достаточно типично, например, заявление Парамонова о том, что «норманизм» (т. е. признание руси скандинавами) – теория не научная, а политическая¹⁹. Фомин выводит «норманизм» из политических амбиций шведских

¹⁹ Лесной С. История руссов. Славяне или норманны? М., 2016. С. 313.

королей²⁰. Схожую позицию занимает Л. П. Грот, считающая, что «норманизм» возник из шведского шовинизма и экспансионизма. Любопытно, что, сколь ни далеки исторические и историографические идеи Фомина или Грот от взглядов Д. Н. Верхотурова, все они солидарны в том, что принятие тезиса о скандинавской природе варягов подрывает русское национальное самосознание, или, как выразилась Грот, «из-за норманизма российская история оказалась лишенной собственных корней».²¹ Когда Грот пишет про «традиции составлять выдуманные истории и жить с ними»²² или определяет национальную идею как «детиче национальной истории, представленной картинами славного прошлого народа»²³, то в «выдуманных историях» и в «картинах славного прошлого» трудно не узнать «национальные нарративы», о которых столь много говорит Д. Н. Верхотуров. «Дать обществу его «светлое прошлое» — значит поддержать общество в годину лишений и морального разложения и вдохновить на работу для достижения стабильного будущего»²⁴, — вещает Грот, и Д. Н. Верхотуров в разбираемом труде как бы завершает ее мысль: «Сомнения типа “кто мы, откуда и куда идем?” неизбежно ведут к разброду и шатаниям, приводящим к политическому угасанию нации» (с. 260).

Более того, автор принимает ту трактовку понятия «антинорманизм», которую пытаются навязать в своих работах Фомин, Грот и прочие норманофобы. Для них «норманистом» становится всякий, кто признает варягов скандинавами. Д. Н. Верхотуров, принимая за русский национальный нарратив «Синописис», в котором варяги отнесены к славянам, де-

факто присоединяется к этой позиции, или, по крайней мере, никак против нее не возражает. Между тем то обстоятельство, что по такому критерию в антинорманисты не попадают даже Иловайский и Рыбаков (которые отрицали роль варягов в образовании Древнерусского государства, но безусловно признавали их скандинавское происхождение), делает этот критерий как минимум сомнительным.

Да и в целом деление историков на два лагеря, навязываемое радикальными антинорманистами, едва ли обосновано. Ни «норманизма», ни даже «неонорманизма» в реальности не существует²⁵, как никогда не существовало в биологии «вейсманизма–морганизма». Антинорманистская же тенденция в отечественной историографии имеет градации, и потому следует отличать дореволюционных и советских антинорманистов, многие из которых были великими учеными, от современных «неоантинорманистов» или «норманофобов», пытающихся вернуть историческую науку в позапрошлый век. Верхотуров это важное различие игнорирует, однако по ходу изложения то и дело отмечает, что позиции многих историков плохо укладываются в жесткую дихотомию «норманизм–антинорманизм». Так, взгляды Щербатова он характеризует как «любопытное смешение концепций Миллера и Ломоносова в сочетании с собственными оригинальными суждениями» (с. 83). Прекрасно сказано, и это можно отнести к едва ли не каждому выдающемуся историку России. Если, к примеру, И. Н. Болтин, с одной стороны, отделяет варягов от славян, с другой – славян от русских, но, с третьей, относит всех их к сарматам и при этом считает бесполезным возводить русскую историю ранее Рюрика, то к какому «лагерю» следует его относить – «норманистов» или антинорманистов? А куда прописать В. Н. Татищеву, у которого варяги-

²⁰ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь...2005. С. 15-16.

²¹ Грот Л. П. Призвание варягов, или норманны, которых не было. М., 2013. С. 365.

²² Там же. С. 358.

²³ Там же. С. 26.

²⁴ Там же. С. 63.

²⁵ Губарев О. Л. «Неонорманизм» или неоантинорманизм? // *Stratum plus*. № 5. 2015. С. 353.

русь – финны, а все прочие варяги – скандинавы и который писал об «уничижении» славян после призвания Рюрика?²⁶ Верхотуров считает сильной стороной Гедеонова приводимые им параллели между русской историей и историей западных славян (с. 237); но задолго до Гедеонова такие параллели приводил в своем капитальной труде С. М. Соловьев, который на основании этих данных оценивал норманское влияние как минимальное и отказывался выделять особый «норманнский период» в русской истории²⁷. Считать ли в таком случае Соловьева антинорманистом? Но он даже не думал отрицать ни скандинавского происхождения варягов, ни основания русского государства призванными варяжскими братьями. Достоверность легенды о призвании оспаривал А. А. Шахматов, на труды которого любили ссылаться антинорманисты – как советские (Рыбаков²⁸), так и современные (Меркулов²⁹). Но он же писал о многочисленных скандинавах, колонизирующих Восточную Европу. Советский академик Рыбаков, будучи непримиримым обличителем «норманизма», выделял, однако же, «норманнский период» в ранней русской истории³⁰, пусть и хронологически более сжатый, чем у царского академика Погодина; при этом основание русского государства норманнами он отрицал. Амальрик был исключен из университета за «норманистскую» курсовую работу, однако Верхотуров в «Свидетельствах мертвых варягов» вполне резонно отказывается зачислять его в норманисты – «хотя бы

потому, что он использует целый ряд тезисов, выработанных и выдвинутых антинорманистами»³¹. Для Фомина Лев Самуилович Клейн был «конунгом норманизма», Верхотуров же указывает, что «Клейн в 1960 году следовал общему направлению советской критики норманизма»³². Примеры можно множить бесконечно, но главное понятно и так: ярлыки «норманиста» и даже «антинорманиста» мало о чем говорят, позиция каждого серьезного историка нуждается в уточнении и детализации.

Не является ли сама дихотомия «норманизм-антинорманизм» нарочито упрощенной, искусственной и имеющей скорее политическое, нежели научное происхождение? На жестком разделении и противопоставлении настаивают именно норманофобы, и это не случайно. В рассматриваемой работе упоминаются труды М. О. Кояловича, которые, как показывает автор, заложили традицию представлять отечественную историографию полем битвы «патриотичных» русских историков с «немецкими злоумышленниками» (с. 285-288). Примерно в то же самое время, в последней трети позапрошлого столетия, в очевидной связи с политическим противостоянием империям Габсбургов и Гогенцоллернов и востребованностью идеологии панславизма получили широкое распространение сами термины «норманизм» и «антинорманизм», причем первому из них была придана негативная коннотация (с. 262). Не тогда ли рядовой научный спор приобрел ту нездоровую ауру, которая побудила Ключевского назвать споры о варягах «явлениями патологии»³³? К сожалению, Верхотуров, хотя и вдохновлялся при написании работы идеями социального конструктивизма, не задается естественно возникающим вопросом – в какой степени

²⁶ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016. С. 458.

²⁷ *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1-2. М., 1988. С. 52, 258-264, 324-325.

²⁸ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М., 2014. С. 188, 478.

²⁹ *Меркулов В. И.* Откуда родом варяжские гости? М., 2005. С. 68.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. № 4. 1962. С. 36-39.

³¹ *Верхотуров Д. Н.* Свидетельства... С. 114.

³² Там же. С. 117.

³³ *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 136.

являются «сконструированными» сам варяжский вопрос и навязываемая националистически настроенными историками дихотомия «норманизма» и «антинорманизма». Вместо деконструкции он предпочитает поверить Фомину и его последователям на слово, принимая навязываемые ими правила игры, в том числе и тезис про «оформление лагерей норманистов и антинорманистов» (с. 5). Столь же доверчиво соглашается он и с настойчиво проталкиваемой тем же Фоминым идеей рассматривать Ломоносова как основоположника современного неоантинорманизма (с. 70). Что Фомину хочется видеть себя идейным наследником Ломоносова (в то время как его реальная историографическая родословная восходит самое раннее к Забелину, если не к Н. Н. Ильиной) – это по-человечески понятно. Что для обоснования этой позиции современные норманофобы прибегают к умалчиванию и подтасовкам (например, ни словом не упоминают того, что Ломоносов отвергал гипотезу о связи варягов с Вагрией³⁴) – это вполне ожидаемо. Менее понятно, почему Верхотуров некритично следует в русле этой националистической традиции, никак не показывая ее искусственность и нарочитую полемическую упрощенность.

Применяя методологию Ш. Занда и Б. Андерсона к историографии варяжского вопроса, Д. Н. Верхотуров сразу же сталкивается с серьезным затруднением. Формирование наций и соответствующих национальных нарративов имело место в позапрошлом столетии. Первый спор о варягах произошел гораздо раньше, в 1749 году. По Д. Н. Верхотурову, ожесточенность спора была вызвана атакой «немцев» на уже сформировавшийся русский национальный нарратив, основанный на «Синописе». Получается, что русская нация, русское национальное самосознание, русский

национальный нарратив – всё это появилось на свет гораздо раньше, нежели в Западной Европе и вообще где бы то ни было в мире. Чтобы выйти из затруднения, Верхотуров ссылается на специфические условия России: если в Западной Европе становление национальностей происходило в противостоянии религиозному универсализму католической церкви, культурной гегемонии латинского языка и династическому принципу, то в России православная церковь, «общепонятный» церковнославянский язык и древняя непрерывная династия, наоборот, способствовали ускоренному становлению национального самосознания (с. 13-16). Нетрудно заметить, что Верхотуров значительно искажает реальную картину. Представленная им схема противостояния национализма религиозному универсализму, латыни и правящим династиям приложима лишь к некоторым странам Западной Европы (в первую очередь, конечно, к Германии). Во Франции же, например, Галликанская церковь стала одной из опор королевской власти, централизации и национального строительства (включая формирование соответствующего национального нарратива). С древней и непрерывной династией во Франции всё обстояло даже лучше, чем в России – вплоть до окончательного падения монархии каждый правящий король мог вывести свою родословную по мужской линии от Гуго Капета, в то время как родство Романовых с Рюриковичами, значимость которого особо подчеркивается Д. Н. Верхотуровым (с. 15), выглядело довольно дальним, чтобы не сказать – натянутым. Что до языка, то, несмотря на сходство русского языка с церковнославянским, последний никогда не был «общепонятным», а становление русского литературного языка произошло достаточно поздно по сравнению с западноевропейскими – например, с тем же немецким, послужившим одним из образцов для Ломоносова при написании «Российской грамматики».

³⁴ *Аряев Л. Н.* Норманофобия и ее фантомы. // *Valla*. Т. 4. № 1-2. 2018. С. 127.

Если Д. Н. Верхотуров декларирует приверженность марксистской историко-социологической парадигме, он не может не учитывать, что становление наций тесно сопряжено с развитием капиталистических отношений. Каким же образом Россия, ставшая на рельсы капиталистического развития гораздо позже Западной Европы, опередила ее в формировании национального самосознания? Насколько вообще обоснована уверенность Д. Н. Верхотурова в том, что к середине XVIII столетия можно говорить о наличии в России национального нарратива? Разброс мнений о национальном русском нарративе очень широк. Например, Г. Б. Гутнер относит время его утверждения к 30-м гг. прошлого века³⁵. Согласиться с такой датировкой трудно, но, во всяком случае, вопрос более чем сложен. Может быть, Д. Н. Верхотуров прав, и Россия под действием каких-то таинственных сил опередила весь мир в деле национального строительства, но для обоснования этого предположения нужно еще много дополнительных исследований. Иными словами, выбранный Д. Н. Верхотуровым «замковый камень» нужно очень долго обрабатывать, и при этом еще вопрос, насколько этот камень окажется надежным.

Словно не довольствуясь одной сложной задачей, Д. Н. Верхотуров вступает в обстоятельную полемику с Д. С. Лихачевым, стараясь доказать, что, вопреки мнению академика, русское летописание не переживало упадка вплоть до начала XVIII столетия (с. 16-22). Нужно это для того, чтобы «дотянуть» летописную традицию до предполагаемого времени появления русского национального нарратива, который, по Д. Н. Верхотурову, основан на летописи. Вне зависимости от корректности приводимой автором аргументации остается не совсем понятным, зачем ввязываться в заведомо спорную дискуссию, если в итоге основой

русского национального нарратива автор объявляет «Синописис». Ведь «Синописис» летописью не является. По справедливому замечанию Милюкова, русской исторической науке понадобилось разрушить «Синописис», чтобы добраться до настоящих аутентичных источников³⁶. Вообще утверждение Д. Н. Верхотурова, будто летописный материал служил главной опорой русского национального самосознания (с. 16), в корне ошибочно. Характерно, что в 1734 году Синод в ответе на запрос Академии Наук не рекомендовал печатать летописи: «Понеже в оных книгах писаны лжи явственныя... отчего в народе может произойти не без соблазна»³⁷. Д. Н. Верхотуров пытается перенести на русскую почву идеи Шломо Занда о мифологизированной истории Израиля, но не учитывает принципиального различия: в России, при всей важности истории для национального самосознания, история и исторические источники никогда не имели значения чего-то сакрального. По мнению Шломо Занда, слабое национальное самосознание израильтян нуждалось в религиозной опоре, чтобы противостоять угрозе ассимиляции, отсюда и проистекает стремление многих израильских историков отстаивать историческую достоверность библейских рассказов. Независимо от того, насколько прав Шломо Занд (взгляды которого принимаются далеко не всеми), это не имеет ничего общего с Россией и с русским народом, для которого угроза ассимиляции никогда не была реальной.

Д. Н. Верхотуров приписывает сакральное значение «Синописису», с покушения на который со стороны немецких критиков будто бы началась ожесточенная дискуссия о варягах. Но если «Синописис» действительно играл роль некоего священного текста, то остается непонятным, почему не вспыхивали столь же бурные дебаты, когда

³⁵ Гутнер Г. Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. Т. 17. № 1. 2017. С. 106.

³⁶ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898. С. 8.

³⁷ Вестник общества истории и древностей Российских. Т. 24. Разд. 3. 1856. С. 49-50.

историческая наука оспаривала другие утверждения «Синописа» – например, происхождение русского народа от Мосоха, а имени «россы» – от «рассеяния», возведение креста апостолом Андреем, обретение Мономахом царского венца и т. д. Во времена Ломоносова, правда, отказ от истории о путешествии апостола в Россию еще мог восприниматься болезненно, но уже в XIX столетии никто не рассматривал это всерьез. Почему из всех сведений, сообщаемых «Синописом», лишь маловажное в общем контексте и лишь мимоходом отмеченное славянство варягов приобрело столь огромную значимость и стало предметом яростных полемик? Д. Н. Верхотуров никак это не проясняет, отчего вся его концепция о русском национальном нарративе работает вхолостую, не прибавляя к историографии варяжского вопроса ничего нового.

В целом соображения Верхотурова основываются на цепочке гипотез: 1) процесс национального формирования у русских начался значительно раньше, чем в Западной Европе; 2) национальный русский нарратив сформировался к середине XVIII века; 3) этим нарративом служил «Синопис»; 4) важной частью этого нарратива было славянство варягов. Из всего этого делается вывод – признание варягов норманнами обрушивает русский национальный нарратив, а в перспективе чревато ущербом и для русского национального самосознания. Каждая из этих гипотез по меньшей мере спорна; вероятность же того, что вся цепочка окажется верной, практически равна нулю.

Слабая обоснованность основной идеи повлекла за собой целый ряд других досадных промахов в рассматриваемой работе. Например, не может не вызывать удивления оценка, данная Н. М. Карамзину, аттестованному как «норманист по монаршей воле» (с. 105). Подразумевается, будто «норманистскую» трактовку начала Русского государства историк включил в свой труд по личному указанию Александра I. Взгляды знаменитого историка Д. Н. Верхотуров

определяет как националистические и славянофильские. Не задаваясь вопросом, можно ли быть националистом и славянофилом прежде появления национализма и славянофильства, автор утверждает, что Карамзин в своей «Истории государства Российского» уделял особое внимание славянам, «вплоть до отдельных глав» (с. 113). В реальности Карамзин посвятил быту и нравам славян дорюриковских времен не «главы», а ровно одну главу³⁸, что, пожалуй, не слишком много для 12-томного произведения. После публикации «Истории...» Карамзину пеняли за слабое внимание к деяниям славян. Декабрист М. Орлов в одном из своих писем упрекал историографа в излишнем объективизме и космополитизме: «Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества?.. Тит Ливий сохранил предание о божественном происхождении Ромула, Карамзину должно было сохранить таковое же о величии древних славян и россов»³⁹.

Да и в целом причисление Карамзина к славянофилам, со всеми скидками на условность такого термина применительно к началу XIX века, не может считаться верным. Широко известны слова Карамзина из «Писем русского путешественника»: «Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие иеремиады об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиогномии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею

³⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Кн. 1. Изд. 5. СПб., 1842. С. 31-68.

³⁹ Нечкина М. В. Декабрист М. Орлов – критик «Истории» Н. М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. Кн. 1. М., 1954. С. 565.

в самом высшем состоянии, – для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»⁴⁰. Это больше похоже на манифест «западника», чем на высказывание «славянофила». Конечно, позднее Карамзин скорректировал свои взгляды, в «Записке о древней и новой России» он писал: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»⁴¹. Однако в той же самой «Записке» Карамзин восторженно говорит о скандинавских корнях русского государства: «Скандинавия, гнездо витязей беспокойных – officina gentium, vagina nationum – дала нашему отечеству первых государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Бела-озера и реки Великой. «Идите, – сказали им чужд и славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, – идите княжить и властвовать над нами. Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим»⁴².

По мнению Верхотурова, признание Карамзиным норманнского происхождения варягов в контексте мировоззрения историографа «выглядит как чужеродная заплатка, неизвестно откуда взявшаяся». Отсюда делается неожиданный вывод: «Иначе, чем указанием императора, их (доказательств шведского происхождения Рюрика) появления в тексте книги объяснить нельзя» (с. 113). Однако еще в 1802, то есть еще до того, как стать официальным историографом, Карамзин, рассуждая о

перспективах отображения отечественной истории в живописи, писал: «Художник отличит лица славянские от варяжских: первые должны быть нынешние русские, а за образец последних надобно взять шведские, норвежские или датские. Варяги были норманцы: сим общим именем назывались, как известно, жители упомянутых трех земель»⁴³. Как видим, никаких сомнений в норманстве варягов у Карамзина никогда не было и быть не могло. Почему же Верхотуров так настойчиво приписывает ему тайный антинорманизм?

По утверждению автора, Карамзин, доказывая скандинавское происхождение варягов, приводит аргументы А. Л. Шлёцера, но при этом очень мало на него ссылается. Далее Верхотуров указывает на письмо Карамзина Тургеневу 1808 года с просьбой прислать какой-то труд Шлёцера и делает вывод, что речь идет о «Несторе». Отсюда Верхотуров заключает, что Карамзин прочитал шлёцеровского «Нестора» через шесть лет после того, как использовал в своей «Истории...» шлёцеровские аргументы норманства варягов и шлёцеровскую периодизацию русской истории (с. 111-112). «Как такое может быть?», задается вопросом Д. Н. Верхотуров и тут же дает ответ: «Можно высказать следующее экстравагантное предположение, что требование вставить в книгу доказательства в пользу шведского происхождения варягов исходило лично от императора» (с. 112). Карамзин, по версии автора, не хотел цитировать Шлёцера, но не мог пойти против воли императора, поэтому использовал «скрытое цитирование Шлёцера» (с. 113).

В предположении Верхотурова экстравагантности гораздо больше, чем обоснованности. Он сам признает, что в цитируемом письме Тургеневу не сказано, о каком именно труде Шлёцера идет речь;

⁴⁰ Карамзин Н. М. Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. М.–Л., 1964. С. 417-418.

⁴¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

⁴² Там же. С. 17.

⁴³ Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.–Л., 1964. С. 190.

откуда же берется уверенность, что Карамзин говорит о «Несторе», причем конкретно о *первой части* эпохального труда Шлёцера, в которой содержались доказательства норманнства варягов-руси⁴⁴? А ведь если это не так, если Карамзин имел в виду последующие части «Нестора» (например, третью часть, изданную в 1805 г.⁴⁵), то вся возведенная Верхотуровым конструкция немедленно рассыпается. Во-вторых, в примечаниях к 1-му тому Карамзин неоднократно дает ссылки на «Нестора»⁴⁶, – пусть их не много, по мнению Верхотурова, но вполне достаточно, чтобы понять, что, вопреки Верхотурову, при написании первого тома Карамзин уже имел эту книгу под рукой и активно ею пользовался. Что до периодизации истории России, повторенной (с критическими замечаниями) Карамзиным, то, во-первых, она появилась не в «Несторе», а в гораздо более ранней работе 1769 г.⁴⁷, во-вторых – Карамзин упоминал об этой периодизации в предисловии, написанном уже при подготовке первых восьми томов к печати, в 1815 году.

Далее: приводимые Карамзиным и повторенные (не совсем точно) Верхотуровым доказательства скандинавского происхождения варягов не являются специфически «шлёцеровскими». Норманнские имена первых князей и дружинников, свидетельства Луитпранда, гвардия варангов в Константинополе – обо

всем этом писали еще Байер и Миллер⁴⁸. О русских (норманнских) названиях днепровских порогов, помимо Шлёцера, писал Тунманн, на которого и ссылается Карамзин⁴⁹. Говоря о Рослагене, Карамзин, помимо Шлёцера, опирается на того же Тунманна и на Далина⁵⁰. На известия Бертинских анналов о послых народа рос, оказавшихся на поверку свеонами, задолго до Шлёцера указывал Байер⁵¹. Единственным оригинальным шлёцеровским доказательством можно посчитать разве что указание на сходство древнерусских законов со скандинавскими, но и об этом говорилось еще до Шлёцера – например, в работе Штрубе де Пирмонта 1791 г.⁵².

Даже если сделать максимальную уступку Верхотурову и принять на веру, что аргументы в пользу норманнства варягов кто-то Карамзину подсказал, то почему нужно считать, что это сделал именно император? Что Карамзину при работе над «Историей...» помогали – это общеизвестный факт, но делал это не царь, а историки, коллекционеры, издатели и архивисты – А. Ф. Малиновский, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, А. И. Мусин-Пушкин, Н. П. Румянцев, А. Н. Оленин и др. Каждый из них мог указать историографу на «шлёцеровские» аргументы в пользу скандинавской природы варягов-руси, если тот по какому-то фантастическому стечению обстоятельств никогда о них не слышал.

И самое важное – нет ни малейших указаний на то, что царь направлял Карамзина в его работе и давал ему указания, как и в каком ключе отражать то или иное историческое событие. Наоборот, это

⁴⁴Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Erster Teil. Göttingen, 1802. S. 177-187.

⁴⁵Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Dritter Teil. Göttingen, 1805.

⁴⁶ Например, Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. Примеч. 71, 73, 89, 106, 108, 120, 261, 267, 283, 284, 302.

⁴⁷ Schlözer A. L. von: Kleine Weltgeschichte II. Geschichte von Russland. Göttingen, 1769.

⁴⁸ Байер Г. З. Сочинение о варягах / Пер. Кирияка Кондратовича. СПб., 1767; Миллер Г. Ф. О происхождении народа и имени российского // Избранные труды. М., 2007.

⁴⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. Прим. 102.

⁵⁰ Там же. Примеч. 107, 108.

⁵¹ Байер. Г. З. Сочинение о варягах... С. 9-11.

⁵² Штрубе де Пирмон Ф. Г. Рассуждение о древних россиянах. СПб., 1791. С. 120-124.

Карамзин пытался направлять царя. Широко известна «Записка о старой и новой России», в которой Карамзин с высоты своего историографического опыта поучает Александра I управлению империей, дает советы в области юриспруденции, военного дела, дипломатии, экономики... Насколько правдоподобно, чтобы при всем при этом историк по указанию царя шел против своих научных взглядов, правил текст исторической работы и «по монаршей воле» из антинорманиста превращался в норманиста? Не проецирует ли Верхотуров на начало XIX века ситуацию, более характерную для середины века двадцатого?

К сожалению, автор неоднократно обнаруживает склонность к выдвиганию гипотез, не подкрепленных ничем, кроме догадок и общих рассуждений. Касаясь Петра Великого, Верхотуров обещает раскрыть причину, побудившую царя-преобразователя основать Академию Наук (с. 32); в итоге всё ограничивается *предположением*, что Петру не нравилась этимология слова «россы» от «рассеяния», и он хотел получить от ученых более «благозвучную» версию (с. 37)! В другом месте Д. Н. Верхотуров мимоходом, как об общеизвестном факте, упоминает, что концепция советского народа была изобретена Нечкиной в 1944 г (с. 15); но разве еще в 1938 г. не звучала песня о советском народе, который в случае нападения врага как один человек за свободную Родину встанет? Подобного рода бездоказательные утверждения очень портят рассматриваемую книгу и способны подорвать доверие к выводам автора.

В продолжении разбираемой работы – «Свидетельстве мертвых варягов» – склонность автора к слабо обоснованным предположениям только усиливается. Чего стоит одна его «гипотеза» (скорее художественный вымысел, даже с придуманным диалогом), будто арест Л. С. Клейна был вызван его отказом написать «обобщающую монографию по варяжскому

вопросу».⁵³ Примечательно, что Верхотуров тут опять льет воду на мельницу Фомина с его странной концепцией «советского мнимого антинорманизма», – если верить Верхотурову, советское партийное руководство негласно поощряло «норманизм».

Сама по себе идея рассмотреть вопрос о варягах в контексте идей социального конструктивизма довольно интересна и перспективна, однако, как ни это ни печально, приходится признать, что с поставленной перед собой задачей автор не справился. Смещение фокуса исследования с историографического на политический контекст исказило перспективу, что привело к целой серии бездоказательных предположений и домыслов. Но, несмотря на всё это, книга Д. Н. Верхотурова очень интересна, она содержит множество малоизвестных фактов, оригинальных идей и тонких наблюдений. Каково бы ни было дальнейшее развитие спора о варягах, разбираемая работа займет достойное место в его истории.

⁵³ Верхотуров Д. Н. Свидетельства... С. 161.

Библиография

- Авдусин Д. А.* Современный антинорманизм // Вопросы истории. № 7. 1988.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. 2016.
- Аряев Л. Н.* Норманофобия и ее фантомы // Valla. Т. 4. № 1-2. 2018.
- Байер Г. З.* Сочинение о варягах / Пер. Кирияка Кондратовича. СПб., 1767.
- Варяго-русский вопрос в историографии: Сборник статей и монографий / Сост. и отв. ред.: В. В. Фомин. М., 2010.
- Верхотуров Д. Н.* Неизвестный Михайло Ломоносов // Альманах Лебедь, № 343, 5 октября 2003. URL: <http://lebed.com/2003/art3494.htm> (дата обращения: 02. 02. 2022).
- Верхотуров Д. Н.* Продолжение спора о варягах // Альманах Лебедь, № 432, 3 июля 2005. URL: <http://lebed.com/2005/art4239.htm> (дата обращения: 02. 02. 2022).
- Верхотуров Д. Н.* Донос как метод научной полемики // Valla. Т. 1. № 6. 2015.
- Верхотуров Д. Н.* Три века спора о варягах. Летопись и варяги. М., 2020.
- Верхотуров Д. Н.* Свидетельства мертвых варягов: история трех веков спора о варягах. М., 2021.
- Вестник общества истории и древностей Российских. Т. 24. Разд. 3. 1856.
- Грот Л. П.* Призвание варягов, или норманны, которых не было. М., 2013.
- Губарев О. Л.* «Неонорманизм» или неоантинорманизм? // Stratum plus. № 5. 2015.
- Гутнер Г. Б.* Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. Т. 17. № 1. 2017.
- Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2010.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. Кн. 1. Изд. 5. СПб., 1842.
- Карамзин Н. М.* Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. М.–Л., 1964.
- Карамзин Н. М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.–Л., 1964.
- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- Клейн С. Л.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
- Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989.
- Коновалова И. Г., Мельникова Е. А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.). М., 2018.
- Лесной С.* История руссов. Славяне или норманны? М., 2016.
- Меркулов В. И.* Откуда родом варяжские гости? М., 2005.
- Миллер Г. Ф. О.* происхождении народа и имени российского // Избранные труды. М., 2007.
- Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898.
- Нечкина М. В.* Декабрист М. Орлов – критик «Истории» Н. М. Карамзина // Литературное наследство. Т. 59. Кн. 1. М., 1954.
- Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. № 4. 1962.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М., 2014.
- Скандинавomanия и ее небылицы о русской истории / Сост. и ред. В. В. Фомин. М., 2015.
- Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1-2. М., 1988.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016.
- Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссий по варяжскому вопросу. М., 2005.

Фомин В. В. Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX вв. Автореферат диссертации ...доктора исторических наук. М., 2005.

Фомин В. В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Фомин В. В. Голый конунг: Норманизм как диагноз. М., 2013.

Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, имь самимъ описанная (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ: Томъ тринадцатый). СПб., 1875.

Шлёцер А. Л. Русская грамматика: 1-2 / А. Шлёцер; с предисловием С. К. Булича; издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904.

Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

Штрубе де Пурмон Ф. Г. Рассуждение о древних россиянах. СПб., 1791.

Schlözer A. L. Kleine Weltgeschichte II. Geschichte von Russland. Göttingen, 1769.

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Erster Teil. Göttingen, 1802.

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Dritter Teil. Göttingen, 1805.

Сведения об авторе

Аряев Леонид Николаевич, врач-психиатр Тюрингской клиники психиатрии, психотерапии и психосоматической медицины, г. Зальфельд (Германия). Область научных интересов: история Древней Руси.

E-mail: l.aryayev@yandex.ru

L. N. Aryaev

WHO AND HOW INVENTED THE NORMAN QUESTION

(REVIEW ON: *VERKHOTUROV D. N. THREE CENTURIES OF DISPUTE ABOUT THE VARANGIANS. THE CHRONICLE AND THE VARANGIANS. MOSCOW: VECHE, 2020. 320 P.*)

Annotation: This article reviews the monograph by D. N. Verkhoturov who investigated about Varangians and their role in building the Old Russian state. Despite numerous methodological errors and controversial conclusions, the book contains new perspective approaches, unknown facts, and original observations. This book is a valuable contribution to the discussion of the Norman question.

Keywords: historiography, Varangians, Old Rus, “Normanism”, Anti-Normanism.

References

Avdusin D. A. Sovremennyi antinormanizm [Modern Anti-normanism]. Voprosy istorii. No. 7. 1988. (In Russian).

Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, 2016. (In Russian).

Aryayev L. N. Normanofobiya i ee fantomy [Normanophobia and its phantoms]. Valla. 2018 No. 4 (1-2). Pp. 126-135. (In Russian).

Bayer G. S. Sochinenie o varyagakh [De Varagis]. Trans. by KiriyaK Kondratovich. St. Petersburg, 1767. (In Russian).

Varyago-russkii vopros v istoriografii: Sbornik statei i monografii [Varyago-Russian question in historiography: collection of articles and monographs]. Sost. i otv. red.: V. V. Fomin. Moscow, 2010. (In Russian).

Verkhoturov D. N. Donos kak metod nauchnoi polemiki [Denunciation as a method of scientific polemics]. Valla. Vol. 1. No. 6. 2015. (In Russian).

Verkhoturov D. N. Neizvestnyi Mikhailo Lomonosov [Unknown Mikhail Lomonosov]. Almanakh Lebed', No. 343. 5 oktyabrya 2003. URL: <http://lebed.com/2003/art3494.htm> (accessed: 02.02.2022). (In Russian).

Verkhoturov D. N. Prodolzhenie spora o varyagakh [Continuation of the dispute about the Varangians]. Almanakh Lebed', No. 432, 3 iyulya. 2005. URL: <http://lebed.com/2005/art4239.htm> (accessed: 02.02.2022). (In Russian).

Verkhoturov D. N. Tri veka sporov o varyagakh. Letopis' I varyagi [Three centuries of dispute about the varangians. The chronicle and the varangians]. Moscow, 2020. (In Russian).

Verkhoturov D. N. Svidetel'stva mertvykh varyagov: istoriya trekh vekov spora o varyagakh [Testimonies of the Dead Varangians: A History of Three Centuries of Dispute about the Varangians]. Moscow, 2021. (In Russian).

Vestnik obschestva istorii i drevnostei Rossiiskikh [Bulletin of the Society of Russian History and Antiquities]. Vol. 24. Ch. 3. 1856. (In Russian).

Grot L. P. Prizvanie varyagov, ili normanny, kotorykh ne bylo [The vocation of the Varangians, or the Normans, who did not exist]. Moscow, 2013. (In Russian).

Gubarev O. L. "Neonormanizm" ili neoantinormanizm? ["Neo-Normanism" or Neo-Anti-Normanism?]. Stratum plus. No. 5. 2015. (In Russian).

Gutner G. B. Natsional'nyi narrativ i natsional'naya otvetstvennost' [National narratives and national responsibility]. Eticheskaya mysl'. Vol. 17. No 1. 2017. (In Russian).

Sand Sh. Kto i kak izobrel evreiskii narod [The Invention of the Jewish People]. Moscow, 2010. (In Russian).

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. [History of the Russian State]. Vol. 1. Book.1. Edition 5. St. Petersburg, 1842. (In Russian).

Karamzin N. M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note about ancient and new Russia]. Moscow, 1991. (In Russian).

Karamzin N. M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow–Leningrad, 1964. (In Russian).

Karamzin N. M. O sluchayakh i kharakterakh v rossiiskoi istorii, kotorye mogut byt' predmetom khudozhestv [About cases and characters in Russian history that can be the subject of art]. Karamzin N. M. Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh. Vol. 2. Moscow–Leningrad, 1964. (In Russian).

Klein L. Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [Dispute about the Varangians. The history of the confrontation and the arguments of the parties]. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Klyuchevskii V. O. Sochineniya [Collected Works]. In 9 vol. Vol. VII. Spetsialnye kursy (prodolzhenie). Moscow, 1989. (In Russian).

Konovalova I. G., Mel'nikova E. A. Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii (IX–X vv.) [Old Rus in the system of Eurasian communications in IX–X c.]. Moscow, 2018. (In Russian).

Lesnoi S. Istoriya russov. Slavyane ili normanny? [History of the Russians. Slavs or Normans?]. Moscow, 2016. (In Russian).

Merkulov V. I. Otkuda rodom varyazhskie gosti? [Where do the Varangian guests come from?]. Moscow, 2005. (In Russian).

Miller G. F. O. proiskhozhdenii naroda i imeni rossiiskogo [About the origin of the people and the name of the Russians]. Izbrannye trudy. Moscow, 2007. (In Russian).

Milyukov P. N. Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli [The main currents of Russian historical thought]. Vol. 1. Moscow, 1898. (In Russian).

Nechkina M. V. Dekabrist M. Orlov – kritik “Istorii” N. M. Karamzina [Decembrist Orlov as a critic of the history by Karamzin]. Literaturnoe nasledstvo. Vol. 59. Book 1. Moscow, 1954. (In Russian).

Rybakov B. A. Obzor obschikh yavlenii russkoi istorii IX – serediny XIII veka [An overview of the general phenomena of Russian history in the 9th – mid-13th centuries]. Voprosy istorii. No. 4. 1962. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and ancient Russian principalities in the 12–13th centuries]. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti. 2nd edition. Moscow, 2014. (In Russian).

Skandinavomaniya i ee nebylitsy o russkoi istorii [Scandinavian mania and its fables about Russian history]. Edit. and compil. by V. V. Fomin. Moscow, 2015. (In Russian).

Solov'ev S. M. Sochineniya [Collected Works]. In 18 books. Book. I. Vol. 1–2. Moscow, 1988. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneyshikh vremen: v 7 t. T. 1. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2016. (In Russian).

Fomin V. V. Varyagi i varyazhskaya Rus. K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu. [Varangians and Varangian Rus. To the results of discussions on the Varangian issue]. Moscow, 2005. (In Russian).

Fomin V. V. Varyago-russkii vopros v otechestvennoi istoriografii XVIII–XX vv. [Varangian-Russian question in Russian historiography of the 18th–20th centuries]. Diss. ... cand. of Hist. Sciences. Moscow, 2005. (In Russian).

Fomin V. V. Lomonosov: Genii russkoi istorii [Lomonosov: the genius of Russian history]. Moscow, 2006. (In Russian).

Fomin V. V. Golyi konung: Normannizm kak diagnoz [The Naked King: Normanism as a Diagnosis]. Moscow, 2013. (In Russian).

Schlözer A. L. Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera, im samim opisannaya [Public and private life of August Ludwig Schletzer described by himself] (Sbornik Otdeleniya russkago yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk: Tom trinadtsatyi) [Coll. of Department of Russian language and literature of Imperial Academy of Sciences. Vol. 13]. St. Petersburg, 1875. (In Russian).

Shletser A. L. Russkaya grammatika: 1–2 [Russian grammar: 1–2]. A. Shletser s predisloviem S. K. Bulicha. Publ. House: Izdaniye Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. St. Petersburg, 1904. (In Russian).

Shnirel'man V. A. Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory Wars: Myths, Identity, and Politics in Transcaucasia]. Moscow, 2003. (In Russian).

Shtrube de Pirmon F. G. Rassuzhdeniye o drevnikh rossiyanakh [Discourse about the ancient Russians]. St. Petersburg, 1791. (In Russian).

Schlözer A. L. Kleine Weltgeschichte II. Geschichte von Russland [Little World History II. History of Russia]. Göttingen, 1769. (In German).

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer [Russian annals compared in their basic Slavonian language translated and explained by August Ludwig (von) Schlözer, first part. Göttingen, 1802. (In German).

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer [Russian annals compared to their basic Slavonic language, translated and explained by August Ludwig (von) Schlözer, third part]. Göttingen, 1805. (In German).

About the author

Aryaev Leonid N., psychiatrist at the Thuringian Clinic for Psychiatry, Psychotherapy and Psychosomatic Medicine, Saalfeld (Germany). Research interests: history of Ancient Rus.

E-mail: l.aryayev@yandex.ru

**ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ БОЛХОВСКОГО
ПОХОДА КРЫМСКОГО ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ОСЕНЬЮ 1565
Г. И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТОЙ КАМПАНИИ (ОТЗЫВ НА
СТАТЬЮ: БЕЛОВ Н. В., БЕЛОВА А. Б. ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I
НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ОБОРОНА БОЛХОВА В ОКТЯБРЕ 1565 Г.
// МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВЫП. 13.
НИЖНЕВАРТОВСК, 2021. С. 779–804).**

Аннотация: Статья представляет собой полемический отзыв на работу Н. В. Белова, написанную в соавторстве с А. Б. Беловой «Поход Девлет-Гирея I на русские земли и оборона Болхова в октябре 1565 г.», опубликованную в 13-ом выпуске журнала «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья». Рассматриваются вопросы хронологии болховского похода крымского хана Девлет-Гирея I, численности крымских войск, обстоятельства оставления на должности болховского воеводы князя И. А. Золотого Оболенского. Выявляется источник сообщения официального московского летописания о бегстве крымского хана из-под Болхова. Анализируется происхождение рассказа летописца XVII в. дворян Загряжских о данной кампании. Исследуется роспись украинских воевод по городам от 1 октября.

Ключевые слова: Русь, Крымское ханство, Иван IV Грозный, Девлет-Гирей I, Болхов, воеводы.

В 13-ом выпуске журнала «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья» вышла статья Н. В. Белова, написанная в соавторстве с А. Б. Беловой «Поход Девлет-Гирея I на русские земли и оборона Болхова в октябре

1565 г.»¹. Данная работа является первым исследованием, специально посвященным этой кампании. Авторы привлекли наиболее широкий круг источников, в том числе и неопубликованные – разрядные книги и летописец дворян Загряжских конца XVII в. Без преувеличения можно сказать, что работа исследователей представляет собой серьезный научный труд.

Другое дело, что, на наш взгляд, не все выводы рассматриваемой статьи являются бесспорными.

Прежде всего, это касается хронологии октябрьского пребывания крымского хана под г. Болховом, которая в свое время также была рассмотрена нами в статье об основании г. Орла². Н. В. и А. Б. Беловы неаргументированно охарактеризовали «нашу попытку восстановить хронологию прихода крымского «царя» под Болхов» как, на их «взгляд», «крайне неудачную и плохо согласующуюся с данными источников», а наши «вычисления» объявили «ошибочными» (с. 781, 788), предложив

¹Белов Н. В., Белова А. Б. Поход Девлет-Гирея I на русские земли и оборона Болхова в октябре 1565 г. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. Нижневартовск, 2021. С.779-804.

²Молочников А. М. Несин М. А. Об основании Орла по распоряжению Ивана IV. К вопросу об основании Иваном Грозным крепостей в годы опричнины на территории земщины // Novogardia. № 2. 2019. С. 184-185.

собственную реконструкцию этих событий (с. 788, 791-792). Следует ли так поступать в научном исследовании, или свои несогласия с оппонентами надо обосновывать, а не ограничиваться ссылкой на свой личный «взгляд» (ср.: с. 781), мы предлагаем судить читателям. А сами зададимся более принципиальным для хронологии изучаемых исторических событий вопросом — является ли реконструкция Н. В. и А. Б. Беловых настолько исчерпывающей, что какие бы то ни было иные трактовки стоит безоговорочно признавать ошибочными?

В отличие от нас, Н. В. и А. Б. Беловы считают более верной дату отступления Девлет-Гирея I из-под Болхова, указанную в разрядных книгах — 9 октября, а летописную датировку — 19 октября — вслед за В. В. Пенским считают «неверной» (с. 791). При этом, исследователи отмечают, что версия Пенского носит лишь предположительный характер и приводят «в пользу» нее единственный аргумент, что данное летописное известие сохранилось в списке XVII в. (с. 788. Примеч. 21). Однако, этот довод нельзя признать серьезным. Стоит учесть, что запись государева разряда второй половины XVI в. тоже сохранилась в списках следующего ст., составленных десятилетия спустя после болховского похода Девлет-Гирея I 1565 г. А древность списка не всегда является надежным критерием отсутствия даже более крупных описок. К примеру, в записи разрядной книги 1475–1598 гг. заметивший приближение крымского войска к русским границам станичный голова Роман Семичев именуется то Иваном, то Романом³. В аналогичных записях более поздних разрядных книг этих ошибок нет⁴. В известии официального летописания подобных ошибочных или дефектных чтений не содержится. Следует полностью согласиться с Беловыми в том, что предполагаемая им описка летописца была технически возможной (с. 788. Примеч. 21). В то же время, нельзя исключать, что описка в дате

была допущена именно в разрядах: писец напротив пропустил одну букву в обозначении числа 19 и вместо двух букв — «ΘΙ» (19) по ошибке написал «Θ» (9)⁵. При написании рукописного текста пропустить один знак не сложнее, чем поставить лишней.

В своей реконструкции хронологии пребывания крымского хана под Болховом Н. В. и А. Б. Беловы исходят из неверного представления, что по данным разрядных записей хан находился под Болховом всего лишь с полудня 9 октября до полуночи (с. 788, 791–792)⁶.

Стоит отметить, что Беловы не обратили внимание, что «в разрядных... книгах» «приход и отступление крымской орды» отнюдь не «датируются одним днем — 9 октября» (ср.: с. 788). Исследователи проигнорировали уже отмеченный нами факт, что первый приход (а не поход) крымского «царя» Девлет-Гирея I к Болхову относится к разрядам к 1 октября: «октября 1 день, как царь крымской приходил к Болхову, роспись бояр и воевод по полком»⁷ / «октября

⁵Молочников А. М., Несин М. А. Основание Орла... С. 185.

⁶Аналогичное мнение 10 лет назад высказал орловский краевед В. М. Неделин (*Неделин В. М. Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел, 2012. С. 22. Примеч. 1*). Исследователь тоже отдает предпочтение данным разрядов. Но, в отличие от Беловых, никак это по существу не аргументировал. И разночтение в разрядных и летописных датировках предложил объяснять не опиской летописца, а тем, что в разрядных книгах верно указаны сроки осады города крымскими войсками, а в летописи — даты пребывания города на осадном положении. Однако, летописец ни о каком осадном сидении защитников Болхова прямо не сообщает, четко называя дни прихода и ухода крымского хана. И никакой явной путаницы при этом не демонстрирует. Поэтому гипотеза орловского краеведа является безосновательной.

⁷РК 1475–1598 гг. С. 223; Молочников А. М. Несин М. А. Основание Орла... С. 184. Любопытно, что эта запись процитирована в указанной книге В. М. Неделина (*Неделин В. М. Древние города земли Орловской... С. 22*). Но орловский краевед никак ее не прокомментировал и не учел в своих рассуждениях о хронологии пребывания крымского хана под Болховом, почему-то заявляя, что согласно разрядным записям хан был под Болховом только 9 числа. А ведь если бы Неделин учел данную запись, то, наверное, не смог бы объяснить расхождения в разрядных и летописных датировках тем, что первые касаются присутствия хана под Болховом, а вторые — пребывания города в осаде:

³Разрядные книги (далее — РК) 1475–1598 гг. М., 1966. С. 223.

⁴НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 13; РК 1559–1605 гг. М., 1974. С.43; РК 1550–1636 гг. М., 1975. Т.1. С. 154; РК 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 205.

в 1 день, как крымской царь (в Эрмитажном списке и списке М. А. Оболенского — царь крымской) приходил к Болхову, и по росписи бояре и воеводы были по полком»⁸ / «того ж году октября въ а (1) дн црь крымской приходил к Болхову и тогда были воеводы по полкомъ»⁹ / того же году, октября в 1 день царь крымской приходил к Болхову, и тогда были воеводы по полком»¹⁰. Выражение «как царь крымской приходил к Болхову» иногда возможно относилось не непосредственно к дню прихода к Болхову, а ко времени ответного выступления русских войск. Ниже оно употреблено в тех же разрядных книгах 1475–1598 и 1475–1605 гг. применительно к посылке Иваном Грозным к Болхову

наверяд ли после прихода хана 1 октября болховцы затворились в осаде только 7-ого.

⁸РК 1475–1605 гг. С. 206.

⁹НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 13 об. Н. В. и А. Б. Беловы постулируют, что РК 1564–1604 г. является источником РК 1559–1605 гг. (с. 790–791. Примеч. 28), «разряды» в которой, впрочем, «в действительности оканчиваются 1604/7112 г.» (Цит. по: Анхлюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 1998. С. 21). Очевидно, Беловы de facto опираются на утверждение Ю. В. Анхлюка, что «в основе текста [РК 1559–1605 гг.] лежат разряды РК 1564–1604, с которыми сюда вошли фрагменты «Государева разряда». Годовые статьи 7073–7084 г. совпадают с редакцией по списку Музейн.» (Цит. по: Анхлюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 391). Однако, мы полагаем, что характер соотношения этих источников нуждается в дополнительном уточнении — вышеуказанный список РК 1564–1604 г. из Музейного собрания РГБ датируется второй половиной 30–40 х гг. XVII ст. (там же. С. 329), значительно более ранним временем, чем большинство списков РК 1559–1605 гг. (там же. С. 391–392). Однако, сам Анхлюк ниже отмечает существование еще одного списка РК 1559–1605 гг. — списка Мартемьянова, текст которого вероятно датируется еще началом XVII ст. (там же. с. 393), то есть, возможно, он был создан на несколько десятилетий раньше списка Музейного собрания РГБ РК 1564–1604 гг. К сожалению, в настоящий момент местонахождение списка Мартемьянова РК 1559–1605 гг. неизвестно (там же). И думается, что до тех пор, пока он не будет найден и досконально исследован, делать окончательные выводы о генеалогии РК 1564–1604 и РК 1559–1605 гг. несколько преждевременно.

¹⁰РК 1559–1605 гг. С. 44.

опричных воевод¹¹. Но в рассматриваемом нами случае приход крымского хана к Болхову привязан к определенной дате — 1 октября. А роспись воевод по полкам не имела к нему прямого отношения за исключением совпадения даты¹². В РК 1564–1604 и 1559–1605 гг. содержится аналогичная запись о этой кампании, но данный фрагмент был несколько перефразирован: «того ж году октября въ а (1) дн црь крымской приходил к Болхову и тогда были воеводы по полкомъ»¹³ / «того же году, октября в 1 день царь крымской приходил к Болхову, и тогда были воеводы по полкомъ»¹⁴. Таким образом, с точки зрения грамотного человека Московского царства текст «октября в 1 день, как царь крымской приходил к Болхову» означал приход крымского хана к Болхову в этот день.

Затем указанные русские воеводы во главе с воеводой Большого полка, князем Иваном Дмитриевичем Бельским, которому прежде надлежало стоять в Коломне¹⁵, «по вестем» пошли к Болхову, а из опричнины русский государь Иван IV «как царь

¹¹РК 1475–1598 гг. С. 224; РК 1475–1605 гг. С. 208.

¹²А поскольку речь идет о разрядах, а не о летописях, мы также не видим основания полагать, что писцы, знавшие конечный пункт крымского похода, задним числом условно привязали роспись береговых воевод по полкам 1 октября к еще не состоявшемуся в тот день приходу крымского хана к Болхову. Для разрядов не характерны подобные ретроспективные привязки росписи воевод по полкам к приходу неприятельского предводителя к городу, если противник на самом деле туда прибыл много дней спустя. А обстоятельные записи разрядных книги 1475–1598 гг. и 1475–1605 гг. о событиях 1565 г. не обнаруживают никаких признаков столь вольного литературного повествования, в них нет никакой условной ретроспективной привязки к приходу царя к Болхову в недатированной росписи тех же береговых воевод по городам, помещенной перед росписью по полкам, а приход хана к Болхову четко датирован 9 октября (РК 1475–1598 гг. С. 223–224; РК 1475–1605 гг. С. 206–207). Следовательно, упоминание о приходе крымского «царя» к Болхову за 1 октября следует понимать, как указание на еще один, более ранний, приход крымского хана к городу.

¹³НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 13 об.

¹⁴РК 1559–1605 гг. С. 44.

¹⁵РК 1475–1598 гг. С. 223.

крымской приходил к Болхову» послал «с Москвы» опричных воевод — князей Андрея Петровича Телятевского, а также братьев Дмитрия и Андрея Ивановичей Хворостининых¹⁶, то есть, вести о приходе крымского хана к этому окраинному русскому городу дошли не только до Оки, но и до Москвы. Потом крымский «царь» снова (!) «приходил» к Болхову в полдень 9 октября и в полночь ушел¹⁷. Таким образом, трудно согласиться с Н. В. и А. Б. Беловыми, что по версии разрядов «все действие заняло несколько часов» (ср.: с. 791). По данным разрядных книг, имел место как минимум еще один подход крымского «царя» Девлет-Гирея I к Болхову 1 октября. И уж совсем некорректным представляется уверенно относить сведения посольской документации, согласно которым хан ни одной ночи не ночевал «в земле государя нашего» ко всему времени его пребывания под Болховом (ср.: с. 791). Согласно данному источнику крымский хан «он одное ночи въ государя нашего землѣ не начевал» не после того, как «пришель былъ к украинному городу Болхову», а уже «заслышавъ государя нашего воеводъ по украиннымъ городомъ», причем это отмечено в контексте спешного ухода Девлет-Гирея I, во время которого в плен подоспевшим русским воеводам попали только крымские фуражиры: «осенесь пришель былъ к украинному городу Болхову и, заслышавъ государя нашего воеводъ по украиннымъ городомъ и он одное ночи въ государя нашего землѣ не начевал, а людей въ розгонъ не роспустилъ, и не токмо что полону взяли, а корму взяти не дали, и пошелъ от украины спѣшно, не дождався государскихъ болшихъ воеводъ. А которые были люди поѣхали корму добывати, и тѣхъ крымскихъ людей во многихъ мѣстѣхъ побивали и языки многие у нихъ имали»¹⁸. Таким образом, из посольской документации отнюдь не следует, что Девлет-Гирей I ни разу не останавливался на ночлег за все время своего пребывания под Болховом, как это домыслили Н. В. и А. Б. Беловы, это относится к промежутку времени

между получением вести о приближении русских воевод и спешным ночным уходом.

Непосредственно после упоминания о полуночном уходе крымского хана из-под Болхова в разрядах сообщается, что отправленным к Болхову русским «бояром и воеводам» были пожалованы золотые деньги и «велено отпустить «воевод и людей по домом»¹⁹. Из этого можно сделать достаточно определенный вывод, что по версии государева разряда второй половины XVI в. уход хана был связан с приближением русских войск²⁰, и, как мы уже прежде отмечали, означал завершение крымского похода на Русь²¹: когда царя под Болховом не оказалось, миссию русских воевод московские власти сочли завершённой, и, наградив за усердную службу, отправили по домам.

О приходе и уходе крымского хана 9 октября также сообщает опубликованное Н. В. и А. Б. Беловыми известие летописца Загряжских XVII в. (с. 795).

Можно согласиться с исследователями, что «основная часть летописной статьи совпадает с текстом Государева разряда» (с. 795). Это наглядно видно из помещенной ниже сравнительной таблицы.

¹⁹РК 1475–1598 гг. С. 224.

²⁰Н. В. и А. Б. Беловы приводят известия разрядных книг 1478–1603 и 1557–1601 гг.: «царь, услышев государевых воевод, побежал от Болхова прочь на поле» / «царь крымской побежал, послышав государевых людей» (с. 792). Не ясно, использовали ли составители данных разрядных книг неизвестный современным ученым источник, или сделали такой вывод из указанной нами записи государева разряда.

²¹Молочников А. М., Несин М. А. Основание Орла... С. 184.

¹⁶Там же. С. 224.

¹⁷Там же.

¹⁸Цит. по: Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — сб. РИО). СПб., 1892. Т. 71. С. 343–344.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ БОЛХОВСКОГО ПОХОДА КРЫМСКОГО ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ОСЕНЬЮ 1565 Г. И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТОЙ КАМПАНИИ (ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ: БЕЛОВ Н. В., БЕЛОВА А. Б. ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ОБОРОНА БОЛХОВА В ОКТЯБРЕ 1565 Г. // МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВЫП. 13. НИЖНЕВАРТОВСК, 2021. С. 779–804).

Таблица 1. Сравнительная таблица сведений Летописца Загряжских и РК 1475–1598 гг. о болховском походе Девлет-Гирея I 1565 г.

Летописец дворян Загряжских XVII в.	РК 1475–1598 гг.
<p>Лѣта 7074 сентября в 29 день писал ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю ис Путимля намѣсник князь Григорей Мещерской, что прибежал к нему в Путимль от станичной головы от Романа Семичюва сын боярской ноугородец Гриша Яцково, а сказывал, что ехал Роман верх Корца, и на Каменом броду сентября в 21 дня стоят многие люди, и огни горят многие, и пушки слышали. А князь Григорей писал ко государю по Романове же присылке Семичова, что пришли люди в Русь на Изюм курган да на Савин перевоз, а Донец возились два дни. И по тѣм вестем бояре и воеводы князь Иван Дмитриевич Бельской с товарищи пошли с Москвы на Коломну, да на Коломне же велел государь быти царевичю Кайбуле да царевичю Ибаку. И писали ко государю царю, что крымской царь идет к Болхову, и бояре и воеводы по тем вестем пошли против царя к Болхову. А из опришнины были воеводы и ходи под царя з бояры и воеводами со князем Иваном Дмитриевичем Бельским князь Ондрѣй Петрович Телятевской да князь Дмитрей да князь Ондрѣй Ивановичи Хворостинины. И пришел крымской царь к Болхову октября в 9 день о полудни. И послышел царь, что идут государевы воеводы противу его со многими людьми, и побежал от Болхова прочь о полночи того же числа, а городу ничтоже не сотворил, но Божию милостию и Пречисто[й] Матери, и великих чудотворец умолением, послыша государевых воевод, побежал от города, никим же гоним, но гневом Божим, пометали бо во станех многие лошади и ратную збрую, и верблюды.</p>	<p>Лета 7074 -ого <...> сентября в 29 день писал ко государю царю и великому князю из Путивля наместник князь Григорей Мещерской, что прибежал к нему в Путивль от станичной головы от Романа* от Семичова сын боярской ноугородец Гриша Яцково, а сказывал, что ехал Роман верх Торца, и на Каменом броду сентября в 21 дня стоят многие люди, и огни горят многие, пушки слышели. А князь Григорей Мещерской писал по Романове же присылке Семичова, что пришли люди в Русь на Изюм курган да на Савин перевоз, а Донец возились два дни. И по тем вестем князь Иван Дмитриевич Бельской да князь Петр Михайлович Щенятев пошли на Коломну. Да и на Коломну же велено идти царевичю Кайбуле да царевичю Ибаку</p> <p><...></p> <p>И бояре и воеводы князь Иван Дмитриевич и воеводы по тем вестем пошли под царя к Болхову. А царь к Болхову пришел окетбря в 9 день, в половине дни, а от Болхова пошел того же дни в полночь. И к бояром и воеводам с золотыми послано и велено отпустить воевод и людей по домом.</p> <p>А из опришнины посылал государь под Болхов воевод, как царь приходил к Болхову, воевод с Москвы князя Андрея Петровича Телятевского, князя Дмитрея, да князя Ондрея Ивановичев Хворостининых.</p> <p>* В РК 1475–1598 гг. ошибочно указано «Ивана». Исправлено по РК 1564–1604 гг., РК 1559–1605 гг., 1550–1636 гг. и РК 1475–1605 гг.</p>

А вот заявление авторов, что «Едва ли эта статья появилась в результате сокращения записи официальной разрядной книги; вероятнее всего, она восходит к общему протографу двух памятников» (с. 795),

которое исследователи не подкрепили никакой аргументацией, является совершенно безосновательным: общий протограф этих памятников остается неизвестным, а из приведенной выше сравнительной таблицы

никак не следует, что летописные записи, аналогичные разрядным, восходили не непосредственно к разрядной книге, а к ее некому протографу.

Трудно также согласиться с утверждением Беловых, что «уникальны известия летописца о времени выступления «береговой» армии к Болхову» (с. 795). Тут остается развести руками: ничего уникального об этом в источнике не сообщается и вообще о времени прямо не упоминается. Разве что в летописце Загряжских указано: «И писали ко государю царю, что крымской царь идет к Болхову». Но для того, чтобы прийти к подобным заключениям, летописец не должен был опираться на некий уникальный неизвестный современным ученым источник: это ясно следует и из текста государева разряда, согласно которому князь И. Д. Бельский со товарищи шли к Болхову по вестям.

Новая информация сообщается в летописце об обстоятельствах бегства крымского царя как он, услышал приближение русских воевод, побежал никем не гонимый (известный летописный топос), бросив многих лошадей, военное снаряжение и верблюдов.

Но из государева разряда, как было отмечено выше, косвенно следует именно эта причина ухода хана из-под Болхова. К тому же фраза летописца Загряжских: «и послышел царь, что идут государевы воеводы противу его со многими людьми, и побежал» явно перекликается с приведенными Беловыми (с. 792) записями из разрядных книг 1478–1603 и 1557–1601 гг.; «царь, услышав государевых воевод, побежал от Болхова прочь на поле» / «царь крымской побежал, послышав государевых людей». При этом, летописец XVII в. не знал про отмеченное в современной посольской документации и в официальном московском летописании преследование русскими воеводами крымских фуражиров. То есть, крымский хан был, вопреки летописцу Загряжских, гоним. Похоже на то, что летописец XVII ст. пользовался только разрядами, что-то сокращая, что-то домысливая. И описанная им эпическая картина бегства хана далека от современных реалий и скорее похожа на художественный

вымысел²². Таким образом, сомнительно, что данный летописец стоит использовать в качестве дополнительного уникального источника об этой кампании.

По словам официального московского летописания, сохранившегося в составе Александро-Невской летописи²³, болховские воеводы князя Иван Андреевич Золотой [Оболенский] и Василий Иванович [Скоков] Кащин «писали» Ивану Грозному, что

²²Такие «дополнительные детали» (с. 792), как брошенных под Болховом верблюдов, тоже не обязательно надо было брать из некоего дополнительного источника. Верблюды неоднократно участвовали в военных походах крымских войск. Как отметил в частной переписке с одним из авторов этих строк А. А. Шейхумеров: «...В «Истории о приходе турецкого и татарского войска под Астрахань» (это перевод на русский язык отчета польского посла в Турции А. Тарановского) о походе 1569 г. сообщается, что после хана маршировало несколько сот черкесской и пятигорской пехоты с ружьями, а за ними шли верблюды, везшие двухколесные телеги. Опубликовано эта история, кстати, в 8 томе ЗООИД. Верблюды периодически упоминаются как трофеи, захваченные у татар. В коше Девлета Герая в 1555 г. русские обнаружили 80 верблюдов, в 1594 г. несколько верблюдов из ханского войска было захвачено поляками во время марша Гази Герая через Карпаты, в 1626 г. при внезапном нападении на хана Мехмеда Герая поляки захватили 20 верблюдов. То есть в крупных походах по несколько десятков верблюдов присутствовало». Поэтому в литературном повествовании о бегстве крымского хана было вполне уместно упомянуть этих экзотических для Руси животных в качестве характерных участников крымских походов. Зато, согласно любопытному замечанию исследователя доспешной терминологии О. В. Комарова, упоминание летописцем Загряжских брошенной при бегстве крымцами «ратной збруи» было анахронично для XVI ст.: «в XVI в. такое не могли написать — термин вошёл в российский обиход к концу Смуты. И при этом таким термином не заменяли при переписке старые «снасть» и пр. они тоже ведь остались в обиходе». В таком случае, сюжет о брошенном крымцами в 1565 г. под Болховом защитном снаряжении возник за пределами XVI в.

²³Мы, в отличие от Беловых (ср.: с. 781. Примеч. 3), предпочитаем опираться на публикацию Александро-Невской летописи в 13 Т. ПСРЛ, а не в 29 Т. ПСРЛ. Н. В. и А. Б. Беловы почему-то называют последнюю более «исправной», не приводя столь ответственному утверждению никаких обоснований. Можно разве что согласиться с ними, что она является более «современной»: подготовивший к печати текст источника А. Г. Кузьмин, очевидно, ради адаптации древнерусского текста для современного читателя, не ставил в конце слов твердый знак, хотя использовал букву «ять» (ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 348). Нам такая своеобразная модернизация древнерусского языка при публикации исторического источника не представляется уместной, и мы ссылаемся на публикацию С. Ф. Платонова в 13 Т. ПСРЛ.

крымский «царь» пришел к Болхову уже 7 октября, [татары] стреляли по городу из «наряда» — артиллерии и городу приступали, а болховский воевода князь Иван [Андреевич] Золотой [Оболенский] с детьми боярскими вышел навстречу крымцам из города, «дѣлалъ с ними дѣло» (то есть, сражался), захватил языков и помешал «пожечи» (сжечь)²⁴ ближние [к крепости]²⁵

²⁴Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 1080–1081; Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — СРЯ). Вып. 16. М., 1990. С. 98, 100. Составители 16 выпуска СРЯ выделяют и такое значение этого глагола, как «поджигать» (СРЯ. Вып. 16. С. 100). Однако, приведенный ими единичный пример из источника XVII в.: «животы ихъ грабятъ и домаы пожигають» с неменьшим основанием можно понимать, как упоминание сжигания домов. Столь же неубедительными являются попытки данных исследователей выделить дополнительное значение существительного «пожжение» — «поджог» на основании 2-х упоминаний «пожжения», указанного в числе разных «убытков», и «позжения московского», связанного с приписываемыми Борису Годунову поджогами московских домов (СРЯ. Вып. 16. С. 99). Между тем, в первом случае «пожжение» скорее всего означало не «поджог», а «сожжение», «пожар», которые непосредственно приносят убыток. А во втором случае, в отрывке из 2-й редакции «Повести» князя И. М. Катырева Ростовского, идет речь о причине возникновения крупного московского пожара 24 мая 1591 г., уничтожившего значительную часть Москвы. А если проследовать по ссылке на эту «Повесть», то ниже можно прочитать о выгодных для Бориса Годунова последствиях этого бедствия: люди, не помышляя ни о чем, кроме своих домашних скорбей, не выступали против Годунова, и тот стал правителем страны. Поэтому заголовок «о позжении московскомъ» можно перевести на современный русский язык как «о пожаре московскомъ», «о сожжении Москвы». А для интересующего нас глагола «пожечи», употребленного применительно к ближним дворам болховского посада, не стоит придумывать какое-нибудь иное значение, кроме обычного — «сжечь». Другое дело, что поскольку первый болховский воевода не дал противнику сжечь деревянные дворы посада, то, фактически, не дал зажечь их.

²⁵Молочников А. М., Несин М. А. Основание Орла... С. 184. Примерно также это понял В. М. Неделин, отмечая, что возможно татары сожгли «дальние дворы» посада и слобод за р. Нугрь, а вероятно и за р. Болховкой (Неделин В. М. Древние города Орловской земли... С. 22. Примеч. 2). Другое дело, что в источниках не сохранилось сведений о топографии болховского посада того времени. Поэтому не ясно, простирался ли он за Болховкой и за Нугрю, или ограничивался междуречьем Нугри и Болховки. Однако, Н. В. и А. Б. Беловы вероятно считают

дворы на посаде и от взятых в плен крымских «языков» узнал, что тут были сам крымский царь с двумя царевичами — наследником Мухаммед-Гиреем, а также Алды-Гиреем и всеми людьми²⁶. Мы, в отличие от Н. В. и А. Б. Беловых (ср.: с. 792, 994) не стали бы называть прибывшее к Болхову 7 числа крымское войско «передовыми» «отрядами» и «разъездами». Стоит учесть, что исследователи исходят из своей

эти ближние дворы окраинными, наиболее удаленными от «города». Во всяком случае, они пишут, что «татары...предприняли» неудачную «попытку поджечь посад» (с. 791). Между тем, расположение ближних, а также дальних дворов посада, на наш взгляд, наглядно раскрывается в сохранившемся в составе Лебедевской летописи рассказе официального московского летописания о летнем мценском походе Девлет-Гирея I 1562 г. После того, как крымские царевичи «стояли у мценского посаду два дни и къ посаду приступали», а мценский воевода князь Федор Иванович Татев Хрипунов с детьми боярскими «вылазя изъ города», «о посадѣ билися и посаду им жечь не дали», побили крымских людей и взяли в плен языков, «на третій день самъ царь пришелъ къ Мценску и съ нарядомъ, и къ посаду приступаль до вечера. Далние дворы у посаду, которые было уберець не мошно, тѣ татарове дворы пожгли, а ближнихъ дворовъ татаромъ жечь не дали» (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ) Т. 13. М., 2000. С. 342). Как видно, дальние дворы, наиболее уязвимые для войск крымского хана, были окраинными, наиболее удаленными от «города». А ближние дворы, которые защитники Мценска не дали татарам сжечь, являлись ближайшими к «городу». Поскольку после прихода Девлет-Гирея I летописец уже не упоминал о выходе мценского воеводы с детьми боярскими из «города», те могли отстоять только ближайšie к нему дворы посада. «Далние дворы у посаду» им уже было «уберець не мошно». 3 года спустя первый болховский воевода князь И. А. Золотой Оболенский с детьми боярскими выйдя из «города», тоже не дал татарам сжечь ближайšie к нему дворы. Судьба дальних дворов, равно как и причина, по которой воевода защитил только ближние, в источнике не раскрываются. Остается гадать, был ли приход ханского войска таким неожиданным, что защитники Болхова поздно вышли из «города» и не успели помешать татарам сжечь дальние, окраинные дворы посада. Или воины Девлет-Гирея I, обстреливая крепость из пушек, пытались также сжечь ближайšie к ней дворы посада зажигательными снарядами, а поджогом окраинных дворов посада заниматься не стали. Во всяком случае, первый болховский воевода князь И. А. Золотой Оболенский, выйдя с детьми боярскими из города, захватил языков и пресек попытку крымских воинов сжечь ближние к крепости дворы посада.

²⁶ПСРЛ. Т. 13. С. 399.

вышеуказанной неверной интерпретации разрядных данных о пребывании хана под Болховом в течение двенадцати часов. И для того, чтобы согласовать с ней летописные сведения, вслед за В. В. Пенским²⁷, относят к 7 октября прибытие к городу передовых сил, а приход хана и обстрел города — уже к 9 числа (с. 791–792, 794). Отметим, что это прямо противоречит вышеуказанным сведениям официального летописания, относящего со ссылкой на письмо болховских воевод, к 7 числу прибытие «царя» и связывающего с этим событием обстрел города без упоминания о каком-либо двухдневном стоянии в промежутке²⁸. Между прочим, выше сами Беловы отметили, что «согласно Александро-Невской летописи, 7 октября хан приступил к Болхову, татары «из наряду по городу стреляли и к городу приступали, и князь Иван Золотова з детми боярскими из города выходил и с ним дело делал и языки поймал, а посаду ближних дворов пожечи не дал»» (с. 788). Но ниже, реконструируя хронологию события под Болховом, историки опустили этот неудобный для своей реконструкции факт. Хотя, если Беловы полагают, что официальный московский летописец, опиравшийся на донесение болховских воевод Ивану Грозному, каким-то образом спутал прибытие авангардов с приходом хана, это профессиональным историкам следовало бы обозначить и обосновать. А не дописывать по умолчанию свое видение событий за источники. Любопытно, что в указанной монографии В. В. Пенской подкрепляет свое утверждение, что «татарские авангарды вышли к Болхову 7 октября, а 9-ого к городу подступил со всей своей силой и с нарядом сам крымский «царь»» ссылкой на вышеуказанное летописное известие, относящее приход царя к 7 числу²⁹. В данной работе, посвященной войнам Руси не на южном, а на западном фронте — «русско-литовскому противостоянию времен Ивана Грозного»,

²⁷Пенской В. В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. М., 2019. С. 172–173.

²⁸ПСРЛ. Т. 13. С. 399.

²⁹Пенской В. В. Полоцкая война... С. 172–173, 314. Примеч. 646.

исследователь очень кратко упоминает крымский поход на Болхов. В более ранних работах, подробнее освещающих данную кампанию, В. В. Пенской правильно приводит летописные сведения о приходе под Болхов крымского хана 7 числа и не считает их ошибочными³⁰.

Основанные на донесении болховских воевод сведения официального летописания о прибытии к Болхову «царя» 7 октября (с «царем» по полученным болховскими воеводами показаниям пленных крымцев, были два царевича и все люди) не дают основания считать это войско передовым отрядом. В источниках не известно ни одного достоверного случая, когда крымские передовые отряды путали с «царем», царевичами и всеми людьми. Зато в 1552 г. согласно официальному московскому летописанию тульские гонцы отличали появление под Тулой «немногих людей» от последующего прихода к городу крымского «царя»³¹. Так что если бы 7 октября 1565 г. к Болхову подошел не сам хан, а только передовые отряды, то болховские воеводы так бы и сообщили государю³². Поэтому попытку интерпретировать сведения о приходе хана к Болхову 7 октября как известие о появлении авангарда следует признать неудачной.

И, надо полагать, что если бы «приход хана к Болхову, и артиллерийский обстрел городских стен, и сражение за болховский посад произошли в течение 9 октября» (с. 792), а не «октября в 7 день»³³, то болховские воеводы князя Иван Андреевич Золотой Оболенский и Василий Иванович Скоков Кашин не успели бы написать об этом Ивану Грозному. Ведь гонец должен был потратить на дорогу от Болхова до Москвы несколько дней. А их послание по летописным данным прибыло по назначению уже 11 октября³⁴. Как и В. В. Пенской³⁵ мы

³⁰Пенской В. В. 1) Там, вдали, за рекой... // История в подробностях. № 9. 2011. С. 15; 2) Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. С. 150.

³¹ПСРЛ. Т. 29. С. 83.

³²Благодарим О. В. Комарова, указавшего нам на этот момент.

³³ПСРЛ. Т. 13. С. 399.

³⁴Там же.

³⁵Пенской В. В. 1) Там, вдали, за рекой... С. 15; 2) Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 150.

летописное выражение «октября въ 11 день писали» относим не буквально ко дню отправки послания (ср.: с. 792, 794), а ко времени его прибытия по назначению³⁶. Для москвичей было важнее время получения донесения, а не время написания его в Болхове. Обычно подобные обороты в местных источниках относились ко времени доставки письма, а не к моменту его отправки из другого города. (Например, согласно новгородскому летописанию, в субботу 15 ноября 1566 г. Иван III повелел новгородскому епископу Пимену и архимандриту Леониду ехать к себе на службу, а те 17 ноября уже были в пути на Вережском яме³⁷. Разумеется, при отсутствии современных средств связи, царь отдал такое распоряжение до 15 числа: государь в тот день находился в нескольких сотнях км от Великого Новгорода на территории Псковской земли, по пути из Красного городка в Москву³⁸. Надо думать, что царский приказ был отправлен новгородским владыке и архимандриту еще 12 числа с Оршанского яма (в настоящее время —

деревня Орша Новоржевского района Псковской области)³⁹; а в субботу 15 ноября

³⁶Молочников А. М., Несин М. А. Основание Орла... С. 184.

³⁷ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 162.

³⁸В четверг 13 ноября он из Красного городка спешно поехал в Москву (ПСРЛ. Т. 3. С. 162). Путь в Москву лежал через Великие Луки (Сб. РИО. Т. 71. С. 563; РК 1475–1605. С. 231). Гонец мог за 2 дня проскакать от Пскова до В. Новгорода. 23 ноября 1475 г. в Псков прибыла весть о прибытии Ивана III 21 числа на новгородское Городище (Несин М. А. Поход Ивана III на В. Новгород 1475/76 гг. и чудо на Городище вечером 29, или в ночь на 30 ноября 1475 г. по псковским летописным данным. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура Материалы IX Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 23–24 ноября 2021. Ижевск, 2021. С. 76). Но Иван IV находился значительно дальше от В. Новгорода. А святым отцам надо было успеть 17 числа не только получить приказ Ивана Грозного, но собраться в путь и проехать десятки верст до Вережского яма. Поэтому 15 числа Иван Грозный никак не мог успеть им отдать распоряжение ехать на службу. Да это было бы незачем, так как он из Красного городка торопился назад в Москву. Тем более, что 17 ноября святые отцы повернули с Вережского яма обратно в Новгород (ПСРЛ. Т. 3. С. 162), очевидно получив соответствующее новое распоряжение от заторопившегося из Красного городка в Москву царя.

³⁹Согласно данным посольской документации 12 ноября Иван Грозный находился на Оршанском яме и там было принято решение «отставить», «отложить» военный поход в Литву и немецкие земли, потому что «съ нарядомъ за государемъ идуть неспѣшно» (Сб. РИО. Т. 71. С. 562–563). По мнению исследователя средневекового Пскова В. А. Аракчеева, Оршанский ям — «Совр. д. Орша под Новоржевом» (Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество и повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 135), а по версии В. В. Пенского, Оршанский ям соответствовал нын. деревне Ям Моревского района Новгородской области (Пенской В. В. Полоцкая война... С. 220, 324. Примеч. 810). Точка зрения Аракчеева представляется более верной. На другой день Иван Грозный был в Красном городке (ПСРЛ. Т. 3. С. 162), нын. пгт. Красногородске, расположенном в 70 км. от Орши и более чем в 400 км от деревни Ям. Так как Иван IV не располагал современными транспортными средствами, позволяющими преодолеть за день несколько сот км, Оршанский ям логичнее соотносить не Ямом, а с Оршей. Такую локализацию Оршанского яма в целом подтверждают и разрядные записи, привязывающие сборный пункт русских войск, на котором было решено отменить военный поход, к Дворцам (РК 1475–1605 гг. С. 223, 226, 232) — деревне Дворцы Бежаницкого района Псковской области, расположенной в 30 км к востоку от Орши. Стоит также иметь в виду, что в писцовой книге пусторжевских волостей 1582/83 гг. Орша фигурирует как Аршанский стан (Вальков В. Как Аршанский стан превратился в деревню Орша // Земля Новоржевская, 21.10. 2013. URL: http://smi60.ru/2013/10/21/kak_arshanskiy_stan_prevratilysya_v_derevnyu_orsha.html?ysclid=l5jrtbj113350669413#:~:text=%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%9A%D0%B0%D0%BA%20%D0%90%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D1%8E%20%D0%9E%D1%80%D1%88%D0%B0,-21%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202013 (Дата обращения. 01. 03. 2022). Приняв решение отложить военный поход, Иван Грозный все же направился из Орши на запад, в приграничный Красный городок. И надо полагать, 12 ноября из Оршанского яма отправил гонца к новгородским святым отцам с приказом ехать в Красный городок и служить там церковную службу. А те получили распоряжение 15 числа.

царское послание доставили в Новгород адресатам, что местный летописец и обозначил как «царь... велель», и два дня спустя новгородские святые отцы уже были в 30 км от В. Новгорода, на Веряжском яме (нын. поселок Сергово в устье реки Веряжи), на пути в Псковщину). Н. В. и А. Б. Беловы понимают это, не придавая значение тому, что сведения о прибытии донесения путивльского наместника в Москву 29 сентября 1565 г. о приходе крымского войска в разрядах и летописце Загряжских сформулированы так, будто наместник Путивля его в этот день «писал» (с. 785, 794). К тому же не понятно, зачем болховские воеводы стали бы писать послание о приходе крымского войска к Болхову 7 октября уже четыре дня спустя, 11 числа. При том, что в Болхове по наблюдениям исследователей, число профессиональных воинов достигало всего лишь около четырех сотен (с. 787), такое послание уместно было отправить в Москву именно 7 числа, когда крымский хан подошел к городу и начал его обстреливать, а 11 — вполне подходящая дата для прибытия послания в Москву. Поскольку Болхов от Москвы отделяет более 330 км, такая скорость для конного гонца в условиях осенней распутицы вполне приемлема. Весть о сражении на Ведроши 14 июля 1500 г. пришла в Москву 17 числа. 17 ноября 1566 г. новгородский архиепископ Пимен и архимандрит Леонид повернули с Веряжского яма назад в Новгород, не явились к царю на службу и это не привело к неприятным для них последствиям (а Леонид и вовсе несколько лет спустя стал новгородским архиепископом, явно не без ведома Грозного царя, которого торжественно встречал в Новгороде на следующий день после своего возвращения из Москвы с хиротонии)⁴⁰. Очевидно, они получили соответствующее распоряжение царского гонца, проскакавшего за 4 дня около 300 км от Красного городка до Ильменского Поозерья после того, как царь 13 ноября спешно поехал из Красного городка в Москву⁴¹. Таким образом, надо полагать, что осенью 1565 г. гонец выехал из Болхова 7

октября, провел в пути от Болхова до Москвы 4 дня и доставил царю послание болховских воевод 11 октября. Затем, согласно официальному летописанию, русские береговые и украинные воеводы «притти поспѣшили» к Болхову (то есть, прицельно и безотлагательно пошли к Болхову, не иначе как по тем самым вестям от болховских воевод, полученным в Москве 11 числа); 19 октября в полночь крымский «царь» ушел от Болхова, узнав о приближении неприятельских сил, а те настигли и побили крымских фуражиров⁴².

Беловы «констатируют», что «в летописном тексте говорится о трехдневном «стоянии» татар под Болховом 7–9 октября» (с. 791), однако, в действительности это не так: летописец сообщает о двенадцатидневном промежутке между приходом крымского «царя» под Болхов 7 октября и его уходом из-под города 19 числа. Что хан все это время делал, из летописи не ясно — все время осаждал город, или то отступал, то приступал (как это можно понять из разрядов, отмечавших приходы Девлет-Гирея I к городу в разные дни). Вторая версия нам представляется наиболее вероятной — по официальному летописанию обстрел Болхова не принес крымской стороне успеха, а городу — существенного урона, а болховские воеводы не дали крымцам зажечь ближайшие к крепости дворы посада. Вероятно, в какой-то степени оказывается прав А. И. Филюшкин, утверждавший, что «татары осаждали» [Болхов] 7 октября и в тот же день ушли⁴³.

По словам Н. В. и А. Б. Беловых, «официальный летописец» «объяснял бегство Девлет-Гирея I», опираясь, «по всей видимости, на документацию разрядного архива» (с. 792). Вместе с тем, основной источник данного летописного известия установить не трудно. Это летописное сообщение текстуально напоминает вышеуказанную запись посольской документации.

⁴²ПСРЛ. Т. 13. С. 399.

⁴³Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 415.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 167.

⁴¹ Там же. С. 162.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ БОЛХОВСКОГО ПОХОДА КРЫМСКОГО ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ОСЕНЬЮ 1565 Г. И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТОЙ КАМПАНИИ (ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ: БЕЛОВ Н. В., БЕЛОВА А. Б. ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ОБОРОНА БОЛХОВА В ОКТЯБРЕ 1565 Г. // МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВЫП. 13. НИЖНЕВАРТОВСК, 2021. С. 779–804).

Таблица 2. Сравнительная таблица сообщений Александро-Невской летописи и посольской документации об отступлении Девлет-Гирея I из-под Болхова

ПСРЛ. Т. 13. С. 399	Сб. РИО Т. 71. № 16. С. 343–344.
Царь же слышавъ про царевыхъ и великого князя воеводъ и про людей многихъ приходъ к Болхову и воины не распустилъ, а октября 19 день, въ полночь, царь и царевичи отъ города и прочь пошли. А которые крымские немногіе люди кормы учили были добывати въ украинскихъ въ Болховскихъ мѣстехъ, и божимъ милосердіемъ тѣхъ людей крымскихъ побивали и корму имати имъ не давали	И слышавъ государя нашего воеводъ по украиннымъ городомъ и он одное ночи въ государя нашего землѣ не начевал, а людей въ розгонъ не распустилъ, и не токмо что полону взяли, а корму взяти не дали, и пошелъ от украины спѣшно, не дождався государскихъ болшихъ воеводъ. А которые были люди поѣхали корму добывати, и тѣхъ крымскихъ людей во многихъ мѣстѣхъ побивали и языки многие у нихъ имали

Навряд ли это сходство случайно — надо полагать, что официальный московский хронист непосредственно опирался на посольскую документацию.

В целом, более верными все же представляются летописные датировки прихода и ухода крымского хана, а не даты, указанные в разрядах. Содержащаяся в разрядных книгах датировка прихода крымского «царя» к Болхову 1-м октября с учетом приведенных Беловыми сведений о скорости движения крымских войск (с. 790) представляется менее вероятной, чем летописное известие со ссылкой на письмо болховских воевод о приходе хана к городу 7-го числа. 1 октября Девлет-Гирей I был если не «примерно на половине своего пути по Пахнутцевой дороге» (с. 790)⁴⁴, то достаточно далеко от Болхова. Да и к 9–10 ноября русские войска не могли поспеть к Болхову. Если лишь «в первых числах октября стало очевидным, что Девлет-Гирей I повернул на северо-запад» к Болховским и Козельским местам (с. 790), то к концу первой декады октября в Москве скорее могли разве что получить об этом известие и даже отправить воевод. Но не прислать их непосредственно к

Болхову. К тому же, и по летописным, и по разрядным данным русские воеводы прицельно двигались к Болхову, а не куда-то на юго-запад с расчетом перехватить крымцев не то под Болховом, не то под Козельском, а послание болховских воевод в Москву о приходе крымского хана к городу дошло лишь 11 октября. Потому летописные сведения об уходе крымского «царя» из-под Болхова в полночь 19 числа в связи с приближением к городу русских воевод представляются более вероятными, чем версия Беловых об отступлении Девлет-Гирея I в ночь с 9 на 10 октября (ср.: с. 791–792, 794).

В этой связи трудно согласиться с версией Н. В. и А. Б. Беловых, что «умелые действия русской разведки помогли отследить пути движения крымского войска и предотвратить прорыв татарских контингентов в южные районы страны, а «заблаговременное выступление «государевых больших воевод» к месту предполагаемого вторжения» было обеспечено «как можно полагать, слаженными действиями русской разведки на «поле»» (ср.: с. 779, 794). Если береговые воеводы во главе со стоявшим в Коломне князем И. Д. Бельским, а также украинные воеводы, при том, что они, по выражению официального летописания «притти поспѣшили»⁴⁵, приблизились к Болхову

⁴⁴Исследователи приводят достаточно большой разброс в цифрах средней скорости крымского войска — от 30 до 40 км в день. Соответственно, расчеты, что к 1 октября «хан должен был пройти порядка 350 км» достаточно приблизительны: проходя то ли 30, то ли 40 км в день, Девлет-Гирей I преодолел к тому времени 300–400 км.

⁴⁵Цит. по: ПСРЛ. Т. 13. С. 399.

только около 19 числа, то, надо полагать, что они наряду с воеводами князьями А. П. Телятевским, Д. И. и А. И. Хворостининными, посланными царем из опричнины, были отправлены к Болхову самим государем уже в первой половине 10-х чисел, после получения им 11 октября донесения болховских воевод о приходе к Болхову крымского хана. Стоит согласиться с подсчетами Н. В. и А. Б. Беловых, что «марш-бросок войск князя Бельского к Болхову» занял не более 4-5 дней. (с. 791). При этом нужно учесть, что Беловы несколько преуменьшили расстояние от Коломны до Болхова через Тулу. В действительности даже по прямой оно составляет больше 250 км (ср.: с. 791). А в допетровской Руси идеально прямых дорог не делали и фактически князю И. Д. Бельскому скорее всего пришлось преодолеть по меньшей мере ближе к 300 км. Стоит отметить, что в той поверстной книге, на которую сослались Беловы, расстояния между городами в полном соответствии с ее названием измеряются не в километрах, а в верстах. А эти версты трудно безоговорочно приравнять к современным километрам. К примеру, расстояние от Москвы до Владимира там указано в 140 верст⁴⁶, в то время как даже по прямой оно составляет около 180 км. Соответственно, для того, чтобы «расстояние от Коломны до Тулы»⁴⁷ и

⁴⁶ Петров В. А. Географические справочники XVII века // Исторический архив. № 5. 1950. С. 103, 113.

⁴⁷ Стоит согласиться с Н. В. и А. Б. Беловыми в том плане, что князь И. Д. Бельский следовал из Коломны к Болхову через Тулу. Ведь, торопясь к Болхову, он двигался более наиболее коротким путем через Тулу, а не вверх по Оке. Однако, мнение исследователей, что в тульских землях «к воеводе князю И. Д. Бельскому должен был присоединиться стоявший там трехполковый корпус удельного князя Владимира Старицкого» (с. 790) значительно расходится с показаниями источников. Он действительно должен был находиться в Туле по приговору царя с боярской думой от 15 сентября, на который ссылаются исследователи (с. 790. Примеч. 27). Точнее, в Туле должны были стоять два полка — Большой полк князя М. И. Воротынского и Передовой И. П. Хирона Яковлева. А воевода Сторожевого полка И. В. Меньшой Шереметев был направлен в другой город — Михайлов (РК 1475–1598 гг. С. 222; РК 1475–1605 гг. С. 203–204), расположенный за пределами тульских земель. Однако, сами Беловы ниже публикуют записи из разрядной книги дворян Болтиных последней четверти XVII в., согласно которым И. П. Хирон

Яковлев и И. В. Меньшой Шереметев, получив 29 сентября вести из Путивля об ожидаемом приходе крымского войска, пошли в окские города Коломну и Калугу (с. 796). По более обстоятельным сведениям других разрядных книг, весть о появлении крымцев на Северском Донце из Путивля в тот день получил сам царь и затем эти воеводы были направлены в указанные города (НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 13–13 об; РК 1475–1598 гг. С. 223; РК 1559–1605 гг. С. 43–44; РК 1475–1605 гг. С. 205–206). Отметим, что согласно опубликованному Беловыми фрагменту разрядной книги Болтиных, И. П. Хирон Яковлев был вскоре переведен в расположенный в другом окском городе — Кашире полк Правой руки к князю И. Ф. Мстиславскому (с. 796–797): в росписи береговых воевод по полкам от 1 октября он значится вторым воеводой полка Правой руки под командованием князя И. Ф. Мстиславского (РК 1475–1598 гг. С. 223; РК 1559–1605 гг. С. 44; РК 1550–1636 гг. С. 155; РК 1475–1605 гг. С. 206). Расположение полка Правой руки в Кашире косвенно следует из более ранней росписи береговых воевод по городам, согласно которой князь И. Ф. Мстиславский был определен в этот город (РК 1550–1636 гг. С. 155; РК 1475–1605 гг. С. 206). Кашира находится по пути из Коломны в тульские земли. И вероятно князь И. Д. Бельский следовал через нее, как показано на схеме Н. В. и А. Б. Беловых (с. 804). Во всяком случае логично предполагать, что в октябре 1565 г. И. П. Хирон Яковлев следовал из Каширы к Болхову через тульские земли (которые ему были по пути), но, конечно, не в них непосредственно перед этим не «стоял». Что касается И. В. Меньшого Шереметева, то он очевидно между 29 сентября и 1 октября не был никуда перенаправлен из Калуги — по росписи береговых воевод по полкам от 1 октября он должен был быть в Передовом полку (НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 13 об.; РК 1475–1598 гг. С. 223; РК 1559–1605 гг. С. 44; РК 1550–1636 гг. С. 155; РК 1475–1605 гг. С. 207) который, согласно более ранней росписи береговых воевод, приведенной в опубликованном Беловыми фрагменте разрядной книги Болтиных (с. 796), находился именно в этом городе. И в дальнейшем по пути из Калуги к Болхову И. В. Меньшому Шереметеву необязательно было следовать через тульские земли. Соединиться с И. Д. Бельским можно было ближе к Болхову. Где находился в октябре князь М. И. Воротынский, и откуда пошел к Болхову источники не сообщают. В опубликованном Беловыми фрагменте разрядной книги Болтиных он в том году фигурирует в Серпухове в Сторожевом полку (там же). Легко заметить, что запись относится к разрядной росписи береговых воевод, составленной не позднее конца сентября; к 1 октября назначения данной росписи были подвергнуты некоторым перестановкам — например, князь И. И. Турунтай Пронский переведен из Передового полка в Сторожевой, а князь И. А. Шуйский — из Сторожевого в полк Левого Руки (с. 789), а И. П. Хирон Яковлев — из коломенского Большого полка в каширский полк Правой руки, в

от Тулы до Болхова» в 250 верст перевести в км, его нужно с поправкой на кривизну дорог умножать не на 1, а примерно на 1,5. Но поскольку русские войска действительно могли преодолевать более 70 км в день, выдерживая такой темп в течение нескольких, а иногда многих дней подряд (примеры чего можно множить)⁴⁸, то следует

котором фигурирует в росписи береговых воевод по полкам от 1 октября (НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 13 об.; РК 1475–1598 гг. С. 223; РК 1559–1605 гг. С. 44; РК 1550–1636 гг. С. 155; РК 1475–1605 гг. С. 206–207). Не ясно, был ли князь М. И. Воротынский переведен куда-то из Серпухова или оставался в начале октября там (равно как и оставшийся в калужском Передовом полку И. В. Меньшой Шереметев). Но если остался, то не более, чем третьим воеводой — в росписи береговых воевод по полкам от 1 октября первым и вторым воеводами Сторожевого полка назначены князья И. И. Турунтай Пронский и А. И. Прозоровский (НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 14; РК 1475–1598 гг. С. 223; РК 1559–1605 гг. С. 44; РК 1550–1636 гг. С. 155; РК 1475–1605 гг. С. 207). Но, как бы то ни было, нет оснований полагать, что князь М. И. Воротынский в октябре стоял в тульских землях. Равно как писать об отдельном «корпусе» / «группировке» князя В. А. Старицкого применительно к октябрьским событиям (ср.: с. 790, 793): в конце сентября 1565 г. все воеводы трехполковой рати князя В. А. Старицкого были переведены в окскую пятиполковую рать И. Д. Бельского. А сам князь В. А. Старицкий после 15 сентября применительно к данной кампании в разрядах не фигурирует, а в рассказе официального летописания о болховском походе Девлет-Гирея I и вовсе не упомянут. Впрочем, это было вполне ожидаемо: согласно приговору царя с боярской думы от 19 сентября направленные в Коломну воеводы во главе с князем И. Д. Бельским должны были туда идти не просто «беречь» государевы «украины» от крымской орды, а получили особые полномочия «государевым» «делом промышлять, смотря по тамошнему делу» (РК 1475–1598 гг. С. 221; РК 1475–1605 гг. 204; с. 796). Другое дело, что воспользоваться этим правом И. Д. Бельскому фактически не пришлось: он выступил к Болхову уже после получения царем письма болховских воевод о прибытии крымского хана к тому городу. В тульских землях к войску князя И. Д. Бельского вероятно присоединились береговые воеводы из Серпухова (с. 804), а также украинные воеводы из Рязани, Пронска, Михайлова и Тулы, упомянутые в росписи украинских воевод по городам от 1 октября (РК 1475–1605 гг. С. 198).

⁴⁸Несин М. А. 1) Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в. (отзыв на работу Пенского

согласиться с Беловыми, что князь И. Д. Бельский мог проскакать до Болхова за 4–5 дней. Следовательно, для того, чтобы приблизиться к Болхову около 19 числа, ему надо было выступить не ранее середины 10-чисел. Иначе о его поспешном приходе к Болхову от «берега» Оки можно было бы писать лишь с явной иронией, которая в сообщении официального московского летописания отсутствует. Это же касается и украинских воевод, из которых дальше всех от Болхова по росписи украинских воевод от 1 октября находился стоявший в Рязани воевода князь Иван Юрьевич Голицын⁴⁹. Рязань и Болхов разделяют около 345 км. Следовательно, князю И. Ю. Голицыну тоже надо было выехать около середины 10-х чисел октября. В таком случае Иван Грозный, отправляя его к Болхову, должен был ориентироваться не на вести станичников о приближении хана к этому городу, как полагают Н. В. и А. Б. Беловы (ср.: с. 790), а уже на прибывшее в Москву 11 числа донесение болховских воевод о приходе хана непосредственно к городу⁵⁰.

В. В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени» // История военного дела: исследования и источники (далее — ИВД). 2016. Вып. 8. С. 149; 2) Служилые татары Ивана III на западном театре военных действий // Средневековые тюркско-татарские государства. 2020. Вып. 12. С. 67.

⁴⁹РК 1475–1605 гг. С. 198.

⁵⁰Это было в порядке вещей. Согласно разрядной записи, в 1562 г. «как пришел крымской царь ко Мценску», «из Серпухова воеводы ко Мценску пошли по государеву наказу», после того как «с наказом пригнал от государя и великого князя к слуге и воеводе ко князю Михаилу Ивановичу Воротынскому и ко всем воеводам князь Дмитрий князь Иванов сын Хворостинин» (РК 1475–1605 гг. С. 99). И похоже на то, что Иван IV в тот раз тоже опирался не на вести станичников о приближении крымского войска к Мценску, а уже на донесение мценского воеводы князя Ф. И. Татеева Хрипунова о приходе к Мценску либо самого крымского «царя», либо опередивших его на 2 дня передовых отрядов царевичей. Когда Девлет-Гирей I, пробыв под Мценском целый день, «назавтрее» отступил, береговые воеводы вероятно еще стояли в Серпухове, а потом в ходе преследования

По-видимому, береговые и украинные воеводы двигались к Болхову слаженно. По отмеченным Беловыми данным некоторых разрядных книг, украинные воеводы по пути к Болхову встретились с береговыми, «большими» воеводами в Дольцах (с. 792). Распоряжение об этом, разумеется, не могло быть отдано одновременно с составлением росписи украинских воевод по городам 1 октября, а последовало значительно позднее, когда в Москве получили точные сведения о приходе крымского хана к Болхову.

Таким образом, можно заключить, что предложенную нами раннее хронологию болховского похода⁵¹ все-таки преждевременно безоговорочно объявлять «крайне неудачной» и «плохо согласующейся с данными источников» (ср.: с. 781), в то время как реконструкция Н. В. и А. Б. Беловых при ближайшем рассмотрении основана на ошибках и некоторых домыслах. А признание достоверности летописной датировки ухода крымского хана из-под Болхова в связи с приближением к городу русских воевод в полночь 19 октября дает основание полагать, что эти воеводы во главе с князем И. Д. Бельским поспешили к Болхову уже около середины 10-х чисел октября, после прибытия в Москву 11 октября донесения болховских воевод об уже состоявшемся приходе крымского царя к Болхову.

Теперь обратимся к другим небесспорным, на наш взгляд, положениям Н. В. и А. Б. Беловых, которые носят менее принципиальный характер, чем хронология болховского похода.

Н. В. и А. Б. Беловы предполагают участие в походе помимо пушкарей корпуса

ханского войска не настигли даже фуражиров (ПСРЛ Т. 13. С. 342). Казанские набеги 1530-х гг. русские воеводы тоже шли отражать по государеву указу: либо следовали предписанию, куда кому идти в случае прихода казанцев, либо выступали уже после того, как московские власти узнавали от местных воевод о приходе татар и присылали соответствующие распоряжения (Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. // ИВД. 2019. Вып. 10. С. 445–446, 450, 459).

⁵¹Молочников А. М., Несин М. А. Основание Орла... С. 384–385.

«мушкетеров-тюфенджи», численность которого уверенно оценивают примерно в 1000 чел. (с. 785), фактически опираясь при этом на приведенные В. В. Пенским и А. А. Шейхумеровым сведения хроники Реммаля Ходжи об участии в некоторых походах Сахиб-Гирея I соответствующего количества представителей указанной воинской категории (с. 785. Примеч. 14). Вместе с тем, в данной работе А. А. Шейхумерова со ссылкой на эту хронику отмечено, что «зимой 1541/42 гг., Сахиб-Герай I устраивает расправу над Баки-беем, имея при себе отряд численностью приблизительно в 100 тюфенджи и 4 пушки-зарбузан»⁵². Следует отметить, что для расправы с Баки-Бекем хан взял маленькое войско — согласно хронике Реммаля Ходжи, он «отправился в путь», «не известив никого из своих беев», а свое войско выдал за охотников и рыболовов: «Баки-бека известили о том, хан прибыл ловить щук и охотиться на диких животных у реки»⁵³. Однако поскольку хан взял целых 4 артиллерийских орудия, не следует исключать что шедшая с ним сотня тюфенджи тоже представляла собой вполне приемлемое для военных походов того времени количество мушкетеров. Ниже А. А. Шейхумеров приводит примеры участия в разных походах Девлет-Гирея I различного количества такой важной категории мушкетеров, как тат тюфенджи⁵⁴. Это отнюдь не дает основания полагать, что во всех военных походах этого хана участвовало примерно одинаковое количество тюфенджи. И попытка четко реконструировать их численность в его болховском походе 1565 г. не является безусловно перспективной.

Общую численность войска Девлет-Гирея I в болховском походе 1565 г. Беловы оценивают несколько противоречиво. Считая достоверными данные посольской документации — 15–20 тыс. чел. —

⁵²Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань — Симферополь, 2019. С. 41.

⁵³Цит. по: Абдужемилев Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 2 // Крымское историческое обозрение. Вып. 2. 2018. С. 233.

⁵⁴Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства... С. 43.

исследователи заключают: «По-видимому, в осенний поход 1565 г. собралась довольно значительная часть воинов Крымского ханства. По подсчетам В. В. Пенского, в середине — третьей четверти XVI в. Девлет-Гирей I мог выставлять в большие походы до 35–40 тыс. конных воинов (Пенской 2014: 702). Сходные подсчеты см. также: (Шейхумеров 2019: 73–76)»; впрочем, «это — скорее исключение, обыкновенно татары на «русском направлении» действовали куда более скромными силами» (с. 785); «о значительных размерах армии крымского хана свидетельствуют обстоятельства ее переправы через Северный Донец. Переправа осуществлялась по трем «перевозам»: Саввиному, Изюмскому и Каменному, отстоящим друг от друга на расстоянии около 20 верст, «а [через] Донец, — сообщали станичники, — возились два дни» (с. 786) (в действительности обстоятельства переправы) с большей вероятностью были связаны с одновременным прибытием разных крымских отрядов к Северскому Донцу разными дорогами; в частности передовые отряды могли опередить основные силы на пару дней — авт.)⁵⁵

Вместе с тем, ниже Беловы дают иные оценки, напротив, характеризуя пришедшее под Болхов войско как небольшое: «Выше мы уже писали, что из Крыма хан вышел с относительно небольшим войском ... Предполагаемая численность армии Девлет-

Гирей I (15–20 тыс. чел.) была, разумеется, весьма внушительной. Однако в настоящему большие ханские «выходы» из Крыма, имевшие целью прямое боестолкновение с главными частями русского войска, обыкновенно отправлялось куда большее число воинских людей. Так, например, по расчетам В. В. Пенского, в кампанию 1541 г. под знаменами хана Сахиб-Гирей I собралось от 30 до 40 тыс. крымских всадников (Пенской 2011b: 43). Примерно столько же бойцов участвовало и в походе хана Гази-Гирей II на Москву в 1591 г. (Пенской 2010: 19)». (с. 781).

Однако, стоит отметить, что версии об участии в некоторых походах крымских войск XVI в. до 35–40 тысяч чел. являются небесспорными. В вышеупомянутой работе А. А. Шейхумерова указано, что «следует учитывать, что большинство 40-тысячных армий — это, скорее всего, символические числа»⁵⁶, а также отмечено, что Крымский полуостров не мог прокормить тьмочисленное воинство. В 1771 г. на него по этой причине было признано нецелесообразным отправить войско численностью более 27 000 чел.⁵⁷ Следует также отметить, что эта цифра перекликается с высказанными в XVI-XVII независимыми оценками максимальной численности крымских воинов Михалом Литвином (почти 30 000 чел. включая пастухов и людей, не способных владеть оружием)⁵⁸ и трансильванским князем Дьердем II Ракоци (24 000 татар)⁵⁹. Причем ни М. Литвин, (отмечавший возросшее число татар в Крыму), ни Дьердь II не стремились преуменьшить силы Крымского ханства. Поэтому даже если считать, что иногда крымский хан собирал большее количество воинов, то даже тридцатитысячное (а не то,

⁵⁵Бежав из-под Болхова в ночь с 19 на 20 октября, хан прибыл в Крым уже 6 ноября (Виноградов А. В. Русско-крымские отношения (50-е — вторая половина 70-х годов XVI века). Т. 2. М., 2007. С. 57). А поскольку русский посол в Крыму не упоминал, что татары понесли в дороге большие потери, отстали и потеряли коней, то, наверное, если это имело место, то в относительно небольшом количестве, и в основном татары вернулись в Крым 6 ноября вместе с ханом. Навряд ли при такой скорости татары на обратном пути тратили 3 дня на переправу через эту реку. Значительных потерь под Болховом они не понесли. То есть их численность на обратном пути не сильно уступала их количеству по пути к Болхову. И длительность переправы через Северский Донец по дороге к Болхову следует объяснять отнюдь не многочисленностью войска.

⁵⁶Цит. по: Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства... С. 74.

⁵⁷Там же. С. 74-75.

⁵⁸Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 65.

⁵⁹Kubala L. Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656–1657. Lwów, 1910. S. 177.

что сорокатысячное) войско для Крымского ханства не было типичным. В других работах тот же В. В. Пенской аргументировано оценивает участвовавшее в походе на Москву 1571 г. крымское войско менее чем в 40 000 чел.⁶⁰ В походе Гази-Гирея на Москву 1591 г. в указанной Беловыми работе Пенской оценивал численность крымского войска не в 35 000–40 000, а не больше чем в 30 000 чел., приводя серьезные аргументы против завышенных данных нарративных источников⁶¹.

⁶⁰Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 180–181; Пенской В. В., Пенская Т. М. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. // ИВД. Т. 4. 2010. С. 193. В походе крымского хана на Русь на Русь 1541 г. В. В. Пенской допускает участие до 40 000 чел. Однако, сам себе противоречит, считая эту численность максимальной при тотальной мобилизации, но при этом отмечая военные потери крымцев в более ранних походах. В таком случае, «учитывая потери, понесённые татарами в предыдущих походах, в московской экспедиции 1541 года могли принять участие» отнюдь не «до 40 тыс. воинов», а менее «40 тыс. воинов» (ср.: Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. № 12. С. 43). К тому же, определяя верхний предел мобилизации крымского войска в 40. 000 чел., Пенской опирается лишь на приведенные В. Остапчуком данные хроники Реммаля Ходжи, согласно которой в 1539 г. ханские писцы насчитали в войске 40 000 чел. Остается не совсем понятным, идет ли речь только о воинах, или всех людях, включая слуг. Но даже если принять версию Остапчука, что писцы тщательно переписали всех по именам (Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. 2001. С. 405), хроника не приводит самой переписи. А только сообщает общее количество чел., приводя явно округленную и в этой связи не вполне точную цифру. В 1620 г. Ф. Олешко, тоже ссылаясь на перепись, назвал меньшее число крымских татар, пригодных к военной службе: 30 000 чел. (Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa, 2004. S. 36). Нет надежных данных о том, что с 1539 по 1620 г. количество пригодных к участию в военных походах мужчин уменьшалось. Вероятно, более точными являются менее круглые числа за вторую четверть XVI — середину XVII вв., приведенные М. Литвином и князем Дьердем II — почти 30 тыс. и 24 тыс. чел.

⁶¹Пенской В. В. Последний бой: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. // История в подробностях. № 5. 2010. С. 19.

Но если даже тридцатитысячное войско не было типичным для Крымского ханства и даже в самые большие походы крымский царь собирал менее 40 000 чел., то войско в 15 000–20 000 чел. скорее следовало бы признать не сравнительно «небольшим», а «значительным», включавшим «значительную часть крымских воинов».

Надо отметить, что в современной историографии на сей счет высказаны разные оценки. К примеру, В. В. Пенской, опираясь на летописную характеристику войска Девлет-Гирея I в походе на Мценск 1562 г., считает пятнадцатитысячное воинство в те годы «непристойным» для походов «самого крымского владыки» на русскую «государеву «украину»»⁶². В то же время А. А. Шейхумеров не определяет подобную численность крымских войск XVI-XVII в. как маленькую⁶³, а в упомянутых им источниках также не встречается подобных оценок. Сообщая об участии в мценском походе 1562 г. «съ» тем же Девлет-Гиреем I «до пятнатцати тысящъ всѣхъ крымскихъ людей», летописец оценивает это ханское войско как небольшое и, более того, небывало малое, отмечая, что хан «приходилъ в невеликой силѣ», «не прихаживаль бо бяше царь николи въ таковѣ малѣ собраніѣ»⁶⁴. Но, скорее всего, в данном случае мы имеем дело не со строго реалистичной оценкой, а с условной книжной характеристикой по сравнению с обычными для русского летописания исчислениями крымских ханских войск многими десятками тыс. чел. (отметим также, что ниже летописец привел явно преувеличенные сведения о преследовании русскими воеводами крымского хана вплоть до [рек] Коломака и Мерчика⁶⁵, хотя по более обстоятельным данным разрядов, «воеводы» по «приговору» «ходили за царем» лишь «до верх [реки] Ворскла»)⁶⁶. Примечательно, что

⁶²Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 131.

⁶³Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства... С. 75.

⁶⁴Цит. по: ПСРЛ. Т. 13. С. 342.

⁶⁵Там же.

⁶⁶Цит. по: РК 1475–1605 гг. С. 100. Впрочем, происхождение данного летописного известия не совсем ясно. Не стоит также исключать, что эти гидронимы были упомянуты официальным

упоминаемая в посольской документации численность крымского ханского войска во время болховского похода 1565 г. — 15–20 тыс. чел. — не указана в источнике как небольшая, и тем более, как нетипично

московским хронистом на основании доклада самих береговых воевод, участвовавших в преследовании крымского ханского войска, и именно попытка воевод преувеличить масштабы своей погони за неприятелем привели к выявленным Н. В. Беловым (*Белов Н. В. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины // Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований. № 1 (5). 2021. С. 71*) негативным последствием для карьеры ряда первых и вторых полковых воевод этой «серпуховской рати» князя М. И. Воротынского. Сам князь Воротынский в сентябре того года на некоторое время попал в опалу, причины которой внятно не освещаются в источниках и поэтому трактуются учеными по-разному — помимо весьма распространенного в историографии предположения (*Белов Н. В. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины. С. 70*) о ее связи с неудачным преследованием ушедшего из-под Мценска крымского ханского войска, высказывались и иные версии (*Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 150–151; Каргалов В. А. Русские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002. С. 43; Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 178*); в указанных работах Р. Г. Скрынникова и В. А. Колобкова приведены любопытные аргументы в пользу того, что князя М. И. Воротынского подозревали в намерениях перейти на литовскую службу. Вероятно, опала князя Воротынского была вызвана комплексом причин, в частности, попыткой ввести царя в заблуждение относительно дальности преследования крымского войска. 3 года спустя, в октябре 1565 г., береговые и украинные воеводы, среди которых был уже освобожденный из белозерской ссылки князь М. И. Воротынский, тоже почти не настигли отступавшее из-под Болхова войско Девлет-Гирея I. Не отбили у крымцев русский полон, явно захваченный в каком-то количестве во время многодневного пребывания татар в Болховском уезде, а поймали разве что крымских фуражиров. Это при том, что ханское войско имело меньшую фору, чем под Мценском, отступая из-под Болхова уже при приближении к нему береговых и украинских воевод. Зато в этот раз русских воевод нет основания подозревать в преувеличении дальности своей погони за неприятелем. И может быть поэтому Ивана Грозного такие результаты их похода к Болхову вполне удовлетворили.

маленькая⁶⁷. То же самое можно сказать о войске хана Ислам-Гирея II, собранном в 1588 г. для литовского похода к Каневу и Киеву, которое по сведениям русского посла в Крыму Ивана Судакова, составляло около 18 000 чел., к коим присоединились 500 янычар⁶⁸. Кстати, в этой связи возникает отнюдь не праздный вопрос — а отражает ли «названная летописцем цифра» «до пятнадцати тысячъ всѣхъ крымскихъ людей» «более или менее» «реальную численность крымского войска»⁶⁹ в мценском походе 1562 г., или служила исключительно условным литературным обозначением необычно маленького войска по сравнению с книжным тьмотысячным ханским воинством? Во всяком случае, едва ли стоит считать войско в 15–20 тыс. чел. маленьким и неподобающим для походов крымских ханов второй половины XVI в. на Русь или в Литву.

Другое дело, что не стоит исключать, что сведения посольской документации о приходивших к Болхову 15–20 тыс. чел. представляли собой условную т. н. письменную рать и мало соответствовали действительности. Тем более, что они предназначались для литвинов, с которыми у Ивана IV были не мирные отношения. И можно ли гарантировать, что царь сообщал достоверную численность неприятельских войск другому противнику? Отметим, что Иван Грозный велел сказать литовским послам, если те спросят о приходе крымского царя на русского «государя» «украины» (окраины), что «прежь того государь нашъ царь и великий князь с крымскимъ царемъ въ дружбѣ былъ учинился», а пришел осенью к

⁶⁷Сб. РИО. Т. 71. С. 344.

⁶⁸*Лаишков Ф.* Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587—1588 году // Известия Гаврической ученой архивной комиссии. Т. 14. 1891. С. 68. В более позднем очерке, посвященном военному делу Крымского ханства, В. В. Пенской, ссылаясь на данный пример, охарактеризовал такую численность крымского войска как обычную. (*Пенской В. В. Военное дело Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 4. Казань, 2014. С. 702*).

⁶⁹*Пенской В. В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 131.

Болхову исключительно «по ссорѣ лихихъ людей»⁷⁰. Хотя это, разумеется, не соответствовало действительности: крымцы в первой половине 1560-х гг. неоднократно вторгались на Русь. А поскольку Иван IV не был искрещен с литовской стороной относительно своих отношений с крымским ханом, то опрометчиво полагаться на переданные им для литовских послов сведения о численности прибывшего под Болхов крымского войска.

Кроме того, трудно согласиться с заключением Н. В. и А. Б. Беловых, что «названная Иваном IV усредненная цифра ханского войска [участвовавшего в болховском походе 1565 г.] получит дополнительное косвенное подтверждение», «если же мы вспомним, что двумя годами ранее все те же крымские «царевичи» Мухаммед и Адыл Гирей вкупе с Дивеем мурзой и еще некоторыми крымскими «князьями» совершили набег на окрестности Михайлова, имея, по сообщению русской разведки, 10 тыс. бойцов (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 111)» (с. 785); «Для сравнения, в 1588 г. по данным русского посланника в Крыму И.А. Судакова, хан Ислам-Гирей II с сыном отправились в набег на Литву, имея под своими знаменами около 18 тыс. всадников» (с. 785. Примеч. 12). Для того, чтобы столь твердо сопоставлять размеры крымских войск в этих трех военных походах, стоит быть уверенными, что они были сопоставимы по своим целям.

В то же время, во-первых, стоит учесть, что фактически ничего больше о набеге крымских царевичей к Михайлову 1563 г. неизвестно. (Даже тот факт, что польский король потом поздравлял крымского хана «с таковое фортуны», что царевичи «зъ войска и зъ многимъ добыткомъ верушисе щастливе зъ земли неприятельское»⁷¹, по верному заключению В. В. Пенского, дает основание разве что «предположить», что «некоторого успеха» крымскому войску «добиться все же

удалось»⁷². И не стоит исключать, что Сигизмунд II Август подразумевал благополучное бегство крымцев от русских отрядов). Не ясно, пытались ли царевичи брать город Михайлов, или ограничились грабежами сел. Поэтому сведения о численности прибывшего к Михайлову крымского войска преждевременно считать «косвенным подтверждением» участия 15–20 тыс. чел. в болховском походе 1565 г., во время которого крымцы определенно обстреливали город и пытались сжечь ближайшие к нему дворы посада. Более того, справедливо отмеченное В. В. Пенским отсутствие сведений о крымском набеге на Михайлов в русских летописях и разрядах⁷³ склоняет к предположению, что царевичи не нападали на сам город, а нервировали русских воевод разорением сел. В таком случае можно согласиться с Беловыми, что оценка численности крымских войск под Михайловым могла быть несколько преувеличенной (с. 784. Примеч. 8): много ли тысяч воинов нужно для разорения сел? Стоит учесть, что при оценках численности крымских войск очевидцы иногда ошибались в несколько раз. Известно, к примеру, что осенью 1570 г. данковские сторожевые люди насчитали во встреченном в первых числах сентября крымском войске 30 000 чел., а вот сразившиеся с ним 12 числа под г. Новосилем тамошние воеводы князь А. Д. Палецкий и М. Н. Глебов — 6–7 тыс.⁷⁴ Наверное, названная сторожевыми людьми грандиозная круглая цифра менее реалистична⁷⁵, чем более скромные оценки новосильских воевод: поход тридцатитысячного крымского войска скорее всего принес бы русским землям значительно больше проблем, чем столкновение с защитниками Новосиля и, наверное, отразился бы в летописании⁷⁶.

⁷²Цит. по: *Пенской В. В.* Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 138.

⁷³Там же.

⁷⁴РК 1475–1598 гг. С.234–235; РК 1550–1636 гг. С. 178; РК 1475–1605 гг. С. 264.

⁷⁵*Белов Н. В.* Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. № 1. 2020. С. 180.

⁷⁶По «мнению» Н. В. Белова, подсчеты новосильских воевод подтверждаются упоминанием на р. Плаве крымского войска численностью в 7 300 чел.

⁷⁰Сб. РИО. Т. 71. С. 343.

⁷¹Цит. по: Книга Посольская метрики Великогo Княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа. (С 1545 по 1572 год) (далее — КП). СПб., 1843. С. 244.

в «Летописце Извольских» (там же. С. 180), опубликованном исследователем в указанной статье (там же. С. 183–184): согласно разрядам, в сентябре татары были «на р. Солове — в непосредственной близости от Плавы». Однако, мы полагаем, что оно относится к отмеченному в начале погодной записи более раннему, весеннему крымскому походу на Рязанские и Каширские места, который в этом источнике указан как поход на сами Рязань и Каширу. Во-первых, каждый крымский поход на Русь в «Летописце Извольских» выделяется отдельно: «приходи» / «приходили» / «приходил» (там же. С. 183–184), что к «дѣлу (сражению) с крымскими люд(ь)ми на рѣке на Пловѣ» не относится. Во-вторых, в известии о сражении на Плаве судя по контексту фигурируют уже упоминавшиеся выше в сообщении о походе на «на Резан(ь) и на Коширу» крымские царевичи: «В лѣта 7078 приходили ц(а)р(е)в(и)чи на Резан(ь) и на Коширу и много беды сотворили грѣх ради наших. Того же лѣта было дѣло с крымскими люд(ь)ми на рѣке на Пловѣ и побили наших бож(ь)им разгнѣваниемъ грѣх ради н(а)шихъ. А з ц(а)р(е)вичеми было [лю]дей 7000 и триста ч(е)л(о)в(е)къ» (там же. С. 184). Таким образом, известие «Летописца Извольских» о сражении на р. Плаве не имеет отношения «к событиям сентябрьского набега 1570 г.» (ср.: там же. С. 180) и никак не соотносится с подсчетами новосильских воевод. Вдобавок, не стоит отождествлять татар, пришедших на рассвете 12 сентября под Новосиль с ханским войском, замеченным в сентябре около Соловы. Это были разные рати. Взятые в плен под Новосилем татары шли не с ханом и царевичами, а в районе р. Соловы на пути к Дедилову и Туле были сам крымский «царь» с царевичами (РК 1475–1598 гг. С. 235; РК 1550–1636 гг. С. 178–179; РК 1475–1605 гг. С. 264, 266). В историографии высказывались сомнения в участии хана в походе на Русь, впрочем, недостаточно обоснованные (Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 173). А письмо князя И. Д. Бельского и других бояр о том, что Иван Морозов с Соловы сообщил, что хан с царевичами идет на Дедилов и Тулу, пришло Ивану Грозному в Александрову слободу 14 сентября (НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 24; РК 1475–1598 гг. С. 235–236; РК 1559–1605 гг. С. 65–66; РК 1475–1605 гг. С. 266). Согласно разрядам, весть в Александрову слободу пришла с Соловы через Дедилов, Тулу и Коломну, где в Большом полку стоял князь Бельский (РК 1475–1598 гг. С. 233–235; РК 1475–1605 гг. С. 260–261, 266). Гонцам пришлось проехать более 400 км, потратив не менее 4 дней. Таким образом, ханское войско заметили около Соловы не в 10-х числах сентября (ср.: Белов Н. В. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. С. 180), а в конце первых чисел. Оно не могло успеть перенестись туда с р.

Можно предположить, что сведения о приближавшемся в 1563 г. к Михайлову десятитысячном крымском войске тоже были значительно преувеличенными.

Во-вторых, сравнивать численность ханских войск в походах на Болхов 1565 г. и Литву 1588 г. тоже не вполне корректно. Источники не упоминают о стремлении крымского хана Девлет-Гирей I напасть на другой город, кроме Болхова и продвигаться дальше вглубь Руси. А вот Ислам-Гирей II определенно должен был «приступать к [городам] Каневу и Киеву»⁷⁷, что скорее всего требовало значительно большего войска, чем Девлет-Гирей I для болховского похода.

В то же время, следует признать полную правоту Н. В. и А. Б. Беловых, не ставших проводить аналогию между сведениями о численности войск Девлет-Гирей I в болховском и мценском походах 1565 и 1562 г. В 1562 г. крымское войско подошло к Мценску не все разу, как 3 года спустя под Болхов, а в два этапа: сначала «пришедь наперед царя царевичи и стояли у мценского посаду два дни»; затем «на третій день», 6 июля⁷⁸, «пришелъ ко Мценску» «самъ царь» «съ нарядом»⁷⁹. А после ухода хана из-под Мценска у «отставших» от него

Потудани и верховьев Котла, где татар, пришедших 12 сентября к Новосилу, видели 7 числа (РК 1478–1598 гг. С. 234–235; РК 1550–1636 гг. С. 178; РК 1478–1605 гг. С. 264). Это ханское воинство, впрочем, тоже не было крупным: оно также не удостоилось упоминаний в русском летописании и вдобавок уклонилось от «прямого дела» с противником.

⁷⁷Лашков Ф. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году. С. 66.

⁷⁸6 июля летопись датирует приход хана и вместе с ним упоминает царевичей, наследника Мухаммед-Гирей, и Алды-Гирей (ПСРЛ. Т. 13. С. 341–342), впоследствии участвовавших в болховском походе 1565 г. Это обычно понимают, как дату прихода передовых отрядов царевичей, опередивших хана на 2 дня. Но поскольку к 6 июля отнесен прежде всего приход хана, думается, что эта дата относится именно к его прибытию к Мценску. А царевичи, которые перед приходом своего отца далеко от Мценска не уходили, теперь были в составе ханского войска.

⁷⁹Там же. С. 342.

некоторых «мурз и князей» хватило людей на то, чтобы «распустить войну» не только для грабежей сел (в Белевские «мѣста»), но и идти к городу «Болхову»⁸⁰. Все это, по-

⁸⁰Там же. Историки по-разному описывают масштаб этого похода. Обычно они опираются на данный рассказ официального московского летописания. Однако, А. А. Новосельский, ссылаясь на переписку Девлет-Гирей I с польским королем Сигизмундом II Августом полагал, что войне помимо Мценска подвергся еще ряд городов — Новосиль, Одоев, Болхов, Белев и Чернь (?) (*Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. Л., 1948. С. 428*). (Последний город Новосельский правильно указал под знаком вопроса: на самом деле в конце перечня «звезованных» «замков» крымский хан упомянул загадочный «Нуринь» (КП. С. 225), который можно понимать и как ошибочное повторное обозначение Болхова, в середине 1550-х гг. фигурировавшего в русских разрядных записях как «на Нугри» (РК 1475–1598 гг. С. 148, 154–155, 159, 161) — на р. Нугрь. Приводя искаженные названия этих русских городов, Девлет-Гирей I всегда употреблял созвучные слова: «Мутенскъ», «Навались» и «Белево» вместо Мценска, Новосила и Белева, а указанный в этом ряду «Нуринь» совзвучен именно «на Нугри»). Вместе с тем, эти сведения стоит признать значительно преувеличенными: согласно более обстоятельным летописным данным, направившиеся к Болхову и в Белевские места татарские отряды не дошли не только до Белевских мест, но даже до Болхова, будучи разбиты еще в Болховских местах карачевским воеводой Василием Андреевичем Бутурлиным «зъ болховичи и съ карачевцы» (ПСРЛ. Т. 13. С. 342). Стоит учесть, что крымские татары неоднократно сообщали полякам приукрашенные сведения о своих успехах в походах на Русь. Так, 26 июля 1570 г. аббат Цир написал из Речи Посполитой императору Максимилиану II о том, что крымцы распространяли сильно преувеличенные слухи о своей грандиозной победе в весеннем набеге на Русь: «Недавно я во многих письмах писал о значительном поражении, которое нанесли Московиту татары. Размер этого поражения с тех пор, как татары послали сюда своих вестников с сообщением об этом деле, значительно преувеличивается всеми. Однако Курбский сообщил мне сегодня утром, что от какого-то татарина он тайно узнал, что они [татары] для того так преувеличивают это дело, чтобы [тем] легче побудить светлейшего короля начать снова уплачивать им небольшую древнюю дань. Они полагают, что король потому именно отказал им в прошлом году в уплате этой дани, чтобы они показали себя вполне ее достойными, напав с неожиданной решительностью на Московита — врага этого королевства» (цит. по: *Лурье Я. С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году (По материалам Венского архива) // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 466*). Не

видимому, свидетельствует в пользу большей численности ханских войск в походе на Мценск 1562 г., чем в интересующем нас болховском походе 1565 г.

При этом, Беловы априори исходят из представления, что крымский «царь» всегда брал с собой в походы на Русь большее войско, чем царевичи (с. 784). Однако, стоит учесть, что в историографии это положение, насколько нам известно, не было никем исчерпывающе обоснованно. А участие в некоторых крупных походах крымских ханов десятков тыс. чел. не означает, что ханам не подобало иногда возглавить небольшое войско в менее значительном походе на русскую «украину». Напротив, вышеуказанные примеры трех крымских набегов на Русь 1570 г. — двух крымских царевичей на Каширские и Рязанские места, затем — с участием самого хана в направлении Тулы и Дедилова, и, наконец, другого крымского войска без хана и царевичей под Новосиль — дают основания усомниться, что Девлет-Гирей I всегда брал с собой значительно большее войско, чем его царевичи, или даже военачальники. Вероятно, не лишним будет отметить, что анализ казанских набегов на Русь 1530-х и 1540-х гг. не дает основание утверждать, что набеги с участием выходца из крымской династии на казанском престоле Сафы-Гирей всегда превосходили по численности войск прочие набеги без участия хана, даже в тех случаях, когда Сафа-Гирей осаждал город⁸¹.

Тот факт, что в начале осеннего болховского похода 1565 г., после встречи с

исключено, что, сильно преувеличивая в письме к польскому королю размах не слишком удачного мценского похода 1562 г. Девлет-Гирей I тоже надеялся получать от Сигизмунда II Августа более щедрые упоминки и / или хотел избежать с его стороны упреков в том, что не отработал «казну великую» (ПСРЛ. Т. 13. С. 342), присланную им перед этим походом. Остается гадать, как крымский хан изобразил в переписке с польским королем свои достижения в неудачном осеннем болховском походе 1565 г., который тоже состоялся по инициативе Сигизмунда II Августа, приславшего вперед «большую казну» (о предыстории болховского похода см.: *Филошкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. С. 414–415*).

⁸¹*Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535-1540-х гг...*

царским послом С. Бортеневым (из-за которой вторжение крымских войск на Русь рисковало утратить внезапность) Девлет-Гирей I хотел отменить поход, возможно свидетельствует в пользу небольшого размера крымского войска, которое не должно было сталкиваться с крупными русскими силами. Вероятно, об этом говорит также то, что маленький гарнизон Болхова смог пресечь попытку сжечь ближайшие к крепости дворы посада. По любопытным наблюдениям самих Н. В. и А. Б. Беловых «общая численность защитников Болхова (детей боярских, городских стрельцов, казаков, пушкарей, «подымных» и посадских людей) составляла порядка 600 человек, из которых на долю профессиональных военных приходилось примерно две трети от общего числа... Можно предположить, что приблизительно такой же численность и структура болховского гарнизона могла быть и в середине 1560-х гг.» (с. 787). И вот 7 октября 1565 г. болховский воевода князь И. А. Золотой Оболенский вместе со столь немногочисленными защитниками Болхова вышел из города и «не дал» противнику сжечь ближние дворы посада⁸². Это могло бы произойти и в том случае, если бы крымский хан привел большое, но рыхлое войско. Однако, при приближении к Болхову свежих русских сил крымский хан сумел организовать быстрое и ловкое отступление. Русские воеводы поймали разве что крымских фуражиров. А отступив в ночь с 19 на 20 октября, крымское войско уже 6 ноября примчалось в Крым, преодолев за 17 дней более 1200 км, то есть в среднем пробегая более 70 км в день. Такая скорость не характерна для обычного марша с артиллерией: по наблюдениям А. А. Шейхумерова, обычно крымское войско преодолевало 20–40 км в день, и лишь при острой необходимости пробегало 70–80 км в день⁸³. Все это скорее говорит в пользу

небольшого, а отнюдь не многотысячного, размера крымского войска, стремившегося совершать внезапные набеги на русское приграничье и уклоняющегося от столкновения с крупными силами противника. И в этой связи будет вполне корректно высказать осторожное предположение, что Девлет-Гирей I на этот раз собрал не многотысячное войско, а небольшой отряд в сотни – несколько тыс. чел. По наблюдениям одного из авторов этих строк, в казанских набегах на Русь в XVI в., в том числе и с участием хана, в ходе которых казанские татары внезапно появлялись около русских городов и пытались их взять, а потом быстро ретировались при приближении свежих неприятельских сил, по-видимому участвовали не тысячи, а сотни воинов⁸⁴. В 1545 г. общая численность русских судовых ратей, которые должны были при использовании фактора внезапности взять Казань, также ограничивалась сотнями – несколькими тыс. чел.⁸⁵ Мы вовсе не хотим

⁸⁴Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535-1540-х гг...

⁸⁵Несин М. А. 1) Русский судовой поход на Казань весной 1545 года // Вестник Удмуртского университета. № 4. Серия: История и филология. 2019; 2) Русский судовой поход на Казань 1545 г. // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. № 6. 2020. Стоит отметить, что ныне с критикой данных выводов о целях русского судового похода на Казань 1545 г. выступил Н. В. Белов на страницах опубликованной в № 2 (386) «Московского журнала» статье ««Они же собравшаяся, и поидоша Волгою...»: Казанский поход князя Семена Микулинского глазами русского воина XVI века». Исследователь почему-то заявил, что «имея под рукой обнаруженный им «рассказ «русского воинника, едва ли можно ... говорить ... о том, будто «большие воеводы» планировали штурм Казани, сорвавшийся из-за опоздания отряда Пермичей», «ибо очевидно: они действовали по строго утвержденному плану» Однако, в действительности все оказывается не так «очевидно», как это представляется Н. В. Белову. Опубликованное им в конце его статьи известие «Летописца Ундольского» (честь обнаружения которого также принадлежит Белову) сообщает интересные подробности о следовании судовой рати князя С. И. Микулинского к Казани и осуществлённых ей грабежах под Казанью. В частности, позволяет уточнить, какие именно шатры были пограблены под

⁸²ПСРЛ. Т. 13. С. 399.

⁸³Шейхумеров А. А. Скорость марша крымскотатарских армий в XVI—XVIII вв. // *Novogardia*. № 3 (7). 2020.

Казанью русскими войсками и где именно — на торговщице на Гостином острове (другое дело, что это, вопреки утверждению Н. В. Белова, нет оснований безоговорочно охарактеризовать как нанесение удара по посаду Казани — источники не упоминают о принадлежности загородного Гостиного острова к городскому посаду ханской столицы). Однако, это никак существенно не корректирует сведения других, ранее введенных в научный оборот, источников о действиях русских судовых ратей под Казанью. И относительно планов действий русских войск под Казанью рассказ «Летописца Ундольского» ничего не проясняет. В нем даже не упоминается известное из других источников одновременное прибытие под Казань нижегородской судовой рати князя С. И. Микулинского и вятско-устюжской флотилии князя В. С. Серебряного, которое тот же Н. В. Белов считает не случайным, а заранее спланированным. А поскольку в рассказе «Летописца Ундольского» присутствует только одна русская судовая рать С. И. Микулинского, а две другие судовые рати вообще не упомянуты, вряд ли этот источник может дать исчерпывающий ответ на вопрос, что должна была бы делать первая, если бы не опоздала третья.

О плане, по которому должен был действовать в этом походе князь С. И. Микулинский, источник фактически ничего не сообщает. Разве что упоминает, только что князь Микулинский что-то утаил от других воевод и своего войска. Н. В. Белов полагает, что скрыл время начала похода для того, чтобы избежать огласки в случае поимки казанскими татарами русского «языка». Но в действительности целесообразнее было не распространяться своему войску о дате сбора под Казанью и плане дальнейших действий на территории Казанского ханства — ведь соратники князя С. И. Микулинского не могли не заметить, какого числа они вышли из Н. Новгорода и к моменту потенциального столкновения с неприятелем уже определенно владели этой информацией. А для казанских властей было куда важнее узнать не дату выступления русской судовой рати из Н. Новгорода, а планы действий противника на территории своего ханства. О которых данный летописный рассказ ничего дополнительного не сообщает. К сходным заключениям пришел О. В. Комаров, отметивший в частной переписке с одним из авторов этих строк, что «о планах там совсем ничего не прояснено — они остались в несохранившемся наказе воеводе, в котором наверняка были варианты». По резонному заключению Комарова, «Новый источник для XVI в. и раньше — всегда событие. Но вот перманентное желание видеть в таких источниках возможность пересмотреть «ключевые моменты» — объективно минус исследователю». Кроме того, О. В. Комаров отметил, что далеко не факт, что это повествование появилось в ходе прямого пересказа участника похода и нет оснований считать этого воина представителем среднего или нижнего командного звена. А летописец мог привлекать разные сведения из вторых рук. По наблюдениям Комарова, сведения «Летописца Ундольского» про «дворы» у воеводы и хана,

наверное, возникли под влиянием летописных известий за минувший XV в., «где «двор» выглядит самым активным элементом войны». А «про казанскую флотилию», «тоже следует пригадываться. После русско-казанской войны 1467–69 г. уже нет упоминаний, что казанские суда хотя бы намеревались противостоять [русским войскам]. А на середину XVI в. Казанская история прямо говорит, что казанцы и не пытались выступать на судах против русских. В «Летописце Ундольского», кстати, и не сказано про речной бой — там про разбитый «двор», про который перед этим сказано, что послан на 30 стругах. А где они были разбиты — на реке, или на берегу?» Добавим, что если в задачу казанской флотилии изначально входило не вести бой с противником, а всего лишь «отведывать: есть ли сила великого князя на Волге», то летописные сведения о 30 стругах стоит признать явно преувеличенными — для того, чтобы незаметно произвести разведку, татарам было бы удобнее использовать единицы, а не десятки судов. Во всяком случае, по заключению О. В. Комарова, «сюжет «хан собрал войско, распустил, а только потом послал разведку», вызывает недоумение и требует проработки». Таким образом, далеко не все сведения «Летописца Ундольского» о данной кампании оказываются бесспорно достоверными. Что тоже делает невозможным продуктивно использовать этот источник для закрытия вопроса о целях и характере русского судового похода на Казань 1545 г. (Кстати, в свете сказанного, трудно однозначно согласиться с Н. В. Беловым, что «войско князя» Микулинского по пути к неприятельской столице «разбило костяк воинства Казани». Отметим, что тот же «Летописец Ундольского» не приписывает этой победе русского оружия такого значения и даже не сообщает, что в этой перебитой казанской рати были лучшие бойцы ханской гвардии. А официальный летописец «Начала царства» умалчивает о том, что князь С. И. Микулинский по пути к Казани побил многих казанских людей, зато упоминает о таком успехе воеводы другой судовой рати — князя В. С. Серебряного; Н. В. Белов упоминает этот факт, но не дает ему объяснений. Между тем, поскольку нет оснований уличить официального московского хрониста в тенденциозном замалчивании заслуг князя С. И. Микулинского, и в попытке изобразить подлинным героем кампании князя В. С. Серебряного, остается допустить, что князь Микулинский по пути к Казани нанес менее значительный ущерб противнику, чем воевода второй судовой рати, князь Серебряный. Стоит также отметить, что Н. В. Белов привел явно преувеличенные сведения о вместимости русских и казанских стругов в 30 чел., опираясь на неаргументированные оценки И. Л. Измайлова, согласно которым на средней ладье размещалось 30–50 чел. и приведенную Ю. Г. Алексеевым одну из двух летописных версий о численности новгородских ушкуйников в походе 1375 г. — 2000 чел. на 70 ушкуях. На самом деле, как уже неоднократно упоминалось в историографии, в памятниках русского летописания существует 2 версии о количестве этих

ушкуйников — либо 2000, либо 1500 чел. (См. Напр.: Несин М. А. Архимандриты вечевого Новгорода // *Novogardia*. № 4. 2019. С. 87; Илюшин Б. А. Русско-булгарские военные конфликты и военный потенциал Булгарского улуса (1360–1431 гг.) // *Novogardia*. № 1 (5). 2020. С. 141–142), то есть, в среднем либо по 28–29, либо по 21 чел. на 1 ушкуй. Достоверность использованной Алексеевым первой версии об участии в походе 1375 г. 2000 новгородских ратников на 70 ушкуях недоказуема и признается не всеми военными историками. О. В. Комаров отдает предпочтение второй версии о 1500 новгородцах на 70 ушкуях, упомянутой в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, в которых выделяют гипотетический летописный свод конца XIV в. И можно ли в данном случае произвольно отождествлять ладью, ушкуй, и струг? Любопытно, что сам Н. В. Белов ссылается на приведенное В. В. Пенским сообщение А. Дженкинсона, что его сопровождали 50 русских стрельцов на 2-х стругах, то есть, в среднем по 25 чел. на струге. При этом, как отметил О. В. Комаров, в источниках нет прямых «данных о размерах собственно «казанских / черемисских судов». А по «косвенным» данным — «были небольшие суда, человек на 10 и даже меньше... Первое известие о казанской флотилии — нападение на Устюг в 1446 г.» 700 воинов двора казанского хана Махмуда. «Тогда [казанцы] насады использовали как щиты, т. е. это небольшие суда». Так что в летописных 30 стругах должно было бы, по-видимому поместиться не 1000, а несколько сот казанцев).

Также нам трудно безоговорочно согласиться с заявлением Н. В. Белова, что «лишены основания» «утверждения о «промосковском» заговоре в среде казанской знати — ведь» по сведениям «Летописца Ундольского», «появление русских полков под Казанью было обусловлено отнюдь не действиями мнимых заговорщиков, а неуспехом казанской разведки и внезапностью удара князя Микулинского»). О причинах русского похода на Казань источник не сообщает. Поэтому он никак не подтверждает и не опровергает известные сведения официального московского летописания о подозрениях казанского хана Сафы-Гирея, что его «казанские князья» «приводили воевод великого князя», зато «сам официозный московский хронист не солидарен с точкой зрения казанского хана. Когда в Москву прибывали с подобными предложениями татарские делегаты, данный источник всегда об этом сообщал. Отсутствие таких сведений в данном случае склоняет к выводу, что подозрения хана Сафы-Гирея были напрасны». Другое дело, что московские власти давно знали о напряженных отношениях казанской знати с бывшим крымским царевичем, который отнимал у нее «ясаки» в пользу крымских выходцев. И могли рассчитывать на то, что в случае внезапного

сказать, что крымские войска того времени ничем не отличались от казанских и русских. Однако, думаем, что эти цифры вполне уместно учитывать при определении минимальной возможной численности крымского войска в осеннем болховском походе 1565 г.

Вероятно, в планы крымского хана входило фактически взять стремительным неожиданным натиском русскую приграничную крепость. В этой связи возникает вопрос — имелись ли в распоряжении крымского войска десятки пушек, или крымцы взяли с собой немногочисленные орудия, больше рассчитанные на устрашение маленького гарнизона русской крепости? Последний вариант исключать не приходится, если учесть тот факт, что не все источники упоминают обстрел города и при этом даже в официальном летописании, в котором сообщается о стрельбе по городу из «наряда», не говорится о причинении городу ущерба. К тому же, по-видимому, для войск Крымского ханства было в порядке вещей в военных походах ограничиваться единицами пушек. Как отметил А. А. Шейхумеров, в битве под Берестечком 1651 г. по польским данным

одновременного нападения на Казань 3-х русских судовых ратей казанцы не будут долго защищать Сафу-Гирея и легко сдадут город. Надо сказать, что казанцы по-видимому действительно в целом держали пассивную оборону. Официальный московский летописец отмечал не только неудачные для казанской стороны бои северной судовой рати князя В. С. Серебряного с казанскими отрядами на р. Вятке и Каме, но и произошедшее уже после встречи двух русских судовых ратей сражение объединенных русских сил с казанскими воинами под Казанью, тоже закончившиеся победой русской стороны, после чего воеводы послали детей боярских на р. Свягу и те там снова побили многих казанцев; эти неоднократные победы русской речной пехоты над казанскими отрядами не были типичными для казанского войска, которое в окрестностях Казани обычно было серьезным противником даже для русской конницы, поэтому у Сафы-Гирея были все основания подозревать местную аристократию в нелояльности своей власти (Несин М. А. 1) Русский судовой поход на Казань весной 1545 года. С. 578–579; 2) Русский судовой поход на Казань 1545 г. С. 290–291).

крымцы располагали 2 орудиями⁸⁶. Но, как бы то ни было, организованные действия болховских воевод не дали крымцам и при наличии у них артиллерии нанести сокрушительный ущерб городу и даже спалить посад. А приближение свежих русских войск заставило Девлет-Гирея I быстро отступить под покровом ночи. Крымцы отступали стремительно и организованно. Русские воеводы смогли захватить лишь фуражиров.

Недостаточно обоснованным представляется предположение Беловых (с. 787–788, 790), что крымский хан планировал также поехать «Козельские места». Оно основано лишь на единичном примере крымского похода на Москву в 1571 г. «во время которого (РЛ 1904: 270) крымская знать настойчиво советовала Девлет-Гирею I отправиться воевать «козельские места» и допущении, что ««Козельские места», вероятно, рассматривались в качестве одной из целей ханского похода 1555 г.» (с. 788. Примеч. 20). Этого явно недостаточно для утверждения, что к 1565 г. «этот край давно находился в сфере внимания крымской элиты» (ср.: с. 787–788). Стоит также учесть, что даже при успешном взятии Болхова на пути крымцев к Козельской округе могли встать защитники другой русской крепости — Белева. А в свете сказанного не стоит исключать, что крымский хан не планировал столь глубокого продвижения на север. К тому же, поскольку Девлет-Гирей I стремился сохранить внезапность и был готов отменить в противном случае поход, то вряд ли в его планы входил столь далекий рейд в северном направлении. Скорее всего, это был поход на южные окраины с внезапным нападением на южную крепость — Болхов.

Трудно также признать обоснованным предположение Н. В. и А. Б. Беловых, что первый болховский воевода князь И. А. Золотой Оболенский был оставлен в должности в октябре по решению земской боярской думы вопреки сентябрьскому царскому распоряжению (с. 793). В источниках не зафиксировано ни одного случая, когда земская боярская дума принимала решение о назначении и смещении воевод. К тому же распоряжение Ивана Грозного об учреждении

опричнины, как известно, предусматривало причастность царя к принятию всех решений, связанных с ратными вестями: «а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояромъ о техъ делехъ приходити ко государю, и государь зъ бояры темъ деломъ управу велит чинити»⁸⁷. Оставление на должности воеводы южной приграничной крепости при приближении крымского войска несомненно имело отношение к таким вопросам.

Кроме того, важно учесть, что оба болховских воеводы, находившиеся в городе во время прихода крымского хана 7 октября, князь И. А. Золотой Оболенский и В. И. Скоков Кашин, были внесены в роспись украинских воевод от 1 октября, которая приведена в разрядной книге 1475–1605 гг. в записи за прошлый 7073 г., но с указанием, что это было в «семьдесят четвертого году», то есть в 1565 г. от Р. Х.:

«А семьдесят четвертого году были те же полки на украине против крымского царя под Болховым. Октября в 1 день по украинным городом были воеводы (в Эрмитажном списке и списке М. А. Оболенского — воеводы были):

В Пронску князь Федор Михайлович Троекуров да Михайло Глебов Резанец.

На Резани князь Иван Юрьевич Голицын.

На Михайлове князь Ондрей Васильевич Репнин (в списке М. А. Оболенского он ошибочно указан как «Михайловичъ Чепнин») да Григорей Сидоров.

Да (в Эрмитажном списке и списке М. А. Оболенского этого слова нет) на Туле князь Олександра Семенович Трубецкой.

На Дедилове князь Никита Романович Адуевской (в списке М. А. Оболенского второй половины XVII в. он ошибочно назван Трубецким Одоевским) да Федор Одреевич Карпов.

В Одоеве воевода князь Василей Юрьевич Голицын, да князь Микита Григорьевич Гундоров, да Валодимер Васильевич Лошкин Карпов.

Во Мценску князь Федор Васильевич Сисеев (в списке М. А. Оболенского он ошибочно назван Осиповым)

В Болхове князь Иван Одреевич Золотой да князь Василей Скоков Кашин.

⁸⁶Шейхумеров А. А. «Измена крымского хана» в битве под Берестечком: мифы и факты // Крымское историческое обозрение. Вып. 2. 2021. С. 38.

⁸⁷Цит. по: ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

В Карачеве Михайло Андреевич Карпов»⁸⁸.

Потому с гораздо большим основанием стоит полагать, что первый болховский воевода князь Иван Андреевич Золотой Оболенский был оставлен на своем месте по распоряжению, или, по крайней мере, с ведома Грозного царя ввиду приближения крымских войск, а не в соответствии с тайным от государя решением земской боярской думы.

Надо отметить, что болховский воевода князь И. А. Золотой Оболенский был далеко не единственным украинным воеводой, оставленным на своем месте вопреки царскому приказу от 13 сентября⁸⁹. В Одоеве не был смещен князь Василий Юрьевич Голицын, а Владимир Васильевич Лошкин, которого планировали назначить на его место, остался третьим воеводой. В Мценске остался князь Федор Васильевич Сисеев (который вопреки решению, принятому 15 сентября Иваном IV с боярской думой, не был переведен в Тулу)⁹⁰. В Карачеве — Михаил Андреевич Карпов (упомянутый в качестве карачевского воеводы еще в росписи 2 сентября)⁹¹. Несложно

заметить, что воеводы к 1 октября не были заменены именно в самых южных городах, находившихся ближе всего к Крыму. Едва ли это можно объяснить тем, что они «не успели передать дела сменщикам» (ср.: с. 793). Просто в более северных и сравнительно удаленных от Крыма украинских городах (Пронске, Михайлове, Дедилове) воеводы были сменены в соответствии с сентябрьскими распоряжениями Ивана IV, а в более южных, относительно близких к Крыму (Одоеве, Мценске, Болхове, Карачеве) этого делать не стали⁹². Причем, из последней, южной группы городов, только в самом северном и наиболее удаленном от Крыма — Одоеве в начале октября нашлось место новому воеводе В. В. Лошкину Карпову, да и то не в качестве сменщика князя В. Ю. Голицына, а под началом последнего на должности третьего одоевского воеводы. И навряд ли столько решений при приближении крымцев могло быть принято земской боярской думой без ведома Ивана Грозного, который в годы опричнины весьма деятельно проявил себя в назначении воевод в приграничных городах, не входивших в территорию опричнины⁹³.

⁸⁸Цит. по: РК 1475–1605 гг. С. 198–199. В этой связи схему Беловых «Рис. 1 Поход Девлет-Гирея I к Болхову и встречное движение русских армий 1565 г....» (с. 804), на которой не отмечены движения украинских воевод из Рязани, Пронска, Мценска и Карачева, а также не указаны города Дедилов и Одоев, стоит признать несколько неполной.

⁸⁹Ср.: НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 12; РК 1475–1598 гг. С. 222; РК 1559–1605 гг. С. 41; РК 1475–1605 гг. С. 201.

⁹⁰Ср.: НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 13; РК 1475–1598 гг. С. 222; РК 1559–1605 гг. С. 42; РК 1475–1605 гг. С. 203.

⁹¹НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 12; РК 1559–1605 гг. С. 40; РК 1475–1605 гг. С. 202. Нужно учесть, что в источниках она датирована либо 2 (РК 1475–1598 гг. С. 221), либо 15 сентября (НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 11 об; РК 1559–1605 гг. С. 40). Н. В. и А. Б. Беловы датируют ее 2 числа и отмечают, что «Можно полагать, что составленный в Разрядном приказе список не вполне удовлетворил царя Ивана. Уже 13–14 сентября по его приказу в ряд городов крымской «украины» были посланы грамоты о перемене некоторых воевод (РК 1966: 221–222; РК 1981: 201)» (с. 782). Но не трудно заметить, что в основном царские распоряжения о перемене воевод были отданы в соответствии с росписью. Исключения составляли царский приказ от 13 сентября о замене упомянутого в росписи карачевского воеводы М. А. Карпова на Ю. Ф.

Морозова и повеление от 14 сентября об отправке Федора [Федоровича] Нагого воеводой из Мценска в Чернигов (в росписи он числился и мценским и черниговским воеводой одновременно (НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739. Л. 11 об.–12; РК 1475–1598 гг. С. 221; РК 1559–1605 гг. С. 40)). Это обстоятельство заставляет согласиться с датировкой росписи 2 сентября: навряд ли бы Иван Грозный послал 14 сентября Ф. Ф. Нагого воеводой из Мценска в Чернигов, а уже на другой день объявил бы его воеводой в обоих этих городах. Надо полагать, что 14 сентября царь внес определенность в положение этого воеводы, которому согласно данной росписи полагалось в случае нашествия крымцев сидеть на двух стульях, расположенных в сотнях км друг от друга. Ошибочная датировка росписи 15 сентября легко объясняется тем фактом, что она должна была вступить в силу «с Никитина дня» (РК 1475–1598 гг. С. 221; РК 1475–1605 гг. С. 202) — 15 сентября. И переписчик перепутал эту дату с днем составления росписи.

⁹²Разве что второго мценского воеводу Ф. Ф. Нагого к началу октября, наверное, действительно перевели из Мценска в Чернигов: в росписи украинских воевод по городам от 1 октября он не фигурирует в качестве воеводы в Мценске. Но зато первого воеводу — князя Федора Васильевича Сисеева так и не заменили на Григория Никитича Борисова Бороздина и не перевели в Тулу.

⁹³Молочников А. М., Несин М. А. Основание Орла...

Сказанное выше не отменяет высокой оценки работы авторов. Надеемся, что полемика привлечет внимание исследователей к теме болховского похода крымского хана 1565 г.

Литература

- Абдужемилев Р.* Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История охане Сахиб Герае»). Часть 2 // Крымское историческое обозрение. Вып. 2. 2018.
- Анхюмюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 1998.
- Анхюмюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005.
- Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: власть, общество и повседневная жизнь в XV-XVII веках. Псков, 2004.
- Белов Н. В.* Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. № 1. 2020.
- Белов Н. В.* Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины // Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований. № 1 (5). 2021.
- Белов Н. В., Белова А. Б.* Поход Девлет-Гирея I на русские земли и оборона Болхова в октябре 1565 г. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья № 13. 2021.
- Вальков В.* Как Аршанский стан превратился в деревню Орша // *Земля Новоржевская*. 21.10.2013. URL: http://smi60.ru/2013/10/21/kak_arshanskiy_stan_prevratilsya_v_derevnyu_orsha.html?ysclid=15jrtbj113350669413#:~:text=%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE,%D0%9A%D0%B0%D0%BA%20%D0%90%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D1%8E%20%D0%9E%D1%80%D1%88%D0%B0,-21%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202013 (Дата обращения. 01. 03. 2022).
- Виноградов А. В.* Русско-крымские отношения (50-е — вторая половина 70-х годов XVI века). Т. 2. М., 2007.
- Илюшин Б. А.* Русско-булгарские военные конфликты и военный потенциал Булгарского улуса (1360–1431 гг.) // *Novogardia*. № 1 (5). 2020.
- Каргалов В. В.* Московские воеводы XVI—XVII вв. М., 2002.
- Книга Посольская метрики Великого-Княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа. (С 1545 по 1572 год). М., 1843.
- Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.
- Лашков Ф.* Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587—1588 году // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Вып. 14. 1891.
- Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
- Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году (По материалам Венского архива) // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958.
- Молочников А. М., Несин М. А.* Об основании Орла по распоряжению Ивана IV. К вопросу об основании Иваном Грозным крепостей в годы опричнины на территории земщины // *Novogardia*. № 2. 2019.
- Неделин В. М.* Древние города земли Орловской. XII—XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел, 2012.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ БОЛХОВСКОГО ПОХОДА КРЫМСКОГО ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ОСЕНЬЮ 1565 Г. И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТОЙ КАМПАНИИ (ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ: БЕЛОВ Н. В., БЕЛОВА А. Б. ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ОБОРОНА БОЛХОВА В ОКТЯБРЕ 1565 Г. // МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВЫП. 13. НИЖНЕВАРТОВСК, 2021. С. 779–804).

Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В. В. «...И запас пашли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. Т. 8. 2016.

Несин М. А. Архимандриты вечевого Новгорода // *Novogardia*. № 4. 2019.

Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. // История военного дела: исследования и источники. Т. 10. 2019.

Несин М. А. Русский судовой поход на Казань весной 1545 года // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. № 4. 2019.

Несин М. А. Русский судовой поход на Казань 1545 г. // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 6. 2020.

Несин М. А. Служилые татары Ивана III на западном театре военных действий. // Средневековые тюркско-татарские государства. № 12. Казань, 2020.

Несин М. А. Поход Ивана III на В. Новгород 1475/76 гг. и чудо на Городище вечером 29, или в ночь на 30 ноября 1475 г. по псковским летописным данным // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура Материалы IX Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 23–24 ноября 2021 г. Ижевск, 2021.

НИОР РГБ. Ф. 178 Музейное собрание. № 739.

Новосельский А. А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. — Л., 1948.

Останчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.

Пенской В. В. Последний бой: нашествие крымского хана Гази-Гирея II на Москву в 1591 г. // История в подробностях. № 5. 2010.

Пенской В. В. Там, вдали, за рекой... // История в подробностях. № 9. 2011.

Пенской В. В. «Царь крымский пришел ко берегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством ввиньства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. № 12. 2011.

Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012.

Пенской В. В. Военное дело Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 4. Казань, 2014.

Пенской В. В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. М., 2019.

Пенской В. В., Пенская Т. М. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. 4. 2013.

Петров В. А. Географические справочники XVII века // Исторический архив. № 5. 1950.

ПСРЛ Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841.

ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.

Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902.

Сборник Императорского Русского исторического общества. 1892. Т. 71. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3: 1560–1571 гг. СПб., 1892.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990.

Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.

Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань — Симферополь, 2019.

Шейхумеров А. А. Скорость марша крымскотатарских армий в XVI–XVIII вв. // *Novogardia*. № 3. 2020.

Шейхумеров А. А. «Измена крымского хана» в битве под Берестечком: мифы и факты // Крымское историческое обозрение. Вып. 2. 2021.

Kubala L. Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656–1657. Lwów, 1910

Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa, 2004.

Сведения об авторах

Несин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ученый секретарь межрегиональной организации «Историческое сознание», г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история и историческая география Средневековой Руси.

E-mail: petergof-history@yandex.ru

Молочников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история Смуты, история Московской Руси, история дворянства XVI–XVII веков, оборона Смоленска 1609–1611 гг.

E-mail: almolochnikov@yandex.ru

Nesin M.A., Molochnikov A.M.

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF THE CHRONOLOGY OF THE BOLKHOV CAMPAIGN OF THE CRIMEAN KHAN DEVLET GIRAY I IN THE AUTUMN OF 1565 AND TO THE ORGANIZACION OF THIS CAMPAIGN. REVIEW OF THE ARTICLE BY BELOV N.V., BELOVA A.B. THE CAMPAIGN OF DEVLET GIRAY I TO THE RUSSIAN LANDS AND THE DEFENSE OF BOLKHOV IN OCTOBER 1565. PROCEEDING ON ARCHEOLOGY AND HISTORY OF ANCIENT AND MEDIEVAL BLACK SEA REGION 13, 2021. PP. 779-804.

Annotation: The article is a polemical review of the work of N.V. Belov, co-authored with A.B. Belova «The campaign of Devlet Giray I on Russian lands and the defense of Bolkhov in October 1565», published in the 13th issue journal "Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea region". The issues of chronology of the Bolkhov campaign of the Crimean khan Devlet Giray I, the number of Crimean troops, the circumstances of the abandonment of the Bolkhov voivode prince Ivan. A. Zolotoy Obolensky are considered. The source of the message of the official Moscow chronicle about the flight of the Crimean khan from Bolkhov will be revealed. The author analyzes the origin of the story of the chronicler of the XVII century. the nobles of Zagryazhsky about this campaign. The painting of the Ukrainian voivodes by cities from October 1 is being investigated.

Key words: Rus, Crimean Khanate, Ivan IV the Cruel, Devlet Giray I, Bolkhov, voivodes.

References

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ БОЛХОВСКОГО ПОХОДА КРЫМСКОГО ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ОСЕНЬЮ 1565 Г. И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТОЙ КАМПАНИИ (ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ: БЕЛОВ Н. В., БЕЛОВА А. Б. ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ОБОРОНА БОЛХОВА В ОКТЯБРЕ 1565 Г. // МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВЫП. 13. НИЖНЕВАРТОВСК, 2021. С. 779–804).

Abduzhemilev R. Remmal' Hodzha. Hronika «Tarih-i Sahib Geraj han» («Istoriya ohane Sahib Gerae»). Chast' 2 [Remmal Khodja. Chronicle "Tarikh-i Sahib Gerai Khan" ("History of the Ohane Sahib Gerai"). Part 2]. Krymskoe istoricheskoe obozrenie. Issue. 2. 2018. (In Russian).

Anhyumyuk Yu. V. Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII v. [Private bit books with records for the last quarter of the XVI – early XVII centuries]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 1998. (In Russian).

Anhimyuk Yu. V. Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XVI – nachalo XVII vekov [Private bit books with records for the last quarter of the XV – early XVII centuries]. Moscow, 2005. (In Russian).

Arakcheev, V. A. Srednevekovyj Pskov: vlast', obshchestvo i povsednevnyaya zhizn' v XVI – XVII vekah (Medieval Pskov: power, society and everyday life in the XV-XVII centuries). Pskov, 2004. (In Russian).

Belov N. V. Letopisnye zametki russkikh sluzhilyh lyudej vtoroj poloviny XVI v. [Chronicle notes of Russian service people of the second half of the XVI century]. Paleososiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. No 1. 2020. (In Russian).

Belov N. V. Fragmenty mitropolich'ego letopisaniya kanuna oprichniny [Fragments of the Metropolitan Chronicle on the Eve of the Oprichnina]. Slovesnost' i istoriya. Zhurnal filologicheskikh i istoriko-kul'turnyh issledovanij. No 1 (5). 2021. (In Russian).

Belov N. V., Belova A. B. Pohod Devlet-Gireya I na russkie zemli i oborona Bolhova v oktyabre 1565 g. [Campaign of Devlet Giray I to the Russian lands and the defense of Bolkhov in October 1565]. Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya. No 13. 2021. (In Russian).

Val'kov V. Kak Arshanskij stan prevratilsya v derevnyu Orsha [How the Arshan camp turned into the village of Orsha]. Zemlya Novorzhevskaya. 21.10.2013. 2013. URL: http://smi60.ru/2013/10/21/kak_arshanskiy_stan_prevratilsya_v_derevnyu_orsha.html?ysclid=15jrtbj113350669413#:~:text=%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-,%D0%9A%D0%B0%D0%BA%20%D0%90%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D1%8E%20%D0%9E%D1%80%D1%88%D0%B0,-21%20%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202013 (accessed: 01.03.2022). (In Russian).

Vinogradov A. V. Russko-krymskie otnosheniya (50-e — vtoraya polovina 70-kh godov XVI veka) [Russian-Crimean Relations from the 1550s to second half of 1570s]. Pt. 2. Moscow, 2007 (In Russian).

Ilyushin B. A. Russko-bulgarskie voennye konflikty i voennyj potencial Bulgarskogo ulusa (1360–1431 gg.) [Russian-Bulgarian military conflicts and the military potential of the Bulgar ulus (1360–1431)]. Novogardia. No 1 (5). 2020. (In Russian).

Kargalov V.V. Moskovskie vovody XVI—XVII vv. [Moscow voivodes of the XV and XVI centuries]. Moscow, 2002 (In Russian).

Kolobkov, V. A. Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержaviya: Oprichnina Ivana Groznogo [Metropolitan Philip and the Formation of the Moscow Autocracy: Ivan the Cruel's Oprichnina]. Saint Petersburg, 2004. (In Russian).

Kniga Posol'skaya metriki Velikogo-Knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomatische snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmunda-Avgusta. (S 1545 po 1572 god). [The book of the Ambassadorial Metrics of the Grand Duchy of Lithuania, containing the diplomatic relations of Lithuania during the reign of King Sigismund Augustus. (From 1545 to 1572)]. Moscow, 1843. (In Russian).

Lashkov F. Statejnyj spisok moskovskogo poslannika v Krym Ivana Sudakova v 1587—1588 godu [Article list of the Moscow Ambassador to the Crimea Ivan Sudakov in 1587-1588]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoj Arhivnoj Komissii*. Vyp. 14. 1891. (In Russian).

Litvin M. O nrvah tatar, litovcev i moskovityan [About the customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Moscow, 1994. (In Russian).

Lur'e Ya. S. Doneseniya agenta imperatora Maksimiliana II abbata Cira o peregovorah s A. M. Kurbskim v 1569 godu (Po materialam Venskogo arhiva) [Reports of the agent of Emperor Maximilian II Abbot Tsir on negotiations with A.M. Kurbsky in 1569 (Based on the materials of the Vienna Archive)]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1957 god*. Moscow, 1958. (In Russian).

Molochnikov A. M., Nesin M. A. Ob osnovanii Orla po rasporyazheniyu Ivana IV. K voprosu ob osnovanii Ivanom Groznym krepostej v gody oprichniny na territorii zemshchiny [On the basis of the Orel by order of Ivan IV. the question of the foundation of fortresses by Ivan the Terrible during the years of the Oprichnina on the territory of Zemshina]. *Novogardia*. № 2. 2019. (In Russian).

Nedelin, V. M. Drevnie goroda zemli Orlovskoi. XII—XVIII veka. Istoriya. Arkhitektura. Zhizn' i byt. [Old Cities of Oryol Land. XII—XVIII centuries. History. Architecture. Life and way of life]. Orel, 2012. (In Russian).

Nesin M. A. Iz istorii logistiki russkih vojsk v XV-nachale XVI v. (otzyv na rabotu Penskogo V. V. «...I zapas pasli na vsyu zimu do vesny»: logistika v vojnah Russkogo gosudarstva epohi pozdnego Srednevekov'ya — rannego Novogo vremeni») [From the history of the logistics of Russian troops in the XV-beginning of the XVI century. (review of the work of Pensky V.V. "... And the stock was grazed for the whole winter until spring": logistics in the wars of the Russian state in the late Middle Ages I – early modern era)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Vol. 8. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Arhimandrity vechevogo Novgoroda [Archimandrites of Veche Novgorod]. *Novogardia*. No 4. 2019. (In Russian).

Nesin M. A. K istorii moskovsko-kazanskikh otnoshenij 1535-1540-h gg. Chast' 1. Krymskij faktor, pohody kazancev na russkie zemli 1535-1549 gg. [On the history of Moscow-Kazan relations in the 1535-1540s. Part 1. Crimean factor, campaigns of Kazan on Russian lands in 1535-1549]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Vol. 10. 2019. (In Russian).

Nesin M. A. Russkij sudovoj pohod na Kazan' vesnoj 1545 goda [Russian ship campaign to Kazan in the spring of 1545]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. No 4. 2019. (In Russian).

Nesin M. A. Russkij sudovoj pohod na Kazan' 1545 g. [Russian ship campaign to Kazan in 1545]. *Voennaya arheologiya. Sbornik materialov nauchnogo seminaru*. Vyp. 6. 2020. (In Russian).

Nesin M. A. Sluzhilye tatory Ivana III na zapadnom teatre voennyh dejstvij [Service Tatars of Ivan III in the Western Theater of military operations]. *Srednevekovye tyurksko-tatarskie gosudarstva*. № 12. Kazan', 2020. (In Russian).

Nesin M. A. Pohod Ivana III na V. Novgorod 1475/76 gg. i chudo na Gorodishche vecherom 29, ili v noch' na 30 noyabrya 1475 g. po pskovskim letopisnym dannym [Ivan III's campaign against Veliky Novgorod in 1475/76 and the miracle at the Settlement on the evening of 29, or on the night of November 30, 1475 according to Pskov chronicle data]. *Evropa v Srednie veka i Novoe vremya: Obshchestvo. Vlast'. Kul'tura Materialy IX Vserossijskoj, s mezhdunarodnym uchastiem, nauchnoj konferencii molodyh uchenyh*. Izhevsk, 23–24 noyabrya 2021 g. Izhevsk, 2021. (In Russian).

NIOR RGB [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 178 Muzejnoe sobranie. No 739. (In Russian).

Novosel'skiy A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka (The Struggle of the Muscovite State with Tatars in the first half of XVII century). Moscow-Leningrad, 1948. (In Russian).

Ostapchuk V. Hronika Remmalya Hodzhi «Istoriya Sagib Gerej hana» kak istochnik po krymsko-tatarskim pohodam [Chronicle of Remmal Khoja "History of Sahib Gerey Khan" as a source on the Crimean Tatar campaigns]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy). Ot Kalki do Astrahani. 1223-1556*. Kazan', 2001. (In Russian).

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ БОЛХОВСКОГО ПОХОДА КРЫМСКОГО ХАНА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I ОСЕНЬЮ 1565 Г. И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТОЙ КАМПАНИИ (ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ: БЕЛОВ Н. В., БЕЛОВА А. Б. ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I НА РУССКИЕ ЗЕМЛИ И ОБОРОНА БОЛХОВА В ОКТЯБРЕ 1565 Г. // МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ. ВЫП. 13. НИЖНЕВАРТОВСК, 2021. С. 779–804).

Penskoj V. V. Poslednij boj: nashestvie krymskogo hana Gazi-Gireya II na Moskvu v 1591 g. [The last battle: the invasion of the Crimean Khan Gazi-Girey II on Moscow in 1591]. *Istoriya v podrobnostyah.* No 5. 2010. (In Russian).

Penskoj V. V. Tam, vdali, za rekoj... [There, far away, beyond the river ...]. *Istoriya v podrobnostyah.* No 9. 2011. (In Russian).

Penskoj V. V. «Car' krymskij prishel ko bregu Oky-reky s velikoyu pohvaloyu i s mnozh'stvom v"in"stva svoego...». Stoyanie na Oke v 1541 godu [“The Crimean Tsar came to the banks of the Oka-river with great praise and with a lot of his power ...”. Standing on the Oka in 1541]. *Voenno-istoricheskij zhurnal.* No 12. 2011. (In Russian).

Penskoi, V. V. Ivan Groznyi i Devlet-Girei [Ivan the Cruel and Devlet Girey]. Moscow, 2012. (In Russian).

Penskoj V. V. Voennoe delo Krymskogo hanstva v konce XV — nachale XVII v. [Military affairs of the Crimean Khanate in the late XVI – early XVII century]. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen: v semi tomah.* Vol. 4. Kazan', 2014. (In Russian).

Penskoi, V. V. Polotskaya voina. Ocherki istorii russko-litovskogo protivostoyaniya vremen Ivana Groznogo. 1562—1570 [The Polotsk War. Essays on the history of the Russian-Lithuanian confrontation of Ivan the Cruel. 1562—1570]. Moscow, 2019. (In Russian).

Penskoj V. V., Penskaya T. M. «Yaz dei deda svoego i pradeda nyne zdelal lutchi...»: Pohod Devlet-Gireya I i sozhzhenie Moskvyy v mae 1571 g. [«Yaz dei deda svoego i pradeda nyne zdelal lutchi...»: Campaign of Devlet Giray I and the burning of Moscow in May 1571]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki.* Vol. 4. 2013. (In Russian).

Petrov V. A. Geograficheskie spravochniki XVII veka [Geographical reference books of the XVII century]. *Istoricheskij arhiv.* No 5. 1950. (In Russian).

PSRL. Vol. 3. *Novgorodskie letopisi*. Saint Petersburg, 1843. (In Russian).

PSRL Vol. 13. *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej, ili Nikonovskoj letopis'yu.* Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 29. *Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'.* Moscow, 1965. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475—1598 gg. [Rank Book. 1475—1598]. Moscow, 1966. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1550—1636 gg. [Rank Book. 1550—1636]. Vol. 1. Moscow, 1975. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1559—1605 gg. [Rank Book. 1559—1605]. Moscow, 1974. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475—1605 gg. [Rank Book. 1475—1605]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow, 1981. (In Russian).

Skrynnikov, R. G. Tsarstvo terrora [The Tsardom of terror]. Saint Petersburg, 1992. (In Russian).

Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. Vol. 2. Saint Petersburg, 1902. (In Russian).

Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 71. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom Pt. 3. 1560—1571 gg.* Saint Petersburg, 1892. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Issue 16. Moscow, 1990. (In Russian).

Filyushkin A. I. Andrei Mikhailovich Kurbskii: Prosopograficheskoe issledovanie i germenevticheskii kommentarii k poslaniyam Andreyu Kurbskogo Ivanu Groznomu [Andrei Mikhailovich Kurbsky: Prosopographic study and hermeneutical commentary on Andrei Kurbsky's lists to Ivan the Cruel]. Saint Petersburg, 2007. (In Russian).

Sheikhumerov A. A. Armiya Krymskogo khanstva: organizatsiya i taktika (XV–XVIII vv.) [The Army of the Crimean Khanate: Organization and Tactics (XV–XVIII centuries)]. Kazan, 2019. (In Russian).

Shejhumero A. A. Skorost' marsha krymskotatarskih armij v XVI–XVIII vv. [The speed of the march of the Crimean Tatar armies in the XVI–XVIII centuries]. Novogardia. No 3 (7). 2020. (In Russian).

Shejhumero A. A. «Izmena krymskogo hana» v bitve pod Berestechkom: mify i fakty ["Treason of the Crimean Khan" in the battle of Berestechko: myths and facts]. Krymskoe istoricheskoe obozrenie. Vyp. 2. 2021. (In Russian).

Kubala, L. Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656–1657 [Brandenburg war and the Rakoczy raid in 1656-1657]. Lwów, 1910. (In Polish).

Skorupa, D. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623 [Polish-Tatar relations 1595-1623]. Warszawa, 2004. (In Polish).

About the authors

Nesin Mikhail A., PhD in History, Scientific Secretary of the Interregional Organization of Social and Humanitarian Scientific Research "Historical Consciousness", St. Petersburg (Russia). Research interests: history and historical geography of Medieval Rus.

E-mail: petergof-history@yandex.ru

Molochnikov Alexander M., PhD in History, St. Petersburg (Russia). Research interests: the history of the Time of Troubles, the history of Moscow Russia, the history of the nobility of the XVI–XVII centuries, the defense of Smolensk 1609-1611.

E-mail: almolochnikov@yandex.ru

• ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА •

УДК 94(47)

ББК 63. 3(2)46

DOI 10.25797/NG.2022.13.1.010

А. П. Богданов

БЕЛЯЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ 1696 Г. В СВОДЕ СТЕПЕННОЙ КНИГИ С НОВЫМ ЛЕТОПИСЦЕМ НА 130 ГЛАВ

Аннотация: Исследование и научная публикация текста летописца 1696 г. из собрания И. Д. Беляева впервые в полной мере знакомит читателя с еще одним замечательным оригинальным памятником краткого общерусского летописания. Сочинение было написано московским книжником в основном между 1681 и 1690 гг. и затем продолжено отдельными записями до 1696 г. Оно являлось продолжением интереснейшего исторического свода из Степенной книги с Новым летописцем, который еще ожидает углубленного изучения. Автор использовал в тексте и собственные воспоминания, и летописи, и «Сказание» Петра Золотарева о восстании Разина, и Извет на князей Хованских, составив весьма оригинальное сочинение о русской истории XVII в. Оно, как показано в исследовании, перекликается с другими летописными сочинениями и записками времен царевны Софьи и молодого Петра I, но содержит немало уникальных сведений и дает собственный авторский взгляд на события.

Ключевые слова. Русское летописание, Летописец выбором, краткий Московский летописец, Сказание Золотарева, Созерцание краткое, Записки Желябужского, Извет на Хованских.

Изучение «Летописца выбором»¹ и «Краткого Московского летописца»² достаточно убеждает, что рукописи кратких летописцев имели больше шансов исчезнуть за прошедшие столетия, чем уцелеть. История их текстов представлена белыми пятнами пропавших протографов едва ли не в большей степени, чем найденными рукописями. Сохранялись они неисповедимыми путями, оставляя для нас текст, даже если пропал сам манускрипт. Именно так случилось с замечательным памятником краткого московского летописания конца XVII в. – Летописцем 1696 г., названным нами Беляевским в честь известного историка и археографа, профессора юридического факультета Московского университета Ивана Дмитриевича Беляева (1810–1873)³.

Большая часть из трех тысяч рукописей собрания И. Д. Беляева⁴, приобретенного

¹ Богданов А. П. Рукописная традиция «Летописца выбором» // Исторический журнал: научные исследования. № 5. 2020. С. 108-122.

² Богданов А. П. Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1991. С. 140-160.

³ Беляевский летописец // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990. С. 27-44; Богданов А. П. Летописец 1696 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. Л., СПб., 1993. С. 279-281.

⁴ Все рукописи И. Д. Беляева, включая его архив: РГБ. Ф. 27-29.

директором Московского Публичного и Румянцевского музеев В. А. Дашковым у брата историка, художника А. Д. Беляева в 1875 г.⁵, – это историко-юридические акты⁶, однако и сравнительно немногочисленное собрание 140 историко-литературных памятников XVI–XIX вв. получило широкую известность. Особую часть этого собрания составляют представленные в фонде РГБ № 29 папки тщательно выполненных наборных списков с древних источников: рукописей, с которых в XIX в. делался типографский набор⁷.

Эти папки – следы десятилетней плодотворной деятельности И. Д. Беляева на посту секретаря Московского общества истории и древностей Российских, коим он избирался трижды (1848–1858). Как известно, когда знаменитые «Чтения Общества истории и древностей российских» (ЧОИДР) были закрыты, по плану И. Д. Беляева и под его редакцией Общество стало издавать «Временник», в котором помимо исследований публиковались многочисленные источники. Сам редактор поместил в 25 книгах «Временника» изрядное число замечательных публикаций; немало текстов он еще готовил к изданию к моменту ухода с поста секретаря ОИДР и редактора его издания.

Три папки собрания рукописей И. Д. Беляева в 29-м фонде РГБ – № 65, 67 и 68⁸ – издавна привлекают внимание исследователей. Неизданные при жизни историка, тексты источников из этих папок один за другим вводились в научный оборот. Здесь достаточно упомянуть важнейшие: переписку стольника А. И. Безобразова, Хронограф II редакции, «Слово об Андрее Критском», Повесть об Акире Премудром, повесть о Дмитрие Басарге и сыне

его, «Слово о Дракуле, воеводе Мутьянские земли», «Сказание об Индийском царстве и о всех чудесах его», «Повесть како виде царь Мамер единой нощи 12 снов» и др. Однако в папках скрыто еще немало любопытного.

Например – «Выписки из какого-то летописца или хронографа о событиях с восшествия на престол царя Михаила Федоровича по 1698⁹ год, главы 115–130», включенные в «Сборник новых списков с памятников древнерусской литературы, приготовленных для издания, в л(ист), на 352 л.»¹⁰. Наборный список не имеет заглавия, вводной статьи или каких-либо комментариев Беляева. О рукописи не сохранилось упоминаний и в других его работах, как опубликованных, так и рукописных, хранящихся сейчас в РГБ, ф. 27. Даже имеющееся название «Выписки» было дано рукописи А. Е. Викторовым, описывавшим собрание профессора Беляева после его поступления в Московский Публичный и Румянцевский музеи¹¹.

До нашего времени рукопись не привлекала к себе внимания специалистов. Между тем она содержит один из интереснейших памятников московского летописания конца XVII в.: летописец 1631–1696 гг., представляющий собой завершающую часть обширного свода. Список начинается последними статьями Нового летописца (со статьи «О посылке по градом к государеву избранию» до записи о рождении царевны Анны Михайловны, л. 41–69). Текст Нового летописца в целом соответствует исходной редакции, положенной в основу XIV тома ПСРЛ¹², однако язык его несколько подновлен в конце XVII в., а главное – текст совершенно иначе поделен на главы, что прямо ведет нас к

⁵ РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 8566.7. Л. 1.

⁶ *Лебедев Д.* Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. Издано к 50-летию юбилею Румянцевского музея. М., 1881.

⁷ Как правило, беляевские списки являются беловиками, они тщательно переписаны и выверены для последующего типографского набора.

⁸ По Музейному собранию это №№ 1574, 1576 и 1577.

⁹ Видимо, опечатка, на самом деле 1696 г.

¹⁰ РГБ. Ф. 29. Собр. И. Д. Беляева. № 65/М–1574. Л. 41–82 об.

¹¹ *Викторов А. [Е.]* Собрание рукописей И. Д. Беляева. Издано к пятидесятилетнему юбилею Румянцевского музея. М., 1881.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. XIV. СПб., тип. М. А. Александрова, 1910. С. 23–154.

рассмотренным Л. В. Черепниным редакциям Нового летописца, объединенного со Степенной книгой¹³.

При соединении Степенной книги (из 17 степеней или граней) и Нового летописца (в качестве ее 18-й степени) наибольшей переделке подверглись «пограничные» части памятников. В списках РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД № 28/36¹⁴ и ГИМ Собр. Е. В. Барсова № 1852¹⁵ структурные перемены простерлись до царствования Василия Шуйского (откуда глава «О воре Петрушке» переместилась в конец царствования Лжедмитрия) – у нас же в Беляевской рукописи остался только более поздний текст. Однако есть признак, позволяющий смело объединить отрывок Нового летописца в Беляевской рукописи с названными списками особой редакции: это деление на главы, на которое не обратил должного внимания Л. В. Черепнин. Чтобы унифицировать крупные «границы» и «степени» Степенной книги и более мелкие

статьи или главы Нового летописца (их 422), в XVII в. была произведена операция по новому, усредненному по размеру членению обоих памятников на главы (с сохранением внутри глав старых подзаголовков). Соответственно этой редакционной работе составителей свода Степенной книги с Новым летописцем, вошедший в Беляевскую рукопись фрагмент Нового летописца поделен на главы со 115-й по 126-ю.

В вопросе о времени создания свода из Степенной книги и Нового летописца также трудно следовать мнению Л. В. Черепнина. Ученый связывал его (без всяких доводов) с работой Записного приказа в 1657–1659 гг. Между тем, говоря о рукописи РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева № 259¹⁶, в которой Новый летописец вновь «оторвался» от Степенной (сохранив заглавие 18-й степени), Черепнин датирует ее протограф «временем позднее 1673 г.» на том основании, что в дополнениях к ее тексту использована краткая редакция Строгановской летописи. Не вдаваясь в дискуссию о датировке свода, напомним, что тот же фрагмент Строгановской присутствует в полном списке Степенной с Новым летописцем в ГИМ. Собр. Е. В. Барсова № 1852, который оказался сделанным в самом конце XVII в. списком памятника 1650-х гг. А. В. Сиренов справедливо усомнился в связи появившегося в середине XVII в. свода Степенной и Нового летописца с Записным приказом, отметив, что на самом деле и Румянцевский список № 259, как ряд других, восходит к монастырской рукописи 1650-х гг. со Степенной и Новым летописцем в качестве 18-й степени¹⁷.

¹³ Черепнин Л. В. «Смута» и историография века. (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 81-128. С. 107-110.

¹⁴ Хрущовская Степенная, по происхождению из библиотеки капитана флота А. Ф. Хрущова (*Сиренов А. В. Степенная книга: история текста.* М., 2007. С. 10, 21 и др.), представляет собой рукопись в 2° на 1035 л., на бумаге второй половины 1680-х – 1690-х гг.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 82; *Вовина В. Г. 1) Археографический обзор списков Нового летописца // Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XX. Л., 1989. С. 199; 2) *Новый летописец: история текста.* СПб., 2004. С. 153, 163.

¹⁵ Этот огромный том на 1049 л. в 2°, писанный, как полагали, напоминаям полуустав книжным письмом XVIII в.: *Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. Повесть Саввы Есипова // Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. XIII. М.–Л., 1957. С. 477. В новом издании Степенной список Барсова № 1852, представляющий собой копию РНБ Соф. 1378, по бумаге отнесен А. В. Сиреновым к самому концу XVII в.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. С. 73. О нем см.: *Вовина В. Г. 1) Археографический обзор списков Нового летописца.* С. 203-204; 2) *Новый летописец: история текста.* С. 93, 163, 165; *Сиренов А. В. Степенная книга: история текста.* С. 57, 69, 72, 77, 80, 266, 426, 499-501.

¹⁶ О нем см. также: *Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста.* С. 163; *Сиренов А. В. Степенная книга: история текста.* С. 80-81 и др.

¹⁷ РНБ. Ф. 728. Собр. Софийской библиотеки 1378. К ней же восходят списки конца XVII в.: ГИМ. Собр. Е. В. Барсова 1852; БАН. 16.12.1; РГАДА. Ф. 187. Собр. ЦГАЛИ. Оп. 2. № 96а; ГИМ. Собр. Покровского собора № 103799/301. См.: *Сиренов А. В. 1) Династический кризис рубежа XVI–XVII вв. в России и Степенная книга // Cahiers du monde russe.* Vol. 50/2–3. 2009. P. 557-566; 2) *Степенная книга: история текста.* С. 80-81. Подробнее

Но нас больше интересует не редактирование ранних произведений в середине XVII в., а создание новых в конце столетия. Именно такой *совершенно новый* текст следует за 126 главой поздней редакции Нового летописца, составляя 127–130 главы исторического свода¹⁸, завершающую часть которого готовил к печати И. Д. Беляев.

Собственно, несколько новых статей вставлены уже в «старую» главу 126 – о преставлении «нашей государыни» иноки Марфы Ивановны Романовой, пожаре 1633 г., рождении царевича Ивана Михайловича (из «Летописца выбором»¹⁹), о походе Шеина под Смоленск (повесть о походе входила в продолжение Нового летописца в сборнике с Архивным списком «Летописца выбором») и, уникально, о недороде и хлебной дороговизне 1639 г. К «Летописцу выбором» восходят, возможно, и первые статьи 127-й главы – о смерти Михаила и воцарении Алексея Михайловича. Но уже статьи о Московском

восстании 1648 г. ни в «Летописце выбором», ни в созданном на его основе Кратком Московском летописце²⁰ нет. А начинающаяся с 1652 г. статья о Никоне сочинена летописцем *после* кончины патриарха в 1681 г.

Описав в этой статье восшествие Никона на патриарший престол и воздав должное его «бодрому» и «крепкому» архипастырству, летописец рассказывает о годах заточения патриарха, его освобождении из ссылки царем Федором Алексеевичем, о кончине и погребении в Воскресенском монастыре с личным участием государя. Последняя сцена, отражающая, как предыдущий текст, глубокое почтение к Никону, показывает знакомство нашего летописца с «Кратким известием» бывшего келейника Никона Ивана Шушерина²¹.

Статья о Смоленском походе Алексея Михайловича, несмотря на краткость, отличается от статьи «Летописца выбором» и «Краткого Московского летописца», а статья об эпидемии 1654 г. – гораздо подробнее, чем в этих памятниках, и сообщает наблюдения москвича – очевидца бедствия. Очень подробно, с указанием разных цен, рассказывает летописец об эпопее с медными деньгами, причем вспоминает далее «о смуте во Пскове», но путается в помещенной выше летописной статье о Медном бунте в Москве. «Смута на бояр», по его тексту, «бысть в Московском государстве» в 7158 (1649/50) г.,

эти наблюдения были изложены: *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.–СПб., 2010.

¹⁸ Историческим, а не традиционно летописным мы называем свод потому, что составлявшая его Степенная книга всё же не летопись, да и жанровое своеобразие Нового летописца, излагающего события хронологически последовательно, но не по «летам», серьезно отличает этот памятник исторической мысли от традиционной летописи. В то же время и оторвать эти памятники от летописания нельзя. Понятие «исторический свод» решает проблему принятого в XVII в. сочетания жанров безболезненно для летописания, которое всё равно пронизывало все памятники, как только их редакторы хотели сделать дополнения к старым текстам. Например, завершающие статьи поздних редакций Нового летописца и Хронографа Русского, реже Степенной книги, – строго летописные.

¹⁹ Тексты основных редакций «Летописца выбором» см.: *Богданов А. П.* 1) «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам // *Novogardia*. № 2 (6). 2020. С. 226–253; 2) «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам // *Novogardia*. № 3 (7). 2020. С. 208–237; 3) «Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // *Герменевтика древнерусской литературы*. Вып. 21. М., 2022 (в печати).

²⁰ Ср. тексты редакций Краткого Московского летописца: *Буганов В. И.* Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // *Летописи и хроники* за 1976 г. М., 1976. С. 283–293; *Богданов А. П.* 1) Редакции Краткого Московского летописца // *Novogardia*. № 4 (8). 2020. С. 223–261; 2) Краткие летописцы XVII века в Спасо-Прилуцкой исторической компиляции // *Novogardia*. № 3 (11). 2021.

²¹ Ср.: *Шушерин И.* 1) Известие о рождении и воспитании и житии святейшего Никона, патриарха московского и всея России, написанное клириком его. М., 1908. (по трем древнейшим спискам); 2) Краткое известие о рождении, воспитании и житии Никона, патриарха Московского и всея Руси. М., Университетская тип., 1872. 14 с. (по Воскресенской рукописи конца XVII в.).

вместо 1648 г. (л. 69 об.), т. е. близко к концу Псковского восстания, отмеченного ниже под верным 7157 г. (л. 71). Это восстание составитель Летописца 1696 г., явно нарушив хронологию, поместил после реформы медных денег, а не в привязке к Солянному бунту 1648 г. – ошибка, которая говорит о самостоятельном осмыслении хода истории, оригинальном, хоть и неверном. Если начальные статьи Летописца взяты из летописного источника, то тексты о Никоне, медных деньгах и т. п. неизвестный книжник явно сочинял самолично – им трудно найти даже отдаленные аналогии. Далее эта оригинальность текста сохранялась.

Так, статья о заметном в летописании событии, «Конотопской службе» 1659 г., рассказывает о катастрофе отборного войска московских дворян под предводительством князей С. Р. Пожарского и С. П. Львова живым, своеобразным языком, упоминая даже о трудном отступлении армии А. Н. Трубецкого к Путивлю. Подобное в конце 1550-х – 1660-х гг. не без успеха пытался проделать современник события, продолжатель «Летописца выбором» в редакции Симона Азарьина, но его работа осталась в незаконченном черновике²².

Хронографическая редакция Летописца 1619–1691 гг., довольно часто передающая архетип патриаршего летописца в своде до 1690 г., приводит статью о военных событиях 1659 г. в Малороссии сокращенно, сравнительно с Беляевским летописцем, но с важными дополнительными деталями²³. В

данном случае она выглядит как сокращение статьи Беляевского летописца.

Убедитесь сами, сравнив тексты этих трех памятников, где Симонов список «Летописца выбором» выступает предварительными записями о событии, а Беляевский летописец выглядит как источник Хронографической редакции Летописца 1619–1691 гг.: лишь полное сравнение всех статей этих памятников показало, что Летописец 1696 г. (или его протограф) не является источником Хронографической редакции²⁴.

²² РГБ. Ф. 173.1. Собр. МДА № 201. Л. 261–301 об., черновик статьи на л. 297 об. О нем: *Богданов А. П.* Симонов список «Летописца выбором» // *Quaestio Rossica*. 2021. Вып. 9. № 4. С. 1425–1439. Ср. издание текста: *Богданов А. П.* «Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // *Герменевтика древнерусской литературы*. Вып. 21. М., 2022 (в печати).

²³ Это рассказ о пленении и казни командующего русским войском князя С. Р. Пожарского по приказу хана Мухаммед-Гирея IV, подтверждающийся

документами о сражении. О том, что Пожарский и Львов были схвачены и казнены, а не просто «посечены» в бою «на речке Сосновке», как сказано в Беляевском летописце, вместе с редакцией Летописца 1619–1691 гг. говорит и продолжение «Летописца выбором» по списку Симона Азарьина.

²⁴ *Богданов А. П., Белов Н. В.* Хронограф Русский III редакции из 182 глав. Часть 2. Хронографическая редакция патриаршего летописца 1619–1691 гг. // *Словесность и история*. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2022 (в печати).

Симонов список ЛВ (МДА-201, л. 297 об.)	Летописец 1696 г. (Б, л. 70–71 об.)	Летописец 1619–1691 гг. (У, л. 845 об.)
<p>В лето 716(7) был бой князю Алексею Никитичу Трубецкому, посылал от себя от Черкасского города из Конотопа на черкасския городки. И они пришли, а то что к ним крымской царь пришел в наемных, и тут татаровя побили русских людей добре много, дворян и городовых людей иных городов мало поосталось, а воевод князя Семена Романовича Пожарского да князя Семен Петровича Лвова взяли живых. И в те же поры побили их, а по князя Алексея Никитича приходили по четыре и крест целовали дни вотшел в 670, а черкасы после государю царю доби́ли челом.</p>	<p>Во 167 (1659) году изменил великому государю гетман Ивашко Выговской и все черкасы отложились. И привел татьством под град Конотоп крымского хана со всею ордою и со иными многими наемными ордами. И на речке Сосновке великого государя воевод, окольного князь Семена Романовича Пожарского да окольного 32 князь Семена Петровича Львова с товарищи и многих воинских людей посекоша. А боярин и воевода князь Алексей Никитич Трубецкой со остатными воинскими людьми отходом отшел в Путивль с великою трудностю.</p>	<p>В лето 7167-го гетман Ивашко Выговской с черкасы изменил. Того ж лета в июне месяце под город Конотоп Ивашко Выговской привел хана крымского с татары безвесно и царского величества боярина и воеводу князя Алексея Никитича Трубецкого, полку ево ратных людей многих, побил. И окольного и воеводу князя Семена Романовича Пожарского на том бою татары взяли жива и привели перед хана; и того ж дни князь Семен Романович убит повелением хана крымского.</p>

При большом внимании составителя Летописца 1619–1691 гг. к народным восстаниям, даже его наиболее полная в этом смысле Хронографическая редакция не упоминает отмеченное в Беляевском летописце восстание в Пскове. В то же время в последнем вообще нет упоминания о Медном бунте, хотя проблемы с медными деньгами хорошо описаны. Редкая статья о венчании Алексея Михайловича царским венцом 28 сентября 1645 г., встреченная нами, кроме Хронографической редакции Летописца 1619–1691 гг., в патриаршем Летописном своде 1652 г., первых дополнениях к Симонову списку «Летописца выбором» и в его Ярославской редакции, приведена в Беляевском летописце, сравнительно со всеми ими, под другим годом

(7155 вместо 7154) и с дополнительным упоминанием патриарха Иоасафа²⁵.

Подробно описанное в Беляевском летописце и редакциях Летописца 1619–1691 гг. восстание С. Т. Разина освещено в этих памятниках по разным источникам и, соответственно, с разными воеводами – победителями восстания. В Летописце 1619–1691 гг. это князь Ю. Н. Барятинский и Ю. А. Долгоруков, в Летописце 1696 г. – боярин И. Б.

²⁵ Свод 1652 г.: РГБ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова, № 423. Л. 338 об.; ЛВ по С: РГБ. Ф. 173.1. Собр. МДА № 201. Л. 291 об.–292; ЛВ по Я: РГБ. Ф. 344. Собр. П. П. Шибанова № 248/М–6298. Л. 207–208; Хронографическая редакция Летописца 1619–1691 гг.: РГБ. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. № 726. Л. 843 об.; Беляевский летописец: РГБ. Ф. 29. Собр. И. Д. Беляева. № 65/М–1574. Л. 71–71 об.

Милославский. Seriously различается по содержанию в Беляевском летописце и Хронографической редакции статья о раскольничьем бунте 1682 г. В целом подозрения в наличии общего источника текстов этих сочинений, навеянные сходством статьи о «Конотопской службе», не оправдываются.

Беляевский летописец не только содержателен, но и весьма оригинален. Так, его составителю вспомнились восточные патриархи Паисий и Макарий, но не в связи с Большим церковным собором на Никона и староверов, где они сыграли виднейшую, хотя и марионеточную роль, а по поводу их «прихода» в Москву в конце 1666 г. (обставленного, к слову сказать, весьма торжественно). Это не значит, что автор не использовал письменные источники и даже обширные выписки из исторических сочинений. Но он делал это, лишь когда имел их под рукой и не мог рассказать деталей сам.

Например, вся глава 128 «О воре и изменнике Стеньке Разине»²⁶ дается в Летописце 1696 г. по Пространному виду Золотаревского летописца («Пространному сказанию» в терминологии З. В. Мильготинной), написанному, как известно, в 1679 г. и бытовавшему уже в 1680-х гг.²⁷ Автор предлагает хорошо продуманное сокращение этого обширного памятника, соотносимое по упомянутому в Летописце 1696 г. реалиям именно с его первой редакцией. Точнее сказать трудно, учитывая серьезное сокращение текста нашим летописцем и справедливо оцененное Мильготинной печальное состояние археографии последующих редакций «Золотаревского сказания»²⁸.

Рассказывая о правительственных мерах по подавлению Московского восстания 1682 г., летописец приводит Извет на князей Хованских²⁹, опубликованный как документальный источник по его передаче в «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева (1685/86).

Извет присутствует во всех редакциях «Созерцания»³⁰, но приглянулся археографам по наиболее аутентичному списку Оболенского³¹, созданному Медведевым в продолжение его же авторской редакции Нового летописца³². Переписанная одной группой писцов на общем наборе бумаги 1680–1690-х гг., рукопись этой «книги летописной», как под пыткой называл ее Медведев³³, была попросту разделена М. А. Оболенским (по его признанию³⁴) на две части. При этом первая была объявлена им первоначальной редакцией Нового летописца³⁵, а вторая, с «Созерцанием», передана в созданную канцлером Н. П. Румянцевым Комиссию

²⁹ РГБ. Ф. 29. Собр. И. Д. Беляева. № 65/М–1574. Л. 78–79 об.

³⁰ Их сравнение: *Богданов А. П.* К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М. 1983. С. 127–161; в снятом виде: *Богданов А. П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. М.–Берлин, 2020. С. 352–359.

³¹ «Созерцание» в рукописи РГАДА. Ф. 179. Комиссия печатания государственных грамот и договоров при МГАМИД. № 205.

³² *Жарков И. А.* «Новый летописец» по списку М. А. Оболенского // Летописи и хроники за 1973 г. М., 1974. С. 293–298.

³³ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / Публ. Археографической комиссии, сост. А. Труворов. Т. IV. СПб., 1893. Стб. 617, 630, 637, 677.

³⁴ *Оболенский М. А.* Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М., 1853. С. III.

³⁵ Это заблуждение было опровергнуто много позже: *Платонов С. Ф.* Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 311, 312, 317, 319, 320, 323, 324, 326, 328, 332.

²⁶ РГБ. Ф. 29. Собр. И. Д. Беляева. № 65/М–1574. Л. 71 об.–76 об.

²⁷ Ср.: Полное собрание русских летописей. Т. 31. М., 1968. С. 206–233.

²⁸ *Мильготина Л. З.* О редакциях и списках Золотаревского сказания // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 317–327.

печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел³⁶.

По этому списку «Созерцания» всегда издавался не только Извет на Хованских³⁷, но и множество иных документов 1682–1683 гг., изъятых их приказных архивов фактическим главой администрации царевны Софьи Ф. Л. Шакловитым и предоставленных им Медведеву³⁸. Так продолжается доселе, несмотря на то, что само «Созерцание» по списку Оболенского с текстом Извета и прочих процитированных документов было хорошо издано А. А. Прозоровским и переиздано нами³⁹.

Этот археографический экскурс был необходим, чтобы оценить значение текста Извета в Беляевском летописце, созданном в 1680-х гг. и завершеном в 1696 г. Это второй после «Созерцания» Медведева по списку Оболенского и последний известный нам список изветного письма на князей Хованских XVII в. (остальные редакции и списки «Созерцания» датируются с первой четверти XVIII в.). Естественно, возникает вопрос: располагал ли составитель Летописца 1696 г. полной (с Новым летописцем) рукописью

медведевской «книги летописной», по которой публиковался Извет?

Это было бы замечательно: рукописи Медведева из Заиконоспасского монастыря, где он жил под охраной стрельцких и посадских добровольцев, после его бегства и ареста осенью 1689 г. перекочевали в рукописное собрание патриарха Иоакима, поэтому большинство их и сохранилось в патриаршем, ныне Синодальном собрании ГИМ. Образованный составитель Беляевского летописца логично был бы признан человеком, близким если не к Иоакиму, то к сменившему его патриарху Адриану. Однако сравнение текстов Извета по «Созерцанию» и Летописцу 1696 г. не позволяет сделать такой вывод. Оно предлагает более интересное заключение: наш летописец обратился к Извету *независимо* от сочинения Медведева и передал его иначе, чем сделал Сильвестр.

Готовя научное издание Летописца 1696 г., мы сравнили его «Изветное письмо» на Хованских с Изветом по «Созерцанию» детально, опуская только буквенные разночтения, естественно возникавшие от речевых привычек писцов («аго» или «ого» и т. п.) и разного раскрытия гласных в титлах. Смысловых расхождений в текстах нет. Медведевский вариант чуть более литературен: профессиональный справщик (редактор) государева Печатного двора не мог иначе передавать текст. Но в ряде случаев «Созерцание» просторечивее: например, Иоанна Хованского в Летописце 1696 г. оно последовательно именуется Иваном.

Более или менее правильные чтения не показывают нам ничего, раз подразумевается, что извет на Хованских был составлен тремя простыми людьми из стрельцов и посадских. А серьезных разночтений в текстах только два, в начале и в конце, в преамбуле и завершающем адресе. Первая в «Созерцании» содержит важные детали о появлении подметного письма в Коломенском «на дворе у передних ворот»; они отсутствуют в Летописце, но частично подтверждены разрядными записями (о них ниже). Второй более подробен в нашем

³⁶ Очерк деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1877. С. 1-42.

³⁷ Упомяну два важнейших: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 258. С. 368-369; Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976. № 67. С. 110-111.

³⁸ Подробно: *Богданов А. П.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1987. С. 114-146.

³⁹ *Прозоровский А. А.* Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 4. Отд. 2. 1894. С. 1-197. Извет на с. 98-99. Ср.: Россия при царевне Софье и Петре I. С. 127-128.

источнике. Приведем их здесь для наглядности:

Беляевский Летописец 1696 г.	«Созерцание краткое»
Во 191 году сентября во 2 день объявилось в селе Коломенском известное письмо сицево:	И сентевриа месяца в 2 день на него, князь Ивана, в его измене в Коломенском селе на их, великих государей, дворе у передних ворот на воротном щите прилеплено объявилось письмо. Его же взяв, надворные пехоты стольник и полковник Акинфей Данилов им, великим государем, объявил. Писано же сице:
А на подписке писано: «Вручить государыне царевне Софии Алексеевне не распечатав». Припись у известного письма думного дьяка Феодора Шекловитого.	Подписано: «Вручить государыне царевне Софии Алексеевне не распечатав».

Медведев, «Созерцание» которого является одной из первых русских ученых исторических монографий⁴⁰, получая документальные источники от Федора Леонтьевича Шакловитого, бывшего в 1682 г. в самой гуще политических событий, выяснил у него много важных деталей. Отсюда и возник полковник Акинфей Данилов (Стремянной полк которого, как и всех стрельцов, действительно называли летом 1682 г. «надворной пехотой»), снимающий Извет с воротного щита государева двора в селе Коломенском. Однако, получив массу документов от Шакловитого, Сильвестр ни разу не сослался на него. Роль Федора Леонтьевича мы выясняем по допросам Медведева, обвиненного в «заговоре Шакловитого», и по происхождению предоставленных Сильвестру документов из подведомственных Шакловитому приказов, откуда они нередко были вырваны буквально «с мясом».

Сильвестру было важно не давать в Извете указание на «припись» Шакловитого, поскольку тот был активнейшим и явным борцом за власть царевны Софьи, тогда как «Созерцание» доказывало спасительность ее правления для России якобы объективными

рассуждениями, аргументами и свидетельствами⁴¹. Извет на Хованских 8 сентября 1682 г. и так был довольно одиозным памятником: наскоро состряпанным политическим оружием, весьма эффективно использованным правительством Софьи сначала для уничтожения своих противников Хованских, а затем и для «утишения» всего Московского восстания 1682 г.

Эта незамысловатая, но политически весьма полезная фальсификация была процитирована в смертном приговоре Хованским 17 сентября 1682 г., который публикуется в документальных изданиях по «Созерцанию» Медведева в списке Оболенского⁴², а также в серии последующих документов, к которым, как и к приговору, текст Извета был приложен, но,

⁴¹Справедливости ради отметим, что и роль руководителя правительства Софьи, главы Посольского приказа, канцлера и дворового воеводы (главнокомандующего) боярина князя В. В. Голицына в событиях Московского восстания 1682 г. была сведена Медведевым на нет: все подвиги и заслуги приписаны автором исключительно «премудрой царевне».

⁴²Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. IV. М., 1826. № 152. С. 459-463; Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Серия I. Т. II. 1676-1688. СПб., 1830. № 954. С. 464-467; Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. № 86. С. 130-133.

⁴⁰ Богданов А. П. От летописания к исследованию. С. 286-351.

увы, в их составе не дошел⁴³. Никаких упомянутых в Извете героев-доносителей затем за наградой не явилось. Да и само содержание доноса было шито белыми нитками, представляя боярина князя И. А. Хованского врагом царей и царства, Церкви и патриарха, властей в городах, которых злодей якобы мечтал истребить руками посадских людей, и дворян, против которых он хотел поднять крестьян.

Не удивительно, что скоропалительная казнь Хованского с его старшим сыном по нелепым обвинениям вызвала возмущение в Москве. Стрельцы и посадские, по словам царской объявительной грамоты московским посадским людям от 21 сентября 1682 г., говорили, что Хованские «казнены напрасно и без розыску». Бежавшее в перепуге из села Воздвиженского и засевшее в Троице-Сергиевом монастыре правительство Софьи и В. В. Голицына, в котором важную роль играл Ф. Л. Шакловитый, решило снова, после своих грамот 17 и 18–19 сентября, обнародовать Извет. В грамоте от 21 сентября было сказано: «А каково изветное письмо в селе Коломенском о злом умысле и о измене князь Ивана и князь Андрея Хованских объявилось, и с того письма послан к вам для ведома пот сею нашею грамотою список». И список Извета к этой грамоте, сохранившейся в поздней копии, в отличие от остальных грамот, действительно приложен⁴⁴. Он-то и был заверен на обороте, как положено, думным дьяком Разрядного приказа Шакловитым, отвечавшим за рассылку всех подобных грамот⁴⁵.

Итак, Извет действительно ходил по Москве вместе с царскими объявительными грамотами, а не только упоминался в них, независимо от «Созерцания» Медведева, который использовал большинство документов в исчезнувших в Заиконоспасском монастыре оригиналах. Правительство после окончания Московского восстания в ноябре 1682 г. предпочитало об Извете не вспоминать, однако списки грамот с Изветом остались. У стрельцов и солдат они были, по-видимому, изъяты вместе с царской Жалованной грамотой 56 июля 1682 г. о победе восстания, когда служилым выдавались иные Жалованные грамоты, снимавшие с них вину за восстание, объявленное всего лишь заговором князей Хованских⁴⁶. А вот у посадских людей грамота с Изветом осталась.

Видный дипломат и администратор времен царей Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны, окольный Иван Афанасьевич Желябужский имел именно экземпляр царской грамоты посадским от 21 сентября 1682 г. Он целиком привел ее в своих Записках, которые создавались с перерывами с 1682 г. до Полтавской баталии 1709 г. Неизвестно, сам ли он завершил Записки⁴⁷, какие в них делались добавления и исправления. Чернового автографа мы не имеем, итоговый текст относится к XVIII в. Всё это вызывало бы сомнения в аутентичности имеющегося у нас текста Записок, если бы мы не могли его проверить по передаче объявительной грамоты 21 сентября и Извета на Хованских.

Название «Дневные записки» дал памятнику его лучший издатель Д. И. Языков⁴⁸,

⁴³В этих документах указаны и этапы борьбы правительства Софьи с Московским восстанием 1682 г. с помощью созданного им мифа о «заговоре Хованских» детально рассмотрены: *Богданов А. П.* Рождение Хованщины // Историческое обозрение. М., 2022 (в печати).

⁴⁴Архив ЛОИИ (ныне Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН). Русская секция. Ф. 249. Коллекция Московских актов. Д. 76. Современная копия. Оpubл. без Извета и дьячьей приписи: Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. № 102. С. 149–150.

⁴⁵Об этом говорят нам разрядные записи за 20 августа – 3 октября: Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. № 63. С. 86 и сл.

⁴⁶Ср. июньские и ноябрьские жалованные грамоты, а также «статьи» о прощении восставших от 3 октября: Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. № 21. С. 40–46; № 63. С. 100–107; Россия при царевне Софье и Петре I. С. 175–180.

⁴⁷Есть мнение, что Иван Афанасьевич скончался до середины 1680-х, а Записки завершил его родственник Семен Васильевич Желябужский: *Захаров А. В.* «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 36.

⁴⁸[*Языков Д. И.*] Дневные записки И. А. Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840. Текст был переиздан трижды. 1) в 1910 г. П. И.

хотя сочинение Желябужского – вовсе не дневник. Это повременные записи общерусского, московского и немного личного характера, каких мы встречаем в это время немало. Толчком к творчеству на закате карьеры стало для Ивана Афанасьевича Московское восстание 1682 г. За период регентства Софьи (1682–1689) остались необработанные и не периодичные (с пропуском, например, 1683 г.) записи о множестве самых разнообразных событий. Очень подробные и чисто вкусовые записи идут с 1684 г., позже текст переходит в более-менее связное историческое повествование до 1709 г. Мы установили, что первые записи, за весну 1682 г., делались летом–осенью 1682 г., быть может, в самом начале 1683 г.⁴⁹ Царскую грамоту москвичам от 21 сентября Желябужский мог переписать и позже, но до осени 1683 г., когда отбыл, по рассказу Записок, на воеводство в Чернигов.

Важно, что в Записках Желябужского полностью и весьма точно приведена не только грамота, но и приложенный к ней Извет. В конце мы читаем о той же приписи Шакловитого, которую опустил Медведев и передал составитель Беляевского летописца: «Позади подлинной грамоты и списка помета думного дьяка Федора Шакловитого»⁵⁰.

Итак, в этой существенной части текст Извета по Летописцу 1696 г. передан полнее, чем в «Созерцании кратком», которое считается классическим его источником. Записав составителю Летописца этот большой плюс и сравнив в нашей публикации весь текст Извета с Записками Желябужского, мы должны признать, что авторитет Сильвестра Медведева как издателя документов вполне оправдан. Один из

первых русских историков и археографов передает Извет намного точнее Летописца и чуть лучше, чем его вполне качественный текст в Записках Желябужского.

Это замечательно, поскольку множество важнейших документов 1682/83 г. сохранилось только в тексте «Созерцания», и сомнения в аутентичности их текстов поставили бы историков в нелегкое положение. В данном случае Сильвестра нельзя упрекнуть даже за отсутствие приписи Шакловитого. Именно его припись, а не его старшего по возрасту и выслуге товарища, думного дьяка В. Г. Семенова, должна была быть на каждой царской объявительной грамоте, который до 3 октября 1682 г. в походе с царями отсутствовал⁵¹, должна была стоять на объявительной грамоте 21 сентября, где мы ее и видим. Но – никак не на самом Извете, который ни в оригинале, ни в его обязательном приказном списке, не найден. Скорее всего, именно служивший основным документом и обязанный храниться в приказе разрядный список был использован Медведевым и исчез с другими переданными ему Шакловитым приказными бумагами⁵². Небольшая разница в тексте Извета

⁵¹ О писании Шакловитого вторым в Разряде после думного дьяка В. Г. Семенова только с 3 октября: Восстание. № 63, 139, 142, 162. С. 99, 182, 184, 211.

⁵² Список Извета должен был сохраниться в текущих записях Разрядного приказа за конец августа – начало октября 1682 г. Действительно, в столбце есть запись о поступлении Извета: «Да в нынешнем во 191-м году сентября в 2-м числе во время бытия их, великих государей, в их государском походе в селе Коломенском, объявилось на их, великих государей, дворе у передних ворот на них, князь Ивана и князь Андрея, изветное письмо, а в письме пишет». Далее должен быть помещен текст Извета, но его нет: сстав столбца кончился, а на следующем уже описывается арест и казнь Хованских: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказный стол. Стлб. 609. Л. 21. Столбец должен был содержать и приговор Хованским, известный нам сегодня только по «Созерцанию» Медведева. Приговор, говорится в конце л. 23, «князь Ивану и князь Андрею Хоанским розрядной думной диака Федор Левонтьевич Шакловитой сказывал таков». Далее должен был следовать текст приговора, но сставов с ним нет, а на современном л. 24 говорится уже о совершении казни. Очевидно, что столбец утратил эти два важных текста. Он не только не полон, но толком и не скреплен. Скрепка по склейкам

Бартеневым: Дневные записки И. А. Желябужского (время Феодора Алексеевича и Петра Великого) с предисловием и примечаниями Д. И. Языкова // Русский архив. М., Синодальная типография. № 9. 1910. С. 5-154; 2) в 1990 г. нами: Россия при царевне Софье и Петре I. С. 201-327; 3) в 1997 г. А. Либерманом и С. Шокаревым: Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 259-358.

⁴⁹ Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники за 1984 г. М., 1984. С. 140-141.

⁵⁰ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 206.

по «Созерцанию» с одной стороны, Беляевским летописцем и Записками Желябужского с другой может объясняться незначительными отличиями Извета по его разрядному списку 2 сентября от списка, сделанного для объявительной грамоты 21 сентября 1682 г., заверенной Шакловитым. При этом Записки Желябужского в тексте Извета не имеют тех отклонений от его списка в «Созерцании», которые отличают Беляевский летописец.

Текстологически установленный нами факт, что составитель Летописца 1696 г. проявил некоторую вольность в передаче текста Извета, не умаляет его достоинств. Автор каждого такого рода памятника и должен был проявлять изрядную свободу в обращении с источниками, иначе он ни за что не получил бы свой краткий текст. При этом, сжато излагая огромный для масштаба Летописца текст Пространного Золотаревского сказания и используя свои слова при записи «Известного письма» о Хованских, он не совершал фактических ошибок. Это – огромное достоинство составителя Летописца 1696 г. сравнительно с редакторами и переписчиками «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца.

Теплая похвала составителя Летописца 1696 г. царю Федору Алексеевичу из крошечной главы 129 о его царствовании восходит к вызвавшей большой интерес современных авторов парсуне почившего государя работы Богдана Салтанова (1685), повешенной царевной Софьей Алексеевной в Архангельском соборе на столпе близ саркофага Федора (ныне в экспозиции ГИМ) и содержавшей в четырех клеймах прекрасный панегирик государю-реформатору⁵³.

В замечании о реформе одежды текст Летописца перекликается с Кратким Московским летописцем, но не только с ним. Предоставляю

думного дьяка Ф. Л. Шакловитого только на л. 10–11 и 12. Среди множества публикаций столбца самая полная и точная: Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. № 63. С. 79–107.

⁵³ ГИМ. Инв. 29175, И – VIII 3760. Наиболее точно опубли.: Богданов А. П. Панегирик царю Федору и Жалованная грамота Московской академии // Каптеревские чтения – 16. Сборник статей. М.–Серпухов, 2018. С. 253–274.

читателю выбрать наиболее близкую связь из нескольких вариантов: 1) Панегирик царю Федору на его парсуне 1685 г.; 2) «Созерцание» Медведева⁵⁴ (около 1686); 3) Краткий Московский летописец второй редакции (Академический список⁵⁵); 4) Патриарший Летописец 1686 г.⁵⁶; 5) Хронографическая редакция Летописца 1619–1691 гг.⁵⁷, передающая протограф 1680-х гг.; 6) «Хронографец» Боголепа Адамова 1688 г.⁵⁸; 7) производное от Латухинской степенной сочинение начала XVIII в.⁵⁹; 8) того же времени петровская летопись, определяемая А. Н. Насоновым как «Свод Скорнякова-Писарева»⁶⁰.

1) «Преубычтонные для народа одежды переменил».

2) «В то же (1681) лето бысть от него, государя, повеление всему сигклиту и всем дворяном и приказным людем, чтобы носити одеяние кафтаны: прежде того носиша длинное платье, охобни и однорядки. И начаша все носити кафтаны и до вего дни. А естли бы тогда кто воспротивился и носил охобень или однорядку, и того, кто бы не буди, не токмо не повеле во свой царской двор ходити, но и во град Кремль не пуцати!»

3) «Того же (1676) году по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича велено переменить платье: охабни и однорядки, а велено носить кафтаны всяких чинов людем по указу».

4) «В 180 году великий государь изволил переменить всякому чину платье – охобни и

⁵⁴ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 67–68.

⁵⁵ БАН. 16.14.24. Л. 526 об. В исходном для Краткого Московского летописца тексте «Летописца выбором» и др. редакциях памятника этой статьи нет.

⁵⁶ ИРЛИ. Древлехранилище. Отд. Пост. Оп. 23. № 257. Л. 972 об.–975. И др. списки.

⁵⁷ РГБ. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. № 726. Л. 843–854 об. Л. 849 об.–850.

⁵⁸ РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1963 г. № 65. Л. 42 об.

⁵⁹ БАН. 17.18.25. Л. 241 об.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 181. № 358. Л. 1170. См. также: ГИМ. Собр. А. С. Уварова № 543. Л. 184 об.–192 и др. редакции памятника, известного по изданию: Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии / Публ. Н. Л. Львова. Ч. I–IV. СПб., 1798–1799. Ч. I–IV.

однорядки, и указал ходить всякому чину в служивом платье, в кафтанах».

5) «В лета 7189-го году октября в 23 день великий государь по своему царскому благоразсудительному милосердому рассмотрению указал своего царского синклиту бояром, и окольничим, и думным, и ближним, и служилым, и приказным людям на Москве и в городех носить служилое платье. А прежние старобытные городовые одежды, охобни и однорядки, отставить для того, что те были одежды долги, прилично женскому платью, и к служилому и дорожному времени было непотребно, да и многоубыточно»⁶¹.

6) «Платье народу российскому повеле носить от татар отменное, по своему российскому определенному званию».

7) «Сей царь Федор Алексеевич перевел стародавнее руское платье, охобни и протче(е), и велел носить мужикам кафтан, а женам шубу, и телогрей, и треухи, а не шапки».

8) «Сей царь Федор Алексеевич переменял древнее российское платье, охобнии и протчье, и велел носить мужчинам кафтаны, а женщинам шубы и телогрейки, и треухи, а не шапки».

Наконец, текст Беляевского летописца звучит следующим образом:

9) «В лето 7189 (1680) октября в 22 день великий государь Федор Алексеевич указал бояром, окольничим, думным, служилым людям

⁶¹ В пространной редакции Летописца 1619–1691 гг., появившейся в 1690 г., этот текст, основанный на общем протографе с другими редакциями, изложен по-иному: «Того де году (7189) повелением царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Росии самодержца Московского государства всяких чинов российским людям старинного платия однорядок и ферезей никому носить не указано; то платие оставлено, а велено платие всем носить служилое, какое кому Бог прилучил, яко де и ныне есть». ПСРЛ. Т. 31. С. 186. В сокращенной редакции Летописца 1619–1691 гг. то же сказано с особыми деталями: «Того жь году повелением царя и великого князя Феодора Алексиевича всея России Московского государства всяких чинов российским людям старого платья однорядок, ферезей никому носить не велено, // (л. 101) а велено платью носить всем служилое: исподнее с поясом, а верхнее без поясов, оу кого какое есть» (РГБ. Ф. 199. Никифоровское собр. № 69. Л. 100 об.–101).

и всякому чину древнюю одежду, однорядки и охобни, не носити, а указал носить всякому чину служивое платье: кафтаны не на подъем».

Думается, что составитель Белевского летописца и в данном случае был вполне самостоятельным, записав собственное впечатление от указа царя-реформатора. Однако легко заметить, что в изложении этой статьи *все* современники и ближайшие потомки, даже в редакциях одного памятника, непременно высказывали собственные взгляды на содержание, смысл и значение события.

В рассказах о Московском восстании 1682 г. и бунте староверов чувствуется знакомство с официальными источниками, появившимися уже к осени того года: государевой окружной грамотой от 6 сентября о сборе дворянского ополчения против восставших с подробным рассказом, в том числе о бунте староверов⁶², опубликованным к 5 июля патриаршим «Словом на Никиту Пустосвята»⁶³ и изданным 20 сентября от имени патриарха Иоакима «Уветом духовным» архиепископа Афанасия Холмогорского⁶⁴, – но непосредственно в тексте они не использованы⁶⁵.

Составитель Летописца 1696 г. либо серьезно переосмысливал известные ему источники, либо в описании царствования Ивана и Петра с самого его начала работал с неким

⁶² Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. № 69. С. 113–117. Бунт этот описан и в приговоре Хованским, но нет данных о его полном объявлении в столице и стране: Там же. № 86. С. 130–133.

⁶³ Слово на Никиту Пустосвята. М., Печатный двор, [1682]. 30 л. Эти «печатные тетради» рассылались по епархиям с требованием сделать их списки для каждой приходской церкви. – Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. № 51. С. 72.

⁶⁴ Тираж 1200 экз. изданного Печатным двором «Увета» усиленно рассылался по епархиям. См.: Панич Т. В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского: структура и идейная проблематика книги // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014. С. 124–130.

⁶⁵ Из летописцев рассказ о бунте староверов ближе всего к тексту Исидора Сназина в Мазуринском летописце (ПСРЛ. Т. 31. С. 177) и составителя Хронографической редакции Летописца 1619–1691 гг. (РГБ. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. № 726. Л. 851 об.–852 об.), однако без текстуального сходства.

сводным текстом. Высокая степень своеобразия его сочинения почти исключила текстологические параллели с другими памятниками. Например, в рассказе о памятнике победы Московского восстания 1682 г. на Красной площади, источники о строительстве и разрушении которого нами подробно изучены⁶⁶, Летописец 1696 г. имеет в конце текстуальное сходство с патриаршим Летописцем 1686 г., причем более подробен (в сообщении о железных досках) и при этом точен. Летописцы явно имели общий источник. Но стоит прочесть их статьи о Московском восстании 1682 г. целиком, чтобы убедиться, что оба использовали этот источник весьма творчески:

⁶⁶ *Богданов А. П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII в. Изд. 2-е, доп. и испр. М.–Берлин, Директ-Медиа, 2019. 427 с. С. 122-138.

Летописец 1686 г. (все списки ⁶⁷)	Летописец 1696 г., л. 77 об.
<p>Того ж (1682) году мая в 15 день учинилась во всех пехотных [и] стрелецких приказах велие смятение. И пришли в Кремль в стройстве с пушками и со всяким воинским оружием в десятом часу дни и учинили великое безстрашие, яже от века не слыхано: ходили в государские [вар. <i>царские</i>] хоромы безо всякаго опасения и страха, и во святя Божия церкви с копыи и [з] бердыши, и побили многих бояр и думных людей странным наругательством, и многое время мялись.</p> <p>Да они же, стрелцы, <i>на Красной площади близ Спасского мосту зделали столп каменной, а на нем подписали, хто за что побиты. И бысть тому столпу разрушение с поруганием, а себе учинили вечную укоризну и поругательство.</i></p>	<p>Того ж де 190 (1682) году мая в 15 день в царствующем граде Москве во всех стрелецких полках пехота возмутися. И приидоша во град Кремль в 11-м часу дни с великим свирепством ратным собранием, с копиии и с бердыши; И с великим безстрашием дерзнуша ходити в верховыя церкви и царских чертогов в комнаты с копиии и с бердыши. И бояр и думных людей, таская с Верху, на копия метали, и влекуще на Красную площадь копиии кололи, и секоша на части.</p> <p>И как бояр и ближних людей побили, и <i>на Красной площади близ Спасского моста соделаша каменный столп четверугольный, и на железных досках побитых имена и вины их, за что кто убиен, написаха. Последи же той столп с великим безчестием указали великие государи им же пехоте разорити. И бысть столпу тому разрушение, а им, пехоте, вечное укорение.</i></p>

⁶⁷ РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД № 20/25. Л. 826 об.; ИРЛИ. Дрeвлехранилище. Отд. пост. Оп. 23. № 257. Л. 975–975 об.; ГИМ. Синодальное собр. № 153. Л. 221–221 об.; РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева № 364. Л. 261 об.; РНБ. Ф. XVII.16. Л. 553–553 об.

Не менее важным представляется заключение, что 1682 г. официальные версии, оказавшие влияние на текст Летописца 1696 г., соответствуют первым, актуальным во время событий объявления властей, а не позднейшим их изменениям. Например, делавшиеся правительством сообщения о поджоге степи татарами во время Крымского похода 1687 г. были при возвращении войска заменены обвинениями в адрес гетмана Самойловича. В Летописце 1696 г. мы не видим вины Самойловича, там сказано, что «отьяша татарове путь, выжгли степь. И великих государей воинским людем под Перекоп ити за пожегом степи учинилася великая трудность, и боярин со всею силою возвратися вспять и прииде к Москве» (л. 79 об.).

Замечательные успехи Крымского похода 1689 г. ярко расписывались в грамотах В. В. Голицына и Софьи Алексеевны, но вскоре после завершения летней кампании князь оказался чуть ли не изменником, а его поход был объявлен поражением⁶⁸. Летописец 1696 г. использует версию Голицына, упоминая и вторую (когда князь, к великой радости крымчаков, приказал отступить от Перекопа «не вемы, чесо ради, и кои были по пути городки крымские и турецкие, и их боярин не велел ничим вредити», л. 80 об.). Перед этим он хвалит, по грамоте Голицына, строительство Новобогородского городка, базы наступления армии князя на Крым (л. 80).

Из семейных царских событий летописец упоминает только брак Петра с царицей Евдокией Федоровной Лопухиной (от которой еще до окончания Летописца Петр не знал, как избавиться – это был известный скандал) и рождение несчастного царевича Алексея Петровича. Брак царя Ивана с первой красавицей двора Прасковьей Федоровной

Салтыковой (1684) в тексте отсутствует, как и рождение пяти их дочерей. Это не удивительно для столь краткого летописца, но наводит на мысль о большем внимании составителя к царю Петру. Не даром он потом напишет и о смерти его матери.

Единственная запись о занятых для многих пишущих современников казнях – статья о главоотсечении Ф. Л. Шакловитого и ссылке «боярина князя Василея Васильевича Голицына (так! – несмотря на лишение его чести по приговору. – А. Б.) с женою и детьми». Человек, составивший Беляевский летописец, явно жил прошлым, мысленно оставаясь в 1680-х гг. И несомненно, что он имел некий архив сведений, собиравшихся им много лет, вполне возможно, в форме повременных записей.

Составитель Летописца 1696 г. был весьма осведомленным в столичных событиях: знал, где, кто и что строил, когда и где в точности на Москве горело, особенно в конце 1680-х гг. До статьи о поставлении патриарха Адриана 24 августа 1690 г. текст явно написан одним человеком, употреблявшим необычное в летописании этого времени выражение «того же де года». Это еще не говорит о том, что две завершающие статьи, 1694 и 1696 гг., добавлены другим человеком: в них и не могло быть указаний на тот же год.

Но последние две статьи вписаны с большим хронологическим отрывом от других и друг от друга. Они вполне могут представлять собой позднейшие, сравнительно с завершенным в 1690 г. основным текстом, приписки середины 1690-х. И посвящены они исключительно кончине разных лиц: не свидетельствует ли это о преклонном возрасте составителя? В конце концов, он сохранил яркие воспоминания еще об эпидемии 1654 г. В таком случае со смертью царя Ивана Алексеевича для него кончалась целая эпоха, а завершение произведения описанием погребения этого государя в Архангельском соборе «с благочестивыми цари купно» вызывает сочувствие. Похожей прочувствованной записью, но уже о кончине

⁶⁸ Богданов А. П. 1) Идеи русской публицистики: между царством и империей. М.–Берлин, 2018. С. 170–185; 2) Общественное мнение и внешняя политика России при царе Федоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М., 2007. С. 221–248.

царя Петра Алексеевича, завершил свои летописные труды его младший современник, начавший писать в конце 1680-х гг. Боголеп Адамов, незадолго перед тем, как уйти в мир иной вслед за государем⁶⁹.

После текста в Летописец 1696 г. сделана весьма поздняя приписка: «Лета 7239-го (1731, вместо верного 1725) году месяца ианнуария в 28 день преставися благочестивейший Петр Великий император самодержец Всероссийский, по полуночи в пятом часу ночи в четвертой четверти. Царствовал 42 лета и осмь месяцев».

Далее, на л. 82–82 об., помещены две дополнительные статьи, видимо, сопровождавшие список Летописца: 1) л. 82 «Написание Кремля града на Спаских вратех руское письмо извнутри града», – популярная в исторической книжности последней четверти XVII в. статья о создании в 6999 (1491) г. «сей стрельницы» «Петром Антоние(м) от града Медиолана» повелением Ивана III Васильевича «в 30-е лето государства его»; продолжение этой статьи, «На тех же вратех с загородную стену написание по латине», что башню возвел «Антоний Санорий медиоланенин», «а переводил тое латинскую подпись Посолского приказу переводчик Николай Спафарий»; 2) л. 82 об. «В ризнице святых соборных апостольских церквей», описание паникадила, подаренного в Успенский собор боярином Борисом Ивановичем Морозовым, при этом указано, что всего в ризнице утвари и казны на 640.000 руб., а подаренный Никоном колокол весит 8.000 пудов.

Список Летописца 1696 г. выполнен весьма тщательно, с выделением заголовков, которые, видимо, были написаны киноварью; номера глав и подзаголовки статей, как часто бывало в рукописях XVII в., проставлены на полях. Выполняя невысказанную волю знаменитого археографа, мы должны были

⁶⁹ Богданов А. П. Келейный сборник епископа Великоустюжского и Тотемского Боголепа Адамова // Исторический журнал: научные исследования. № 2. 2021. С. 130-147.

опубликовать текст Летописца 1696 г. по этой рукописи, присоединив к названию памятника имя Беляева. Летописец научно издается впервые⁷⁰.

В писарской копии главы с их номерами и краткие заглавия статей написаны на полях. Всё написанное на полях мы выделяем курсивом. Заглавия в тексте и номера глав на полях выделены подчеркиванием, должным обозначать киноварь. Мы передаем киноварь полужирным шрифтом.

Глава 126

О преставлении иноки Марфы. О пожаре. О рождении царевича.

О походе Шеина под Смоленск.

О преставлении иноки Марфы. В лето 7139⁷¹ (1631) преставися у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Росии самодержца мать, а наша государыня, великая старица инока Марфа // (л. 69 об.) Иоанновна.

О пожаре. В лето 7141 (1633) выгоре Китай город, дворы и лавки.

О рождении царевича. В лето 7141 (1633) родися государь царевич Иоанн Михайлович⁷².

⁷⁰ Популярное издание текста с сокращениями и пояснениями для любителей истории мы сделали в прошлом столетии: Россия при царевне Софье и Петре I. С. 15-16, 27-44.

⁷¹ Обычно в летописцах того времени цифра года сопровождалась выносным «г»: 7139-го, – или выносной аббревиатурой «гд» – «7139 году». Реже мы видим обозначения «В лето 7139-е» со строчным или выносным «е». Писец Беляевской копии лишь раз передал такое написание («В лето 7184-е»), но несколько раз добавил «году» («В лето 7204 году» и др.), и один раз «го» («180-го»), видимо, когда буквы были в строке. Не исключено, что он не понимал смысла «лишних» у номера «лета» выносных букв.

⁷² Первые три статьи Летописца (кончина Марфы, пожар в Китай городе и рождение царевича Ивана) сокращены из пространной редакции «Летописца выбором» по Архивному (А), Благовещенскому (Б), Симонову (С) и Ярославскому (Я) спискам. Оубл.: Богданов А. П. 1) «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам. С. 226-253; 2) «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам. С.

О походе Шеина под Смоленск. Того же лета боярин Михаил Шеин ходи под Смоленск и бе тамо полтора года⁷³.

В лето 7147 (1639) был хлеба недород, и была четверть московская по 2 (рубля⁷⁴) с лишком.

Глава 127

О смерти государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея России⁷⁵ самодержца и о венчании царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца. О святейшем Никоне патриархе. О Смоленской службе. О моровом поветрии. О медных денгах и о Конотопской службе.

В лето 7154 (1645) преставися государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России самодержец. И того же числа воцарися на Московское государство сын его государев, благоверный государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович, и венчася царским венцем 155-го (1646) году сентября в 28 день Иоасафом патриархом.

О смуте на бояр. В лето 7158 (1649/50) бысть в Московском государстве смута на бояр⁷⁶.

О святейшем Никоне патриархе. В лето 7160 (1652) Великого Новаграда и Великих Лук преосвященный Никон митрополит, егда // (л. 70) принесе мощи из Соловецкого монастыря Филиппа митрополита в царствующий град Москву. И благочестивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович святыя мощи со архиереи, и со властьюми, и со множеством народа встрече за Земляным градом; преосвященнейшему же Никону митрополиту за труды воздаде велию честь и моли его восприяти превысочайший степень архиерейства.

И по дару Духа Святаго и повелению великого государя, посвяти его ростовский архиерей патриархом. И бысть архипастырь бодрый, по святей Божией церкви крепкий поборатель. Пас церковь Божию 6 лет, и имя его славно бе.

Таже приидоша на него многая озлобления, и бысть в заточении в Кирилове монастыре до царства великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, иже движим Духом Святым, посла свои царския колесницы и повеле его из заточения с честью взяти.

И не дошед до царствующего града Москвы, во граде Ярославле на реке Которосли изнеможе, и причастися святым Божиим тайн, ту на реце и преставися в лето 7189 (1681). Тело же его привезоша в новосозданный им Воскресенской монастырь.

Близ же монастыря того великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич со всем своим государским домом, // (л. 70 об.) с бояры и со множеством народа стрете на поли, и положи тело его своими царскими руками в мраморный гроб. И тако понесоша в монастырь, царю же шествующу по нем, и от свешнаго горения и от фи(ми)амного каждения свету помрачившуся. И принесше в монастырь, погребоша его честне в созданном от него храме Иоанна Предтеча под Галгофою.

О Смоленской службе. В лето 7162 (1654) государь царь и великий князь Алексей Михайлович ходи под Смоленск (так. – А.Б.)

208-237; 3) Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в.

⁷³ Статья о походе Шеина отсутствует в основном тексте «Летописца выбором», но маленькая повесть о нем входила в продолжение Нового летописца в сборнике с Архивным списком ЛВ. – РГАДА. Ф. 188. Рукописное собр. РГАДА. Оп. 1. № 2. Л. 173–173 об. Возможно, первые четыре статьи главы 126 взяты из особой редакции Нового летописца.

⁷⁴ Пропущено, рубля или алтына. Видимо, рубля (четверть – 6 пудов), но уточнить трудно: сообщение о недороде 7147 г. уникально. Ср. ниже под под 7162 г.: «рубль серебряных купили в 15, и в 17, и в 20» медных, четверть по 20 «медных денег», очевидно, рублей.

⁷⁵ Так в тексте, выше: *Росии*.

⁷⁶ На самом деле Соляной бунт в Москве начался летом 7156 г. и продолжился после 1 сентября 7157 г. «Смута» в 7158 г. продолжалась в Пскове. См. статью об этом ниже, под 7157 г., вставленную после статьи 7162–7171 гг.

войною. И Бог ему поручи Смоленск и Вильню с прилежащими литовскими грады во 163 (1654/55) году.

О моровом поветрии. Того ж де лета, наказуя нас Господь милосердием своим за многое наше прегрешение, посла свой праведный скоропостизательный серп: бысть в царствующем граде моровое поветрие велие. Являхуся на людех язвы, прыщи великия, и гнияху, и от язвы умираху. Святыя Божия церкви в царствующем граде Москве и самая церковь соборная Богоматере многое время без службы. Государю же тогда воевавшу польскаго и литовскаго короля с великою победою. Гнев же Божий от царствующего града распрострися и во инья грады Российския державы. И множество людей безчисленно тою язвою помроша, и исчислити невозможно, токмо весть един Господь Бог // (л. 71) число их; а мнози сподобихася монашескаго чина.

О медных денгах. В лето 7162 (1654) по государеву указу ради служивых людей деланы денги медные. И от тех медных денег в Московском государстве великое воровство учинилося, и те медные денги не дороги стали, рубль серебряных купили в 15, и в 17, и в 20 (рублей⁷⁷). И неустроение в Московском государстве стало быть великое от тех медных денег, и дороговъ хлебная: ржи четверть купили в 20 (рублей) и больши, и бедных и маломощных нужда бе большая. И видя неустроение, великий государь указал и бояре приговорили медными денгами не торговати. И откликали их во 171 (1663) году июня в 15 день, а денги медные указал государь приносить в свою государеву казну. А за рубль медных указал государь брати по 10 (копеек)⁷⁸ серебряных, а сроку в том дано бе на неделю. А будет кто принесет денги после сроку, и те денги указал государь брать без мены. И как теми денгами торговать перестали, и бысть

ржи четверть по четыре гривны⁷⁹, также и всякие товары подешевели.

О смуте во Пскове. Во 157 (1648/49) году грех ради наших бысть во граде Пскове велия смуты во псковичех, междуособие и кровопролитие многое.

О измене черкас и о убийстве Пожарского и Львова. Во 167 (1659) году изменил великому государю гетман Ивашко Выговской и все черкасы // (л. 71 об.) отложились. И привел татством под град Конотоп крымского хана со всею ордою и со иными многими наемными ордами. И на речке Сосновке великого государя воевод, околничего князь Семена Романовича Пожарского да окольничего князь Семена Петровича Львова с товарищи и многих воинских людей посекоша. А боярин и воевода князь Алексей Никитич Трубецкой со остатными воинскими людьми отходом отшел в Путивль с великою трудностю.

О вселенских патриарсах. Во 175-м (1666) году ноября в 1 день приидоша вселенстии патриарси Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский.

Глава 128

О воре и изменнике Стенке Разине^{80*}.

В 7175 (1667) году маиа в 7 день пришед с Дону к Волге реке, на Камышенке переволокъся, вор и изменник Стенка Разин с донскими казаками. И кои насады и струги во Астрахань плыли, все пограбил против урочища Шишкина бугра. И на насаде святейшего патриарха приказного дворянина Алексея Золотарева с товарищи повесил на шегле. Да с ними же повесил гостя Васильева прикащика Шорина Федора Черемисинова. Пограбя насады, снасти и струги велел побрать, // (л. 72) чтоб впредь его на Низ и

⁷⁹ Т. е. 30 копеек.

⁸⁰ В основе этой главы лежит Пространный Летописец астраханского сына боярского П. А. Золотарева (ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 206-233), в сильном, но точном сокращении.

⁷⁷ Обозначение денежных единиц в этой статье вновь отсутствует.

⁷⁸ Копеек потому, что иначе соотношение серебра к меди 1 к 10 получается обратным.

Вверх утеклецов не было. Пограбя же весь караван, поплыл на Низ Волгою к Царицыну.

И приплыв под Царицын стал на Сарпинском острове пограблены животы делить, а Царицын осадил. Во граде же воевода Андрей Унковской ничто ему, вору, не учини. И осадя город, поплыл на Низ, а караван весь за ним плыл, напредь бо себе плыть никому не дал. И не доплыв Астрахани за 30 верст, проехал в Бузан мимо Красноярского города.

И из Астрахани противу его, вора, выслали голов стрелецких Богдана Северова с товарищи и с приказы⁸¹. И они его, вора Стенку, съехали в Яике реке и учинили с ним бой. И Божиим изволением вор Стенка государевых людей: голов, стрелцов и солдат, – побил, и многих живых поимал. И взяв Яицкой город, жителей и служивых людей, иже с ним не похотели воровать, велел порубить. А иные немногие служивые люди ушли в стругах на море ночью, а иные пеши степью, и многие с глаза померли, а инии от татар и от калмыков в плен взяты.

И во 176 (1668) году вор и изменник Стенка Разин весною уехал за море в Кызылбашскую землю⁸². И подле моря многие кызылбашские грады и села поплени и пожже, и велию // (л. 72 об.) пакость учини. И будучи за морем кызылбашской хан с сыном своим, нарядя многие суды на море с ратными людьми, и с ним, вором, учинил бой великий. И вор побил кызылбашских многих людей, и ханова сына взял жива. Побили же много и их, воров. И с моря пошел Волгою под Астрахань.

И во 177 (1668/69) году вор Стенка с товарищи по указу великого государя призван в Астрахань при боярине князе Иоанне Семеновиче Прозоровском. И вины свои великому государю принесли, и из Астрахани они, воры, отпущены по прежнему на Дон.

И во 178 (1670) году апреля в 13 день вор и изменник Стенка Разин, перезимовав на

Дону и с Дону перешед к Волге реке, около Царицына города многия улусы порубил и град Царицын обманом взял. И воеводу Петра Тургенева и иных многих служивых людей, иже не похотели с ним воровать, всех побил. И будучи в Царицыне, кои сверху плыли насады и струги торговых людей ограбил, и многих людей побил. И голову московских стрелцов Ивана Лопатина с приказом под градом побил, и всякую государеву казну пограбил, пушки и ружье, а остальных стрелцов поневолил ити с собою к Астрахани на приступ.

И доиде первая весть в // (л. 73) Астрахань к боярину о взятии Царицына от татар. Боярин же нача осадю крепиться. И июня в 19 день богоотступник Стенка с товарищи, по ссылке астраханских жителей изменников же Андрюшки Лебедева да Сенки Куретникова и иных, проехав в Болду реку, из Болды в протоку в Черепаху, а Черепахую в протоку Кривушу создади Астрахани от поля, и град осади накрепко. А вода тогда живет большая. И готовляхуся воры к приступу.

Преосвященный же Иосиф митрополит, посоветовав с боярином, повеле из своего огорода прокопати из прудов воду и спустить на сончак кругом Белаго града, и бе вода около града велика. Из Астрахани же к нему, вору, ушли двое нищих, Тимошка Безногой с товарищем. Вор же увеща их, чтобы они Белой град в приступное время зажгли. И их кызылбашские люди поймали и привели в город в приказную полату. Боярин же повеле их пытать накрепко. Они же, воры, в том повинися, и боярин повеле их казнити смертию.

И июня против 22 числа боярин князь Иоанн Семенович Прозоровской с товарищи приидоша ко преосвященному митрополиту Иосифу. И испросив от него благословения ити на бой противу вора, и убрався // (л. 73 об.) по чину воинскому, поиде в Белый град к Вознесенским вратам, где их быти воровскому приступу, ничтоже бояся или сумняся, яко добр воин Христов. Тоя же ноци вор и богоотступник Стенька Разин с товарищи приидоша к Вознесенским вратам к стенам

⁸¹ Приказами в это время именовались стрелецкие полки.

⁸² В Персию, включавшую и современный Азербайджан.

градским с лесницы. Астраханские же жители изменники начаша воров на градскую стену приимати, токмо из башен и из подошевного бою пушкари из пушек бияху. Егда же внидоша во град богоотступники, начаша во граде всяких служивых людей сещи. Добляго же воина боярина князя Иоанна Семеновича раниша, прободоша чрево; и едва унесоша его во град Кремль. Преосвященный же Иосиф митрополит, виде его конечно изнемогающа, повеле его причастити божественных тайн со исповеданием. Свитающу же дню, приидоша воры к Пречистенским вратом. И у врат калитку высекше, внидоша во град Кремль. И боярина, дьяков, голов стрелецких, дворян, детей боярских, сотников, подьячих и всех прилучившихся ту чиновных людей, связавше руце и нозе, аки злодеев посадиша под роскат⁸³.

Потом вор и богоотступник Стенка Разин с товарищи и со астраханскими изменники боярина князя Иоанна Семеновича повеле // (л. 74) вести на роскат и с роскату ринути его на землю на зимней восток. И ринуша его иуныя в 22 день в начале третияго часа дне. Дьяков же Романа Табунцова, Евстратиа Фролова, стрелецкого голову Алексея Соловцова, и астраханских голов, и приезжих дворян, сотников, подьячих и всяких чинов людей пред соборною церковию между роскатом всех посекоша. И обагрися земля христианскою кровию, тече бо кровь от соборныя церкви до приказныя полаты. Тело же боярина и прочих с ним побиенных злый пес Стенка повеле отдати в Троицкой монастырь в братскую ископанную могилу. А болшаго сына боярского князь Бориса повеси за ноги на градской стене. Потом повеле и меншаго сына его повесити за ноги же подле брата. И висеша страдальцы от седьмаго часа дне чрез всю ночь. На утрие же о шестом часе дни повеле сняти князь Бориса большаго и кинути с роскату. Меншаго же князь Бориса

отнести повеле матери, вместо же их повеси ханова сына, его же взял за морем.

По взятии же Астрахани и по убиении боярина и прочих, проклятый еретик и богоотступник Стенка Разин со злыми ворами с донскими казаками и со астраханскими изменники поплыл в верх Волгою к Синбирску. И грады, иже // (л. 74 об.) по Волге, вси великому государю измениша и предашася ему, вору. Во всех же тех градах воеводы и начальные люди быша побиты.

В Астрахани же Стенка вор остави воров атаманов Васку Уса да Федку Шелудяка. И августа в 3 день, как он, вор, поплыл вверх, и астраханския жители изменники учинили другое смятение в своем бесоудном кругу: астраханских подьячих и иных, иже их обращаху ко истинне, всех посекоша. Потом окаянный възъяришася на преосвященнаго Иосифа митрополита. Приидоша они, воры, в соборную церковь во время проскомидии⁸⁴ и зваху митрополита с великим неистовством в свой бесовской круг. Архиерей же, облачася во одежду священную, повеле благовестити для позыву приходских священников. И собрався с протопопом, с соборными и с приходскими священники, прииде к ним в бесособранной круг, и нача атамана их Васку Уса с товарищи о их неистовстве обличати, и к покорению великого государя призывати, и чтобы им от кровопролития престати.

Окаянный же и слышати сего не хотяху, и архиереа всякими укоризны укоряху и безчествоваху. И воскричаша воры и богоотступники нелепыми гласы, чтобы с него, архиереа, священную одежду сняти и // (л. 75) предати бы его градскому суду. От них же, воровских казаков, выступя един именем Мирон, и нача им, ворами, говорити, чтобы им на такой великий сан рук своих скверных не возлагати. И они его за сие убиша. И повелеша протопопу и священником со архиереа священную одежду снимати неволею. И

⁸³ В подвал башни.

⁸⁴ Начальной части литургии, на которой совершается пресуществление Святых даров.

обнаживше его, поведоша пытати. И архиерейское тело поставиша наго, и связавше руке и нозе, мучиша его зле на огне. Он же ответа не даде им, токмо творяше молитву Иисусову. И по мучительных ранах возведоша его на роскат, и с роската ринуша его долу противу соборные церкви. И они, воры, о убиении архиерейском устрашишася вельми и трепетни быша, яко вне ума безгласны на мног час. Тело же его мученическое архиерейское протопоп со всем освященным собором взяша и внесоша в соборную церковь. И певше над ним болшую панихиду, и положиша тело его мученическое во уготованнем его гробе, ископаннем под олтарем Афанасия и Кирилла.

Той же вор, богоотступник и изменник Стенка Разин Божиим попушением грех ради наших Московскаго государства многим градом велию беду содела и много кровопролитие сотвори. И более о нем, воре, трудно писати. // (л. 75 об.)

Потом той вор и изменник пойман бысть, и привезен в царствующий град Москву, и по указу великаго государя на Красной площади казнен смертию, четвертован.

Во 179 (1671) году июня месяца послан воевода боярин Иван Богданович Милославской с товарищи и со многими ратными людьми водным путем под Астрахань. И пришед в августе месяце, ста за три версты от Астрахани на луговой стороне на усть Болды реки, и содела земляной град. И к ним, ворами, во Астрахань посылаше почасту уговаривати, чтоб они, воры, астраханские жители, великому государю вины свои принесли и во всем бы добились челом. Воры же ни мало тому внимаху.

Приспевшу же близ зиме, Божию милостию, пречистые Богородицы молитвами, и российских чудотворцев заступлением, и великаго государя щастием, по частым от боярина посылкам во град, воры и крестопреступники, астраханские жители и донские, пришли во истинну. И совещають великому государю вины свои принести и во всем добити челом. И посылают к боярину в

полки с повинною, чтобы он шел во град Астрахань и принял град и людей всех.

Боярин же и воевода Иван Богданович Милославской да диак Иван Чернеев, // (л. 76) головы стрелецкие и всякие ратные люди сотворяют пред иконою пресвятые Богородицы Живоноснаго источника со слезами многими молебное пение о предании (в их руки. – А.Б.) града и о обращении оных злотворцев. И по молебном пении на утрие боярин повеле чрез Кутумову реку соделати на стругах мост, чтобы ко граду прийти со иконою Богоматере со всем воинством пешим.

И 180-го (1671) ноября в 27 день уготовлену мосту, боярин и воевода Иван Богданович Милославской поиде со священники, со иконою Богоматере и вооружался со всеми полками с ратными людьми во град Астрахань, от великия радости слезы испущающе, яко господь Бог умилосердился и без кровопролития град предаде. И шед со всеми от Болды реки пеш ко граду с молебным пением. Астраханстии же жители, узреша икону Богоматере, яко дивии человецы от сна возбудишася, падоша вси на землю, со слезами молящися, яко господь Бог и пресвятая Богородица ко истине и к покаянию их обратиша и под великаго государя превысочайшую руку (привели. – А.Б.). Боярин же, вшед во град со всеми людьми, повеле головам по стенам града и по вратам сотников и стрельцов поставити. Сам же шед со иконою пресвятые Богородицы в соборную церковь и пе молебная. И в той день во граде // (л. 76 об.) Астрахани бысть в людех радость велия.

Икону же пресвятые Богородицы, повеле боярин списати с нея список. И новосписанную икону пресвятые Богородицы Живоноснаго источника остави боярин во Астрахани в соборной церкви, на память предъбудущим родом. И тако, взяв славный град Астрахань от воров и изменников российских, боярин и воевода Иван Богданович Милославской возвратися в царствующий град Москву.

Глава 129

О смерти царя государя и великого Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и царство благочестивого государя царя и великого князя Феодора Алексиевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца.

В лето 7184-е (1676) иануариа в 30 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, оставя царство земное, преселися в вечныя обители. Царствова 32 лета.

Того ж де лета воцарися сын его, благоверный царевич Феодор Алексиевич. Венчан бысть царем и государем в соборной церкви святейшим // (л. 77) патриархом Иоакимом.

И бысть сей государь кроткий, в делех разсудительный, премудростию и разумом подобный Соломону. При его же царстве повелением его верховые святыя Божии церкви украсишася предивным благолепием, и град Кремль поновися, и на башнях верхи изрядно построишася.

В лето 7189 (1680) октября в 22 день великий государь царь и великий князь Феодор Алексиевич указал бояром, окольничым, думным, служилым людем и всякому чину древнюю одежду – однорядки и охобни – не носить, а указал носить всякому чину служивое платье: кафтаны не на подъем.

В лето 7190 (1682) апреля в 27 день великий государь царь и великий князь Феодор Алексиевич, оставя царство земное, переселися в вечныя обители. Царствова 6 лет.

Глава 130

Царство благочестивых великий государей царей и великих князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев.

И воцаристася братия царевичи Иоанн Алексиевич, Петр Алексиевич. И венчаны быша в соборной церкви Иоакимом

патриархом июня в 25 день // (л. 77 об.) того ж де 190 (1682) году.

О смуте. Того ж де 190 (1682) году мая в 15 день в царствующем граде Москве во всех стрелецких полках пехота возмутися. И приидоша во град Кремль в 11-м часу дни с великим свирепством ратным собранием, с копии и с бердыши. И с великим безстрашием дерзнуша ходити в верховыя церкви и царских чертогов в комнаты с копии и с бердыши. И бояр, и думных людей, таская с Верху, на копия метали, и влекуще на Красную площадь копии кололи, и секоша на части.

И как бояр и ближних людей побили, и на Красной площади близ Спаского моста соделаша каменный столп четвероугольный, и на железных досках побитых имена и вины их, за что кто убиен, написаша. Последи же той столп с великим безчестием указали великие государи им же, пехоте, разорити. И бысть столпу тому разрушение, а им, пехоте, вечное укорение.

О волнении на святую церковь. Тогда же восташа на святую Божию церковь великие волны. Проклятый поп Никитка Суздалец со единомысленники своими ворами расколщики своим диавольским полком приидоша в Кремль, несущи с собою книги, а тайно в пазухах и в карманах камение. И хотеша // (л. 78) святейшего патриарха и архиереев побити. И приидоша в Грановитую полату с великим неистовством и шумом, и нелепые скаредные слова пред великими государи и пред святейшим патриархом на святую церковь, и на царское величество, и на святейшаго патриарха блядивыя своя многия укоризны изблеваша. И по указу великих государей за такое их безчиние и неистовство с великим безчестием из полаты вон изринуша их. И того проклятого Никитку на Красной площади казнили главоотсечением, а единомысленников его раскольников разслаша под крепкия началы.

О известном письме на Хованских⁸⁵. Во 191 (1682) году сентября во 2 день объявилось в селе Коломенском известное письмо сицево⁸⁶:

«Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцам. Извещают московской стрелец да два человека посацких людей на воров и⁸⁷ изменников, на боярина князя Иоанна⁸⁸ Андреевича Хованскова да на сына ево князя Андрея Иоанновича⁸⁹.

На нынешних неделях призывали они⁹⁰ к себе в дом 9⁹¹ человек пехотнаго чина да 5⁹² человек посацких людей, и говорили, чтобы мы помогли⁹³ им достигнути⁹⁴ царства

⁸⁵ Текст Извета на Хованских был известен по его публикации Сильвестром Медведевым в «Созерцании кратком» по списку Оболенского (РГАДА. Ф. 179. Комиссия печатания государственных грамот и договоров при МГАМИД. № 205; остальные списки, появившиеся уже в XVIII в, менее исправны), именно откуда оно взято во все документальные издания. Сравним этот текст с летописным по изданию: Россия при царевне Софье и Петре I. С. 127-128, – обозначив его С. Также сравним Летописец со списком Извета в царской грамоте московским посадским людям от 21 сентября 1682 г., помещенным в Записки И. А. Желябужского в конце 1682 г. или в 1683 г., по наиболее полному изданию этого памятника: [Языков Д. И.] Дневные записки И. А. Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г., – обозначив его Ж.

⁸⁶ В С иное вступление: *И сентевриа месяца в 2 день на него, князь Ивана, в его измене в Коломенском селе на их, великих государей, дворе у передних ворот на воротном щите прилеплено объявилось письмо. Его же взяв, наборные пехоты стольник и полковник Акинфей Данилов им, великим государем, объявил. Писано же сице.* Прембула в Ж звучит так: *А какво изветное письмо в селе Коломенском о злом умысле и о измене князь Ивана и князь Андрея Хованских объявилось, и с того письма послали к вам для ведома под сею нашею, великих государей, грамотою список. Писан в Троицком Сергиеве монастыре лета 191 (1682) сентября в 21 день.*

⁸⁷ С, Ж: на.

⁸⁸ С, Ж: князь Ивана.

⁸⁹ С, Ж: Ивановича.

⁹⁰ С, Ж далее: нас.

⁹¹ С: девяти.

⁹² С.: пяти.

⁹³ С: помогли.

⁹⁴ С: достигнути; Ж: достигнуть.

Московского, и чтобы мы научали свою // (л. 78 об.) братью, чтобы ваш царской корень известь и чтоб прийти⁹⁵ с⁹⁶ болшим собранием изневесть в город, и называет⁹⁷ вас, великих государей, еретическими детми, и убити⁹⁸ вас, государей, обеих⁹⁹, царицу Наталию Кириловну, и царевну Софию Алексеевну, и патриарха, и властей.

А на одной бы царевне князь Андрею женитца, а досталных¹⁰⁰ царевен пострищи¹⁰¹ и разслать в далние монастыри. Да бояр побить: Одоевских трех человек, Черкасских дву человек, Голицыных трех человек, Иоанна Михайловича Милославского, Шереметевых дву¹⁰², и иных многих людей из бояр, из дворян и из гостей за то, что будто они старую веру не любят, а новую заводят.

А как то¹⁰³ дело учинить¹⁰⁴, послать смущать¹⁰⁵ во все Московское государство, по градом и¹⁰⁶ деревням, чтоб в городех посацкие люди побили воевод и приказных людей, а крестьян научать, чтобы они побили¹⁰⁷ бояр своих и холопей боярских.

А как государству замутился¹⁰⁸, и на Москве выбрать¹⁰⁹ на Московское государство¹¹⁰ его, князь Иоанна¹¹¹. А¹¹² патриарха и властей поставить, кого изберут

⁹⁵ Ж: придти.

⁹⁶ С, Ж нет.

⁹⁷ С, Ж правильно: называть.

⁹⁸ Ж: побить.

⁹⁹ С, Ж правильно: обоих. С, Ж далее: и.

¹⁰⁰ С далее: бы.

¹⁰¹ С, Ж: постричь.

¹⁰² Одоевских трех ... Шереметевых дву в С иначе: *Одоевских троих, Черкасских двоих, Голицыных троих, Ивана Михайловича Милославского, Шереметевых двоих.* Ж ближе к С: *Одоевских трех, Черкасских двух, Голицыных трех, Ивана Михайловича Милославского, Шереметевых двух.*

¹⁰³ В С и Ж далее: злое.

¹⁰⁴ В С литературно правильнее: учиня; в Ж: учинят.

¹⁰⁵ С: смучать.

¹⁰⁶ С: городом и по; Ж: и по городам, и по.

¹⁰⁷ С: чтоб побили.

¹⁰⁸ С, Ж: государство замутился.

¹⁰⁹ С, Ж: б выбрали.

¹¹⁰ С, Ж: царство.

¹¹¹ С, Ж: Ивана.

¹¹² Ж: И.

народом, которые б старые книги любили. А¹¹³ целовали нам¹¹⁴ Хованские // (л. 79) крест и образ Николая¹¹⁵ Чюдотворца, и мы им целовали же¹¹⁶ крест, что нам злое дело делать всем¹¹⁷.

А дали они нам всем по 200 рублей¹¹⁸ человеку и обещалися они нам пред тем же образом, что естли они Московское государство¹¹⁹ доступят, и нас, стрелцов, которые в заговоре были, пожаловать в ближние люди, а нас, посацких людей, гостиным имянем и торговать вовеки безошлинно.

А стрельцом велеть¹²⁰ наговаривать: которые будут побиты, тех¹²¹ животы и отчины¹²² продавать, а денги отдавать им, стрельцом, на все приказы.

И мы, три человека, убося Бога, и памятуя крестное целование, и не хотя такое¹²³ дело дерзнути, извещаем вам, великим государем, чтобы вы, государи, здоровья¹²⁴ оберегли.

А¹²⁵ мы, холопи ваши, ныне укрылися, живем в похоронках, и вам, государем, то их злое дело извещаем, забыв смерть свою. А как ваше государское здравие¹²⁶ сохранится¹²⁷, и мы, холопи ваши, вам, великим¹²⁸ государем, объявимся, и вы, государи, нас, холопей своих, за нашу верную службу пожалуете¹²⁹.

А имян нам своих написати невозможно, а примет на нас: у одного на правом плече бородавка черная, а¹³⁰ у другога // (л. 79 об.) на правой ноге поперег берца рубец, посечено¹³¹, а третьего объявим¹³², потому что у него никаких примет¹³³ нет».

А на подписке писано: «Вручить государыне царевне Софии Алексеевне не распечатав»¹³⁴. Припись у известного писма думного дьяка Феодора Шекловитого¹³⁵.

О походе Крымском. Во 195 (1687) году по указу великих государей посланы войною на Крым воеводы, боярин князь Василей Васильевич Голицын с товарищи, со многими силами воинских людей. И не дошли до Перекопи за 70 верст, зане отъяша татарове путь, выжгли степь. И великих государей воинским людем под Перекоп ити за пожегом степи учинилася великая трудность, и боярин со всюю силою возвратися вспять и прииде к Москве.

О Каменном мосту. Того ж де году августа в 1 день в царствующем граде Москве нача строить чрез Москву реку противу Всесвяцких врат Каменной мост великим заводом от простых монахов зовомый Филарет. И совершен той мост во 199 (1690/91) году.

О пожарех. Во 196 (1688) году августа против 8 числа в ночи выгорели в Китае верхние ряды по Ильинской крестец. Того ж де месяца в 28 день загореся на Посольском дворе, и разыдеся пламень, и выгоре половина Китая, а нижния ряды Господь соблюде. И из Китая преиде // (л. 80) пламень за Варварские врата, и выгореша Кулишки все по Яуские

¹¹³ С, Ж: И.

¹¹⁴ С далее: *на том*; Ж менее точно: *на то*.

¹¹⁵ С, Ж: *Николы*.

¹¹⁶ С, Ж: *тот же*.

¹¹⁷ С далее: *вопче*; Ж ошибочно: *вообще*.

¹¹⁸ С, Ж: *двесте рублев денег*.

¹¹⁹ С, Ж правильное: *Московского государства*.

¹²⁰ С неправильно: *велел*.

¹²¹ С, Ж: *и тех*.

¹²² С, Ж: *вотчины*.

¹²³ С, Ж: *на такое злое*.

¹²⁴ С: *свое здравье*. В Ж: *чтоб государское здравье*.

¹²⁵ Ж: А.

¹²⁶ С: *здоровие*; Ж: *здоровье*.

¹²⁷ С, Ж далее: *и все Бог утишит*.

¹²⁸ В С и Ж нет.

¹²⁹ В С вместо: *за нашу верную службу пожалуйте*, – кратко: *пожалуете*. В Ж близко к Летописцу: *за наши верные службы пожалуете*.

¹³⁰ В С нет.

¹³¹ Ж: *посеченый*.

¹³² С, Ж: *объявим мы*.

¹³³ С, Ж: *примет никаких*.

¹³⁴ В С текст кончатся словами: *Подписано: «Вручить государыне царевне Софии Алексеевне не распечатав»*. В Ж: *На подписи написано: «Вручить государыне царевне Софии Алексеевне не распечатав»*. На подписи написано: *«Вручить государыне царевне Софии Алексеевне не распечатав»*.

¹³⁵ В Ж: *Позади подлинной грамоты и списка помета думного дьяка Федора Шакловитого*.

врата, и за Яускими враты Подгорье до Москвы реки, и вверху по Красную гору на Воронцовское поле, по Земляной город по Яузу.

О Новобогородском городке. 196 (1688) году по указу великих государей на крымской степи на реке Самаре на татарской нужной Перекопи состроиша град крепкий и назваша и Новобогородским, а соборная церковь в нем Живоносный источник. И наполниша его ратными людьми, снарядом и всякими запасы.

О пожаре. 197 (1688) сентября 7 числа в ноци в Кремле под горою от Константиновские башни в углу погореша дворы всяких чинов людей. Того ж году октября против 2-го числа в 3-м часу ноци загореся за Ильинскими враты на Покровке, и погоре Покровка по обе стороны и Мясницкая улица, Стретенка и Рожественка от Пушечного двора по Белой город, и за Белой город, и за Стретенскими враты в Земляном городе по Неглинну, и за Земляным городом Новомещанская слобода по обе стороны по крест.

О браке государском. Того ж де году ианнуария против 28 числа великий государь царь и великий князь Петр Алексиевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец совокупися законным браком, поя девицу избранную, // (л. 80 об.) дочь Федора Аврамовича Лопухина Евдокию Феодоровну.

О Крымском походе. Того ж де лета по указу великих государей ходили на Крым войною воеводы, боярин князь Василей Васильевич Голицын с товарищи, и гетман со многими черкасы, с великим собранием. И пришли под Перекоп маиа в 8 день в 7 часу дни в добром сохранении. И крымской хан со многими силами и с наемными людьми встретили государевы полки за 60 верст до Перекопи. И были великие бои с татары и с самим ханом. И на тех боях побили множество татар и хана с поля сбили в Перекоп. И пришед боярин со всеми силами, и ста в близости Перекопи, и ночевав, поутру отступи прочь со всеми силами, не вемы, чесо ради, кои были по пути городки крымские и турецкие, и их

боярин не велел ничим вредити. А как пошел боярин от Перекопи, и у крымскаго хана и у татар была о том радость велия.

О пожаре. Того ж де года июня в 16 день бысть пожар в Никицком монастыре, и выгоре монастырь и Никицкая улица по Арбат. Тферская, Дмитровка и Петровка по Неглинну, и за Тферскими вороты в Земляном городе по Артемонов приказ и по Козье болото, и за Земляным городом Ямская, за Никицкими, // (л. 81) за Арбацкими и за Пречистенскими вороты в Земляном, и за Земляным городом всякие слободы без остатку погореша.

О казни Щегловитого и о ссылке Голицына. Во 198 (1689) году по указу великих государей в походе у Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре сентября во 12 день казнен Федька Шекловитой главоотсечением, а боярин князь Василей Васильевич Голицын с женою и с детьми сослан в ссылку в Пустоозеро.

О рождении царевича. Того ж де лета февраля в 19 день родися государю царю и великому князю Петру Алексиевичю сын, царевич Алексей Петрович. Тезоименитство его, государя, марта в 17 день. Восприемник бе от святых купели святейший Иоаким патриарх, а крестили его, государя, в Чюдове монастыре.

Преставися Иоаким патриарх. Того ж де году (1690) марта в 17 день преставися раб божий великий государь святейший Иоаким патриарх. И во 18 день изнесен в соборную и апостольскую церковь и погребен честно, а на погребении и на выносе были оба великих государя.

О поставлении Адриана патриарха. Того ж де году августа в 24 день возведен и посвящен на превысочайшую степень патриаршества Адриан митрополит казанский и свияжский.

О преставлении царицы Наталии Кириловны. В лето 7202 (1694) году ианнуария в 25 день в другом часу дни преставися раба Божия, царица и велика княгиня, Алексиа Михайловича супруга, а царя и великого князя Петра Алексиевича мать, благоверная царица и великая княгиня Наталия // (л. 81 об.)

Кириловна. И погребена в Вознесенском девичье монастыре ианнуариа в 26 день.

О преставлении государя царя Иоанна Алексиевича. В лето 7204 (1696) году ианнуариа в 29 день остави земное царство, преселися в вечныя обители благочестивый великий государь царь и великий князь Иоанн Алексиевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец. Царствова 13 лет, 7 месяцев и дней неколико. И погребен в соборной церкви Архистратига Михаила с благочестивыми цари купно¹³⁶.

РГБ. Ф. 29. Собр. И. Д. Беляева №
65/М–1574. Л. 69–81 об.

¹³⁶ Далее в Летописец 1696 г. сделана поздняя приписка о кончине Петра I в 1731 г. (вместо 1725) году, а на 82–82 об. помещены дополнительные статьи: обычная в исторической книжности второй половины XVII в. русская и латинская (в переводе Николая Спафария) надпись в воротах Спасской башни о ее строительстве в 1491 г. и описание паникадила, подаренного в Успенский собор боярином Б. И. Морозовым, с замечанием, что в соборной ризнице хранится утвари и казны на 640.000 руб., а подаренный Никоном колокол весит 8.000 пудов.

Библиография

Архивные источники:

- Архив ЛОИИ (ныне Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН). Русская секция.
Ф. 249. Коллекция Московских актов. Д. 76.
БАН. 16.12.1; 16.14.24; 17.18.25.
ГИМ. Инв. 29175, И–VIII 3760.
ГИМ. Синодальное собр. № 153.
ГИМ. Собр. Е. В. Барсова 1852.
ГИМ. Собр. А. С. Уварова 543.
ГИМ. Собр. Покровского собора № 103799/301.
ИРЛИ. Дрвлекхранилище. Отд. пост. Оп. 23. № 257.
РГАДА. Ф. 179. Комиссия печатания государственных грамот и договоров при МГАМИД № 205.
РГАДА. Ф. 181. Собр. Московского Главного архива Министерства иностранных дел № 20/25; 28/36; 358.
РГАДА. Ф. 187. Собр. Центрального государственного архива литературы и искусства. Оп. 2. № 96а.
РГАДА. Ф. 188. Рукописное собр. РГАДА. Оп. 1. № 2.
РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказный стол. Стлб. 609.
РГБ. Ф. 29. Собр. рукописей И. Д. Беляева № 65/М–1574, 67/М–1676, 68/М–1577.
РГБ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова № 423.
РГБ. Ф. 173. I. Собр. Московской духовной Академии № 201.
РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 8566.7.
РГБ. Ф. 199. Никифоровское собр. № 69.
РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1963 г. № 65. I.
РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева № 259; 364.
РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского № 726.
РГБ. Ф. 344. Собр. П. П. Шибанова № 248/М–6298.
РНБ. Ф. XVII.16.
РНБ. Ф. 728. Собр. Софийской библиотеки № 1378.

Опубликованные источники и литература:

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836.

[*Бартенев П. И.*] Дневные записки И. А. Желябужского (время Феодора Алексеевича и Петра Великого) с предисловием и примечаниями Д. И. Языкова // Русский архив. № 9. М., 1910.

Богданов А. П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М.–Берлин, 2018.

Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1987.

Богданов А. П. К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М. 1983.

Богданов А. П. Келейный сборник епископа Великоустюжского и Тотемского Боголепа Адамова // Исторический журнал: научные исследования. № 2. 2021.

Богданов А. П. Краткие летописцы XVII века в Спасо-Прилуцкой исторической компиляции // *Novogardia*. № 3 (11). 2021 (в печати).

Богданов А. П. Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1991. С. 140-160.

Богданов А. П. Летописец 1696 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. Л., Дмитрий Буланин, 1993. С. 279-281.

Богданов А. П. «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам // *Novogardia*. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2020. № 2 (6). С. 226-253.

Богданов А. П. «Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 21. М., ИМЛИ РАН, 2022 (в печати).

Богданов А. П. «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам // *Novogardia*. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2020. № 3 (7). С. 208-237.

Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники за 1984 г. М., 1984.

Богданов А. П. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Федоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.–Магнитогорск, 2007. *Богданов А. П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. М.–Берлин, 2020.

Богданов А. П. Панегирик царю Федору и Жалованная грамота Московской академии // Каптеревские чтения – 16. Сборник статей. М.–Серпухов, 2018.

Богданов А. П. Редакции Краткого Московского летописца // *Novogardia*. № 4 (8). 2020.

Богданов А. П. Рукописная традиция «Летописца выбором» // Исторический журнал: научные исследования. № 5. 2020.

Богданов А. П. Симонов список «Летописца выбором» // *Quaestio Rossica*. Вып. 9. № 4. 2021.

Богданов А. П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII в. Изд. 2-е, доп. и испр. М.–Берлин, 2019.

Богданов А. П. Рождение Хованщины // Историческое обозрение. М., Историко-просветительное общество «Радетель», 2022 (в печати).

Богданов А. П., Белов Н. В. Хронограф Русский III редакции из 182 глав. Часть 2. Хронографическая редакция патриаршего летописца 1619–1691 гг. // Словесность и история. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2022 (в печати).

Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники за 1976 г. М., 1976.

Викторов А. [Е.] Собрание рукописей И.Д. Беляева. Издано к пятидесятилетию юбилею Румянцевского музея. М., 1881.

Вовина В. Г. Археографический обзор списков Нового летописца // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989.

Вовина В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.

Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976.

Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. Повесть Саввы Есипова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIII. М.–Л., 1957.

Жарков И. А. «Новый летописец» по списку М. А. Оболенского // Летописи и хроники за 1973 г. М., 1974.

Захаров А. В. «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013.

Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. Издано к 50-летию юбилею Румянцевского музея. М., 1881.

[*Либерман А., Шокарев С.*] Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997.

Мильготина Л. З. О редакциях и списках Золотаревского сказания // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.

Оболенский М. А. Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М., 1853.

Очерк деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1877.

Панич Т. В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского: структура и идейная проблематика книги // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014.

Платонов С. Ф. Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913.

Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии / Публ. Н. Л. Львова. Ч. I–IV. СПб., 1798–1799.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Серия I. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830.

Полное собрание русских летописей. Т. XIV. СПб., 1910.

Полное собрание русских летописей. Т. 31. М., 1968.

Прозоровский А. А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 4. Отд. 2. 1894

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / Публ. Археографической комиссии, сост. А. Труворов. Т. IV. СПб., 1893.

Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990.

Сиренов А. В. Династический кризис рубежа XVI–XVII вв. в России и Степенная книга // Cahiers du monde russe. Vol. 50/2–3. 2009.

Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.–СПб., 2010.

Слово на Никиту Пустосвята. М., [1682].

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. IV. М., 1826.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007.

Черепнин Л. В. «Смута» и историография века. (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. Т. 14. М., 1945.

Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и житии святейшего Никона, патриарха московского и всея России, написанное клириком его. М., 1908.

Шушерин И. Краткое известие о рождении, воспитании и житии Никона, патриарха Московского и всея Руси. М., 1872.

[*Языков Д. И.*] Дневные записки И. А. Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.

Сведения об авторе

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института Российской истории РАН, г. Москва (Россия). Область научных интересов: история России XVII в.
E-mail: culture_iri@mail.ru

A. P. Bogdanov

**BELYAEVSKY CHRONICLER OF 1696
IN THE COLLECTION OF THE STEPENNAYA BOOK WITH THE NEW CHRONICLER
FOR 130 CHAPTERS**

Annotation: The research and scientific publication of the Chronicler of 1696 text from the collection of I. D. Belyaev for the first time fully introduces the reader to another remarkable original monument of a brief all-Russian chronicle. The work was written by a Moscow scribe mainly between 1681 and 1690 and then continued in separate entries until 1696. It was a continuation of the most interesting historical code from the Stepennaya Book with a New chronicler, which is still awaiting in-depth study. The author used in the text his own memoirs, chronicles, Peter Zolotarev's "Legend" about the Razin uprising and a Retort against the Khovansky princes, composing a very original essay on the Russian history of the XVII century. It, as shown in the study, echoes other chronicle writings and notes from the time of Princess Sophia and the young Peter I, but it contains a lot of unique information and gives its own, author's view of events.

Keywords: The Russian Chronicle, the Chronicler by choice, the brief Moscow Chronicler, the Legend of Zolotarev, the brief Contemplation, the Notes of Zhelyabuzhsky, denunciation on Khovanskys.

References

Archival sources:

- LOII Archive (now the Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences). Russian section. F. 249. Collection of Moscow Acts. D. 76.
BAN. 16.12.1; 16.14.24; 17.18.25.
GIM. Inv. 29175, I–VIII 3760.
GIM. Synodal coll. No. 153.
GIM. Coll. of E. V. Barsova 1852.
GIM. Coll. of A. S. Uvarov 543.
GIM. Coll. of Pokrovsky Cathedral No. 103799/301.
IRLI. The ancient repository. Ed. post. Op. 23. No. 257.
RGADA. F. 179. The Commission for printing state certificates and Contracts at MGAMID No. 205.
RGADA. F. 181. Coll. of the Ministry of Foreign Affairs Moscow Main Archive No. 20/25; 28/36;
358.
RGADA. F. 187. Coll. of the Central State Archive of Literature and Art. Op. 2. No. 96a.
RGADA. F. 188. Handwritten collection of RGADA. Op. 1. No. 2.
RGADA. F. 210. Razryadnyi prikaz. The command desk. Stlb. 609.
RGB. F. 29. Collection of manuscripts by I. D. Belyaev No. 65/M–1574, 67/M–1676, 68/M–1577.
RGB. F. 37. Coll. of T. F. Bolshakov No. 423.
RGB. F. 173.I. Coll. of Moscow Theological Academy No. 201.
RGB. F. 178. Museum coll. No. 8566.7.
RGB. F. 199. Nikiforovskoe coll. No. 69.
RGB. F. 218. Coll. of the Department of Manuscripts. Post. 1963 No. 65.I.

RGB. F. 256. Coll. of N. P. Rumyantsev No. 259; 364.

RGB. F. 310. Coll. of V. M. Undolsky No. 726.

RGB. F. 344. Coll. of P. P. Shibanov No. 248/M–6298.

RNB. F. XVII.16.

RNB. F. 728. Coll. of Sofia Library No. 1378.

Published sources and researches:

Akty, sobrannye v bibliotekakh i arhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsieyu imperatorskoi Akademii nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. IV. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii. 1836. 654 p. (In Russian)

[*Bartenev P. I.*] Dnevnye zapiski I. A. Zhelyabuzhskogo (vremya Feodora Alekseevicha i Petra Velikogo) s predisloviem i primechaniyami D. I. Yazykova [Day notes of I. A. Zhelyabuzhsky (the time of Feodor Alekseevich and Peter the Great) with a preface and notes by D. I. Yazykov]. Russkii arkhiv. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. 1910. No. 9. P. 5-154. (In Russian)

Bogdanov A. P. Idei russkoi publitsistiki: mezhdru tsarstvom i imperiei [Ideas of Russian journalism: between the Kingdom and the Empire]. Moscow–Berlin, Direkt-Media, 2018. 482 p. (In Russian)

Bogdanov A. P. K voprosu ob avtorstve “Sozertsaniya kratkogo let 7190, 91 i 92, v nikh zhe chto sodeyasya vo grazhdanstve [On the question of authorship of “Brief contemplation on the years 7190, 91 and 92, and on what was done in citizenship”]. Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda: ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta istorii SSSR AN SSSR. Moscow, 1987. P. 114-146. (In Russian)

Bogdanov A. P. K istorii teksta “Sozertsaniya kratkogo” [On the history of the text “Brief Contemplation”]. Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR XIII–XVIII vv.: ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta istorii SSSR AN SSSR. Moscow, 1983. (In Russian)

Bogdanov A. P. Keleinyi sbornik episkopa Velikoustyuzhskogo i Totemskogo Bogolepa Adamova [Private handwritten collection of Bishop of Veliky Ustyug and Totma Bogolep Adamov]. Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2021. No. 2. P. 130-147. (In Russian)

Bogdanov A. P. Kratkie letopistsy XVII veka v Spaso-Prilutskoi istoricheskoi kompilyatsii [Brief chronicists of the XVII century in Spaso-Prilutskaya historical compilation]. Novogardia. Mezhdunarodnyi zhurnal po istorii i istoricheskoi geografii Srednevekovoii Rusi. 2021 (in print). (In Russian)

Bogdanov A. P. Kratkii Moskovskii letopisets [The short Moscow chronicler]. Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda: ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta istorii SSSR AN SSSR. Moscow, 1991. (In Russian)

Bogdanov A. P. Letopisets 1696 g. [The Chronicler of 1696]. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Iss. 3 (XVII v.). Part 2. I–O. Leningrad, Dmitriy Bulanin, 1993. (In Russian)

Bogdanov A. P. “Letopisets vyborom” po Arkhivnomu i Blagoveshchenskomu spiskam [“The Chronicler by choice” according to the Archive and Annunciation lists]. Novogardia. Mezhdunarodnyi zhurnal po istorii i istoricheskoi geografii Srednevekovoii Rusi. 2020. No 2 (6). (In Russian).

Bogdanov A. P. “Letopisets vyborom” po spisku Simona Azar'ina: Kratkii letopisets v literaturno-publitsisticheskoi zhizni serediny XVII v. [“The Chronicler by choice” according to the list of Simon Azaryin: A short chronicler in the literary and journalistic life of the middle of the 17th century]. Germenevtika drevnerusskoi literatury. Iss. 21. Moscow, IMLI RAN, 2022 (in print). (In Russian)

Bogdanov A. P. “Letopisets vyborom” po Yaroslavskomu i Pskovskim spiskam [“The Chronicler by choice” according to the Yaroslavl and Pskov lists]. Novogardia. Mezhdunarodnyi zhurnal po istorii i istoricheskoi geografii Srednevekovoii Rusi. 2020. No. 3 (7). (In Russian).

Bogdanov A. P. Nachalo Moskovskogo vosstaniya 1682 g. v sovremennykh letopisnykh sochineniyakh [The beginning of the Moscow uprising of 1682 in the chronicles of that time]. Letopisi i khroniki za 1984 g. Moscow, 1984. (In Russian).

Bogdanov A. P. Obshchestvennoe mnenie i vneshnyaya politika Rossii pri tsare Fedore i kantslere Golitsyne [Public opinion and Foreign policy of Russia under Tsar Fedor and Chancellor Golitsyn]. Problemy rossiiskoi istorii. Iss. VIII. Moscow–Magnitogorsk, 2007. (In Russian).

Bogdanov A. P. Ot letopisaniya k issledovaniyu: Russkie istoriki poslednei chetverti XVII veka [From chronicle writing to research: Russian historians of the last quarter of the 17th century]. 2nd edit., revised and expand. Moscow–Berlin, Direkt-Media, 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Panegirik tsaryu Fedoru i Zhalovannaya gramota Moskovskoi akademii [Panegyric to Tsar Fedor and the tsars privilege for the Moscow Academy]. Kapterevskie chteniya – 16. Sbornik statei. Moscow–Serpuukhov, 2018. (In Russian)

Bogdanov A. P. Redaktsii Kratkogo Moskovskogo letopistsa [The revisions of the Short Moscow Chronicler]. Novogardia. Mezhdunarodnyi zhurnal po istorii i istoricheskoi geografii Srednevekovoii Rusi. 2020. No. 4 (8). (In Russian)

Bogdanov A. P. Rozhdenie Khovanshchiny [The Birth of Khovanshchina]. Istoricheskoe obozrenie. Moscow, Istoriko-prosvetitel'noe obshchestvo “Radetel”, 2022 (in print). (In Russian)

Bogdanov A. P. Rukopisnaya traditsiya “Letopistsa vyborom” [The handwritten tradition of the Chronicler by choice]. Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2020. No. 5. (In Russian).

Bogdanov A. P. Simonov spisok “Letopistsa vyborom” [Simonov list of the “Chronicler by choice”]. Quaestio Rossica. 2021. Iss. 9. 2021. № 4. (In Russian)

Bogdanov A. P. Stikh i obraz izmenyayushcheisya Rossii: poslednyaya chetvert' XVII – nachalo XVIII v. [Verse and the image of a changing Russia: the last quarter of the XVII – beginning of the XVIII century]. 2nd edit., revised and expand. Moscow–Berlin, 2019. (In Russian).

Bogdanov A. P., Belov N. V. Khronograf Russkii III redaktsii iz 182 glav. Part 2. Khronograficheskaya redaktsiya patriarshego letopistsa 1619–1691 gg. [Russian Chronograph of the third edition consisting of 182 chapters. Part 2. Chronographic edition of the Patriarchal Chronicler of 1619–1691]. Slovesnost' i istoriya. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN. St. Petersburg, 2022 (in print). (In Russian)

Buganov V. I. Kratkii Moskovskii letopisets kontsa XVII v. iz Ivanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Short Moscow chronicler of the late 17th century from the Ivanovo Regional Museum of Local Lore]. Letopisi i khroniki za 1976 g. Moscow 1976. (In Russian)

Viktorov A. [E.] Sobranie rukopisei I. D. Belyaeva. Izdano k pyatidesyatiletнему yubileyu Rumyantsevskogo muzeya [Collection of I. D. Belyaev's manuscripts. Published for the fiftieth anniversary of the Rumyantsev Museum]. Moscow, 1881. (In Russian).

Vovina V. G. Arkheograficheskii obzor spiskov Novogo letopistsa [Archaeographic review of the lists of the New Chronicler]. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Vol. XX. Leningrad, 1989. (In Russian)

Vovina V. G. Novyi letopisets: istoriya teksta [The New Chronicler: the history of the text]. St. Petersburg, 2004. (In Russian)

Vosstanie v Moskve 1682 g. Sbornik dokumentov [The uprising in Moscow in 1682. Collection of documents]. Moscow, 1976. (In Russian)

Dvoretzkaya N. A. Arkheograficheskii obzor spiskov povestei o pokhode Ermaka. Povest' Savvy Esipova [Archaeographic review of the lists of stories about Ermak's campaign. The story of Savva Esipov]. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Vol. XIII. Moscow–Leningrad, 1957. (In Russian).

Zharkov I. A. “Novyi letopisets” po spisku M. A. Obolenskogo [“The New Chronicler” according to the list of M. A. Obolensky]. Letopisi i khroniki za 1973 g. Moscow, 1974. (In Russian).

Zakharov A. V. “Gosudarev dvor” i “tsaredvortsy” Petra I: problemy terminologii i rekonstruktsii sluzhby [“The Sovereign's court” and “courtiers’ of Peter I: problems of terminology and reconstruction of the service]. Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750). Moscow, 2013. (In Russian).

Lebedev D. Sobranie istoriko-yuridicheskikh aktov I. D. Belyaeva. Izdano k 50-letnemu yubileyu Rumyantsevskogo muzeya [Collection of historical and legal acts of I. D. Belyaev. Published for the 50th anniversary of the Rumyantsev Museum]. Moscow, 1881. (In Russian).

[*Lieberman A., Shokarev S.*] Zhelyabuzhskii I.A. Dnevnye zapiski [Diary notes]. Rozhdenie imperii. Moscow, 1997. (In Russian).

Mil'gotina L. Z. O redaktsiyakh i spiskakh Zolotarevskogo skazaniya [About the editions and lists of the Zolotarevsky legend]. Letopisi i khroniki. 1973 g. Moscow, 1974. (In Russian).

Obolenskii M. A. Novyi letopisets, sostavlenniy v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha. Izdan po spisku knyazya Obolenskogo [The New Chronicler, compiled in the reign of Mikhail Fedorovich. Published according to the list of Prince Obolensky]. Moscow, 1853. (In Russian).

Ocherk deyatel'nosti Komissii pechataniya gramot i dogovorov, sostoyashchei pri Moskovskom glavnom arkhive Ministerstva inostrannykh del [An outline of the activities of the Commission for the Printing of Letters and Contracts, which is attached to the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Moscow, 1877. (In Russian).

Panich T. V. “Uvet dukhovnyi” Afanasiya Kholmogorskogo: struktura i ideinaya problematika knigi [“Spiritual exhortation” by Afanasy Kholmogorsky: the structure and ideological problems of the book]. Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Novosibirsk, 2014. (In Russian).

Platonov S. F. Drevnerusskie povesti i skazaniya o Smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskii istochnik [Old Russian stories and tales about the Time of Troubles of the XVII century as a historical source]. St. Petersburg, 1913. (In Russian).

Podrobnaya letopis' ot nachala Rossii do Poltavskoi batalii [The detailed chronicle from the beginning of Russia to the Battle of Poltava]. Publ. by N. L. L'vov. St. Petersburg, publ. house of I. K. Shnor, 1798–1799. Parts I–IV (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire] Ser. I. Vol. II. 1676–1688. St. Petersburg, 1830. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XIV. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 31. Moscow, 1968. (In Russian).

Prozorovskii A. A. Sil'vestra Medvedeva “Sozertsanie kratkoe let 7190, 91 i 92, v nikh zhe chto sodeyasya vo grazhdanstve” [Prozorovsky A. A. Sylvester Medvedev “The brief contemplation of the years 7190, 91 and 92, and what was done in citizenship”]. Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh, 1894. Kn. 4. Otd. 2. (In Russian)

Rozysknye dela o Fedore Shaklovitom i ego soobshchnikah [Search cases about Fyodor Shaklovit and his accomplices]. Publ. by Arheograficheskaya komissiya, comp. A. Truvorov. Vol. IV. St. Petersburg, 1893. (In Russian).

Rossiya pri tsarevne Sof'e i Petre I. Zapiski russkikh lyudei [Russia under Tsarevna Sophia and Peter I: Notes of Russian People]. Comp., introd. art., comments and edit. Byt A. P. Bogdanov. Moscow, 1990. (In Russian)

Sirenov A. V. Dinasticheskii krizis rubezha XVI–XVII vv. v Rossii i Stepennaya kniga [The dynastic crisis of the turn of the XVI–XVII centuries in Russia and the Stepennaya Book]. Cahiers du monde russe. Vol. 50/2–3. 2009.. (In Russian)

Sirenov A. V. Stepennaya kniga: istoriya teksta [The Stepennaya Book: history of the text]. Moscow, 2007. (In Russian)

Sirenov A. V. Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv. [The Stepennaya Book: Russian historical thought on XVI–XVIII centuries] Moscow–St. Petersburg, 2010. (In Russian).

Slovo na Nikitu Pustosvyata [The sermon against Nikita Pustosvyat]. Moscow, Pechatnyi dvor [1682]. (In Russian).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del [Collection of state charters and contracts stored in the State Board of Foreign Affairs]. Parts IV. Moscow, 1826. (In Russian)

Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam [The Stepennaya Book of the royal genealogy according to the most ancient lists]. Vol. 1. Moscow, 2007. (In Russian)

Cherepnin L. V. “Smuta” i istoriografiya veka (Iz istorii drevnerusskogo letopisaniya) [“The Troubles” and the historiography of the century (From the history of the Old Russian chronicle)]. *Istoricheskie zapiski*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945. Vol. 14. (In Russian).

Shusherin I. Izvestie o rozhdenii i vospitanii i zhitii svyateishego Nikona, patriarkha moskovskogo i vseya Rossii, napisannoe klirikom ego [News about the birth and upbringing and life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia, written by his cleric]. Moscow, 1908. (In Russian).

Shusherin I. Kratkoe izvestie o rozhdenii, vospitanii i zhitii Nikona, patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi [Brief news about the birth, upbringing and life of Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia]. Moscow, 1872. (In Russian)

[*Yazykov D. I.*] Dnevnye zapiski I. A. Zhelyabuzhskogo s 1682 po 2 iyulya 1709 g. [Daily notes of I. A. Zhelyabuzhsky from 1682 to July 2, 1709]. St. Petersburg, 1840. (In Russian).

About the author

Bogdanov Andrey P., Doctor of History, Leading Employee of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: culture_iri@mail.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	– Библиотека Академии наук
БГ	– Баварский географ
ГИМ	– Государственный исторический музей
КП	– Книга Посольская метрики Великого-Княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа. (С 1545 по 1572 год)
ИРЛИ	– Институт русской литературы
НА НИИ	– Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
ГН	
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ	– Российская государственная библиотека
РК	– Разрядная книга
РК-98	– Разрядная книга 1475-1598 гг.
РК-05	– Разрядная книга 1475-1605 гг.
РНБ	– Российская национальная библиотека
Сб. РИО	– Сборник Императорского Русского исторического общества
СПб ИИ	– Санкт-Петербургский Институт истории РАН
РАН	